

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
МИНИСТЕРСТВО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПЕРМСКОГО КРАЯ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

*Посвящается 55-летию экономического факультета ПГНИУ
и высшего экономического образования на Западном Урале*

НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И УМНАЯ ЭКОНОМИКА: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Материалы Пермского конгресса ученых-экономистов

(г. Пермь, ПГНИУ, 12 февраля 2015 г.)

Том 1

Пермь 2015

УДК 338
ББК 65.9
Н 78

Н 78 **Новая** индустриализация и умная экономика: вызовы и возможности: материалы
Пермского конгресса ученых-экономистов (г. Пермь, ПГНИУ, 12 февраля 2015 г.): в 2 т.
/ Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2015. – Т. 1. – 229 с.: ил.

ISBN 978-5-7944-2511-6 (Т. 1)
ISBN 978-5-7944-2510-9

Настоящий сборник, **входящий в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)**, включает материалы, представленные участниками конференции для обсуждения.

Публикуемые статьи отражают актуальные проблемы формирования перспективных направлений социально-экономического развития РФ и её субъектов, в частности Пермского края, в условиях поиска новых источников экономического роста, не связанных с сырьевой экономикой.

Сборник адресован представителям науки, бизнеса, органов власти и специалистам, занимающимся вопросами новой экономики, разработки и реализации региональной промышленной политики, нацеленной на ускорение перехода российской экономики на инновационный путь развития.

**УДК 338
ББК 65.9**

*Печатается по решению ученого совета экономического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Андрианов Д.Л., д.ф.-м.н., генеральный директор ЗАО «Прогноз»,
зав. каф. информационных систем и математических методов в экономике ПГНИУ;
Губанов С.С., д.э.н., профессор МГУ, главный редактор журнала «Экономист»;
Красильников Д.Г., д.п.н., проф., проректор по стратегическому развитию, экономике и правовым вопросам ПГНИУ;
Макарихин И.Ю., д.ф.-м.н., ректор Пермского государственного национального исследовательского университета;
Миролюбова Т.В., д.э.н., профессор, декан экономического факультета ПГНИУ, гл. редактор;
Морозов Л.Ю., министр экономического развития Пермского края;
Паммингер Вернер, член Совета директоров ТСИ (Австрия).
Рязанов В.Т., д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории СПбГУ;
Татаркин А.И., д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик РАН,
директор Института экономики УрО РАН;
Сухарев О.С., д.э.н., профессор, зав. сектором Институционального анализа экономической динамики
Института экономики РАН;

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Бячков А.Б., к.ф.-м.н., зам. зав. каф. информационных систем и математических методов в экономике ПГНИУ;
Катаева Ю.В., к.э.н., зам. зав. каф. мировой и региональной экономики, экономической теории;
Молчанова М.Ю., к.э.н., зав. каф. финансов кредита и биржевого дела ПГНИУ;
Новикова К.В., д.э.н., профессор, зав. каф. маркетинга ПГНИУ;
Ощепков А.М., к.э.н., руководитель проекта «Наука» экономического факультета ПГНИУ; зам. гл. редактора;
Прудский В. Г., д.э.н., проф., зав. каф. менеджмента ПГНИУ;
Руденко М.Н., к.э.н., зав. каф. предпринимательства и экономической безопасности ПГНИУ;
Шешукова Т.Г., д.э.н., профессор, зав. каф. учёта, аудита и экономического анализа ПГНИУ;
Технический редактор А.Д. Шарафеева

*Оргкомитет конгресса выражает глубокую признательность за организационную
и финансовую поддержку ЗАО «ПРОГНОЗ», ООО «Пермская финансово-производственная группа»,
компания ТСИ (Австрия), Министерству экономического развития Пермского края,
Министерству образования и науки Пермского края*

ISBN 978-5-7944-2511-6 (Т. 1)
ISBN 978-5-7944-2510-9

© Пермский государственный национальный
исследовательский университет, 2015

Содержание

СЕКЦИЯ 1. СИСТЕМНЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ НОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аликина Е.Б., Лепихин В.В., Лепихин К.В. <i>МОДЕРНИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ОСНОВЕ ЭКОЛОГИЗАЦИИ</i>	6
Андреева Е.Л. <i>СВЯЗЬ НАУКИ И ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ НЕОИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ</i>	11
Андреева Е.Л., Глухих П.Л. <i>ИНСТИТУТЫ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ЛАВИРОВАНИЕ МЕЖДУ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВОМ В СФЕРЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ И ИНТЕРЕСАМИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ</i>	15
Артемьев Д.Г., Гергерт Д.В. <i>КОРПОРАТИВНАЯ ИННОВАЦИОННАЯ СИСТЕМА КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ ЭЛЕМЕНТ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИКИ</i>	20
Бочкарев А.М. <i>ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ ХОЗЯЙСТВУЮЩЕГО СУБЪЕКТА</i>	26
Буторина О.В. <i>ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ РЕКУРРЕНТНОГО ПОДХОДА ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ СОВРЕМЕННЫХ ЦИКЛИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ</i>	29
Гершанок А.А. <i>РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА 2.0: РЕАЛЬНАЯ ПЕРЕЗАГРУЗКА 2015 ИЛИ...? ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОТКАЗА ОТ СЫРЬЕВОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ</i>	34
Доможирова К.В., Сажин В.Э. <i>ОСНОВНЫЕ БИЗНЕС-ПРОЦЕССЫ ЛЕСОПЕРЕРАБОТКИ</i>	43
Дорошенко С.В., Топоркова А.Д. <i>ВЛИЯНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ АКТИВНОСТЬ В РЕГИОНАХ</i>	47
Дрошнев В.В. <i>ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ В УПРАВЛЕНИИ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКОЙ</i>	52
Киченко Л.П., Гатауллина К.Р. <i>МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ МАРКЕТИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕФТЕГАЗОВЫХ КОМПАНИЙ</i>	58
Коровин Г.Б. <i>ИНСТИТУТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ</i>	65
Луканина Ю.Р., Алимуратов А.К., Тычков А.Ю. <i>РОЛЬ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТРАНЫ</i>	70
Мерзлов И.Ю. <i>РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ</i>	73
Паздникова Н.П. <i>ЦЕЛЕВОЙ КАПИТАЛ КАК НОВЫЙ МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕГИОНЕ</i>	77
Прудский В.Г., Ощепков А.М. <i>РАЗВИТИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ОСНОВ КОНКУРЕНТНОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНА</i>	82
Руденко М.Н. <i>ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ СТРАТЕГИЙ ПОВЫШЕНИЯ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ БИЗНЕС-СУБЪЕКТОВ В СЕТИ</i>	86
Рябов В.Н., Тычкова А.Н. <i>ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ СИСТЕМЫ КАЧЕСТВА НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ</i>	91
Степанова В.М., Насибулин А.В., Бутырин Д.В. <i>АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ</i>	94
Шипицына С.Е. <i>ДЕКОМПОЗИЦИОННО-ИЕРАРХИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ОЦЕНКЕ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ</i>	99

Шляпина Т.В., Шляпина М.В. <i>СОДЕЙСТВИЕ ПРОЦЕССУ ОБЪЕДИНЕНИЯ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ И ГРАЖДАН ДЛЯ УЧАСТИЯ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНА</i>	105
Юшкова М.К., Меньщикова А.Ф. <i>СТРАТЕГИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ В ЭНЕРГОСБЕРЕЖЕНИИ</i>	111

СЕКЦИЯ 2. РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И КЛАСТЕРНЫЙ ПОДХОД

Акбердина В.В. <i>ОСОБЕННОСТИ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ</i>	116
Андреева Е.Л., Ратнер А.В. <i>СОТРУДНИЧЕСТВО СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ С РЕГИОНАМИ СТРАН ЕВРАЗЭС: ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ</i>	121
Ахметова М.И., Семенова Е.В. <i>ОЦЕНКА ВЗАИМОВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ИННОВАЦИОННОЙ СРЕДЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА</i>	126
Дивненко З.А., Юдина Е.С. <i>ПРИМЕНЕНИЕ КЛАСТЕРНОГО ПОДХОДА В МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕГО ФАКТОРА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ</i>	133
Дорошенко С.В., Соломатин Я.И. <i>МОЛОДЕЖЬ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА: РЕЗУЛЬТАТЫ САМООЦЕНКИ</i>	137
Клименков Г.В., Широковских Е.Г., Вавилова М.С. <i>ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ ...</i>	142
Климов Д.В. <i>НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ</i>	152
Кутергина Г.В., Иванова О.Г. <i>НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОНИТОРИНГА РЕГИОНАЛЬНОГО НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА</i>	158
Макарова Н.М. <i>МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗМЕРЕНИЮ И ОЦЕНКЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ</i>	165
Макарова И.В., Петров А.А. <i>НОВЫЕ ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА ИНДУСТРИАЛЬНОГО РЕГИОНА</i>	169
Мишарин Ю.В., Щеглов Е.В. <i>ПЕРСПЕКТИВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И БИЗНЕС-ИНИЦИАТИВ В СФЕРЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ</i>	173
Ноженко Д.Ю. <i>ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА КАК ИНСТРУМЕНТ ФИНАНСОВОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО МЕНЕДЖМЕНТА</i>	180
Патрушева С.Б. <i>СПЕЦИФИКА ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ</i>	185
Прокин В.В., Анисимова Е.Л. <i>ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДПОСЫЛОК ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ КЛАСТЕРОВ</i>	188
Пьянков В.В., Кельбах Е.И. <i>МАРКЕТИНГ ТЕРРИТОРИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА</i>	193
Руденко М.Н., Воронина А.Г. <i>МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОСТРОЕНИЮ СИСТЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА</i>	196
Сергеева А.С. <i>РАЗРАБОТКА СОВОКУПНОСТИ МОДЕЛЕЙ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ РЕГИОНА И СОГЛАСОВАНИЯ ИХ РЕЗУЛЬТАТОВ</i>	203

Станишевская С.П., Якупова И.Н. <i>ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА АСИММЕТРИИ ИНФОРМАЦИИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ РЫНКЕ ТРУДА</i>	211
Суханова П.А. <i>КЛАСТЕРНЫЙ КОМПОНЕНТ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ</i>	215
Третьякова Е.А., Осипова М.Ю. <i>МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОЦЕНКИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ</i>	224

СЕКЦИЯ 1. СИСТЕМНЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ НОВОЙ ЭКОНОМИКИ

УДК 338:502.3
ББК 65.28

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ОСНОВЕ ЭКОЛОГИЗАЦИИ

Е.Б. Аликина, канд. экон. наук, доц., зав. кафедрой экономики,

Электронный адрес: alikina@pspu.ru

Пермский государственный гуманитарно- педагогический университет, 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24

В.В. Лепихин, асс. (соискатель) кафедры экономики и финансов,

Электронный адрес: v-pstu@yandex.ru

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 614990, г. Пермь, Комсомольский пр-кт, 29

К.В. Лепихин, ст. преп. кафедры экономики,

Электронный адрес: pem.kirill@gmail.com

Пермский государственный гуманитарно- педагогический университет, 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24

Статья посвящена исследованию процессов экологизации современных экономических систем. В ней рассматривается роль экологического фактора в модернизации современного производства. На примере ряда территорий Пермского края проведён анализ основных показателей, характеризующих экологическую деятельность предприятий. Рассмотрена динамика инвестиций в основной капитал, направляемых на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов.

Ключевые слова: экологическая устойчивость, экологизация, экореструктуризацию и экологическую модернизацию производства, инвестиции в охрану окружающей среды.

В современных условиях экологические факторы во многом определяют направления модернизации производственной деятельности[4].

Анализ инноваций экологически-устойчивого развития в контексте международного опыта является достаточно актуальной темой современных исследований, так как выход на зарубежные рынки, где предъявляются повышенные требования как к продукции, так и к уровню технологий, требует от бизнеса больших усилий и затрат на экологизацию производств и снижение негативного воздействия на окружающую среду.

В зарубежных и отечественных исследованиях и публикациях вопросам взаимодействия экологии и бизнеса уделяется большое внимание. В работах М. Портера впервые обозначена роль экологичности товаров и услуг как фактора конкурентоспособности международных компаний [1]. Экологическими инновациями в российской науке занимаются П.В. Березовский., М.Ш. Баркан, О.У. Ибатуллин, В.Г. Калыгин, Г.В. Матвиенко, Н.В. Пахомова, К.К.Рихтер, О.С. Сухарев, О.И. Сергиенко, Н.Н. Лукьянчиков, И.М. Потравный и другие.

Начиная со второй половины 90-х гг. XX в., в зарубежной практике хозяйствования экологическая активность компаний стала оцениваться как ключевой фактор обеспечения их прибыльности, а экологические мероприятия – как фактор, обеспечивающий рост их капитализации.

Экологическое законодательство в передовых зарубежных странах переходит к технологическому нормированию допустимых качеств поступления в окружающую среду загрязняющих веществ на каждую единицу определённых видов выпускаемой товарной продукции. Таким образом, создается основа регулирования техногенных нагрузок на среду обитания с использованием принципа наиболее эффективных технологий производственных процессов, установок и режимов их эксплуатации [4].

Эта новая стратегия, используемая как базовая в экологизации производств, получила известность и признание в Европе как Best Available Technology (BAT). В отличие от традиционно репрессивных способов регулирования экологической деятельности предприятий, оцениваемой «на конце трубы» с применением весьма условных показателей ПДК, ПДВ и ПДС, современная экологическая парадигма предусматривает предупреждение экологических нарушений, а не нейтрализацию их последствий. Таким образом, эта идеология становится инструментом инновационного развития, способного обеспечить переход к «зелёной экономике».

Для эффективного развития инновационной деятельности необходима интеграция усилий государственной власти, научной общественности и предпринимательских структур. Опыт таких передовых в технологическом отношении стран, как США и Япония, свидетельствует, о том, что при становлении инновационной экономики без государственного протекционизма не обойтись. Роль государства при этом заключается (помимо собственно государственного заказа в наиболее значимых для самого государства областях) в создании соответствующей нормативно-правовой базы (включающей предоставление льготных условий налогообложения, кредитования) и содействии развитию инфраструктуры поддержки инновационной деятельности (венчурных инновационных фондов, технопарков, бизнес - инкубаторов в сфере высоких технологий и т.п.)[3].

В зарубежных странах регулярно осуществляется экологизация национальных научно-технических программ. В Японии, Германии, Голландии, Италии, Канаде, Франции, Великобритании, Норвегии разработаны государственные программы, направленные на создание экологически важных технологий. Основное направление работ связано с глобальным потеплением и альтернативными источниками энергии. В Германии действует Программа эко - технологий Министерства исследований и технологий. В Голландии создана организация по технологическим исследованиям и передаче технологий, в которой эко - технологии занимают около 10% проектов. В Италии образован Фонд технологических инноваций, где 5% средств используется на эко-технологии. В Канаде действует Программа "Технологии для экологических решений". Во многих странах эко - технологии вписываются в существующие научно-технические программы. В развитых странах производство экологической техники и технологий является одним из самых доходных, поэтому экологический рынок активно развивается. Примерно 40% мирового рынка экологической продукции и услуг в середине 1990-х гг. XX в. удерживалось в США[5]. Американские фирмы производят очистную технику, создают экологически чистые потребительские товары: натуральные продукты питания, безвредные краски и т.д. Производство такой продукции считается престижным и прибыльным, а фирмы тем самым создают себе рекламу и благоприятный имидж на рынке. Экологические параметры продукта влияют на конкурентоспособность фирмы, как на внутреннем, так и на мировом рынке.

К мерам предупредительного характера можно отнести экореструктуризацию и экологическую модернизацию производства.

Экореструктуризация (экоструктурная перестройка) экономики предполагает сдерживание развития отраслей промышленности, продукция и технологические процессы которых являются основными источниками загрязнения, энергоёмки, отличаются использованием дефицитных, невозобновимых ресурсов или производством особо опасных отходов[2]. Экологическая реструктуризация предусматривает перестройку отраслевой структуры в результате снижения спроса на продукцию "грязных" производств или путем модернизации фирм - потребителей этой продукции. Экореструктуризация находит свое отражение в виде снижения расходов сырья и материалов на единицу ВВП.

Экологическая модернизация связана с изменением технологической базы производства, что характеризуется сокращением расхода энергии, воды и других ресурсов на единицу производимой продукции. Одним из показателей экологической модернизации производства является степень развития рециклирования (повторного использования ресурса после его обработки). Рециклирование позволяет снизить вредное воздействие на окружающую среду без сокращения сырьевых возможностей страны.

Экологическая реструктуризация и экологическая модернизация являются элементами экологизации современного промышленного производства. Исследованию проблем экологизации в современной науке уделяется достаточно большое внимание. С.В. Прокопенков под экологизацией промышленности понимает комплекс правовых, управленческих, технико-технологических и других мероприятий, способствующий устойчивому развитию эколого-социально-экономической системы. Под

устойчивым развитием подразумевается процесс изменений, в котором эксплуатация природных ресурсов, направление инвестиций, ориентации научно-технического развития, развитие личности и институциональные изменения согласованы друг с другом и укрепляют нынешний и будущий потенциал для удовлетворения человеческих потребностей и устремлений. В настоящее время экологизация промышленности преимущественно осуществляется экстенсивно (путем очистки выбросов и сбросов), а не путем их предотвращения. Поэтому развитие малоотходных и ресурсосберегающих технологий является важным направлением экологизации экономического развития [6, с. 64-68]. Рассмотрим на примере промышленных предприятий Пермского края процессы экологизации производства. Для анализа процессов экологизации были использованы статистические показатели [7].

В таблицах 1 и 2 даны выбросы в атмосферу загрязняющих веществ в тоннах и в процентном отношении к общему количеству вредных веществ вырабатываемых предприятиями.

Таблица 1

Выбросы в атмосферу загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, по муниципальным образованиям Пермского края (тонн)

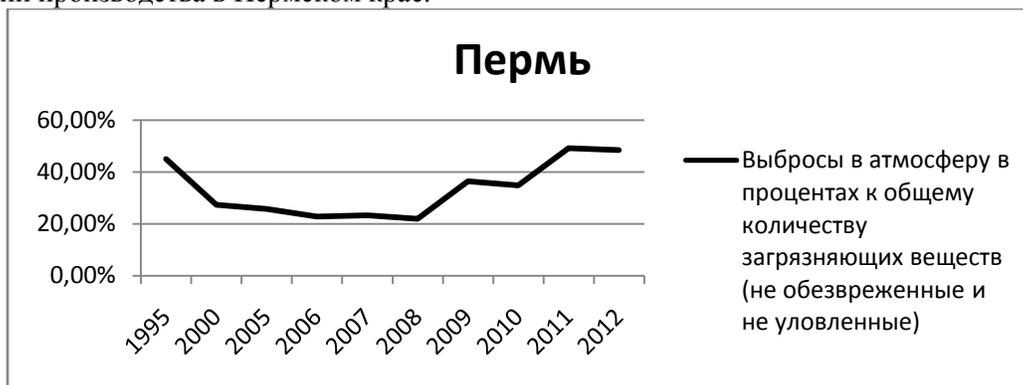
	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Всего	557543	560809	448146	431130	395283	375268	321866	324615	375162	343655
Городские округа:										
Пермь	73363	47905	35579	34432	34976	33036	33090	33143	34077	35131
Березники	17794	16570	15786	15608	16375	17801	16004	14098	15869	17625
Губаха	7738	4692	9526	8470	5968	7203	5583	6097	6593	5058
Кунгур	20848	29059	18289	10706	4365	10244	7707	8783	11375	1627
Лысьва	2614	2491	7774	8317	9308	14304	8061	5610	10823	7435
Соликамск	13543	8907	6212	7029	5604	5967	5159	6080	5876	5811

Таблица 2

Выбросы в атмосферу в процентах к общему количеству загрязняющих веществ (не обезвреженные и не уловленные)

	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Всего	17,50%	26,55%	18,04%	19,38%	14,48%	16,51%	28,61%	21,35%	22,61%	27,31%
По округам:										
Пермь	44,97%	27,34%	25,73%	22,78%	23,23%	21,87%	36,35%	34,76%	49,20%	48,47%
Березники	1,26%	1,78%	1,15%	1,43%	1,38%	2,09%	5,62%	1,90%	2,18%	5,03%
Губаха	8,77%	93,24%	42,66%	45,64%	17,46%	35,15%	42,48%	33,86%	34,68%	32,44%
Кунгур	94,88%	96,28%	92,94%	88,62%	1,20%	2,93%	4,87%	11,08%	9,73%	2,45%
Лысьва	69,37%	82,08%	85,73%	91,73%	91,36%	92,93%	93,35%	92,57%	90,24%	86,85%
Соликамск	1,72%	6,38%	5,06%	7,48%	5,30%	5,10%	5,66%	5,15%	5,13%	5,79%

Из таблицы 2 видно, что самое угрожающее положение в г. Лысьва, в 2012 году там 86,85% загрязняющих веществ не улавливались очистными сооружениями и этот показатель каждый год увеличивается. Не благополучно и в г. Перми, и если с 1995 по 2008 год процент выбросов уменьшался, то далее шел непрерывный рост (рис.). Можно сделать вывод о катастрофическом состоянии экологизации производства в Пермском крае.

Выбросы в атмосферу в процентах к общему количеству загрязняющих веществ

При этом следует отметить, что за исследуемый период наблюдался рост инвестиций в основной капитал, направляемых на охрану окружающей среды (табл. 3).

Таблица 3

Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов

	1990	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Миллионов рублей (в фактически действовавших ценах; 1990, 1995 годы – миллиардов рублей)											
Инвестиции в основной капитал – всего	0,05	107,7	839,3	607,4	1941,2	4111,8	4123,0	2572,1	1897,6	1426,0	2784,3
из них на:											
охрану атмосферного воздуха	0,01	15,5	259,2	220,9	1373,9	2751,7	2457,7	783,7	351,0	206,1	537,3
охрану и рациональное использование водных ресурсов	0,03	77,8	159,4	174,0	473,6	833,1	1025,9	1107,9	739,1	684,9	1374,2
охрану и рациональное использование земель	0,01	4,9	127,0	198,1	74,6	498,8	425,4	334,5	319,5	224,0	379,6
В процентах к предыдущему году (в сопоставимых ценах)											
Инвестиции в основной капитал – всего	114,3	90,5	166,8	55,1	в 2,9р.	176,8	81,3	59,2	71,5	70,1	186,7
из них на:											
охрану атмосферного воздуха	210,9	134,6	93,8	30,7	в 5,6р.	167,2	72,4	30,3	43,4	54,8	в 2,5р.
охрану и рациональное использование водных ресурсов	103,9	95,0	в 2,3р.	68,1	в 2,4р.	146,8	94,1	102,5	64,6	86,4	191,8
охрану и рациональное использование земель	125,1	99,4	164,0	176,9	33,7	в 5,6р.	69,1	74,6	92,6	65,4	162,0

Как показывают данные таблицы, не смотря на то, что с 2008 г. имело место снижение инвестиций в основной капитал, направляемых на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, в целом объём инвестиций с 2005 г. по 2012 г. вырос в 4,5 раза. Это подтверждает выводы о том, что процессы экологизации развиваются преимущественно экстенсивно и большая часть финансовых ресурсов используется ликвидации последствий экологической неустойчивости, а не экологическую реструктуризацию и модернизацию.

Список литературы

1. Герасимчук И. Экологическая практика транснациональных корпораций: учеб.под ред. Иветта Герасимчук. М.: Всемирный фонд дикой природы (WWF), 2007.
2. Игнатьева М.Н., Мочалова Л.А. Экологизация промышленного производства: направления, инструментарий. //Экономика региона. 2008. №1. С. 154-166.
3. Матвеев О. Проблемы перехода к инновационному типу экономического развития// Экономист. 2009. №8.
4. Мелентьев Г.Б., Шкиперова Г.Т. Экологизация производства как составляющая процесса технической модернизации// Экология промышленного производства. М.: ФГУП «ВИМИ», 2010. № 4
5. Петраков Н. К вопросу об интеграции России в мировое сообщество при установке на модернизацию// Международная экономика. 2010. № 7

6. Прокопенков С.В. Проблемы развития промышленности региона: экологизация и экологическая стратегия. // ВЕСТНИК Оренбургского государственного университета. -2011. №6 (125). С. 64–68.

7. Статистический сборник/ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю (Пермьстат). Пермь, 2013. 457 с.

MODERNIZATION OF INDUSTRIAL PRODUCTION ON THE ECOLOGIZATION BASIS

E. Alikina,

E-mail: alikina@pspu.ru

Perm State Humanitarian Pedagogical University,

V. Lepikhin,

E-mail: v-pstu@yandex.ru

Perm National Research Polytechnical University,

K. Lepikhin,

E-mail: pem.kirill@gmail.com

Perm State Humanitarian Pedagogical University,

The article is devoted to the study of the ecologization processes in modern economic systems. It examines the role of environmental factors in the modernization of industrial production. The analysis of basic indicators of the enterprises environmental performance is given on the example of some areas of the Perm region. The dynamics of capital investments allocated for environmental protection and rational use of natural resources is studied

Keywords: environmental sustainability, ecologization, ecostructures and ecological modernization of production, investments in environmental protection.

СВЯЗЬ НАУКИ И ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ НЕОИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Е.Л. Андреева, докт. экон. наук, проф., рук. центра региональных компаративных исследований

Электронный адрес: elenandr@mail.ru

ИЭ УрО РАН; 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29;

В статье обосновано повышение значимости научно-производственного сотрудничества в современных условиях неоиндустриализации. Охарактеризован этап, на котором промышленный сектор оказался перед необходимостью неоиндустриального развития, когда высокотехнологическая модернизация невозможна без кардинального технико-технологического прорыва в промышленно-индустриальном комплексе и новой промышленной политике. Связь науки и производства рассматривается как важнейший фактор, способствующий развитию неоиндустриализации. Обосновывается тезис о том, что на современном этапе проведение социально-экономической политики России осложнено комплексом объективных и субъективных внешних и внутренних факторов. К геополитической составляющей относится, прежде всего, недооцененное влияние международных экономических санкций на социально-экономическое развитие страны и неблагоприятная конъюнктура на мировом рынке нефти, что приняло обостренную форму воздействия, прежде всего, по причине давно обсуждаемой и до сих пор не давшей свои плоды модернизации российской экономики и устранения ее сырьевой направленности, определяющей в свою очередь наполнение доходной части бюджета. Анализируется развитие комплекса мирохозяйственных связей в условиях мирового экономического кризиса, в частности, различие в его последствиях для развитых и развивающихся экономик. Приведены основные направления участия России в международном экономическом сотрудничестве. В качестве вектора развития национальных экономик в современных мирохозяйственных условиях рассматривается неоиндустриализация. Важным фактором для повышения конкурентоспособности отечественной промышленности является увязка стратегических приоритетов развития национальной экономики с перспективами научно-технологического сотрудничества. Публикация подготовлена в рамках проекта № 15-14-7-2 «Прогнозная оценка приоритетных направлений модернизации уральского старопромышленного региона для расширения импортозамещения».

Ключевые слова: производственно-технологическое сотрудничество, реиндустриализация, неоиндустриализация, модернизация, научно-технологическая политика

Мировое хозяйство становится всё менее индустриальным; на фоне снижения доли сельского хозяйства и промышленности растёт удельный вес «третичного сектора» – сферы услуг. Лидерами по доле третичного сектора в структуре ВВП являются США (79,7%) и Великобритания (78,5%). Если Великобритания и Ирландия, переживавшие в 1970-е и 1980-е годы тяжелые времена, встали во главе движения деиндустриализации, то у прямо противоположного немецкого экономического выбора были свои исторические предпосылки: богатые традиции качественного промышленного производства, что является общей чертой для России [4] и Германии, имеющих в своей структуре экономики более высокую долю промышленности (порядка 30%), чем в других развитых странах, причем при явно наблюдаемой тенденции ее снижения [8, с. 124-125]. И хотя, если сравнивать немецкую и российскую промышленность, ее передел в РФ существенно отстает [3; 1], но, тем не менее, осознание ее значимости и неизбежности ее модернизации у стран общее.

Так, Президент Германской академии технических наук Х. Кагерманн считает, что промышленность – это хребет германского экономического успеха. Реализуемая в настоящее время в Германии Концепция «Промышленность 4.0» знаменует четвертую волну промышленной революции

после трех предыдущих (первый текстильный станок 1784 г., конвейер 1870 г., первые программируемые управляющие автоматы 1969 г.). Основатель и директор фабрики Smart Factory в Кайзерслаутерне, профессор Д. Цюльке считает, что Промышленность 4.0 – это единственный шанс Германии выдержать экономическую конкуренцию, пока еще немцы обладают преимуществами на пути к фабрике будущего. Новый уровень автоматизации базируется на текущей самооптимизации «разумных» децентрализованных компонентов системы и их автономной приспособляемости к динамично меняющимся внешним условиям, например, на рынках сбыта, в производственной или логистической цепочке, или к иным требованиям внешней среды, которые возникают в режиме реального времени. Общая цель данной концепции заключается в том, чтобы при помощи технологий автоматизации преодолеть растущие требования к гибкости рынков сбыта, возрастающую индивидуализацию продуктов, сокращающиеся жизненные циклы, а также растущую сложность производственных процессов и продуктов. Т.е. прежние технологические и экономические границы автоматизации должны быть раздвинуты непосредственно с учётом растущих требований к гибкости производства [10].

Вопрос о сохранении страной ведущего положения в мире технологий рассматривается в Германии значительно шире, нежели простая поддержка

перспективных исследований и разработок. Наука является неотъемлемой и важнейшей составляющей немецкой культуры, а от всеобщего признания качества германских технологий зависит международный авторитет страны, что обеспечивает ее конкурентоспособность на мировом рынке, поэтому поддержание высокого уровня отечественной науки также входит в систему государственных приоритетов Германии.

В соответствии с реализуемой госпрограммой «Стратегия развития высоких технологий в Германии» (Hightech-Strategie für Deutschland-2020) – комплексной национальной стратегии по развитию научно-технических разработок (2006 г.) основной упор делается на следующие составляющие:

– приоритетные научные отрасли, развитие которых «способствует созданию новых рабочих мест и ведёт к процветанию государства»: 17 направлений, в их числе нано-, био-, микро- и оптические технологии;

– усиление взаимодействия между учёными и предпринимателями, развитие системы грантов;

– придание новых импульсов для быстреего внедрения разработок, а в дальнейшем – проведение ряда реформ в налоговой системе;

– улучшение условий финансирования инновационных компаний малого и среднего бизнеса.

Ключевая роль при формировании германской научно-образовательной политики отводится Пакту о высшей школе, Инициативе по кластерам, Пакту об исследованиях и инновациях.

Направления германской научно-технологической политики имеют определенное сходство с российскими. В 2014 году правительством Российской Федерации был сформулирован перечень 16 приоритетных научных задач, развивается международное научное сотрудничество [9], поощряется развитие вузов [см. 2]. В начале 2014 г. было провозглашено о грядущем переводе финансирования российской науки с бюджетного на грантовое, правда при отсутствии четко определенной системы инструментов и механизмов этого перевода. Правда не сопоставимыми с российским уровнем являются позиции в мировой научном пространстве, развитие институциональной среды и объемы финансирования научных разработок в Германии. Начиная с 2006 г. в России ведется работа, направленная на создание благоприятных налоговых условий для стимулирования научно-исследовательской и инновационной деятельности. Однако, несмотря на проделанную работу, приходится констатировать факт неэффективности льготных налоговых инструментов, находящихся в ведении различных ведомств, что даже не позволяет получить полные данные о результативности проводимых мероприятий. А между тем, «квинтэссенцией полезного для России западного опыта организации и финансирования науки могла бы быть гибкая налоговая политика... [выработанная] развитыми странами, олицетворяющими научно-технический прогресс». Создание условий финансирования инновационных компаний малого и среднего бизнеса остается пока не бумаге.

При этом сама Германия также оказалась заложницей глобализации, в частности, в плане отхода от своих богатейших классических традиций подготовки специалистов с высшим образованием. Страны вынуждена была признать, что приверженность этим многовековым традициям является определенным тормозом в достижении глобальной конкурентоспособности, связанным с большей продолжительностью обучения в ВУЗах Германии, нежели в других странах, более поздним поступлением в ВУЗ, отсутствием

платы за обучение в ВУЗе, а также ограниченностью применения немецкого языка в остающемся однополярным англоязычным научным мире. В результате многие программы стали предлагаться на английском языке, даже современный слоган страны Германии «Страна идей» или «Страна для идей» тоже звучит на английском языке. Вместе с тем, следует отметить, что, например, по убеждению германского исследователя науки Рихарда Мюнхе, перенос элементов реформ из одного культурного и институционального контекста в другой или применение абстрактной теоретической модели на практике», имея в виду «гегемонию» определенной парадигмы исследования (а именно тесной связи науки и экономики в университетско-промышленных центрах), навязываемой «богатейшими американскими университетами», ведет к непредвиденным негативным следствиям.

Научно-производственное сотрудничество, сетевое сотрудничество [5], успешно использовали в своей экономической политике модернизовавшиеся государства Юго-Восточной Азии. Например, в наставлениях своим наследникам китайского лидера Дэн Сяопина говорится о необходимости учиться у развитых капиталистических стран достижениям науки, техники и технологии, хозяйственному управлению, однако все то, что относится к духовной культуре, как в смысле идейного содержания, так и средств выражения следует подвергать марксистскому анализу, оценке и критике. По словам отца «сингапурского чуда» Ли Куан Ю: «Западные журналисты считают, что мы должны быть совершенно такими же, как они. Я пытаюсь объяснить, что у нас другое историческое прошлое и другие социальные ценности. Эти другие ценности и способствовали быстрому росту экономики». В этой связи Сингапур как никто остается верен своей национальной идентичности, и пожалуй, наиболее близок по сравнению с другими странами к созданию ПСГ.

Ставка на развитие национального высокотехнологичного производства сделана и в Сингапуре. Еще в 1970-е годы в стране был взят курс на развитие наукоёмких и капиталоемких отраслей. Создаваемые государственные предприятия оснащались по последнему слову техники, со временем передавались в частные руки, а государство направляло свои усилия в новые отрасли. Ли Куан Ю выступил инициатором "ИТ-плана", который называют ключом в XXI век. Принятый еще в 80-х годах "ИТ-план" - это государственная программа развития информационных технологий для комплексной компьютеризации Сингапура, предусматривающая решение трех стратегических задач: сделать Сингапур страной всеобщей компьютерной грамотности, осуществить компьютеризацию государственного аппарата и создать конкурентоспособную промышленность по производству компьютерной техники [6]. В 1970 г. парламент Сингапура принял закон "О стимулировании развития экономики". Для развития конкурентоспособной отечественной промышленности создавались экспортные промышленные зоны и зоны свободной торговли, для организации экспортного производства в которых государство финансировало создание системы коммуникаций, электроснабжения, связи. На промышленные зоны Сингапура приходится около 80% всего экспорта продукции обрабатывающей промышленности страны. Уже в 1996 г. на Сингапур приходилось 10% мировых продаж программного обеспечения и компьютерных компонентов. Однако когда усилилась конкуренция со стороны азиатских стран с дешёвой рабочей силой, в сингапурской экономике был сделан упор на развитие биотехнологий и фармацевтики (на которую в настоящее время приходится более 16 % от общего промышленного производства страны), наиболее востребованных в мире отраслей, отвечающих за первоочередные потребности человека.

Развитие высокотехнологичных производств требует наличия соответствующих высококвалифицированных кадров. Образовательная система является гордостью страны. На цели образования выделяется пятая часть бюджета. В итоге, Сингапур по компьютеризации образования занял первое место в мире. Национальный университет Сингапура занимает 33 место среди вузов мира, а Технологический университет Наньянг – 75 место (для сравнения: МГУ занимает 100 место). По мнению Ю. Сигова, в Сингапуре царит культ образования. Непрерывное образование – это самая важная составляющая конфуцианской философии, на которой базируется вся жизнь граждан [7]. Для каждого сингапурца с 6 до 16 лет создан «образовательный сберегательный счет», куда переводят деньги родители и государство и с которого оплачиваются программы по обучению в различных частных образовательных учреждениях. Семьям с уровнем доходов ниже прожиточного минимума, в которых на иждивении остались дети и пожилые люди старше 70 лет, дети могут учиться бесплатно. Причем расчет делается на то, что выучившись, они помогут и своим родителям.

В стране создан специальный институт образования, занимающийся вопросами внедрения в образовательный процесс и технологии лучших передовых методов обучения и переподготовки кадров. Каждого работника с первого дня трудового договора непрерывно мотивируют к учебе, повышению профессионального мастерства.

Учитывая стратегическую значимость научно-технологической политики в современных условиях, изучение зарубежного опыта ведущих стран представляет чрезвычайно актуальным, однако необходимо умелое сочетание инновационности и национальной идентичности.

Список литературы

1. Национальное богатство регионов России: анализ, проблемы и пути решения / Под ред. д.э.н. А.А. Куклина, д.т.н. А.Л. Мызина; Авторский коллектив: Куклин А.А., Мызин А.Л., Гурбан И.А., Денисова О.А., Пыхов П.А. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. 286 с.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. М., 2013. 990 с.
3. Шуйский В.П. Реиндустриализация России: возможности импорта технологий // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. № 3. С. 28-37.
4. Andreeva E.L., Zakharova V.V., Ratner A.V. Influence of international economic integration on socio-economic development of region // Экономика региона. 2014. № 3. С. 90-100.
5. Сапир Е.В. Региональные сетевые партнерства – инструмент интеграции в глобальную инновационную среду // Известия Уральского государственного экономического университета. 2009. № 3 (Т. 25). С. 57-72.
6. Плейт Т. Беседы с Ли Куан Ю. Гражданин Сингапур, или как создают нации/ Пер. с англ. А.Ракина. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2014. 232 с.
7. Сигов Ю. Сингапур: Восьмое чудо света. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 334 с.
8. Татаркин А.И., Андреева Е.Л., Ратнер А.В. Императивы современного экономического развития: мировые тренды и российские реалии // Вопросы экономики. 2014. № 5. С. 121-131.
9. Андреева Е.Л., Глухих П.Л., Ратнер А.В. Национальные экономические интересы России в современных геополитических условиях // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 6.
10. Scholz-Reiter B., Böse F., Lampe W., Virnich A. Auf dem Weg zur Selbststeuerung der Prozesse. In: Industrie Management, 2009. Jg. 25 (6).

LINK BETWEEN SCIENCE AND INDUSTRIAL PRODUCTION AS A FACTOR OF DEVELOPING NEO-INDUSTRIALIZATION

E. Andreeva,

E-mail: elenandr@mail.ru

Ural branch of Russian academy of sciences;

In the article is proved the rising of importance of scientific-manufacturing cooperation in current terms of neo-industrialization. The article characterizes the stage on that the industrial sector is turned out to be in terms of the necessity of neo-industrial development, when high-technological modernization isn't possible without serious technical-technological break in industrial complex and new industrial policy. The link between science and production is considered as the most important factor contributing to development of neo-industrialization. The thesis is proved that the carrying out of Russian socio-economic policy on the current stage is complicated through a complex of objective and subjective external and internal factors. To the geopolitical component belong first of all the under-estimated influence of international economic sanctions on socio-economic development of the country and the unfavorable conjuncture on a world oil market, what got an aggravated form of impact, first of all, because of the modernization of Russian economy for a long time discussed and so far having not been giving results and required correction of its raw direction defining a filling of income part of the budget. The analysis is given of development of the complex of world economic relations in terms of world economic crisis, in particular, of a difference in its consequences for developed and developing economies. Basic directions of participation of Russia at international economic partnership are shown. The neo-industrialization is considered as a vector of development of national economies in current world economic conditions. An important factor for increasing of competitiveness of Russian industry is a coordination of strategic priorities of national economy's development with prospects of science-technology partnership.

Keywords: manufacturing-technological cooperation, reindustrialization, Neo-industrialization, modernization, scientific-technological policy.

ИНСТИТУТЫ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ЛАВИРОВАНИЕ МЕЖДУ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВОМ В СФЕРЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ И ИНТЕРЕСАМИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Е.Л. Андреева, докт. экон. наук, руководитель центра

Электронный адрес: elenandr@mail.ru

П.Л. Глухих, канд. экон. наук, научный сотрудник

Электронный адрес: Gluchih_P_L@mail.ru

ИЭ УрО РАН, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29,

В статье анализируются условия функционирования институтов развития (на примере государственных институтов развития предпринимательства). Пересматривается роль предпринимательства как «драйвера» развития региональной экономики. Обосновывается необходимость решения проблемы первого порядка (низкий социально-экономический вклад от предпринимательской деятельности в региональную экономику в текущих условиях), что потребует преодолеть проблему второго порядка (нереализованность имеющегося повышенного предпринимательского потенциала населения), что не возможно без решения проблемы третьего порядка (неблагоприятные условия ведения бизнеса, в том числе по причине не соответствия между институтами развития и региональной инновационной системой). Оценивается влияние проводимой государством экономической политики развития предпринимательства. Сохраняются противоречия в проводимой экономической политике, в частности между показателями и направлениями экономической политики (при выборе целевых показателей решающим оказалось забота не о качественном достижении цели, а о минимизации государственных усилий). Утвержденные и финансируемые цели важнейшей федеральной целевой программы «Экономическое развитие и инновационная экономика» и подпрограмма «Формирование благоприятной инвестиционной среды» не позволяют в необходимой мере развивать предпринимательство. Обосновывается несогласованность между экономическим законодательством и интересами региональной экономики. Уже несколько лет в проводимую таким образом экономическую политику встраиваются институты развития, в том числе наиболее массовые – институты развития предпринимательства. Эффективным ключом модернизации условий бизнеса может стать лишь адекватная и адаптированная под региональные реалии инфраструктура в виде институтов развития, и прежде всего предпринимательства, способного к наибольшей отдаче для экономики и социальной сферы, но не за счет перерасхода бюджетных средств на мегапроекты, а через согласованное развитие инновационной инфраструктуры в целях улучшения предпринимательского климата внутри региона. Программа УрО РАН № 15-14-7-5 «Региональная экономика институтов инновационного развития» («Фундаментальные проблемы региональной экономики»)

Ключевые слова: институты развития, государственная политика, предпринимательство, региональная экономика, малый и средний бизнес, регион, инфраструктура, экономическое законодательство

В социально-экономической сфере все активнее происходят существенные системные изменения. Усиливаются стагнационные процессы российской экономики, дефицит федерального, а также критическое положение многих региональных и местных бюджетов вынуждает органы власти искать как новые источники пополнения доходов, так и способы повышения эффективности существующих. Поиск источников экономического роста вынуждает обращать пристальное внимание на предпринимательство как возможный «драйвер» развития экономики в непростых условиях. Ограничением такого подхода выступают следующие три ключевые исходные проблемы:

1. Низкий вклад от малого предпринимательства в национальную, и особенно в региональную экономику. По ключевым показателям экономического и социального вклада предпринимательства в национальную экономику Российская Федерация отстает не только от развитых, но и развивающихся стран, в том числе БРИКС.

Проблема низкой результативности предпринимательства была осознана органами власти и в качестве решения были приняты соответствующие государственные приоритеты и целевые показатели:

- поставлена задача к 2018-му году по рейтингу «Ведение бизнеса» (Doing Business), оценивающему условия для предпринимательства с 112 места переместиться на 20-тую позицию;
- поставлена задача к 2020-му году добиться, чтобы 60-70% активного населения страны занимались предпринимательской деятельностью;
- поставлена задача к 2020-му году создать 25 млн. новых рабочих мест.

В настоящее время российская экономика далека от достижения целевых показателей, что формирует потребность в активизации политики развития предпринимательства.

2. Повышенный интерес россиян к предпринимательству слабо трансформируется в создание нового и развитие функционирующего бизнеса. С одной стороны, в России существует более высокий уровень желания и готовности к предпринимательству. Так согласно международному проекту «Глобальное исследование предпринимательского духа студентов (GUESSS)»:

- создать свой бизнес с нуля в России готовы более 9% студентов, что выше международного показателя практически на 3%;
- через 5 лет после окончания вуза разница в планах становится более заметной: число желающих стать предпринимателями среди российских бывших студентов возрастает с 9 до 53%, а в международной выборке – с 6 до 31%.

С другой стороны, такая повышенная готовность к предпринимательству у россиян воплощается в реальность значительно хуже. Так другой международный проект «Исследование глобального мониторинга предпринимательства (Global Entrepreneurship Monitor – GEM)» в очередном отчете подтвердил, что в России планируют открыть собственное дело в ближайшие три года 4,7% респондентов - это самый низкий показатель среди стран-участниц проекта (70). В странах БРИКС он составил в среднем 22%, а в странах Восточной Европы - 21%. То есть, существующее желание и потенциал так и остается не реализованным.

3. Враждебная институциональная среда для формирования и развития бизнеса. Многочисленные зарубежные и отечественные исследования [3, 4] свидетельствуют, что из всех причин отказа от занятия бизнесом, наиболее фундаментальными для России являются неблагоприятный предпринимательский климат и низкоэффективная инфраструктура для формирования и развития предпринимательства. Так результаты ежегодного рейтинга Doing Business-2014 («Ведения бизнеса-2014»), подготовленного Всемирным банком, показывают, что в целом по простоте ведения бизнеса РФ занимает 92 место из 185 возможных (к 2018 году запланировано 20 место).

Таким образом, можно говорить о наличии государственного и общественного заказа на совершенствование политики развития предпринимательства [2]. Поэтому чтобы решить проблему первого порядка необходимо преодолеть проблему второго порядка, что не возможно без решения проблемы третьего порядка.

Применяемые в настоящий момент приоритеты на страновом уровне, как известно, обозначены в Указе Президента РФ от 07.05.2012 №596 «О долгосрочной государственной экономической политике». В качестве основных целей государственной экономической политики РФ выделены следующие:

- повышение темпов и обеспечение устойчивости экономического роста;
- увеличение реальных доходов граждан Российской Федерации;
- достижение технологического лидерства российской экономики.

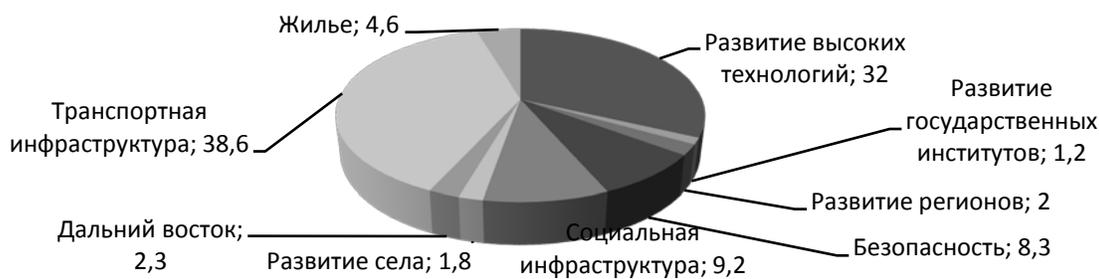
Вероятно для оценки достижения целей, тем же Указом утверждены 5 показателей (ст.1), а затем (во 2 ст.) указаны также 5 «областей» (направлений) экономической политики (табл.).

Сопоставление направлений и показателей долгосрочной государственной экономической политики России

Направления («области») деятельности (ст.2)	Показатели (ст. 1)
а) в области стратегического планирования социально-экономического развития	показатель не задан
б) в области совершенствования бюджетной, налоговой политики, повышения эффективности бюджетных расходов и государственных закупок	б) увеличение объема инвестиций не менее чем до 25 процентов внутреннего валового продукта к 2015 году и до 27 процентов - к 2018 году
в) в области приватизации и совершенствования управления государственным имуществом	показатель не задан
г) в области улучшения условий ведения предпринимательской деятельности	д) повышение позиции Российской Федерации в рейтинге Всемирного банка по условиям ведения бизнеса со 120-й в 2011 году до 50-й - в 2015 году и до 20-й - в 2018 году
д) в области модернизации и инновационного развития экономики	а) создание и модернизация 25 млн. высокопроизводительных рабочих мест к 2020 году
	б) увеличение объема инвестиций не менее чем до 25 процентов внутреннего валового продукта к 2015 году и до 27 процентов - к 2018 году
	в) увеличение доли продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в валовом внутреннем продукте к 2018 году в 1,3 раза относительно уровня 2011 года
	г) увеличение производительности труда к 2018 году в 1,5 раза относительно уровня 2011 года

Как можно заметить, даже из поверхностного сопоставления, нет должной согласованности между показателями и направлениями экономической политики. Поскольку только к трем направлениям (бюджетные расходы, условия ведения предпринимательской деятельности, модернизации и инновационное развитие) относятся утвержденные показатели, то можно предположить, что именно они и являются приоритетными.

Анализ эволюции государственной экономической политики свидетельствует, что федеральные органы власти прошли непростой путь от фактически «ручного управления» - при решении острых, но частных текущих вопросов в отдельных отраслях экономики – к программному подходу [1]. Венцом текущего государственного управления в сфере экономической политики сейчас является программный подход. Одним из основных инструментов его реализации стал набор федеральных целевых программ. В качестве приоритетов были выделены ключевые направления, которые раскрываются в 42 программах (рис.).

Доля бюджетных назначений на Федеральные целевые программы в разрезе приоритетов на 2014 год, в % [5]

В сфере экономики и предпринимательства действующей базовой является федеральная целевая программа «Экономическое развитие и инновационная экономика». К существенному недостатку данной программы эксперты относят неудачно сформулированную цель. Утвержденная цель в виде «Создания благоприятного предпринимательского климата и условий для ведения бизнеса; повышения инновационной активности бизнеса; повышение эффективности государственного управления» представляется зауженной. Для каждой части такой цели есть свой конкретный критерий достижения (положительный момент). Но для первой части цели, недостаточным является и количественный индикатор успешности достижения программы – доля численности работников, занятых на малых и

средних предприятиях в общей численности занятых. За 8 лет долю занятых планируется повысить всего на 3 п.п. Это скорее социальная, а не экономическая направленность. Других, не менее важных критериев нет. Для второй части цели утвержден целевой показатель «повышение доли организаций, осуществляющих инновации, в их общей численности до 25%, что представляется недостаточным. Для третьей части цели – 3 показателя:

1. Позиция в рейтинге «Ведения бизнеса». Фактически занятое страной место в 2013 (112 позиция) и 2014 (92 позиция) гг. уже расходится с озвученным планом (100 и 80 соответственно). Остается вопрос, почему именно этот рейтинг, а не другой. По мнению Алексева А., при выборе решающим оказалось забота не о качественном достижении цели, а о минимизации государственных усилий: а) в данном рейтинге всего 11 показателей, а не 111 как в индексе конкурентоспособности или других; б) рассчитывается рейтинг на примере только малых и средних предприятий и только г. Москвы [1].

2. Удовлетворенность граждан качеством предоставляемых государственных и муниципальных услуг. Однако услуги для граждан слабо связаны с услугами и инфраструктурой для бизнеса и инновационной экономикой.

3. Уровень доступности официальной статистики. Выполнение этого критерия уже сейчас оценивается на 100%.

Таким образом, утвержденные и финансируемые положения важнейшей федеральной целевой программы ограничивают развитие предпринимательства.

Составной частью федеральной целевой программы «Экономическое развитие и инновационная экономика» является подпрограмма «Формирование благоприятной инвестиционной среды». Последняя включает 13 индикаторов, но они тоже неоднозначно свидетельствуют о достижении заявленной цели.

Уже несколько лет в проводимую таким образом экономическую политику встраиваются так называемые институты развития. Результативность государственной политики обуславливает назначение институтов развития в экономике, которые, по мнению экспертов, необходимы для компенсации «провалов рынка» [7, с. 4].

Сложившиеся институты развития отождествляются «с особыми организациями, содействующими распространению ресурсов в пользу проектов реализации нового потенциала экономического роста отрасли, региона, страны в целом» [8].

Прямой вклад государственных институтов развития и созданных с их участием фондов в общий объем инвестиций в компании на венчурных стадиях в 2010 г. составлял, по оценкам экспертов 85% (по оценкам РАВИ – 75%), а на стадии расширения – порядка 45% [7, с. 5].

В зависимости от направления деятельности в России существует несколько групп институтов развития: содействие региональному развитию [6], поддержки малого и среднего предпринимательства (фонды поддержки и др.), стимулирование экспорта, развитие инфраструктуры (жилищное строительство и др.), развитие передовых технологий (венчурные, технологические платформы и др.), международного инвестиционного сотрудничества, поддержка отдельных секторов экономики и др.

Институты развития, особенно институты развития предпринимательства как наиболее развитые, представлены тремя уровнями: федеральные институты развития, их региональные представительства, региональные институты развития.

Если до 2007 г. становление российских институтов развития выражалось в весьма постепенной (и не слишком существенной по бюджетным затратам) отработке отдельных инструментов поддержки инвестиционных и инновационных проектов. То последние годы наибольшую активность проявляют Фонд содействия инновациям и МСП Банк: число объектов поддержки в год исчисляется соответственно сотнями и тысячами [7].

Таким образом, с одной стороны, в настоящее время назрела необходимость перехода от традиционных подходов государственного управления к разработке и реализации политики, направленной, прежде всего, на управление ресурсным потенциалом регионов, к реализации политики развития региона как устойчивой адаптивной системы, встроенной в иерархию взаимодействий с целью обеспечения качественного развития на основе инновационного использования внутренних и внешних ресурсов.

Первоочередным условием должна стать не просто свобода предпринимательства, а предпринимательский климат, мотивирующий создание и развитие бизнеса, необходимый для

активизации положительных социально-экономических эффектов. Эффективным ключом модернизации условий бизнеса может стать лишь адекватная и адаптированная под региональные реалии инфраструктура в виде институтов развития, и прежде всего предпринимательства, способного к наибольшей отдаче для экономики и социальной сферы, но не за счет перерасхода бюджетных средств на мегапроекты, а через согласованное развитие инновационной инфраструктуры в целях улучшения предпринимательского климата внутри региона.

Список литературы

1. Алексеев А. Государственные программы: реальный или номинальный инструмент управления экономикой? //Экономист. 2014. № 6. С. 20-28.
2. Андреева Е.Л., Головина А.Н., Глухих П.Л. и др. Предпринимательский климат регионов России: обобщение методических подходов и возможностей метода консенсус-оценки // Экономика и предпринимательство. М. 2014. №12. С. 962-967.
3. Воронина Л.В. Административные барьеры как основная проблема развития малого предпринимательства // Экономика и социум. 2013. № 3. С. 142-145.
4. Гребенкин А.В., Пермякова А.М., Иванова А.В. и др. Управление малым бизнесом на основе инноваций /под редакцией А. В. Гребенкина. Екатеринбург, 2012. 47 с.
5. Доля бюджетных назначений на Федеральные целевые программы в разрезе приоритетов на 2014 год Департамент государственных целевых программ и капитальных вложений Минэкономразвития России. URL: <http://fcp.economy.gov.ru/cms/cgi-bin/cis/cms.cgi/CMS/Item/35?year=2014¶ms> (дата обращения: 23.11.2014).
6. Мыслякова Ю.Г., Бронштейн С.Б. Особенности становления региональной социально ответственной институциональной политики // Экономика региона. 2011. № 1. С. 130-136.
7. Симачев Ю., Кузык М., Иванов Д. Российские финансовые институты развития: верной дорогой? // Вопросы экономики. 2012. № 7. С. 4-29.
8. Татаркин А. И., Котлярова С. Н. Региональные институты развития как факторы экономического роста // Экономика региона, 2013. № 3. С. 9-18.

INSTITUTES OF ENTREPRENEURSHIP DEVELOPMENT: THE MANEUVERING BETWEEN THE LEGISLATION IN THE SPHERE OF INNOVATIVE DEVELOPMENT AND THE INTERESTS OF THE REGIONAL ECONOMY

E. Andreeva,

E-mail: elenandr@mail.ru

P. Glukhikh,

E-mail: gluchih_p_1@mail.ru

Institute of economics at the Ural branch of the Russian Academy of Sciences

The article analyzes the conditions for the functioning of institutions of development (on the example of state institutions for entrepreneurship development). Reviewed the role of entrepreneurship as a "driver" development of the regional economy. The necessity of solving the problem of the first order (low socio-economic contribution of entrepreneurial activity to the regional economy in the current environment), which will require to overcome the problem of the second order (failure to available high entrepreneurial potential of the population), which is not possible without solving the problem of third order (adverse business conditions, including due to non-conformity between development institutions and regional innovation system). Assesses the impact of the state's economic development policy entrepreneurship. Gap in economic policy, in particular between indicators and directions of economic policy (when selecting targets decisive was the concern, not about the qualitative achievement of objectives, but about minimizing government efforts). Approved and funded by the major goal of the Federal target program "Economic development and innovation economy," and the subprogram "creation of a favorable investment environment do not allow to the extent necessary to develop entrepreneurship. The author proves the inconsistency between economic laws and the interests of the regional economy. For several years conducted in this way economic policies are embedded development institutions, including the mass - institutes of entrepreneurship development. Effective key modernization business conditions could only adequate and adapted to regional realities infrastructure as development institutions, and above all business, able to get the best return for the economy and social sphere, but not at the expense of cost overruns on the mega-projects, and through the consistent development of innovation infrastructure in order to improve the business climate within the region.

Keywords: Development institutions, public policy, entrepreneurship, regional economy, small and medium business, region, infrastructure, economic legislation.

КОРПОРАТИВНАЯ ИННОВАЦИОННАЯ СИСТЕМА КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ ЭЛЕМЕНТ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Д.Г. Артемьев, канд. экон. наук, доц. департамента менеджмента,

Электронный адрес: dartemev@hse.ru

Д.В. Гергерт, канд. экон. наук, доц. департамента менеджмента,

Электронный адрес: dgergert@hse.ru

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики Пермский филиал, 614007, г. Пермь, ул. Студенческая, 38

Управление инновациями на промышленных предприятиях всегда сопряжено с высокой стоимостью и большой вероятностью неудачи. В связи с этим, в рамках данного исследования, рассмотрена оценка зрелости организационных возможностей промышленных предприятий для реализации инноваций. Для этой цели рассмотрены различные подходы и модели зрелости управления инновациями (ИСММ), а также проведено исследование инновационных промышленных предприятий для определения основных разрывов в их инновационной активности. Эта статья предлагает систематизированный подход к совершенствованию управления инновационной деятельностью на основе определения уровня зрелости управления корпоративными инновациями и их масштабностью.

Ключевые слова: инновации; инновационное управление; инновационная зрелость; корпоративная инновационная система

Инновационная зрелость предприятия как основа конкурентного развития

В условиях новой экономики инновационная деятельность является необходимой, поскольку продукция предприятий, не способных к нововведениям, перестаёт пользоваться спросом, что влечёт за собой спад производства, который может привести к катастрофическим последствиям. Однако, на наш взгляд, условия для перехода к активной инновационной стратегии в нашей стране сложились относительно недавно.

Руководству предприятия необходимо организовать поиск новых идей, проведение исследований, быструю разработку новой технологии или адаптацию существующих. Основу выработки инновационной политики составляют теория жизненного цикла продукта, уровень инновационной зрелости компании, ее потенциал, рыночная позиция фирмы и проводимая ею исследовательская политика.

Исследования Deloitte показывают [1], что инновационно-активные компании крайне редко испытывают недостаток в технологических идеях или финансировании разработок. Однако почти всегда неудачные проекты по внедрению инновационных решений связаны с отсутствием организационной дисциплины и ограниченной возможностью выстроить комплексный подход в управлении инновационными процессами.

J. Barney в своих работах отмечал, что лежащий в основе конкурентного преимущества актив должен быть ценным, редким, невоспроизводимым, труднозаменимым [2]. С. Christensen выделял четыре типа инновационных активов: научное исследование, инновационный процесс, продуктовая инновация, дизайн [3].

На наш взгляд, в каждой компании можно выделить несколько ключевых направлений, которые существенным образом влияют на результативность управления инновациями. Анализ исследований и литературы показал, что существует достаточное разнообразие моделей оценки организационной зрелости компании, в том числе и в области инноваций. Практически все они имеют рамочный формат и задают весьма общие характеристики, оценить по которым организацию не всегда представляется

возможным. Кроме того, все они основываются на экспертных оценках, что накладывает серьезные требования к качеству респондентов и их прозрачному пониманию организации, которая подвергается оценке.

В рамках данной статьи мы использовали более адаптированную к российским условиям модель оценки уровня зрелости управления корпоративными инновациями, представленную на рис. 1.

Рис. 1. Общая модель оценки уровня зрелости управления корпоративными инновациями

На основе оценки обозначенных факторов, объединенных в 4 группы, компания может попасть в одну из стадий:

Стадия 1. Дискретные (случайные) инновации. В компании нет формализованных инновационных процессов. Продукты и идеи появляются и разрабатываются на принципах внезапности, случайности и непредсказуемости. Отсутствуют конкретные процессы планирования и распределения ресурсов для поиска и реализации инновационных идей.

Стадия 2. Определяемые инновации. Инновационный процесс понятен и четко определен. Осознание необходимости инноваций распространяется на уровне бизнес-единиц и ключевых подразделений, таких как R&D, маркетинг, производство, что вовлекает их в инновационные процессы на принципах межфункциональности. Происходит более адекватное распределение ресурсов на инновационные проекты.

Стадия 3. Управляемые инновации. Инновационный процесс становится систематическим и стандартизирован на уровне всей компании, которая разделяет видение в том, что инновации – ключевой источник успеха и является основной корпоративной стратегией компании. Их важность осознается не только на уровне отдельных подразделений, но является общекорпоративной. Ресурсы планируются и распределяются по целевому принципу.

Стадия 4. Стратегические инновации. Инновационный процесс оптимизирован и гармонично связан с другими процессами компании, ориентирован на показатели эффективности. Совершенствуются сетевые взаимодействия с поставщиками, потребителями, партнерами, конкурентами. Информация и знания становятся основой для получения опыта в менеджменте инноваций.

Стадия 5. Непрерывные инновации. Информация и знания постоянно собираются, обрабатывается и управляются для постоянного совершенствования инновационного процесса и создания ценности. Обучающая организация адаптируется к постоянным изменениям внешнего окружения, что значительно влияет на качество управления инновациями в компании.

Традиционное понимание инновационно-активной компании связано, прежде всего, с уровнем новизны и технологического совершенства ее продукции. Однако самый верный путь к провалу - сосредоточиться только на инновациях в продуктах. Успешные компании используют несколько типов инноваций, обеспечивая тем самым динамичный синергетический эффект, позволяющий компании достигать высоких показателей инновационной активности и эффективности.

Проблема исследования. Уровень инновационной зрелости напрямую связан с уровнем сложности реализуемых предприятиями инноваций. Чем выше уровень инновационной зрелости, тем выше вероятность успешной реализации комплексной инновации. Если компания планирует внедрять комплексные инновации, она должна повышать уровень инновационной зрелости.

Дизайн исследования и выборка предприятий

Ключевой задачей исследования являлось изучение уровня зрелости и разрывов в области менеджмента инноваций отдельных промышленных предприятий Пермского края, характеризующихся следующими граничными параметрами:

- средняя и высокая степень наукоемкости продукции (услуг);
- работа в B2B секторе;
- ориентация на отечественный и зарубежный рынок;
- входение число инновационно-активных компаний по совокупности открытых рейтингов, рассчитываемых разными аналитическими и консалтинговыми компаниями.

Дизайн исследования состоял из нескольких глубинных интервью и заполнения анкеты, составленной по результатам глубинного интервью. За 2,5 года исследования, в анкетировании и интервьюировании приняли участие 14 респондентов, по методу case-study проанализированы 5 инновационно-активных промышленных предприятий, характеристики которых представлены в табл.

Характеристика инновационно-активных промышленных предприятий

Код предприятия	Год основания	Типы внедряемых инноваций (соотношение)	Характеристика предприятий
РРК	1956	Продуктовые Процессные (40/60)	Разработка и производство навигационных систем различного назначения и товаров народного потребления. Прогрессивные технологии производства современных базовых элементов систем позволяют постоянно модернизировать конечные продукты и разрабатывать новые изделия с повышенной точностью и расширенными возможностями. Является одним из предприятий России, работающих в направлении развития наукоемких, высокотехнологических производств XXI века.
NVM	1991	Продуктовые Процессные (50/50)	Изготовление погружных центробежных насосов по порошковой технологии, обеспечивающей ряд преимуществ по сравнению с традиционными методами. Результаты, достигнуты компанией за счет сильного коллектива инженеров и существенных финансовых вложений в НИОКР. На предприятии трудится 2 доктора и 14

Код предприятия	Год основания	Типы внедряемых инноваций (соотношение)	Характеристика предприятий
			кандидатов наук. Создан инженерно-технический центр, оснащенный передовым оборудованием. Модернизирован уникальный исследовательский центр (опытно-конструкторские работы). Также, к исследовательским подразделениям компании относится центральная заводская лаборатория.
MOZ	1736	Продуктовые Процесные (40/60)	Предприятие объединяет металлургический комплекс, ряд направлений машиностроения, в числе которых производство нефтепромыслового оборудования, строительно-дорожной техники и военной техники, а также собственное конструкторское бюро гражданского и специального машиностроения. С 2010 года совместно с исследовательским университетом реализуется проект «Создание высокотехнологичного машиностроительного производства на основе современных методов проектирования изделий и гибких производственных процессов прецизионной обработки материалов». Реализация проекта подразумевает объединение возможностей университета и предприятия, обладающего признанной конструкторской и инженерной школой, разработки которой неоднократно удостоивались государственных наград. С привлечением научных, исследовательских и технологических возможностей университета на предприятии выстроено производство, гибко реагирующее на запросы рынка в отраслях военного и гражданского машиностроения. Разработки ученых университета позволят решить целый ряд задач в сфере производства и обработки высококачественных сталей, повышения живучести техники, создания тренажеров для обучения обращению с военной техникой, обучения персонала предприятия работе с современным программным обеспечением.
PRO	1958	Продуктовые Процесные (30/70)	Предприятие является одним из ведущих предприятий российской космической отрасли. На предприятии создана информационная площадка для объединения усилий разработчиков, инвесторов, серийных производителей в создании, запуске производства и выводе на рынок инновационной, наукоемкой, сложной машиностроительной продукции.
MEF	1955	Продуктовые Процесные (10/90)	Одно из крупнейших химических предприятий, занимает лидирующее положение по производству метанола (метилового спирта) и формальдегида не только в России, но и в Европе. В 2011 году запущено новое производство уротропина, которое на сегодня является одним из самых современных в Европе. В стратегии компании большое внимание уделяется совершенствованию производства за счет внедрения процессных инноваций.

Таким образом, все исследуемые предприятия представляют собой крупные промышленные объекты, активно внедряющие в свою производственную деятельность различные инновации. Продукция всех исследуемых предприятий представлена и является конкурентоспособной как на российском, так и на глобальном рынках.

Результаты исследования

Согласно результатам исследований, почти все компании показали схожесть в оценках, разместившись в 2-3 стадиях зрелости управления инновациями.

Проанализировав ответы респондентов в ходе глубинного интервьюирования, обработав результаты анкеты и включенного наблюдения, были выделены две группы компаний со свойственными им схожими характеристиками по стадиям зрелости (рис. 2).

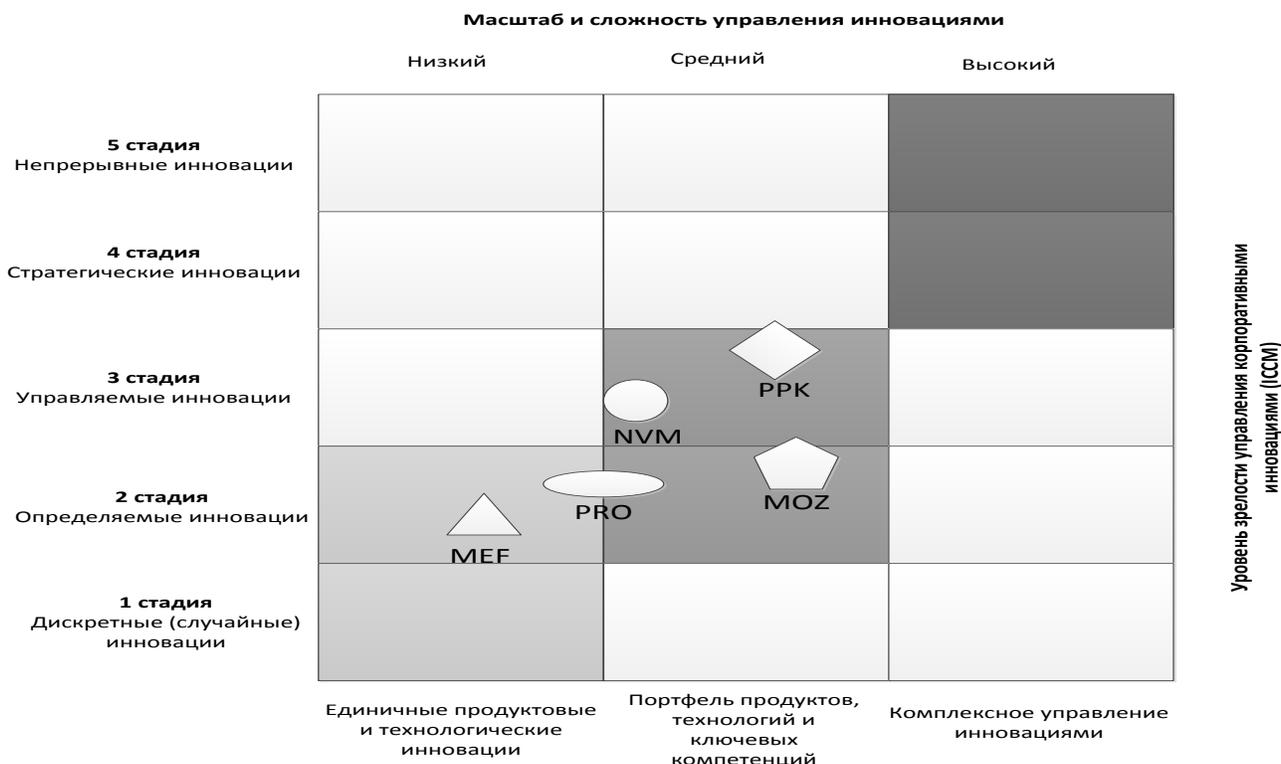

Рис. 2. Результаты оценки уровня зрелости и масштабности управления инновациями в компаниях г. Перми, принявших участие в исследовании

Свойственной для первой группы является ситуация, когда основные инновационные процессы в компании существуют, но инновационные возможности ограничены специализированными группами R&D. Процессам не хватает зрелости, чтобы превращать идеи в успешные реализованные проекты. В этих компаниях присутствует:

- Формальная поддержка инноваций руководством;
- Неформальная организация управления идеями;
- Обучение отдельных сотрудников в области инноваций;
- Разработана инновационная стратегия;
- Лидеры обучены поиску и внедрению инновационных идей;
- Вознаграждение за участие в инновационной активности на всех уровнях.

Основные показатели, используемые для оценки инновационной деятельности в этой группе, связаны, прежде всего, с бюджетом на R&D и рентабельностью инвестиций в инновационные проекты.

У второй группы компаний инновационные процессы определены, стандартизированы, и присутствуют в пределах всей организации. Проработан процесс управления идеями, как правило, создается портфель инноваций и под него выделяются ресурсы. Разрабатываются долгосрочные планы управления инновациями, сотрудники имеют право на риск и экспериментирование. В таких компаниях выделен формальный руководитель, ответственный за инновации, который подчиняется генеральному директору.

Оценивая систему управления инновациями в компании, были получены следующие результаты:

7% респондентов заявили, что они очень довольны системой управления инновационной деятельностью своей компании. По их мнению, все аспекты менеджмента инноваций в компании учтены и приносят положительные результаты.

22% выразили относительную удовлетворенность управлением инновациями в их компании, хотя и признали, что некоторые аспекты инноваций до сих пор остаются нерешенными или неясным.

71% заявили, что они недовольны своей системы управления инновационной деятельностью. В частности, они признали необходимость улучшения межфункциональной координации и более четкого распределения обязанностей.

Эти цифры ясно показывают, что для значительной части компаний в разных отраслях деятельности, система управления инновациями нуждается в повышении уровня ее зрелости. Учитывая, что ключевым замечанием являются проблемы в организационной части системы менеджмента инноваций, следующий этап исследования в значительной степени это подтверждает.

Список литературы

- 1 Barney, J. B.. Firm resources and sustained competitive advantage. Journal of Management, 1991, 17(1), 99–120
- 2 Clayton M. Christensen The Innovator's Dilemma, Harvard Business School Press, 1997, 179 p
- 3 Блестящая перспектива. Нацеленность на инновации. Исследование компании Deloitte. URL: http://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/RU_FSI_Glittering_Prize_0505.pdf

CORPORATE INNOVATION SYSTEM AS AN INTEGRAL ELEMENT OF DEVELOPMENT OF INDUSTRIAL ENTERPRISE IN THE NEW ECONOMY

D. Artemyev,

E-mail: dartemev@hse.ru

D. Gergert,

E-mail: dgergert@hse.ru

National Research University "Higher School of Economics" Perm branch

Innovation management in industrial enterprises is always associated with high costs and a high probability of failure. In this study, we consider the estimation of the maturity of the organizational capacity of the industrial enterprises to implement innovations. For this purpose, we analyzed various approaches to innovation management maturity model (ICMM), as well as a study of innovative enterprises to identify major gaps in their innovative activity. This article offers a systematic approach to improving innovation management on the basis of determining the level of maturity of the management of corporate innovation and scale of innovations.

Keywords: innovation, innovative management; innovative maturity; corporate innovation system

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ ХОЗЯЙСТВУЮЩЕГО СУБЪЕКТА

А.М. Бочкарев, соискатель,

Электронный адрес: pfie@mail.ru

Пермский филиал ИЭ УрО РАН, 614990, г. Пермь, ул. Ленина, 13а

Вопрос обеспечения информационной безопасности управления экономикой хозяйствующего субъекта является сегодня важным для устойчивого развития агентов рынка и гармоничного вхождения в глобальные экономические процессы. Конкретные подходы и механизмы защиты не только национальных и региональных интересов, но и интересов предпринимательских структур в информационной среде все больше обретают научные формы. Автор также вносит свой вклад в рассмотрение системы обеспечения информационной безопасности хозяйствующего субъекта.

Ключевые слова: информационная безопасность, информация, защита данных, конфиденциальность информации, информационная сфера, информационные технологии.

Важным условием устойчивого развития любого хозяйствующего субъекта в условиях современных рыночных преобразований в Российской Федерации является наличие эффективной системы обеспечения его информационной безопасности. Изменение экономики выделило систему информационной безопасности в особый объект управления, однако многие хозяйства до сих пор недооценивают важность проблемы и не поднимают вопросы управления объектами информационной защиты от недружественных элементов.

Необходимость рассмотрения вопросов информационной безопасности управления экономикой хозяйствующих структур вызвана следующими факторами: низкая компетентность предпринимательских структур по вопросам информационной безопасности; осуществление ими без надлежащего изучения рынка, партнеров и клиентов весьма рискованных сделок; несовершенство механизмов налоговой политики; размах промышленного шпионажа и прочее.

Информационное сопровождение организации безопасности хозяйствующего субъекта осуществляет информационно-аналитическое подразделение службы безопасности предприятия. В рамки обеспечения информационной безопасности входят: сбор, обработка, анализ информации о рынках и конкурентах; изучение обстановки в территории; анализ платежеспособности партнеров и клиентов; выявление каналов утечки информации; своевременное информирование руководства о важных проблемах и выдача рекомендаций и прогнозов.

Процесс обеспечения информационной безопасности управления экономикой хозяйствующего субъекта представляет собой защиту информации (данных о хозяйствующем субъекте), при которой обеспечивается ее конфиденциальность, целостность и доступность.

Конфиденциальность обеспечивается доступом к информации только проверенным (авторизированным) пользователям. Целостность предполагает достоверность и полноту информации и методов ее обработки. Доступность информации связана с доступом к ней проверенных (авторизированных) пользователей по мере необходимости. Степень информационной безопасности определяется отсутствием недопустимого риска утечки информации по техническим каналам, несанкционированным и непреднамеренным воздействием на информацию и любые другие ресурсы автоматизированной информационной системы хозяйствующего субъекта.

Обеспечение информационной безопасности управления экономикой хозяйствующего субъекта начинается с изучения информационных потребностей объекта защиты, т.е. осознанной необходимости в той или иной информации. Требуется определить профиль интересов потребителей информации; разработать тематический план комплектования системы информационной безопасности; организовать целенаправленное обеспечение потребителей информацией.

Работу с подготовкой объектов информационной безопасности можно представить в виде системы (см. рис. 1).

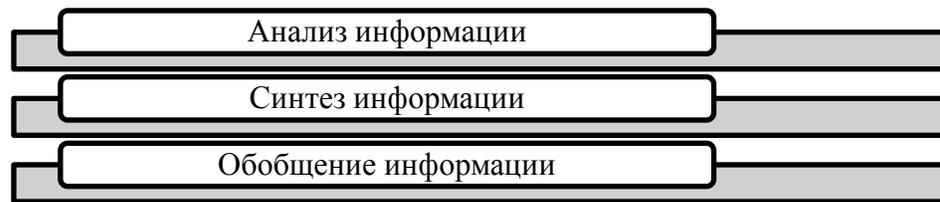

Рис. 1 Схема работы с объектами защиты [2]

Анализ информации представляет собой дробление информации по блокам и темам; выделение главного и второстепенного; разделение информации на открытую и закрытую; выявление ложных и дезинформационных сведений; выявление недостающих звеньев информации.

Синтез информации включает: выявление логических связей при получении информации; компоновку разнообразной информации; создание логически завершенной информации.

Обобщение информации: представление общего видения проблемы на фоне известной информации; выявление на основе общей картины происходящего тенденций и прогнозов развития событий.

Любой сбор данных производится на плановой основе. Руководитель хозяйствующего субъекта при этом должен разработать и согласовать план информационной работы, определить информационные приоритеты и эффективно распределить задачи по работе с информацией между сотрудниками.

Важно обеспечить сбор данных об адресах мест хранения полезной и актуальной специальной информации. Далее должны быть приняты меры по налаживанию механизма обратной информационной связи в рамках объекта защиты. При этом необходимо постоянное целенаправленное укрепление нормативно-правовой базы хозяйствующего субъекта для информационно-аналитической работы в рамках объекта защиты.

Системная и плановая работа по управлению информационной безопасностью хозяйствующего субъекта должна отвечать требованиям современной политической и оперативной обстановки, опираться на комплекс мер по прогнозированию и вскрытию источников угроз безопасности, искать и оценивать новые методы и средства, наносящие ущерб интересам предприятия, а также принимать меры по их предупреждению и пресечению.

К основному элементу информационно-аналитического сопровождения системы обеспечения информационной безопасности следует отнести источники, формы, способы и методы получения информации, представляющей интерес для предприятия. Каналы получения информации при этом могут быть официальными и неофициальными. Данные могут быть получены из СМИ, от государственных структур, адвокатских и аудиторских компаний, частных детективных агентств (специальная служебная информация), различных ассоциаций, а также посредством информаторов и в результате неофициальных личных контактов. При этом открытыми источниками считаю публикации, государственные органы, информация от частных компаний. Тайными источниками получения информации являются разные способы видеонаблюдения, использование прослушивающих устройств, информация частных сыскных агентств.

Хозяйствующие субъекты в зависимости от поставленных задач и имеющихся возможностей должны организовывать сбор, обработку и анализ информации в соответствии со следующим механизмом (Рис.2).

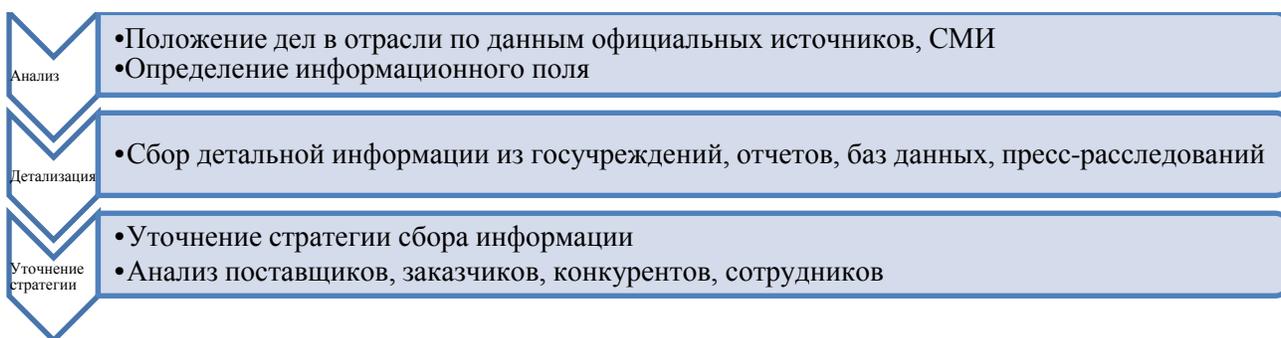

Рис. 2 Механизм сбора данных для хозяйствующего субъекта

Основной составляющей банка данных службы информационной безопасности хозяйствующего субъекта всегда является информация о складывающейся вокруг предприятия обстановки и угрозах безопасности. Таким образом, банк данных состоит из трех уровней:

- 1) Информация о собственных средствах обеспечения информационной безопасности, т.е. об объектах защиты интересов хозяйствующего субъекта.
- 2) Данные о субъектах угрозы информационной безопасности хозяйствующего субъекта, (реальных и потенциальных противниках – недобросовестных конкурентах, преступниках и т.п.)
- 3) Сведения о среде, в которой происходит защита интересов субъектами хозяйствующей деятельности, и факторах влияния на безопасность.

Все собранные данные должны быть обработаны, оценены специалистами и реализованы в форме выводов и рекомендаций, необходимых как для обеспечения информационной безопасности предприятия, так и в целом для предпринимательской деятельности.

Аналитическая работа с информацией предполагает использование специфических методов и средств получения итоговой информации на основе различных информационных и экспертных систем. В рамках этой деятельности может осуществляться сбор и анализ не только точно заданной информации, но и оценка данных более широкой области, что требует от хозяйствующих субъектов наличия специалистов с высоким уровнем аналитических способностей и достаточной эрудицией в вопросах безопасности.

Список литературы

1. Бойков А.А. Организация информационно-аналитического обеспечения безопасности предпринимательской деятельности в современной России // Хозяйственные системы в современном мире. Монография / Под ред. Т.М. Степанян. М.: МАКС Пресс, 2009.
2. Коноплева И.А., Богданов И.А. Управление безопасностью и безопасность бизнеса. М.: ИНФРА-М, 2008.
3. Одинцов А.А. Экономическая и информационная безопасность предпринимательства М.: Academia, 2006.

INFORMATION SECURITY MANAGEMENT ORGANIZATION

A. Bochkarev,

E-mail: pfie@mail.ru

Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,

The question of information security management of the economy of an economic entity is today essential for sustainable development and market agents entering the global economic processes. Specific approaches and mechanisms to protect not only national and regional interests, but also organizational interests in the information environment are becoming increasingly scientific form. The author also contributes to the review of information security system entity.

Keywords: information security, information, data protection, confidentiality, information sphere, information technology

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ РЕКУРРЕНТНОГО ПОДХОДА ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ СОВРЕМЕННЫХ ЦИКЛИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

О.В. Буторина, канд. экон. наук, доц. кафедры экономической теории, мировой и региональной экономики

Электронный адрес: ok.butorina@yandex.ru

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, г. Пермь, ул.Букирева,15

В работе определены основные положения рекуррентного подхода к исследованию современных циклических процессов. Систематизация наиболее значимых положений базовых при изучении макропроцессов диалектического, системного, ситуационного, эмпирического, креативного, научного подходов были адаптированы к специфике современных циклических процессов, а также теории рекуррентности. Для каждого из подходов определен перечень нерешенных проблем, актуальных вопросов, учитывающих особенности современного циклического социально-экономического развития. На основании чего выделены основные положения авторского рекуррентного подхода.

Ключевые слова: положения диалектического подхода, положения системного подхода, положения ситуационного подхода, положения эмпирического, креативного, научного подходов, положения авторского рекуррентного подхода к исследованию циклического развития.

Как известно, подход - это конкретный ракурс исследования, который определяет проблему, постановку цели, выработку вариантов решения [1, с.53]. При этом специфичность объектов исследования требует конкретизации подхода.

На основании представленных ранее авторских работ рекуррентность может трактоваться как общезкономическая закономерность, представляющая собой многоуровневую, многофакторную, многокритериальную характеристику специфических связей и специфических зависимостей различных типов экономических циклов и их внутренних фаз[2, с.14] .

Необходимость разработки нового подхода к исследованию современных циклических процессов связана с меняющейся природой циклических процессов, которая проявляется:

- в масштабности кризисных тенденций, которые наблюдаются не в отдельно взятой стране, регионе, а в их «геополитическом перетекании»;

- в усилении амплитуды экономического спада, так, по оценкам экспертов «...нынешний кризис, начавшись в первое десятилетие ХХIв., не имеет аналогов по глубине, синхронизации и масштабам...» [8];

- в системности кризиса, который поразил не только сферы производства и потребления, но и спровоцировал обострение социальных конфликтов, смену системы общественных ценностей;

- в продолжительности во времени, так, разное по степени интенсивности аккумулятивное негативных тенденций в экономиках развитых стран может датироваться концом 70-х – серединой 80-х гг. ХХ в. – периодом формирования неэкономии, потребовавшей перехода к новым технологиям, изменений в структуре экономики, повышения нагрузки на человека и общество в целом;

- в усиливающейся взаимозависимости экономических циклов, различных по своей природе, амплитуде и продолжительности, их наложение, «переплетение», которые в свою очередь изменяют природу современных циклических процессов;

- в низкой эффективности реализуемых в разных странах антикризисных мероприятий в силу отсутствия комплексности и ориентации на «старые» модели антикризисного управления, нивелирующие кризисные тенденции на протяжении всего ХХ в. Как показывает практика, реализация монетарной политики порождает новые кризисные тенденции в социальной, геополитической, идеологической составляющих общественного развития, тем самым, еще больше углубляя спад и раскачивая его амплитуду в пространстве и во времени.

На основании представленных выше общих проявлений циклических процессов конца XX в. – начала XXI в. в мировой теории и практике приобретает особую значимость разработка нового подхода к исследованию цикличности, позволяющего выявить базовые закономерности циклических процессов в трансформирующемся общественном развитии.

В рамках данной работы предлагается авторский подход к исследованию циклических процессов на основе признания наличия между ними рекуррентных зависимостей.

Данная цель определила последовательность решения следующих задач:

первой – выделить наиболее значимые положения базовых подходов, доминирующих в разные периоды и характеризующих зависимости между циклическими процессами (диалектический, системный, ситуационный, эмпирический подходы);

второй – на их основе обозначить основные положения рекуррентного подхода к исследованию циклических процессов.

Диалектический подход, изначально доминировавший в изучении экономических циклов, предполагал, что внутри системы сталкиваются разнонаправленные процессы, их борьба становится основой развития и базовым стимулом к совершенствованию системы в целом. При этом, трактуя развитие как особый вид изменений, отличающийся качественными преобразованиями, перестройкой структур, обратимостью перехода от простого к сложному, от низшего к высшему [4, с.20], развитие системы определяется как специфическая форма единства изменений и сохранения системы, принимающая тенденцию усложнения. Такая трактовка сущности развития систем изначально предполагает элемент неустойчивости, разбалансированности, как следствие, цикличности.

Применительно к исследованию современных циклов не утратил своей значимости один из его базовых принципов – принцип всеобщей связи, указывающий на то, что любая целостность состоит из взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, а также сама является подсистемой систем более высокого порядка, постоянно ощущая на себе их влияние, может рассматриваться как обоснование выделения рекуррентных зависимостей, определяющих общую пульсацию экономических процессов, как базовый классификационный признак выделения новых видов цикла.

Также значимы с позиций исследования современных циклических процессов законы диалектики. Первый из них – закон единства и борьбы противоположностей, предполагает наличие внутри системы в целом или ее базовых элементов противоречий, объективное преодоление которых формирует основу развития. Как известно, кризисное состояние свидетельствует об исчерпании внутренних ресурсов для последующего развития системы, связанное с растянутым во времени аккумулярованием базовых противоречий экономического развития. Внешне они проявляются в общем снижении эффективности функционирования каждого элемента системы в целом. Наиболее ярко они были описаны при исследовании промышленных циклов, технологических волн и инновационных процессов. Основу оживления как фазы экономического цикла формируют те субъекты, которые быстро адаптируются к меняющимся условиям, определяя общую траекторию развития системы в целом, такие зависимости определяются нами как рекуррентные. С этих позиций наибольшее значение начинают приобретать особенности раскручивания «оживляющего» эффекта как перехода системы в новое более совершенное состояние в ракурсе рекуррентных зависимостей.

Всеми исследователями экономических циклов XX в. признавались прямые и обратные связи между колебаниями разных уровней и порядков, не смотря на это, механизм соподчиненности, последовательность развития на современном этапе является предметом научных дискуссий. Для их описания наиболее значимым считаем второй закон диалектики – закон перехода количественных изменений в качественные. В его рамках утверждается, что внутри старой системы начинают постепенно формироваться новые элементы (элементы с «новым» качеством), достигнув «критической массы», они изменят систему в целом. Наиболее интересна с этих позиций теория бифуркаций (бифуркационного взрыва), прописывающая процесс аккумулярования новых элементов внутри старой системы. Общеизвестно, что формируются они объективно, но можно предположить, что изначально в тех сферах, где противоречия обострились настолько, что поставили под угрозу саму возможность функционирования системы в целом. При этом открытыми продолжают оставаться вопросы о прямых и обратных рекуррентных зависимостях между циклами разных уровней и порядков. Другими словами, почему кризис в одних сферах провоцирует углубление кризисных тенденций, а в других – их

нивелирование и переход к новым качественным состояниям, а также какие из сфер экономики транслируют или позитивные, или негативные тенденции, определяя общую траекторию развития.

В соответствии с третьим законом диалектики – законом отрицания можно предположить, что новые процессы зарождаются в недрах предшествующих, Они аккумулируют в себе все внутренние развивающие ее характеристики, постепенно «взламывая» старую систему, отрицая ее способность к дальнейшему прогрессивному развитию. С течением времени эти элементы, сформировавшие новую систему, также аккумулируют в себе противоречия, что неминуемо приводит к зарождению новых процессов, их постепенному развитию.

В целом, диалектический подход рассматривает экономические циклы в контексте общего процесса развития систем любого уровня и сущности (биологических, социальных, экономических, политических и др.). При этом источником развития как движения является саморазвитие систем, представляющее собой изменяющиеся связи и отношения между противоположностями. Исходя из чего, продолжительность цикла определяется осуществлением потенциально возможных качеств одного полюса противоположностей посредством отрицания другого [2, с.21]. Другими словами период базового «вызревания» новых качественных характеристик системы в недрах старого порядка. Накопление количественных и качественных изменений способствуют формированию более сложных форм развития систем.

В рамках исследования современных экономических циклов наиболее значимыми являются вопросы, связанные с первопричиной, вызывающей необратимые негативные тенденции в развитии экономических процессов, а также ранжирование циклов по степени их влияния на общую динамику как внутри одного порядка, так и между разнопорядковыми циклами. Теория рекуррентности, на наш взгляд, позволяет более углубленно ответить на данные вопросы. Как известно, циклы более высокого порядка определяют протяженность и глубину циклов более низкого порядка, при этом механизм аккумулирования причин, раскручивания негативных и позитивных тенденций остается малоисследованным и требует более детальной разработки. Авторское видение этих процессов представлено в ранее опубликованных работах [5, с.14].

Вторым значимым подходом к исследованию циклических процессов является системный подход, основанный на понимании экономики как системы - как комплекса взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, объединенных достижением общей цели. С точки зрения данного подхода системам в целом присущи способность сохранения сложившейся пропорциональности между ее элементами, внутренняя сбалансированность [7, с.18]. При взаимодействии с факторами внешней среды могут возникнуть деформации системы, приводящие к ее разрушению

Для исследования рекуррентных зависимостей приоритетным являются положения о взаимозависимости отдельных элементов, об их влиянии на развитие системы в целом. В рамках данного подхода открытыми остаются вопросы, связанные с выделением элементов циклов высокого и низкого порядков для систематизации параметров развития системы, а также их комплексного перечня. Как нам представляется, именно теория рекуррентности в полной мере позволит выделить причинно-следственные связи между циклами разного уровня, на основе которых станет возможным выявление индикаторов, комплексно характеризующих современные экономические циклы.

Третий из выделенных ранее подходов – ситуационный подход, предполагающий переплетение различных факторов, определяющих экономическое развитие. Эти факторы имеют разные характер и степень влияния на экономические процессы. Другими словами, все факторы, воздействующие на динамику развития системы, могут быть определены как сущность или проявление форм развития других систем. При этом характер их воздействия, его интенсивность и продолжительность уникальна в каждый момент времени и границах пространства, порождая уникальные процессы циклической динамики развития самой системы.

Необходимость систематизации данных факторов, выявление степени их влияния друг на друга и на функционирование экономических систем в целом, потребность в учете специфики и разнохарактерности их воздействия на экономические процессы в конкретных исторических и геополитических условиях актуализируются ускоряющейся интеграцией российской экономики в общемировое пространство. Систематизация факторов с позиций рекуррентных зависимостей может стать основой разработки адекватных, востребованных теорией и практикой управления методологических основ исследования мировых и национальных циклических процессов.

В силу того, что системный и ситуационный подходы «взросли» из диалектического подхода (первый – из принципа всеобщей связи, второй – из принципа всеобщего развития), описанные ранее положения их адаптации к исследованию современных циклических процессов на основе теории рекуррентности могут быть углублены и систематизированы.

При этом нельзя не выделить положения креативного подхода, основанного на признании за каждой системой уникальных характеристик, научного подхода, предполагающего аккумуляцию знаний об исследовании циклических процессов и управлении ими в различные периоды времени в экономиках разных стран. Эмпирический подход, базирующийся на объективности и комплексности экономических фактов, наиболее полно характеризующих циклические процессы.

Таким образом, выделенные выше базовые положения диалектического, системного, ситуационного, эмпирического, креативного, научного подходов, адаптированные к специфике современных циклических процессов, могут рассматриваться как обоснования и основные положения рекуррентного подхода. К ним могут быть отнесены следующие наиболее значимые положения:

первое – цикличность представляет собой изначально заданную форму развития систем, в том числе экономических;

второе – способность систем к самовоспроизводству и прогрессивному развитию формируется на основе внутренних «потенций», возникающих на основе взаимодействия противоположностей, накопления количественных и качественных изменений. Исходя из чего, система сама способна к преодолению циклических процессов. Находясь в структурном сопряжении с элементами внешней среды, система может сама подчиняться ритмике и формам развития систем вышестоящего уровня, может определять развитие нижестоящих по уровню систем. Такие закономерные, объективно формируемые зависимости определяются нами как рекуррентность;

третье – «углубление» кризисных тенденций внутри циклических процессов (равно как и усиление прогрессивных) во многом определяется степенью и характером воздействия факторов внешней среды. При этом сама внешняя среда функционирования системы определяется нами как враждебная (т.к. она выходит за границы заданных объективно возможностей функционирования системы), способность системы противостоять ей определяется качеством совокупности внутренних элементов системы, порождаемых ею самой.

Другими словами, между объектом исследования и подходами к его изучению существуют прямые зависимости, каждое конкретное исследование требует уникального сочетания подходов и конкретных положений внутри него. При этом не нужно и крайне ошибочно не учитывать субъективность выбора подходов, определяемую системой взглядов ученых.

Список литературы

1. Баталова Е.В. Исследование систем управления: курс лекций / Е.В. Баталова, НОУ ВПО «Западно-Уральский институт экономики и права».- Пермь. 2009. 202 с.
2. Базарова Л.А. Управление устойчивым развитием промышленных предприятий: методология и технология: диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. Белгород. 2014. с. 285
3. Буторина О.В. Исследование циклических процессов экономики России с учетом межциклической рекуррентности // Вестник Пермского университета. Экономика. 2013. №1. 12. 21 с.
4. Butorina O.V. Reasearing Methodology for modern ciclic process taking into account interciclic recurrence property // Germany, 2012
5. Вейнгольд Ю.Ю. Принцип развития и основные законы диалектики / Экономика. Общество. Человек. Белгород: Белаудит. 2002. вып. 1. с. 6-39
6. Гринин Л.Е., Малков С.Ю., Коротаев А.В. Математическая модель среднесрочного экономического цикла // История и современность. 2013 №1. с. 3-32
7. Лихошерстова Г.Н. Устойчивое развитие организации на основе адаптивной системы управления персоналом: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. - Воронеж. – 2005. – с. 128
8. Perspectives 2009-2010 pour l'economie mondiale // Lettre de l' OFCE. P., 2009. 20 avr. N 309 Mode of access: <http://www.ofce.sciences-po.fr/pdf/lettres/309.pdf>

SUMMARY OF RECURRENT APPROACH TO THE STUDY OF MODERN CYCLIC PROCESS

O. Butorina,

E-mail: ok.butorina@yandex.ru

Perm State University

The paper identifies the main provisions of recurrent approach to the study of modern cyclic processes. Systematization of the most important provisions in the study of basic macro-dialectical, system, situational, experiential, creative, scientific approaches have been adapted for the modern cyclic processes, as well as the theory of recurrence. For each of the approaches defined list of unsolved problems, current issues, taking into account the features of the current cyclical economic and social development. On the basis of which highlights the main provisions of copyright recurrent approach.

Keywords: position dialectical approach, system approach provisions, the provisions of the situational approach, the empirical situation, creative, scientific approaches, the provisions of the copyright recurrent approach to the study of cyclical development.

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА 2.0: РЕАЛЬНАЯ ПЕРЕЗАГРУЗКА 2015 ИЛИ...? ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОТКАЗА ОТ СЫРЬЕВОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

А.А. Гершанок, канд. экон. наук, доц. кафедры менеджмента,

Электронный адрес: agershanok@yandex.ru

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

В статье рассматриваются проблемы и перспективы развития современной российской экономики. Анализируется взаимосвязь сырьевой модели развития и уровня инновационной активности. Исследованы проводимые в России реформы, направленные на повышение инновационной активности предприятий, развитие реального сектора экономики, централизованный контроль и регулирование соответствующих процессов со стороны государства. Рассмотрены вопросы теории и практики формирования эффективной модели инновационного развития. Обоснованы рекомендации по проведению организационно-экономических преобразований, отказу от сырьевой модели и переходу к экономике знаний.

Ключевые слова: рыночные реформы, инновационная активность, экономика знаний, научно-техническое развитие, угрозы национальной безопасности, организационно-экономические преобразования.

Россия за последние несколько лет после кризиса 2008 года пыталась достичь экономического роста, на основе развития реального сектора экономики, сектора науки и высоких технологий. В отдельные периоды рост действительно наблюдался: так в 2010 и 2011 годах объёмы производства увеличивались более чем на 5% ежегодно. Но, по всей видимости рост был обеспечен благодаря сырьевому сектору, за счёт быстрого восстановления и роста цен на сырьё после обвала 2008 года. Уже в 2012 году наблюдался рост всего лишь на 3,4%, а в 2013 году – на 0,4% [1, с.1]. По итогам 2014 года ожидается нулевой или даже отрицательный результат.

Вывод следует однозначный: упомянутая выше «модель развития» реального сектора и высоких технологий внедрялась только на словах, в виде высоких лозунгов и многочисленных амбициозных стратегий, в действительности использовалась, прежде всего, «проверенная временем» сырьевая модель. В целом до 2013 года внешне всё выглядело достаточно неплохо, что подтверждали и основные макроэкономические показатели. Согласно данным показателям, в т.ч. структуре ВВП, экономика России уже перешла к постиндустриальному типу развития, экономике знаний и высоких технологий, а следовательно, обладает достаточным уровнем человеческого, научного потенциала.

Однако, за счёт чего в действительности были обеспечены такие показатели?

В современном понимании - постиндустриальная (инновационная) экономика представляет собой новый этап экономического развития, характеризующийся преобладанием инновационного сектора экономики с высокопроизводительной промышленностью, индустрией знаний, высокой долей в ВВП инновационных услуг, высокоразвитым венчурным бизнесом.

В России (по данным Росстата) доля услуг составляет почти 60% ВВП, обрабатывающей промышленности – 13%, сельского хозяйства – 3%. Соответствующие тенденции в экономике страны более чем стабильные и практически не меняются с начала 2000-х годов.

Таблица 1

ВВП России по видам экономической деятельности (в ценах 2008г.), млрд. руб. [21, с.1]

Виды экономической деятельности	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Сельское хозяйство	1349	1324	1338	1343	1379	1397	1487	1509	1326	1521	1466	1529
Добыча полезных ископаемых	2688	2977	3374	3425	3326	3254	3285	3207	3420	3536	3594	3457
Обрабатывающие производства	4476	4870	5262	5496	5857	6298	6164	5263	5716	6075	6248	6490
Услуги, прочее	15034	16145	16992	18305	20274	22490	24248	22831	23677	24308	25358	25673
Чистые налоги на продукты	3766	3988	4441	4841	5299	5780	6094	5239	5624	6018	6207	6264
всего	27312	29305	31408	33410	36135	39219	41277	38049	39762	41458	42873	43411

Таблица 2

Структура ВВП России по видам экономической деятельности (в ценах 2008г.), % [21, с.1]

Виды экономической деятельности	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Сельское хозяйство	5%	5%	5%	4%	4%	4%	4%	4%	3%	4%	3%	3%
Добыча полезных ископаемых	9%	9%	12%	12%	12%	11%	10%	11%	12%	12%	12%	12%
Обрабатывающие производства	15%	14%	15%	16%	15%	15%	15%	13%	13%	13%	13%	13%
Услуги, прочее	59%	59%	56%	53%	54%	56%	56%	59%	59%	56%	57%	58%
Чистые налоги на продукты	12%	12%	13%	14%	15%	14%	15%	13%	14%	15%	15%	14%
всего	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%

Однако, является ли главным признаком постиндустриальной экономики снижение доли промышленности в ВВП и увеличение сферы услуг. Экономика России остаётся в значительной степени сырьевой, а, следовательно – индустриальной и неконкурентоспособной.

Насыщение внутреннего российского рынка продовольствием и промышленными товарами происходит не за счёт высокой производительности труда, а за счет преобладания их импорта над экспортом.

Приведённые данные свидетельствуют о крайне низких темпах роста реального сектора экономики, и особенно обрабатывающей отрасли (менее чем в 1,5 раза с 2002 по 2013 год). Импорт же при этом вырос в среднем более чем в 6 раз, особенно оборудования и транспортных средств (более чем в 9 раз).

Таблица 3

Товарная структура экспорта/импорта РФ [2, с.1]

Виды товаров	2011				1995			
	Млн. \$		%		Млн. \$		%	
	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт
продовольствие	42476	11964	13,9	2,3	13152	1378	28,1	1,8
минеральные продукты	6253	362741	2,1	70,3	3001	33278	6,4	42,5
хим. продукция	45411	30950	14,9	6	5088	7843	10,9	10
древесина и пр.	6747	10727	2,2	2,1	1104	4363	2,4	5,6
текстиль, обувь	16632	765	5,5	0,2	2644	1154	5,7	1,5
металлы, драгоценные камни	21754	57394	7,1	11,1	3956	20901	8,5	26,7
оборудование и транспортные средства	146594	23230	48	4,5	15704	7962	33,6	10,2
прочие товары	19446	18268	3,6	1	2060	1339	4,4	1,7
всего	305313	516040	100	100	46709	78217	100	100

Одним из ключевых показателей для любой страны является её ВВП. Именно он определяет тот уровень добавленной стоимости, которую страна смогла создать собственными силами на своей территории и тем самым повысить уровень благосостояния граждан.

Таблица 4

Результаты международных сопоставлений ВВП по ППС за 2008-2011 г. [18, с.1]

Страна	ВВП по ППС, млрд. долл. США			ВВП по ППС на душу населения				
				долл. США			индекс физического объема (США=100)	
	2008	2011	Δ, %	2008	2011	Δ, %	2008	2011
Австрия	332,2	360,5	109%	39849	42978	108%	85	86
Беларусь	149,9	157,3	105%	15488	16603	107%	33	33
Бельгия	394,9	440,1	111%	36879	40093	109%	79	81
Германия	3052,5	3352,1	110%	37171	40990	110%	79	82
Ирландия	189,5	196,6	104%	42643	42942	101%	91	86
Казахстан	237,8	343,9	145%	15172	20772	137%	32	42
Нидерланды	705,1	720,3	102%	42887	43150	101%	91	87
Норвегия	289,1	306,5	106%	60635	61879	102%	129	124
Россия	2888,8	3216,9	111%	20350	22502	111%	43	45
Великобритания	2260,5	2201,4	97%	36817	35091	95%	79	70
США	14296,9	15533,8	109%	46901	49782	106%	100	100
Хорватия	89,5	86,8	97%	20491	20308	99%	44	41
Швейцария	351	405,9	116%	45891	51582	112%	98	104
Япония	4322,9	4379,8	101%	33902	34262	101%	72	69
Среднемировой уровень				28220	33675	119%	60	68

После кризиса 2008 года, Россия по темпам роста ВВП не отставала от развитых стран мира и даже превосходила некоторые из них. Однако, по размеру ВВП на душу населения отставание существенное: 70% от среднемирового уровня и в 2-3 раза ниже развитых стран (45% от уровня США). По данному показателю (22502 долл. США на 1 человека) Россия находится на уровне таких стран как Казахстан, Литва, Латвия, Венгрия, Польша и т.п., не имеющих значительных запасов углеводородов.

Более того, в конце 2014 года все прогнозы хотя бы 0,5% роста ВВП сменились крайне негативными оценками, согласно которым Россию ожидает экономический спад 3-5 %.

При этом следует отметить, что темпы роста ВВП России более высокие, чем в развитых странах Европы, но значительно более низкие, чем в развивающихся странах: Китае, Индии, Бразилии. И повторить результат быстрого роста экономики послекризисного 1999 года сегодня не получится, поскольку уже нет тех объективных условий: высокого уровня незанятой рабочей силы, низкой степени загрузки производственных мощностей.

А что же делала страна и её руководство последние 15 лет, если она и её экономика так и осталась зависимой от цен на нефть и её экспорта?

Девальвация рубля в 2014 году, сильнейшая за последние 15 лет, показала слабость и неустойчивость экономики России, её национальной валюты. Даже экономика Украины не так пострадала от смены власти и военных действий 2014 года, поскольку в основе её экономики не лежал сырьевой сектор и не обеспечивал половину бюджета.

Во время кризиса 2008 года, носящего общемировой характер, экономика России не была подвержена таким негативным и самое главное – быстрым изменениям. Падение цен на нефть в 2008 году до 40 долларов за баррель привело к сильным кризисным явлениям в экономике России и девальвации рубля. Однако, даже тогда в 2008 году девальвация не была такой сильной как сейчас, в сравнении с уровнем падения цен на нефть. Так, в 2008 году девальвация рубля достигала 40%, при падении цен на нефть на 70-75% (со 147 до 38\$); а в 2014 году девальвация составила 35%, при падении цен только лишь на 30% (со 115 до 80\$).

А какую позицию занимает руководство страны по данному вопросу? Девальвация преподносится как благо и вынужденная, фактически обязательная мера. При этом на словах её преимущества и последствия обозначаются в виде роста рублёвых доходов нефтегазовых и сырьевых компаний, поступлений в бюджет, а также повышения конкурентоспособности отечественных производителей, благодаря росту цен на импортные товары и сокращению спроса на них.

В современной экономике России так и не решена важная проблема, связанная с ориентацией руководства на сохранение сверхдоходов нефтегазовых компаний и их безмерной поддержкой, формирование золотовалютных резервов и отсутствием действующих механизмов реализации политики развития научно-технической и инновационной деятельности.

Сейчас доходы нефтегазового сектора полностью определяют устойчивость и финансовое благополучие всей экономики страны. Однако, в будущем, в связи с постепенным исчерпанием ресурсов, появлением альтернативных источников энергии, снижением энергоёмкости, внедрением энергосберегающих технологий, и в целом – активным переходом экономик многих стран к новым технологическим укладам, не требующим значительного количества энергоресурсов, ресурсодобывающий сектор российской экономики быстро потеряет свои позиции, а вместе с ним – и вся экономика России.

В настоящее время энергоэффективность экономики России в разы отстаёт от западных стран, не только по причине более суровых климатических условий, но и в связи с низким уровнем развития самих энергосберегающих технологий, а также высоким уровнем энергоёмкости всех отраслей экономики.

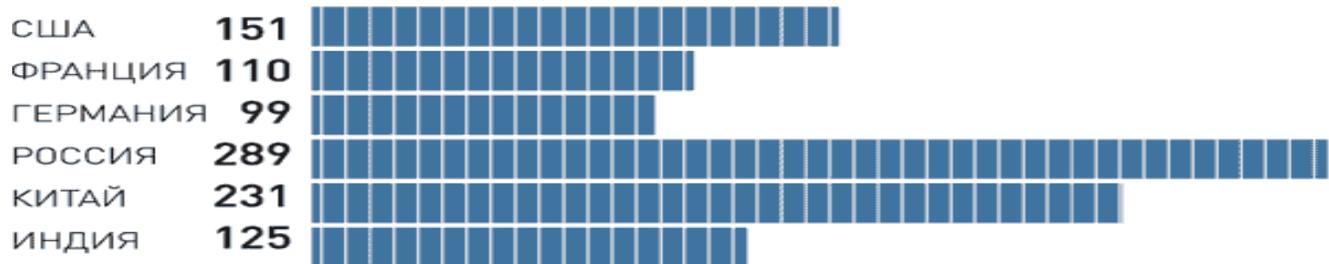

Рис. 1. Энергоёмкость ВВП стран мира (тонн нефтяного эквивалента/1млн. \$ ВВП) [23].

Более того, в недалёком будущем Россия может столкнуться с явным дефицитом энергетических ресурсов, связанным, прежде всего с высоким процентом износа энергетических мощностей, а также крайне низкими темпами совершенствования и ввода новых технологий в данной отрасли.

Какова причина того, что государство не уделяет обозначенным выше проблемам должного внимания? Ответ очевиден: «нефтедоллары» есть сейчас, и при этом в достаточно большом количестве, позволяющем не думать о будущем, о необходимости развития реального сектора экономики, о стимулировании новейших научно-технических разработок и их активном внедрении на рынке. Всё это очень сложно и долго, особенно тогда, когда цены на нефть находятся на уровне в несколько раз превышающем показатели начала 90-х.

Однако, почему и в «лихие» 90-е, при практически полном отсутствии денег из-за низких цен на нефть и неразвитости рыночной экономики в России в переходный период, и сейчас, при их наличии и высоких ценах на нефть, не развивается реальный сектор экономики, не говоря уже о научно-техническом прогрессе и инновациях.

Рис. 2. Динамика цен на нефть [9].

Ответ опять на поверхности. Управление экономикой требует профессионального подхода, а если

у власти находятся не экономисты, а также те, чьи интересы – сохранение сверхдоходов от нефти и газа в руках нескольких «олигархов», то ничто иное их просто не интересует. Ни до 2008 года, ни после, т.е. за прошедшие 15 лет нахождения у власти нынешнего руководства страны, никто и не думал заниматься реальным сектором экономики. Как только в 1999 году и после, в 2009 году, цены на нефть после кризисов 1998 и 2008 годов соответственно, начали расти и дошли к 2014 году к 100-110\$, про реальный сектор все сразу забыли.

Если страна не зависит от импорта, то девальвация национальной валюты не скажется на состоянии экономики и темпах инфляции. Однако, если экономика сильно зависит от импорта, собственная промышленность не производит достаточный объём, как товаров народного потребления, так и продукции машиностроения, сектора высоких технологий, то девальвация первоначально приводит к росту цен на импортные товары, а поскольку отечественных нет или очень мало, и заменить импорт в короткие сроки нечем, то после незначительного периода спада спроса на импортную продукцию, он восстанавливается, и мы наблюдаем рост цен на всё.

Подобная ситуация наблюдалась как в 1998 году, так и в 2008 году.

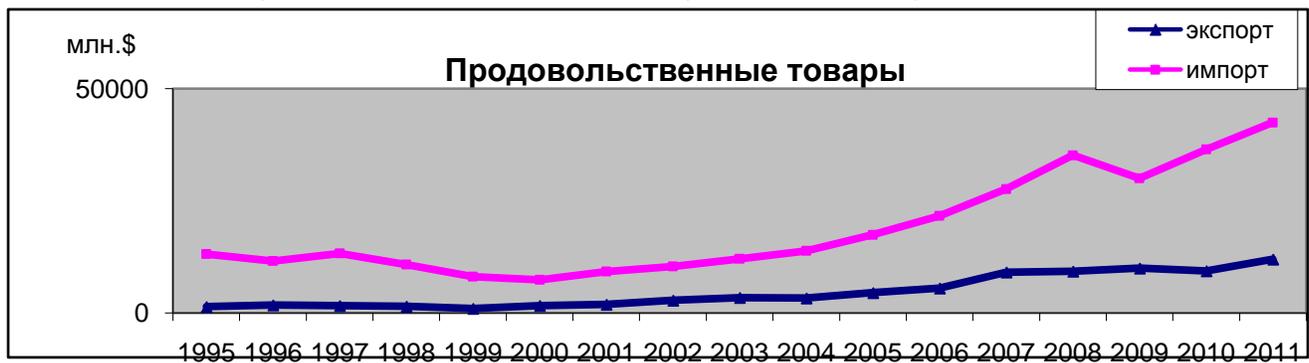

Рис.3. Динамика экспорта/импорта в РФ [2, с.1]

Кризис 1998 года с одной стороны создал предпосылки для развития российских предприятий, благодаря девальвации рубля и резкому росту цен на импортные товары, однако данная возможность была использована крайне слабо, и уже к началу 2000 годов данный потенциал был исчерпан.

За время второго послекризисного этапа реформирования государство не только не обеспечивало необходимые условия для эффективного развития, но зачастую само являлось причиной возникновения кризисных ситуаций в экономике. Практически все программы развития ставили перед собой тактические задачи финансовой стабилизации, приватизации государственной собственности, реформу ценообразования, заменяя ими стратегическую цель развития любой экономики – экономический рост и повышение качества жизни [16, с.7].

Кризис 2008 года в ещё большей степени показал сильную зависимость отечественной экономики от экспорта энергоресурсов, низкий уровень инновационного развития отечественных предприятий, не способных поддерживать экономику страны на приемлемом стабильном уровне при отсутствии ресурсной составляющей бюджета страны.

Существенных экономических результатов, кроме значительного роста экспорта энергоресурсов и импорта продовольствия, на протяжении всего трансформационного периода не наблюдается.

В большинстве случаев бизнес не заинтересован в развитии и создании новых производств, внедрении инноваций, создании рабочих мест. Причины такой «апатии»: неуверенность в стабильности экономики, ориентация на краткосрочные цели (заработать здесь и сейчас), неэффективное расходование бюджетных средств, высокая вероятность их присвоения чиновниками, вызывающие в свою очередь нежелание налогоплательщиков платить налоги и низкую налоговую дисциплину.

Таким образом, экономика страны попадает в замкнутый круг: доходы от нефти и газа фактически формируют бюджет страны, и не могут быть отвлечены из него, т.к. в противном случае не будут исполнены все социальные обязательства. А отсутствие вложения денежных средств в реальный сектор экономики приводит к отсутствию его роста и развития, а в конечном итоге – деградации. Отсутствие развитого реального сектора приводит к сокращению рабочих мест, сокращению доходов и налоговых платежей в бюджет. В итоге, всё зависит от цены нефти и газа и от того, на сколько лет

России хватает энергоресурсов.

Однако, есть и ещё одна важная проблема – неэффективная работа самих государственных структур – институтов, призванных обеспечивать стабильную работу и активное развитие экономики страны.

Вместо декларируемой властями политики развития реального сектора экономики, в т.ч. малого и среднего бизнеса, на практике развивается система вывода денежных средств, как из бюджета РФ, регионов и муниципалитетов, так и из финансовых потоков крупных предприятий, в основном добывающей отрасли, отрасли дорожного строительства, жилищно-коммунального хозяйства. Эти сферы наиболее подвержены мошенническим действиям, в связи с большими объёмами их финансирования, непрозрачностью систем расходования средств, возможностью завышения цен приобретаемых сырья, материалов, услуг, работ.

Опыт экономических реформ, проводимых во многих странах, подтверждает, что стабильное развитие и повышение эффективности национальной экономики возможно только в случае успешного развития всех её элементов, в том числе отдельно взятых хозяйствующих субъектов – предприятий.

В свете вышеизложенного возникает множество угроз, связанных не только с финансово-экономическими проблемами предприятий, но и с их низкой активностью в научно-технической и инновационной сферах. По закону перехода количественных изменений в качественные – по мере ослабления инновационной и научно-технической активности увсё большего числа отечественных предприятий, и накопления соответствующих негативных тенденций, возрастает вероятность ослабления и подрыва национальной безопасности страны в целом.

Научно-техническая безопасность отдельных предприятий, регионов, секторов экономики и страны в целом, является определяющей для национальной безопасности России в 21 веке в условиях глобализации и перехода к постиндустриальной экономике - экономике знаний.

В системе обеспечения национальной безопасности России, государством выделено множество элементов, среди которых не последнее место занимают наука, технологии и образование. Согласно «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», данный элемент выделен как один из приоритетов устойчивого развития России.

Однако, в действительности, данному сектору уделяется очень незначительное внимание, особенно в сравнении с развитыми странами.

Таблица 5

Финансирование науки из средств федерального бюджета РФ [20]

	2000	2003	2006	2009	2012	2013
Всего, млн. руб.	17396,4	41576,3	97363,2	219058	355920	425302
в т.ч.						
на фундаментальные исследования	8219,3	21073,3	42773,4	83198,1	86623,2	112231
на прикладные научные исследования	9177,1	20503	54589,8	135860	269297	313071
в процентах:						
к расходам федерального бюджета	1,69	1,76	2,27	2,27	2,76	3,19
к валовому внутреннему продукту	0,24	0,31	0,36	0,56	0,56	0,64

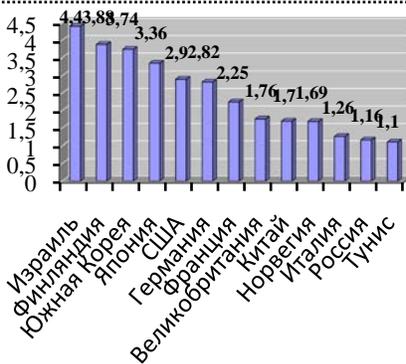

Рис. 4. Рейтинг стран мира по уровню расходов на НИОКР (% к ВВП), UNESCO Institute for Statistics, 2012.

В сферах науки, технологий и образования в настоящее время государством выделены следующие стратегические цели:

- развитие государственных научных и научно-технологических организаций;
- повышение социальной мобильности, уровня общего и профессионального образования населения

Для достижения указанных целей планируется решить ряд задач:

- обеспечение технологической безопасности.
- совершенствование государственной инновационной и промышленной политики,
- развитие государственно-частного партнерства в сфере науки и технологий,
- создание условий для интеграции науки, образования и промышленности,
- проведение системных исследований в интересах решения стратегических задач национальной обороны, государственной и общественной безопасности.
- гражданское воспитание новых поколений в традициях престижа труда ученого и педагога.

Однако, несмотря на некоторые позитивные сдвиги при проведении реформ, существует ряд до сих пор нерешённых проблем, создающих серьёзную угрозу национальной безопасности страны:

- отставание в переходе в последующий технологический уклад,
- зависимость от импортных поставок научного оборудования,
- несанкционированная передача за рубеж конкурентоспособных отечественных технологий,
- необоснованные односторонние санкции в отношении научных и образовательных организаций России,

▪ недостаточное развитие нормативной правовой базы и слабая мотивация в сфере инновационной и промышленной политики.

С целью решения обозначенных проблем в конце 2012 года правительством была принята государственная программа «Развитие науки и технологий». Её реализация должна повысить научно-техническую активность отечественного бизнеса, за счёт ряда мероприятий и подпрограмм, финансируемых из бюджета.

Для достижения главной цели программы - формирования конкурентоспособного и эффективно функционирующего сектора исследований и разработок и обеспечения его ведущей роли в процессах технологической модернизации российской экономики – планируется выделение 1,6 трлн. руб. на период с 2013 по 2020 годы. При этом, предполагается решить такие ключевые задачи, как:

- развитие фундаментальных научных исследований;
- создание опережающего научно-технологического задела на приоритетных направлениях научно-технологического развития;

▪ институциональное развитие сектора исследований и разработок, совершенствование его структуры, системы управления и финансирования, интеграция науки и образования;

▪ формирование современной материально-технической базы сектора исследований и разработок;

▪ обеспечение интеграции российского сектора исследований и разработок в международное научно-технологическое пространство.

По различным оценкам, за период с 1990-х годов общая численность персонала, занятого исследованиями и разработками в России сократилась более чем на 50-60%. В абсолютных цифрах наука потеряла более миллиона человек. В итоге, решение указанных выше крайне важных стратегических задач становится практически невыполнимым.

Следует отметить, что основными причинами сокращения численности научных кадров, оказавшегося критическим для российской экономики, являются следующие:

- подрыв системы воспроизводства научных кадров из-за хронического недофинансирования в 90-е годы,

▪ интенсивный переход исследовательских и обслуживающих науку кадров в другие отрасли экономики и области занятости в России ("внутренняя миграция"),

- эмиграция исследователей за рубеж ("утечка умов"),

▪ естественная убыль учёных старших поколений, при практическом отсутствии пополнения системы со стороны молодёжи.

Несмотря на значительный объём финансирования соответствующих программ со стороны

государства, общая ситуация практически не меняется. Отток учёных, особенно молодых, продолжается, причём – как в другие сферы экономики (сырьевой сектор, торговля, финансы), так и за границу.

В качестве основных факторов торможения инновационной активности, являющейся одним из главных показателей развития экономики знаний, в России можно выделить следующие:

- приоритет развитию сырьевого сектора, не сопряженному с развитием отраслей обрабатывающей промышленности, в первую очередь наукоемких;
- ориентация на краткосрочные цели;
- значительная недооценка человеческого капитала;
- нарушение преемственности научных и технических знаний;
- чрезмерное сокращение оборонно-промышленного комплекса, в котором сосредоточены многие российские высокие технологии [10, с.37].

Недооценка человеческого капитала в России является наиболее острой и фактически главной проблемой национального масштаба.

21 век - век экономики знаний, одним из основных ресурсов которой является кадровый потенциал науки, образования и высокотехнологичных секторов экономики. Мировой опыт свидетельствует о том, что невозможно восполнить потерю научных традиций, ученых высшей квалификации за короткий срок, даже при благоприятных экономических условиях. Для создания полноценных научных школ необходимо 2 - 3 поколения.

Подводя итог вышесказанному, можно сказать, что главная дилемма, озвученная в начале статьи, до сих пор остаётся нерешённой: направление ренты с природных ресурсов России в соответствующем направлении развития науки и техники, или сохранение сверхдоходов нефтегазовых компаний и теневых потоков капитала, вывозимого из России.

Рассматриваемые проблемы являются особенно характерными для стран с переходной экономикой, когда идёт активный процесс первоначального накопления капитала. Впоследствии, при относительной стабилизации и сокращении негативных тенденций, возможно возобновление движения к экономике знаний и соответственно повышение инновационной активности предприятий.

Для многих представителей малого и среднего бизнеса до сих пор остаётся неразрешимой проблема доступа к новейшим научно-техническим достижениям. В связи с этим, одной из главных задач государства должна стать ликвидация барьеров, ограничивающих доступ к научно-техническим достижениям, обеспечение наиболее благоприятных условий перехода к экономике знаний.

Любая развивающаяся страна может перейти к устойчивому и высококачественному росту лишь в том случае, если уделяет достаточное внимание научно-технической безопасности, освоению и массовому внедрению новых технологий, развитию наукоемких высокотехнологичных отраслей, сферы образования.

Сырьевая экономика не способна на быстрое и эффективное решение подобных задач, в силу своей ограниченности и замкнутости на ресурсной составляющей, и в конечном итоге приводит к социально-экономическому отставанию, утрате источников роста.

При сохранении в России нынешней модели развития и отсутствии политической воли у руководства страны к разрешению обозначенной дилеммы в пользу инноваций, Россия рискует окончательно утратить свои пока ещё не самые слабые позиции в мировой экономике.

Список литературы

1. Важнейшие экономические показатели России и отдельных зарубежных стран: Динамика промышленного производства, прирост (снижение). URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d04/239.htm, 2015г.
2. Внешняя торговля Российской Федерации (по методологии платежного баланса) URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/fttrade/#, 2015г.
3. Гершанок А.А. Инновационная активность малых предприятий: проблемы и перспективы // Сборник научных статей: Теория и практика корпоративного менеджмента: Вып. 11. Пермь, ПГНИУ, 2014.
4. Гончаров А.И. Восстановление платёжеспособности предприятия: модель оптимизации структуры // Финансы, 2004, №10.
5. Грант Р. Современный стратегический анализ // СПб.: Питер, 2012. 544с.
6. Гришанков Д.Э. 7 нот менеджмента. Лучшая практика управления // М.: Эксперт РА, 2008. 340 с.
7. Дегтярев К. С. Энергообеспечение России - проблемы и возможности решения // Молодой ученый,

2011. №8. Т.1. С. 107-112.

8. Динамика финансового результата организаций (без субъектов малого предпринимательства) по Российской Федерации URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/finans/dinfinrez.htm, 2012г.

9. Динамика цен на нефть URL: <http://stock-list.ru/oil.html/>, 2015г.

10. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2004 год: «На пути к обществу, основанному на знаниях» / Под общей ред. проф. С.Н. Бобылева. // М.: Весь Мир, 2004. 160 с.

11. Друкер П. Менеджмент. Вызовы XXI века // М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. 256 с.

12. Колотушкина О. Основы корпоративного права США. // Н. Новгород, 2000. 299с.

13. Константинов Ю.А. Финансовый кризис: причины и преодоление. // М.: Финстатинформ, 1999г.

14. Котировки нефти URL: <http://www.forexpf.ru/chart/brent/>, 2014г.

15. Котировки нефти URL: <http://www.forexpf.ru/chart/brent/>, 2014г.

16. Крутик А.Б., Муравьев А.И. Антикризисный менеджмент // СПб: Питер, 2001. 432с.

17. Курсы валют к рублю Forex URL: <http://www.forexpf.ru/chart/usdrub/>, 2014г.

18. Международные сопоставления ВВП России и других стран мира URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#, 2015г.

19. Мельник А.Н. Повышение энергетической эффективности производства как важнейшее направление развития отечественной экономики // Проблемы теории и практики управления, 2010. №12. С. 8–17.

20. Наука и инновации, Финансирование науки из средств федерального бюджета URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#, 2015 г.

21. Национальные счета, валовой внутренний продукт URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#, 2014г.

22. Облой К. Стратегия предприятия: в поисках устойчивого конкурентного преимущества // Минск: Гривцов Букс, 2013. 384 с.

23. Промышленное обозрение // Российская Бизнес-газета, 25.12.2012г. № 878.

24. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 № 537 «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».

TO THE QUESTION OF EFFICIENCY OF SMALL AND MEDIUM BUSINESS IN THE RUSSIAN ECONOMY.

A. Gershanok,

E-mail: agershanok@yandex.ru

Perm State University

In article problems and prospects of development of modern Russian economy are considered. The interrelation of raw model of development and level of innovative activity is analyzed. The reforms which are carried out in Russia directed on increase of innovative activity of the enterprises, development of real sector of economy, the centralized control and regulation of the corresponding processes from the state are investigated. Questions of the theory and practice of formation of effective model of innovative development are considered. Recommendations about carrying out organizational and economic transformations, to refusal of raw model and transition to economy of knowledge are proved.

Keywords: market reforms, innovative activity, economy of knowledge, scientific and technical development, threats of national security, organizational and economic transformations.

ОСНОВНЫЕ БИЗНЕС-ПРОЦЕССЫ ЛЕСОПЕРЕРАБОТКИ

К.В. Доможирова, ст. преп. кафедры менеджмента,

Электронный адрес: dkv.psu@gmail.com

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

В.Э. Сажин, соискатель,

Электронный адрес: pfie@mail.ru

Пермский филиал ИЭ УрО РАН, 614990, г. Пермь, ул. Ленина, 13а

Основной продукцией лесопереработки являются строительные материалы (брус, древесностружечные и древесно-волоконные плиты, паркет, фанера) и иные изделия для быта. Однако процессы лесопереработки во многом зависят от ресурсов территории, инфраструктурного и энергетического фактора, а также от применения технологий глубокой переработки древесины. Авторы анализируют состояние лесного комплекса и процессы лесопереработки в России.

Ключевые слова: лесные ресурсы, региональная экономика, институты, управление экономикой региона, управление лесным хозяйством

По площади лесных земель наша страна занимает первое место в мире. Лесные массивы составляют 8 090 900 кв. км (49,4% территории страны). На втором месте по площади находится Бразилия – 5 195 200 кв.км (61,4 % территории страны), на третьем – Канада с площадью 3 101 340 кв.км (34,1 % территории страны), на четвертом месте США – площадь 3 040 220 кв.км (33,2% территории страны), замыкает пятерку лидеров Китай с площадью лесов 2 068 610 кв.км (22,2 % территории страны)[2].

Доступными для эксплуатации спелыми и перестойными лесами России покрыты площади в 156,2 млн. га (44,5% покрытой лесом площади страны). Объем расчетной лесосеки составляет 500 млн. куб. м, в том числе по хвойной породе около 300 млн. куб. м. Объем заготовки древесины в стране равен 191 033,16 тыс. куб. м. в год (на 2012г.)[4].

Состав лесного комплекса по видам экономической деятельности представлен на Рис. 1.

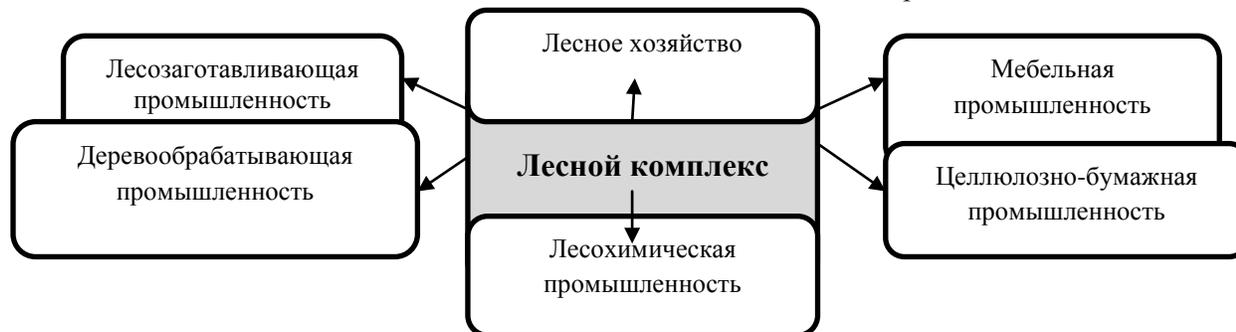

Рис. 1. Состав лесного комплекса по видам экономической деятельности в Российской Федерации [5]

Основным элементом лесного комплекса является лесное хозяйство – деятельность по регулированию лесопользования, учету лесов, их воспроизводству и охране, контролю за использованием лесных ресурсов региона.

Лесная промышленность включает в себя лесозаготовку (валка леса, очистка). Продукция, поставляемая лесозаготовительными предприятиями – лес-кругляк, который впоследствии подвергается механической или химической обработке на предприятиях деревообрабатывающей промышленности.

Основной продукцией деревообработки являются строительные материалы (брус, древесностружечные и древесно-волоконные плиты, паркет, фанера), а также заготовки для спичек, карандашей

и другие изделия. Деревообрабатывающие предприятия снабжают своей продукцией и мебельную промышленность. Факторами размещения для таких предприятий являются: близость к сырью или близость к потребителю.

Продукция лесохимической промышленности: лаки, краски, кормовые дрожжи и искусственные волокна. Целлюлозно-бумажная промышленность выпускает бумагу, картон и целлюлозу. Сырьевой фактор при размещении практически всех предприятий химической промышленности играет ключевую роль, немалая роль отводится энергетическому и водному факторам. Именно поэтому крупные лесоперерабатывающие предприятия России размещаются в богатых лесными угодьями областях. Производство целлюлозы в деловых центрах: Архангельск, Иркутск, Республика Коми, Санкт-Петербург, Карелия. Бумагу и картон производят в Карелии, Пермском крае, Республике Коми, Нижнем Новгороде, Санкт-Петербурге.

Сам процесс лесопереработки подразумевает лесопиление и переработку леса кругляка. Лесопиление представляет собой работу на лесопильной раме, а также использование вспомогательного оборудования типа круглопильных станков и фрезы. Линия по лесопилению может быть фрезерно-пильная или фрезерно-брусчатая в зависимости от распиловки, на которой отходы сразу превращаются в щепу.

Вспомогательное оборудование и транспортеры помогают сформировать компоновку процесса лесопиления: подачу бревен, подачу досок на сортировку, доставка щепы и коры. При этом процессы лесопиления должны быть оборудованы электродвигателями, компрессорными, пилоножеточными и др. станциями вспомогательного обслуживания.

Сортироваться готовые пиломатериалы могут ручным, полуавтоматическим и автоматическим способом. Сортировка также может производиться по пакетам ручным или автоматическим способом посредством специального оборудования.

Процесс лесопереработки также включает в себя этап просушки пиломатериалов в сушильных камерах. Камеры могут представлять собой туннельные или тупиковые сушилки.

Сушильный пакет разбирается, сортируется и снова собирается в транспортировочный вид. Этот процесс осуществляется уже в цехе сортировки сухого пиломатериала. Процесс сортировки влажного пиломатериала мало чем от него отличается, только исключает участок разборки сушильного пакета и упаковки транспортного.

Склад готовой продукции является важнейшим этапом во всей логистической цепочке лесопереработки.

Отгрузка пиломатериалов чаще осуществляется по железной дороге, а значит, склад требует наличие железнодорожного тупика и специального оборудования для погрузки материалов или контейнеров на ж/д платформу.

Предприятия лесопиления могут быть также оснащены строгальным цехом, выпускающим погонаж и иную готовую продукцию. Цеха по глубокой переработке древесины комплектуют сейчас современными технологиями по сращиванию пиломатериала, удалению дефектов, склеиванию в разные изделия (столярные и мебельные щиты, брусы).

Все вспомогательное производство направлено на обслуживание механизмов, складов, ремонт оборудования, обеспечение энергоресурсами и персоналом.

Вопрос переработки отходов лесопиления все еще до конца не решен. На 1 куб.м. лесоматериалов приходится до 3 куб.м. древесной щепы. Щепка может быть использована в котельных, но большая часть остается невостребованной, т.ч. из-за высокой стоимости транспортировки ее до ближайших лесопромышленных предприятий.

Современные технологии позволяют из отходов формировать топливные брикеты или пеллеты. Но спрос на указанную продукцию низкий в пределах лесоперерабатывающей территории, а перевозка имеет высокую стоимость.

Вопрос глубины переработки древесины и использования отходов остается открытым и сильно зависит от развития территориального лесопромышленного комплекса.

По данным Росстата производство древесины необработанной в Российской Федерации в 2010г. составило 112,2млн. плотных м³, в 2011гг. – 120,5 млн. плотных м³. Данные по производству основных видов продукции (по отраслям) в натуральном выражении представлены в таблицах 1, 2.

Таблица 1

Производство основных видов продукции деревообработки

Продукция	2010	2011
Лесоматериалы, продольно распиленные или расколотые, разделенные на слои или лущеные, толщиной более 6 мм; шпалы железнодорожные или трамвайные деревянные, непропитанные, млн. м ³	19,2	21,1
Фанера клееная, состоящая только из листов древесины, тыс. м ³	2687	3040
Плиты древесностружечные и аналогичные плиты из древесины и других одревесневших материалов, тыс. условных м ³	5466	6528
Плиты древесноволокнистые из древесины или других одревесневших материалов, млн. условных м ²	398	464
Домики садовые и постройки хозяйственные приусадебные и детали и изделия деревянные для них, тыс. шт.	1,1	1,1
Оконные блоки, млн. м ²	1,2	1,3
Дверные блоки, млн. м ²	9,2	10,7

Таблица 2

Производство основных видов продукции целлюлозно-бумажного производства издательской и полиграфической деятельности

Продукция	2010	2011
Целлюлоза древесная и целлюлоза из прочих волокнистых материалов, тыс. т	7510	7661
Бумага, тыс. т	4675	4780
в том числе газетная	1953	1926
Картон, тыс. т	2908	2801
Обои и аналогичные материалы для оклеивания стен; бумага прозрачная для окон, млн. условных кусков	106	106
Школьные тетради, млн. шт.	733	661
Газеты (экземпляров условного тиража), млрд. шт.	18,5	19,1
Книги и брошюры печатные в виде отдельных листов (листов-оттисков), млрд. шт.	3,3	3,3
Журналы (листов-оттисков), млн. шт.	7693	8122

Как видно из таблиц 1 и 2, по производству основных видов продукции деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленности демонстрируют рост, однако снижается интенсивность издательской и полиграфической продукции, что связано со снижением потребления бумажных изданий и повышением спроса на электронные носители и файлы.

При размещении отраслей лесного комплекса важно учитывать особенности производства, принципы и факторы размещения, типы лесопромышленных регионов, задачи, стоящие перед комплексом. В целом по лесной отрасли к факторам размещения можно отнести: сырьё, географическое расположение, наличие трудовых ресурсов, транспортную сеть, потребителей, водные ресурсы, дешёвую электроэнергию. При удалённости районов заготовки древесины от районов его потребления, перевозка древесины осуществляется автомобильным, железнодорожным и речным транспортом.

По объёму лесозаготовок в России лидирует Иркутская область (почти 15% всей древесины РФ). На втором месте по объёму заготовки леса отметим Архангельскую область (11% от общего объёма), третье место - Вологодская область и Хабаровский край (по 7 % от общего объёма лесозаготовок), за ними следуют Пермский край, Кировская область, республика Карелия и республика Коми (по 6 % от общего объёма), далее – Красноярский край, Свердловская и Ленинградская области [1].

Наиболее существенно лесозаготовка представлена в Восточной Сибири, на Европейском Севере и Дальнем Востоке.

По производству бумаги лидирующие позиции занимает Европейский Север: Сыктывкар, Красноярск, Архангельск, Усть-Илимск, Иркутск. Еще Светогорск, Москва, Балахна, Астрахань, Пермь, Соликамск, Ростов-на-Дону (в качестве сырья используют тростник). Самые крупные предприятия российской лесной промышленности, которые сочетают в себе все три стадии обработки дерева - лесопромышленные комплексы – располагаются в Архангельске, Красноярске, Братске, Усть-Илимске, Сыктывкаре и др.

Как показывает практика, наибольшей эффективности в лесной отрасли добиваются компании, организованные по принципу вертикально интегрированного холдинга. Интеграция осуществляется на базе крупного целлюлозно-бумажного комбината, лесоперерабатывающего или фанерного завода.

Рациональное использование лесных богатств региона, их охрана, защита и воспроизводство, а также сохранение средообразующих, защитных, санитарно– гигиенических, оздоровительных и иных полезных функций леса – предмет постоянной заботы лесоводов, лесопромышленников и исполнительной власти страны. Российская Федерация располагает достаточными лесосырьевыми ресурсами для многократного увеличения производства лесопромышленной продукции, удовлетворения внутреннего спроса в полезностях лесного ресурса и развития экспорта конечной продукции, однако пока потенциал не раскрыт.

Список литературы

1. Данные Федеральной службы государственной статистики за 2012г. URL: <http://www.gks.ru/>; Дата обращения 01.09.2013.
2. Лес Онлайн-лесная промышленность. URL: <http://www.lesonline.ru/>; Дата обращения 12.02.2013.
3. Пыткин А.Н. Развитие лесопромышленного комплекса в конкурентной среде. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2006.-287с.
4. Сайт Единой межведомственной информационно-статистической системы. URL: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do?id=37848> (Дата обращения 01.08.2013).
5. Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации на период до 2020 года (утв. Приказом Минпромторга России и Минсельхоза России от 30.10.2008г.№248/481). URL: www.consultant.ru, Дата обращения 25.01.2013.

THE MAIN BUSINESS PROCESSES OF FOREST PRODUCTS

K. Domozhirova,

E-mail: dkv.psu@gmail.com

Perm State University

V.Sazhin,

E-mail: pfie@mail.ru

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

The main products are wood processing building materials (timber, chipboard and fibreboard, parquet, plywood) and other products for everyday life. However, the processes of forest products is largely dependent on the resources of the territory, infrastructure and energy factor, as well as the application of technologies for deep processing of wood. The author analyzes the state of the forestry and wood processing processes in Russia.

Keywords: forest resources, regional economics, institutions, management of the economy of the region, forest management.

ВЛИЯНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ АКТИВНОСТЬ В РЕГИОНАХ

**С.В. Дорошенко, докт. экон. наук, доц., ведущий научный сотрудник,
А.Д. Топоркова, асп.,**

Электронный адрес: doroshenkos@mail.ru

ИЭ УрО РАН, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29

Авторами рассмотрен один из основных инструментов концепции «умного регулирования» - оценка регулирующего воздействия, который является инновационным инструментом системы государственного управления. Цель внедрения оценки регулирующего воздействия – это снижение административных барьеров предпринимательской деятельности, по уровню которых Россия занимает достаточно низкие места в международных рейтингах делового климата. Проведен анализ его внедрения на региональном уровне, выявлены основные проблемы. Проанализирован уровень предпринимательской активности в федеральных округах. Сделаны выводы об отсутствии на текущий момент времени прямой взаимосвязи между внедрением оценки регулирующего воздействия и уровнем предпринимательской активности на территориях.

Ключевые слова: регион, предпринимательская активность, административные барьеры, государственное управление, оценка регулирующего воздействия

Исследование проводится в рамках гранта РГНФ 13-02-00120 «Оценка государственной политики инновационного развития минерально-сырьевого комплекса».

В настоящее время различными организациями проводятся так называемые замеры барьеров ведения бизнеса как в межстрановом, так и национальном и региональном разрезе. Одним из наиболее известных является проект Всемирного банка «Ведение бизнеса» (Doing Business). Это глобальное исследование реализуется с начала 2000-х годов и в итоге представляет собой рейтинг стран мира по показателю создания ими благоприятных условий ведения бизнеса.

В рамках проекта оцениваются и отслеживаются изменения нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность местных, прежде всего малых и средних компаний, на протяжении всего их жизненного цикла — от создания и до ликвидации. Одна из основополагающих предпосылок исследования заключается в том, что для ведения хозяйственной деятельности требуются качественные правила, которые являются прозрачными и могут использоваться всеми экономическими субъектами.

Рейтинг составляется на основании 10 индикаторов регулирования предпринимательской деятельности, учитывающих ее различные аспекты (табл. 1). При этом не учитываются такие переменные, как макроэкономическая политика, качество инфраструктуры, квалификация рабочей силы, колебания валютных курсов, мнения инвесторов, безопасность и уровень коррупции. Таким образом, условия организации и ведения бизнеса рассматриваются без учета политических аспектов, исключительно на уровне государственного регулирования. В итоговом рейтинге все страны ранжируются по легкости ведения бизнеса с 1 до 189 место (по числу участвующих стран), первое место — наиболее высокое. Высокая позиция страны означает, что ее регуляторный климат благоприятствует ведению бизнеса. Уровень легкости является средним показателем страны по 10 индикаторам, каждый индикатор имеет равный вес.

В табл. 1 представлен совокупный рейтинг стран – бывших республик СССР, по показателю легкость ведения бизнеса, а также данные по десяти индикаторам регулирования предпринимательской деятельности.

По данным таблицы видно, что показатели практически всех стран достаточно неравномерно распределены в разрезе десяти индикаторов: по одним показателям страна находится в лидерах, по другим – либо в середине, либо в конце списка.

Несмотря на то, что Российская Федерация из выделенных стран находится ближе к концу списка, тем не менее, экспертами отмечается, что страна за один год значительно улучшила свои позиции и поднялась со 112 на 92 место в рейтинге. В целом, Россия улучшила условия ведения бизнеса по пяти из 10 показателей, рассматриваемых в исследовании, при этом результаты нового доклада оказались для страны лучшими за всю историю наблюдений. Тем не менее, впереди России в рейтинге по-прежнему находятся почти все хоть сколько-нибудь экономически развитые страны мира.

Из всех критериев, по которым оцениваются экономики, в России лучше всего обстоят дела с обеспечением исполнения контрактов. Этот показатель отражает эффективность принудительных мер по соблюдению условий договоров. По этому критерию страна занимает 10 место в мире. Так, в России рассмотрение коммерческих споров в суде занимает в среднем 270 дней, что заметно быстрее, чем во многих развитых странах, при этом количество необходимых процедур (36) и стоимость судебных издержек (13,4% от стоимости иска) также существенно ниже среднемировых показателей.

Рейтинги «Легкость ведения бизнеса» стран постсоветского пространства, 2014 г.*

Страна	Рейтинг легкость ведения бизнеса	Регистрация предприятий	Получение разрешений на строительство	Подключение к системе электроснабжения	Регистрация собственности	Кредитование	Защита инвесторов	Налогообложение	Международная торговля	Обеспечение исполнения контрактов	Ликвидация предприятий
Грузия	8	8	2	54	1	3	16	29	43	33	88
Литва	17	11	39	75	6	28	68	56	15	17	44
Эстония	22	61	38	56	15	42	68	32	7	26	66
Латвия	24	57	79	83	33	3	68	49	17	21	43
Армения	37	6	79	109	5	42	22	103	117	112	76
Казахстан	50	30	145	87	18	86	22	18	186	27	54
Беларусь	63	15	30	168	3	109	98	133	149	13	74
Кыргызстан	68	12	66	180	9	13	22	127	182	70	132
Азербайджан	70	10	180	181	13	55	22	77	168	28	86
Молдова	78	81	174	165	19	13	80	95	150	23	91
Россия	92	88	178	117	17	109	115	56	157	10	55
Украина	112	47	41	172	97	13	128	164	148	45	162
Таджикистан	143	87	184	186	78	159	22	178	188	39	81
Узбекистан	146	21	159	173	136	130	138	168	189	40	63

*Составлено на основе аналитического доклада Всемирного банка «Ведение бизнеса в 2014 году», размещенного на сайте www.doingbusiness.org [39].

Следует отметить, что результаты этого исследования пользуются авторитетом в деловых и политических кругах, выступая своего рода ориентиром развития. Так, в Указе Президента России «О долгосрочной государственной экономической политике»(2012) подчеркивалась необходимость принятия мер, направленных на повышение позиции России в рейтинге «Ведение бизнеса» до 50 места в 2015 году и до 20 в 2018 году. Этому должны способствовать продолжающиеся реформы в различных областях нормативно-правового регулирования предпринимательства.

При этом следует учитывать, что часть административных процедур регламентируется исключительно федеральным законодательством. Но по некоторым процедурам региональные власти обладают полномочиями вводить собственные нормы регулирования, и в этом случае возникает необходимость анализа правоприменительной практики, сложившейся в регионах.

Так, в современную российскую управленческую практику внедрен новый инструмент анализа нормативных актов, направленного на предотвращение излишнего государственного присутствия в хозяйственной деятельности – *оценка регулирующего воздействия*.

Появление инновационных механизмов и инструментов государственного управления не является феноменом последних трех-четырёх десятилетий. Это органично вплетенное в эволюцию общественного развития явление. Такие механизмы, большинство из которых, как правило, почерпнуты из общего мирового опыта и в определенной мере адаптированы к национальным условиям, являются непременным атрибутом реформирования систем государственного управления, осуществляемое, начиная с 1980-х годов, во многих странах, причем, как экономически развитых, так и относимых к категории с переходной или развивающейся экономикой.

Оценку регулирующего воздействия (ОРВ) называют ядром современного тренда регуляторной политики, нацеленного на детальную оценку и рациональный выбор вариантов регулятивных мер[2], и определяют как систематический процесс выявления и оценки возможных последствий введения тех или иных норм регулирования.

Механизм ОРВ в европейских странах начал применяться еще во второй половине 1960-х годов. В 1970-годах оценка издержек и выгод была внедрена в США. С конца 1980-х годов эта система получила распространение на других континентах (Австралия, Новая Зеландия). Во второй половине 1990-х годов началось активное внедрение оценки и в странах с переходной экономикой, в том числе в Восточной Европе и в СНГ. На постсоветском пространстве первыми применять ОРВ начали страны Балтии, Молдова и Украина, несколько позднее элементы ОРВ появились в Республике Узбекистан, Республике Казахстан и Кыргызской Республике [7].

В настоящее время ОРВ применяется более чем в 50 странах. Однако единой общей модели не разработано, ее элементы варьируются по странам. Тем не менее, считается, что любая ОРВ должна включать следующие параметры: определение целей и стратегических сценариев; структурированные консультации с заинтересованными сторонами; детальное изучение воздействия, затрат, выгод, рисков, влияния на конкуренцию и эффектов распределения; рассмотрение альтернатив регулирования; разъяснение право применения и соблюдения регламента; мониторинг и корректировку; публикация ОРВ [5].

Оценка регулирующего воздействия, определяемая как систематический процесс выявления и оценки возможных последствий введения тех или иных норм регулирования, является новым инструментом для России. С 2010 года он был законодательно закреплен и внедрен на федеральном уровне [3; 4]. До этого момента оценка эпизодически проводилась некоторыми органами исполнительной власти по отдельным проблемам и проектам нормативных правовых актов.

Одним из последних документов, комплексно затрагивающих проблему снижения административных барьеров, является «Концепция снижения административных барьеров и повышения доступности государственных и муниципальных услуг на 2011 - 2013 годы». Данной Концепцией именно процедура ОРВ рассматривается в качестве одного из действенных средств снижения административных барьеров в экономике, призванного служить искоренению причин и условий, снижающих конкуренцию и порождающих коррупцию в российском обществе. ОРВ основывается на принципах прозрачности; публичности; сбалансированности; эффективности; экономичности.

В настоящее время в России сформирована модель ОРВ, когда оценка проводится не разработчиком, а специальным органом и не на стадии оценки проблемы, а на стадии уже готового проекта нормативного правового акта. Такая схема предполагает жесткие сроки проведения оценки,

ограниченность времени проведения публичных консультаций и очень большую нагрузку на департамент ОРВ.

Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 предусмотрено с 2014 года распространение процедуры ОРВ на проекты нормативных правовых актов региональных органов исполнительной власти, а с 2015 года – на муниципальный уровень [6]. До этого документа ведущая роль во внедрении процедур ОРВ принадлежала самим регионам и отражала их стремление к совершенствованию процедур нормотворчества в целях создания более прозрачной правовой среды, повышения инвестиционной привлекательности территорий.

Однако уже с 2010 года Минэкономразвития России проводилась работа по ОРВ проектов нормативных правовых актов федеральных ведомств при участии органов региональной власти 44 субъектов Федерации. Были разработаны также методические рекомендации по внедрению процедуры и порядка проведения ОРВ в субъектах РФ, в 2011-2012 годах проведен ряд семинаров, начата работа региональной группы по ОРВ при Консультативном Совете Минэкономразвития России. Все это способствовало созданию определенных институциональных условий для перехода к проведению процедур оценки самими субъектами. Наиболее активная подготовка регионов к внедрению нового института ОРВ была начата в 2013 году.

В соответствии с принятыми нормативными документами ОРВ может применяться в отношении проектов законов субъекта Федерации, проектов нормативных правовых актов Правительства субъекта Федерации и (или) органов исполнительной власти субъекта Федерации по вопросам: распределения ограниченных ресурсов и государственного регулирования инвестиционной деятельности; реализации государственных целевых программ; установления правил и порядка предоставления поддержки субъектам предпринимательской деятельности; осуществления государственного контроля (надзора); установления требований для целей допуска хозяйствующих субъектов к осуществлению определенных видов предпринимательской и (или) профессиональной деятельности; предоставления государственных услуг субъектам предпринимательской и (или) инвестиционной деятельности. Обозначенный круг может быть расширен с учетом местных особенностей регулирования, исходя из существующих приоритетов социально-экономического развития субъекта Федерации, планов законотворческой деятельности и т.д.

Процесс внедрения ОРВ в регионах постоянно отслеживается со стороны Минэкономразвития России. Кроме того, подобный мониторинг проводится Национальным институтом системных исследований проблем предпринимательства, г. Москва. Так, по итогам 2013 года лучшим регионом по внедрению ОРВ была признана Свердловская область, как регион, практически в полном объеме завершивший законотворческую и методическую работу по этому направлению. Кроме того, Свердловская область стала первой по внедрению ОРВ на ранней стадии, т.е. еще на стадии принятия решения о разработке акта, что позволило регламентировать предварительную и углубленную оценку. Предварительная оценка проводится на стадии принятия решения о введении или изменении регулирования и разработке проекта акта. На данном этапе происходит постановка проблемы, анализ необходимости государственного вмешательства, сравнение возможных вариантов решения и выбор наиболее оптимального. Углубленная оценка проводится уже по конкретной редакции проекта.

Выбор регионом целей, направлений и приоритетов оценивания, а также вида и методов оценки непосредственно влияет на построение модели ОРВ в субъекте Федерации.

Следует заметить, что регионы России, внедряя и развивая институт ОРВ, сталкиваются с рядом проблем, основными из которых, на наш взгляд, являются: сложность адаптации федеральных методических материалов к уровню субъекта Федерации, недостаток собственной нормативной базы; отсутствие понимания со стороны регионального руководства, что оценка является эффективным способом принятия управленческих решений; восприятие института ОРВ как «однодневной инициативы Центра», дополнительно навязанной управленческой функции; формальный подход к организации публичных консультаций по причине якобы отсутствия в них общественной заинтересованности; недостаток культуры проведения оценки с привлечением специалистов из разных отраслей и сфер. В целом, методические, институциональные, организационные, а также ментальные барьеры являются объективным препятствием развития ОРВ, признанного в современном мире механизма оптимизации государственного управления, как на федеральном, так и на региональном, а впоследствии и на муниципальном уровне. Поэтому в настоящее время этот институт пока не оказывает какого-либо определенного влияния на предпринимательскую активность в регионах [1].

Так, анализ соотношения уровня внедрения ОРВ в федеральных округах (по данным Минэкономразвития РФ на апрель 2014 г. в процентах от полного объема внедрения) с предпринимательской активностью, выраженной условно через количество малых предприятий в округе целом (по данным Росстата на 2013 г.) показал, что округа-лидеры по внедрению ОРВ – Уральский, Южный и Приволжский – отнюдь не

являются первыми и по количеству субъектов предпринимательской деятельности (за исключением Приволжского федерального округа). В большей степени эти показатели коррелируют между собой в группе округов, отстающих по уровню внедрения ОРВ – Северокавказском и Дальневосточном, которые находятся и на последних местах по количеству малых предприятий, а также округов-«средняков» – Северо-Западном и Сибирском, занимающих средние места по обоим показателям. На этом фоне Центральный федеральный округ при средних показателях внедрения ОРВ является лидером по количеству малых предприятий.

При всей условности сопоставления следует отметить, что подобные компаративные расхождения определяются не только разницей в численности населения на той или иной территории, влиянием других факторов (инвестиционным, отраслевым, инфраструктурным и проч.), но и тем, что оценка регулирующего воздействия на самом деле пока не играет заметной роли в улучшении предпринимательского климата. Несмотря на приложение заметных усилий в ряде субъектов к внедрению ОРВ в практику, отвлечение определенных ресурсов, в целом все это имеет вид только хорошей или не очень реакцией на «исполнение указов Президента». Для того чтобы этот механизм по прошествии времени действительно стал играть определяющую роль в улучшении делового климата, необходимо приложить немало усилий. В частности, нужно пересмотреть элементы, прежде всего связанные с активизацией участия в процедуре ОРВ представителей экспертного, делового и территориального сообщества. Только при этом условии оценка регулирующего воздействия станет результативной составляющей института взаимответственности власти и предпринимательства.

Список литературы

1. Дорошенко С.В., Ноженко Д.Ю., Соломатин Я.И. Внедрение новых механизмов оптимизации государственного регулирования в российских регионах // Вестн. Челяб. гос.ун-та. 2013. № 8 (299). С. 53-56.
2. Карпова П.Г., Цыганков Д.Б. Советы по оптимизации регулирования как неотъемлемый компонент «smartregulation» // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 3. С. 5–34.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 мая 2010 г. № 336 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Доступ из информационно-справочной системы «Гарант».
4. Приказ Минэкономразвития России № 398 от 31 августа 2010 г. [Электронный ресурс]. Доступ из информационно-справочной системы «Гарант».
5. Руководство по внедрению ОРВ в рамках технического регулирования в Республике Казахстан. URL: http://ditp.kz/sites/default/files/mission_report_appendix_3_final (дата обращения: 21.07.2014).
6. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления». [Электронный ресурс]. Доступ из информационно-справочной системы «Гарант».
7. Шамков Ю.В., Дорошенко С.В. Институт оценки политики в пространстве ШОС // Экономика региона. 2012. № 4 (32). С.212-217.

THE IMPACT OF INNOVATIVE TOOLS PUBLIC ADMINISTRATION IN ENTREPRENEURIAL ACTIVITY IN THE REGIONS

C. Doroshenko,

A. Toporkova,

Email: doroshenkos@mail.ru

Institute of Economics, the Ural Branch of the Russian Science Academy,

The authors considered one of the main tools of the concept of smart regulation - regulatory impact assessment, which is an innovative tool system of government. The purpose of the introduction of regulatory impact assessment is the reduction of administrative barriers to business activity, the level of which Russia is quite low place in the international rankings of the business climate. There are the analysis of its implementation at the regional level and the basic problems. The level of entrepreneurial activity are analyzed in the Federal districts. Conclusions about the absence in the current time of the direct correlation between the introduction of regulatory impact assessment and level of entrepreneurial activity in the territories are make.

Keywords: region, entrepreneurial activity, administrative barriers, public administration, regulatory impact assessment.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ В УПРАВЛЕНИИ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКОЙ

В.В. Дрошнев, докт. экон. наук, доц.,

Электронный адрес: drosh@bk.ru

Филиал ИЭ УрО РАН, 460000, г. Оренбург, ул. Пионерская, 11

В мире и нашей стране с определенной периодичностью происходят значительные изменения социально-экономических параметров. Данный процесс обеславливает необходимость кардинального преобразования направлений экономического развития страны. Обозначить наиболее оптимальное направление экономического развития страны в современных условиях является целью исследования.

Гипотеза заключается в том, что необходим переход к новым условиям экономического развития, который возможен при теоретическом обосновании планируемой цели, утверждении в сознании общества и руководства страны новой парадигмы, рождении новых идей и реализации их в различных инновациях, формировании и использовании информационных систем в качестве инструмента эффективного управления инновационными процессами.

Выявлены причины трансформации направления экономического развития, отражена заинтересованность научной общественности, руководителей предприятий, представителей органов власти в формировании инновационной экономики, показаны характерные параметры инновационного процесса на всех этапах, обоснована роль информационных систем в управлении инновационным развитием.

Инновационная экономика продукт реализации человеческого потенциала посредством воплощения инноваций и использования в управлении всеми процессами информационных систем.

Ключевые слова: информационные системы, управление, инновационная экономика, инновации, экономика знаний, человеческий потенциал.

Разразившийся в 2009 году глобальный финансово-экономический кризис поставил все страны перед необходимостью поиска оптимального пути восстановления и дальнейшего развития экономики. Прежние варианты функционирования национальной экономики стали малоэффективны в условиях высокой степени интеграции кредитно-денежных систем стран и глобализации мировой экономики, значительной долларовой зависимости.

2014 год ознаменовался рядом следующих событий, отразившихся на экономике страны:

- падение мировых цен на нефть, что обусловило значительное снижение объема наполнения федерального бюджета;
- кризис отношений РФ и западных стран, сопровождающийся введением санкций против России, что привело к нарушению сложившихся межгосударственных отношений на уровне правительств и отдельных хозяйствующих субъектов;
- присоединение к России Крыма, что определило увеличение затрат на достойное содержание и развитие нового региона.

Перед правительством России встал вопрос о необходимости:

- разработки эффективного механизма обеспечения баланса доходов и расходов федерального бюджета из-за снижения мировых цен на нефть ниже прогнозируемой отметки;
- оперативного формирования и быстрого развития импортозамещения, как в продовольственной сфере, так и в области высоких технологий.
- поиска дополнительных ресурсов для обеспечения оптимального функционирования и успешного развития Республики Крым.

Руководство страны и всех ее субъектов вынуждены в сложившихся условиях решать проблему выбора дальнейшего эффективного экономического развития: реиндустриальной, инновационно-креативной экономики или экономики знаний.

Процесс реиндустриализации экономики направлен на развитие сырьевых отраслей, металлургии, машиностроения и связи, что в сложившихся условиях крайне проблематично и малоэффективно при экстенсивном подходе. Финансовой основой данного процесса являются значительный спрос и высокие мировые цены на нефть и газ. Но мировой спрос на углеводородное сырье неуклонно падает, а многие страны и отдельные корпорации осуществляют активный поиск альтернативных углеводородному, автономных от других стран-производителей и достаточных по объему дешевых источников энергии. Продолжение движения экономики в данном направлении является не перспективным.

Проявляется мировая тенденция создания новой экономики, основанной на человеческом капитале и интеллектуальном труде.

В мире все активнее развивается новая концепция социального и экономического развития современной экономики, выдвигающая на первый план культурные ресурсы населения территории и творчество отдельного человека или коллективов. Этот инновационный сектор называют интеллектуально-творческими или креативными индустриями (creative industries), соединяющие в себе бизнес - навыки и культурные практики и обеспечивающие процесс перехода от власти машины к власти интеллекта. Интеллектуально-творческий или креативный подход становится мощным производительным ресурсом, преобразующим опустевшие фабрики и заводы в центры современного искусства, музеи и галереи.

Не меньшее распространение получила концепция развития «экономики знаний», элементом которой является инновационно-креативная экономика.

Следует однозначно согласиться с доводом о жизненной необходимости обеспечения национальной безопасности на основе создания «новой» экономики, имеющей принципиально новую базу и принципы функционирования. Экономику знаний можно определить как экономику, обеспечивающую свой рост и конкурентоспособность за счет создания, распространения и использования различных знаний.

Основным аспектом экономики знаний является обеспечение тотального использования высокотехнологичной продукции во всех отраслях и производственно-бытовых сферах человеческой деятельности. За счет активного и быстрого внедрения в жизнь материального воплощения (технологии, материалы, продукция) вновь создаваемых знаний (инноваций).

Продуктивность экономики знаний обеспечивается посредством увеличения объёма производимой продукции на основе используемых учеными знаний и реализованных в виде инноваций.

Следует учитывать при оценке инноваций следующие свойства знаний:

1. Знания дискретны как продукт, т.е. знание либо создано, либо нет.
2. Знания как продукт сочетают противоречивые свойства: общественного (принадлежащего и доступного всем) и в тоже время частного (индивидуально присваиваемого) продукта.
3. Знания - это информационный продукт, который после потребления не исчезает как обычный материальный продукт.
4. Знания на первоначальном этапе формирования обладают свойством неотделимости от его носителя - индивида или научного, конструкторского, производственного коллектива.

Для обеспечения долгосрочного развития экономики России и осуществлении перехода её на новый этап развития ещё в 2008 году Президент РФ [8] указал на необходимость эффективного использования пяти основных инструментов: интеллекта, инноваций, институтов, инвестиций и инфраструктуры. При этом приоритетным направлением экономического прогресса должно стать производство, а в перспективе - экспорт знаний, новых технологий и передовой культуры, реализованных в конкретные инновации. Следовательно, руководством страны определяется и подтверждается первостепенная роль человека в дальнейшем экономическом и научно-техническом прогрессе России за счет обладания уникальными, специализированными, обширными, пополняемыми, развиваемыми и совершенствуемыми качествами которые преобразуются в инновации.

Основой функционирования экономики знаний является плотное взаимодействие рынка знаний, рынка услуг (особенно инновационного характера) и рынка труда. При этом возникает новая

производственно-сбытовая система с непосредственным участием потребителя знаний в его создании и доведении до готового продукта. Данные процессы обуславливают потребность в создании специализированной институциональной среды и формировании оптимальных организационно-функциональных связей между всеми структурными элементами системы.

В настоящее время эффективность инновационной деятельности предприятия определяется, прежде всего, наличием отлаженной системы инвестирования, кредитования, налогообложения, функционирующих применительно к инновационной сфере научных разработок.

Инновационный потенциал предприятия можно рассматривать как систему потенциалов, включающую [9]:

1) управленческо-трудовые ресурсы:

– кадровый интеллектуально-креативный потенциал, характеризующий обеспеченность инновационной деятельности квалифицированным персоналом, наличие и содержание системы обучения и повышения квалификации работников промышленных предприятий, системы мотивации научно-технических специалистов;

– культурный потенциал, характеризующий инновационную культуру предприятия, отрасли, региона или страны, основанную на восприимчивости людей (работников предприятия или отрасли, населения региона, граждан страны) к новшествам, их готовность поддержать реализацию инноваций в различных сферах общественной деятельности;

– управленческий потенциал, характеризующий систему управления инновационной деятельностью на различных уровнях экономики, в том числе процессы планирования, организации, координации и контроля деятельности субъектов национальной инновационной системы, включая ее инфраструктурные элементы;

2) материально-технические ресурсы:

– научно-технический потенциал, характеризующий уровень и масштабность научных исследований и разработок, создания и использования передовых технологий, в том числе изобретений, товарных знаков, промышленных образцов, ноу-хау, инжиниринговых услуг;

– производственно-технологический потенциал, характеризующий применяемые в производстве продукции технологии, состояние основных производственных фондов, их технологическое обслуживание;

– информационный потенциал, характеризующий полноту и эффективность нормативной правовой базы инновационной деятельности, уровень развития и степень распространения информационных систем;

– финансовый потенциал, характеризующий внутренние затраты на проведение научных исследований, разработок и внедрение новшеств, расходы на науку и профессиональное образование, уровень инвестиций в промышленные предприятия и обеспеченность их собственными средствами;

3) ресурсы инновационного роста:

– потенциал наращивания, характеризующий возможности быстрого и полного удовлетворения имеющегося и формируемого потребительского спроса на инновации за счет их дальнейшего развития и преобразования с использованием внутренних ресурсов.

Результатом функционирования на производстве инновационной системы является инновационный продукт, которым считается либо совершенно новая продукция, либо такая, которая в течение последних трех лет подверглась существенным технологическим изменениям (конструктивное выполнение, состав применяемых материалов и компонентов и т.п.) [6].

Большая часть изменений в производстве носит, скорее, эволюционный, чем радикальный характер [7]. При этом накопление небольших изменений дает больше, чем крупный технологический прорыв. Нововведение - это результат НИОКР, но также и результат совершенствования организационной структуры.

Характерными признаками нововведений на предприятии являются:

– абсолютная и относительная новизна;

– приоритетность и прогрессивность;

– уровень унификации и стандартизации;

– конкурентоспособность;

– адаптивность к новым условиям хозяйствования;

- способность к модернизации;
- показатели экономической эффективности;
- показатели экологической безопасности.

На промышленных предприятиях выделяют следующие виды инноваций:

1) технологические (производственные) инновации:

- освоение нового продукта или качественное изменение в существующем продукте;
- освоение новых методов производства и распределения (складирования, доставки и реализации)

продукта;

2) маркетинговые инновации:

- проникновение (освоение) новых рынков сбыта;
- развитие новых источников снабжения сырьем и другими факторами производства;

3) организационные инновации:

- внедрение новых методов и стандартов управления,
- внедрение значительно измененных структур управления,
- реализация новых стратегических ориентиров компаний;

4) финансовые инновации:

- реализация новых источников (схем) получения финансовых ресурсов
- реализация новых методов использования финансовых ресурсов.

Среди основных причин инноваций М. Портер выделяет: новые технологии; новые или изменившиеся запросы покупателей; появление нового сегмента в отрасли; изменение стоимости или наличия определенных ресурсов; изменения в государственном регулировании и др[7].

Изменение технологии может создать новые возможности для разработки товара, новые способы маркетинга, производства или послепродажного обслуживания. Изменение технологии предшествует появлению новых отраслей. Часто конкурентное преимущество переходит из рук в руки, когда прежние лидеры не улавливают изменившиеся запросы покупателей и поэтому не успевают создать новую цепочку ценностей.

Современные изменения цен на энергию, сырье, транспорт, связь, оборудование обуславливают падение конкурентоспособности прежних лидеров и получения конкурентного преимущества новыми лидерами [1].

По степени новизны, инновации подразделяются:

– на принципиально новые, не имеющие аналогов в прошлом в отечественной и в зарубежной практике;

– на новшества относительной новизны.

Виды инноваций различаются по:

1) областям применения и этапам научно-технического прогресса:

– технические инновации появляются в производстве продуктов с новыми или улучшенными свойствами;

– технологические инновации возникают при применении улучшенных, более совершенных способов изготовления продукции;

– организационно-управленческие новшества связаны с процессами оптимальной организации производства, транспорта, сбыта продукции, снабжения;

– информационные инновации решают задачи организации информационных потоков в сфере научно-технической и инновационной деятельности;

– социальные инновации направлены на улучшение условий труда, расширения проблем здравоохранения, образования, культуры [5].

2) используемому инновационному механизму:

– технические инновации;

– технологические инновации [4].

Разрабатывая инновационную политику предприятия, учитывается, что инновация - это не столько передовая научная разработка, сколько передовое внедрение в массовое производство. В связи с этим объектом научного анализа становится инновационная активность предприятия.

Высокой активностью во внедрении нововведений отличаются мелкие фирмы, новые конкуренты, т.к. это единственная возможность проникновения на рынок, создания и удержания конкурентных преимуществ.

С целью обеспечения долгосрочного выживания в организационной структуре предприятия закрепляется распределение усилий между созданием оригинальных товаров, модификацией существующих товаров и, возможно, имитацией товаров-конкурентов [2].

Значимость инноваций определяется по степени их влияния на конечные результаты деятельности предприятия:

- себестоимость производимой продукции;
- уровень рентабельности хозяйственной деятельности;
- качество выпускаемой продукции;
- объем производимых продаж;
- размер прибыли в краткосрочном и долгосрочном периодах.

Наряду с развитием инновационной деятельности на предприятии важным направлением повышением эффективности функционирования является совершенствование качества управления посредством внедрения информационной системы. Информационная система состоит из отдельных подсистем: технического, математического, программного, информационного, организационного и правового обеспечения, что позволяет обеспечить оперативный сбор, долгосрочное хранение и текущую переработку первичной информации, необходимой для оперативного принятия обоснованных, своевременных и эффективных управленческих решений [3].

Информационная система управления предприятия обеспечивает связь и четкий информационный обмен между подразделениями предприятия и управленческим персоналом при реализации технологического процесса. Этот процесс может рассматриваться не только в целом, охватывая все функции управления, но и по отдельным функциональным управленческим работам: оперативному учету и анализу ситуаций, прогнозированию и планированию, моделированию и определению стратегии развития. Это дает возможность уточнить специфические моменты, присущие информационному обеспечению функционального управления, раскрыв его общие свойства, что позволяет детализировать и акцентировать внимание на наиболее существенных аспектах.

Информационная система в управлении предприятием играет роль: учета, контроля, реагирования, опережения, координации и прогнозирования.

Человек развивает свой потенциал, реализует свои возможности посредством инноваций, которые отражают развитие экономики знаний. Накопление, текущий анализ, предоставление доступа и дальнейшего использования знаний и эффективное управление обеспечивает информационная система, которая в конечном итоге, позволяет ускорить динамику прогресса инновационной экономики.

Список литературы

1. Быков А.А./Инновационное развитие звеньев экономики. Минск: Мисанта, 2009. 143 с.
2. Богдан Н.И. Инновационная динамика: глобальные тенденции и перспективы Беларуси. Минск: УП «Энциклопедикс», 2012. 196 с.
3. Бородакий Ю. В., Лободинский Ю. Г.. Эволюция информационных систем (современное состояние и перспективы). М.: Горячая линия - Телеком, 2011. 368 с.
4. Вечканов Г. С.. Макроэкономика. СПб: Питер, 2008. 240 с.
5. Давыденко Л. Н..Институционализация рынка инновационных проектов. Минск: ИВЦ Минфина, 2011. 240 с.
6. Лутохина Э.А.. Креативная трудовология (начала инноватики). Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2008. 253 с.
7. Портер М. Международная конкуренция. - М.: Междунар. отношения, 1993.
8. Послание Президента РФ к Федеральному собранию РФ.от 5 ноября 2008 года
9. Федораев С.В. Инновационный потенциал: содержание, структура, методика оценки.// Вестник СПГУПС: электрон. журн, 2010. №2. URL. <http://vestnik.igps.ru/wp-content/uploads/V22/5.pdf> (дата обращения: 02.02.2015)

INFORMATION SYSTEMS IN MANAGEMENT OF INNOVATIVE ECONOMY

V. Droshnev,

E-mail: drosh@bk.ru

Perm branch of Institute of economy the Ural branch the Russian Academy of Science

In the world and our country to a certain frequency there are considerable changes of social and economic parameters. This process obesslavlivat need of cardinal transformation of the directions of economic development of the country. To designate the most optimum direction of economic development of the country in modern conditions is a research objective.

The hypothesis is that transition to new conditions of economic development which is possible at theoretical justification of the planned purpose, the statement in consciousness of society and the country leaders of a new paradigm, the birth of new ideas and their realization in various innovations, formation and use of information systems as the instrument of effective management of innovative processes is necessary.

The reasons of transformation of the direction of economic development are established, interest of scientific community, heads of the enterprises, representatives of authorities in formation of innovative economy is reflected, characteristic parameters of innovative process at all stages are shown, the role of information systems in management of innovative development is proved.

Innovative economy a product of realization of human potential by means of an embodiment of innovations and use in upravlenii vsem processes of information systems.

Keywords: Information systems, management, innovative economy, innovations, economy of knowledge, human potential.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ МАРКЕТИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕФТЕГАЗОВЫХ КОМПАНИЙ

Л.П. Киченко, канд. экон. наук, доц. кафедры маркетинга,

Электронный адрес: kichenko@econ.psu.ru

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

К.Р. Гатауллина, экономист, магистр менеджмента,

Электронный адрес: kristear@mail.ru

ООО «Зостмайер», Пермский район, станция Ферма, ул. Железнодорожная 13

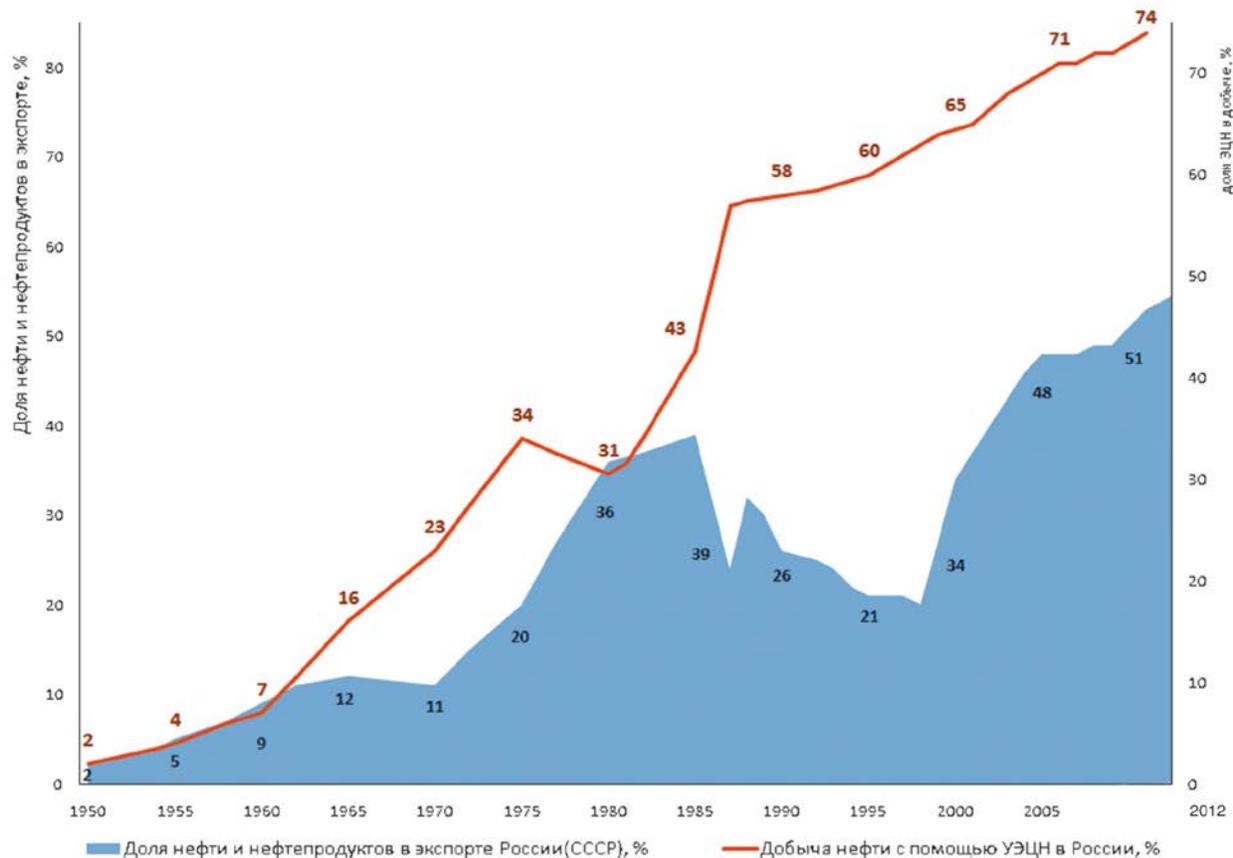
В статье рассмотрены основные направления маркетинговой деятельности нефтегазовых компаний: анализ нефтегазового рынка, его освоения конкурентами, ценовая политика, продвижение продуктов, деловая активность партнеров. Уделено внимание вопросам добычи нефти при помощи установок электроцентробежных насосов. Отмечена негативная тенденция в динамике коэффициента извлечения нефти. Предложена система показателей, с помощью которой можно оценить уровень монополизации и конкуренции в нефтяной и газовой отраслях, размер рынка, эластичность спроса и предложения, эффективность управления маркетингом на предприятии

Ключевые слова: емкость нефтегазового рынка. Коэффициент извлечения нефти. Падение нефтяных цен. Коэффициент концентрации. Коэффициент Герфиндаля-Гиршмана. Коэффициент Линда. Конкурентоспособность.

Для нефтегазовых компаний, как объектов изучения, конкретными направлениями маркетинговой деятельности являются анализ параметров нефтегазового рынка, его освоения конкурентами, изучение тенденций деловой активности партнеров, политики цен и способов продвижения нефтяных и газовых продуктов, реакции на новые виды топлива или других продуктов переработки нефти и газа, а также кратко- и долгосрочное прогнозирование объемов реализации товаров с учетом складывающейся общеэкономической ситуации [1].

Для нефтяной и газовой отраслей существуют особенности развития, поэтому и маркетинговый анализ, как в целом рынка, так и отдельных его участников имеет специфику. В частности, основными показателями величины рынка являются емкость рынка и рыночная доля организации. Емкость нефтегазового рынка характеризует возможный объем реализации добытых нефти и газа на локальном рынке в течение определенного периода времени, а также возможный объем реализации продуктов переработки нефти и газа, причем необходимо учитывать перспективы продажи товаров на внутреннем (например, российском) рынке или на мировом.

Эксплуатация нефтяных скважин и добыча нефти при помощи установок электроцентробежных насосов (УЭЦН) наиболее распространенная технология на российском рынке нефтедобычи. Сегодня в России 70-75% нефти добывается УЭЦН (рис.).

Доля использования УЭЦН на рынке нефтедобычи

Российский рынок УЭЦН является на сегодняшний день наиболее крупным сегментом рынка нефтяных насосов. Основные преимущества УЭЦН заключаются в наилучшей приспособленности к российским условиям добычи нефти, в возможности подбора установок и выборе эффективной технологии добычи нефти в широком диапазоне осложняющих факторов пластово-скважинных характеристик. Ведущие производители УЭЦН: «Новомет» (г.Пермь); «Борец» (г. Москва); «Алнас» (г. Альметьевск); «Алмаз» (г.Радужный); «Ижнефтепласт» (г. Ижевск).

Российский рынок УЭЦН характеризуется высоким уровнем насыщения и обладает ограниченными возможностями для роста.

Это подтверждается невысокими темпами роста данного рынка и высоким уровнем слияний и поглощений среди участников.

Развитие рынка УЭЦН напрямую зависит от состояния нефтяной отрасли. К основным факторам, влияющим на прогнозные показатели нефтедобывающей отрасли, относятся: динамика мировых цен на нефть, спрос на данное сырье, политическая ситуация в нефтедобывающих странах, экономическое положение стран-импортеров нефти и многое другое. Попробуем рассмотреть некоторые факторы, проанализировать и предположить возможные перспективы развития рынка УЭЦН.

Все страны в той или иной мере являются потребителями нефти и нефтепродуктов. В «нефтяной клуб» – сообщество стран, добывающих нефть, входят уже почти 100 государств. Как производителей, так и потребителей чрезвычайно волнуют цены на нефть: для производителей это мощная статья дохода, для потребителей, соответственно, расхода.

Сотрудники нефтяных компаний по всему миру наблюдают за падением цены на нефть в 2014-2015 гг. и отвечают значительным сокращением своих инвестиционных планов.

Согласно оценкам аналитиков компании Wood Mackenzie, в 2015 г. ожидается сокращение инвестиций в отрасли более чем на 100 млрд. долл. Нефтесервисные компании за прошедший год сократили десятки тысяч рабочих мест, ссылаясь на резкое падение спроса на свои услуги.

По мнению главы «Роснефти», в 1985 г. инвестирование в новые скважины приносило доход при цене добываемой там нефти в 20-30 долл. США за баррель. Теперь же больше нефти получают из скважин, строительство которых затруднительно и к тому же дорого обходится; безубыточная цена находится в диапазоне от 60 до 100 долл. за баррель. [2]

Глядя на фундаментальные рыночные показатели, можно сделать вывод, что цены скоро достигнут уровня в 60-80 долл. США за баррель, что означало бы перспективу получения прибыли от бурения новых скважин, в которых нуждается весь мир. Но если рынок будет искажен, восстановление цены займет больше времени, чем это нужно в реальности, множество текущих производственных проектов будут заморожены, мы столкнемся с дефицитом нефти, и тогда цена в итоге подскочит до 90-110 долл. США за баррель или даже выше.

«Сегодня в мире 8% нефти добывают таким образом, что себестоимость добычи составляет около 50 долл. за баррель. Эту нефть выгодно добывать в то случае, если цена «черного золота» на рынке составляет от 75 до 80 долл. за баррель. Но если цена на нефть ниже достаточно долго, проекты добычи такой дорогой нефти начинают сворачивать. Что касается сланцевой нефти, добываемой в США, ситуация тоже достаточно сложная. Сейчас США показывают высокий уровень добычи нефти. Но эти цифры не сегодняшнего дня. По косвенным признакам, у американцев должно быть сильное падение добычи нефти. Речь идет о том, что уже началось снижение добычи нефти. Это снижение, по нашим оценкам, может составить порядка 2 млн баррелей в сутки. Сейчас, как посчитали представители стран ОПЕК, превышение предложения над спросом составляет 1 млн баррелей. Это, безусловно, приведет к росту цен на нефть. Скачок цен может быть достаточно большим. Это объективные процессы, с которыми не поспоришь. Но именно таким образом данные цифры и обосновываются» – мнение эксперта Союза нефтегазопромышленников России.

В условиях нарастающего экономического кризиса и падения нефтяных цен актуальность застарелых проблем нефтегазовой отрасли России только увеличивается. В первую очередь речь идет о недопустимо низком коэффициенте извлечения нефти (КИН). Известно, что КИН в нефтяной промышленности РФ падает уже более 25 лет – с уровня 40% в начале 1980-х годов до 30% и ниже в последние годы [2].

Этой проблемой постоянно занимается государство, в частности, МПР разрабатывает программы увеличения коэффициента извлечения нефти к 2020 году до 50-60%, что даже превышает сегодняшние значения среднего проектного КИН у некоторых ведущих мировых нефтяных компаний.

Отечественные специалисты считают, что поставленные цели вполне достижимы, но проблема КИН будет решена, только когда в этом будут заинтересованы сами недропользователи. Для этого нефтяные компании должны отказаться от выборочной добычи, разрабатывать месторождения, ориентируясь на максимальный отбор нефти с применением технологий повышения нефтеотдачи. Однако, к сожалению, до сих пор даже на стадии проектирования разработки величине КИН не уделяется достаточного внимания [1].

Неотъемлемой частью маркетинговых исследований в нефтяной и газовой отраслях является оценка уровня монополизации и конкуренции, в качестве показателей которых используют число и размер нефтяных и газовых компаний, действующих на рынке, а также долю, которую они занимают на рынке. Размер нефтяного и газового рынка определяется объемом продажи нефти и нефтепродуктов, газа, а также числом и размером организаций, выступающих на рынке в качестве продавцов - непосредственно производителей и торговых посредников, пусть и на условиях франчайзинга. Уровень монополизации рынка измеряют, как правило, с помощью трех основных показателей - коэффициента концентрации, показателя Герфиндаля-Гершмана и индекса Линда. Обязателен для нефтегазового рынка маркетинговый анализ положения товаров (сырых нефти и газа, продуктов их переработки) на рынке сбыта, а также анализ эластичности спроса и предложения. От рынков сбыта зависят объем продаж, средний уровень цен, выручка от продажи продукции, сумма полученной прибыли с учетом действия различных факторов.

Коэффициент концентрации (CR). Рассчитывается как процентное отношение реализации (поставки) продукции определенным числом крупнейших продавцов к общему объему реализации (поставки) на данном товарном рынке. Рыночная доля продавца может вычисляться как отношение не только объема продаж, но и численности занятых, размера активов или добавленной стоимости данного предприятия к суммарному значению показателя для рынка в целом.

В большинстве промышленно развитых стран коэффициент концентрации обязателен при статистическом мониторинге состояния рынка, причем в разных странах рассчитываются доли разного числа предприятий. В США и Франции это доли 4, 8, 20, 50, 100 крупнейших компаний. В ФРГ, Великобритании, Канаде для подобных расчетов обычно берутся данные о 3,6, 10 и т.д. предприятиях в отрасли или предприятиях, функционирующих на рынке. В России этот показатель стал рассчитываться и публиковаться в официальной статистике с 1992 г. для трех (CR3), четырех (CR4), шести (CR6), восьми (CR8) крупнейших продавцов.

Коэффициент концентрации определяется как сумма рыночных долей n крупнейших продавцов рынка: k

$$CR_k = \sum_{i=1}^k s_i, \quad (1)$$

где CR_k - индекс концентрации k продавцов, %; s_i - доля продаж i -го продавца в объеме реализации рынка, %; k - число хозяйствующих субъектов (фирм) на рынке, взятых для расчета коэффициента.

Данный коэффициент позволяет не только сопоставить уровни концентрации различных отраслей или рынков, но и проанализировать их

Коэффициент Герфиндаля-Гиршмана (НИИ). Этот наиболее популярный обобщающий показатель учитывает как численность предприятий, так и неравенство их положения на рынке, характеризует уровень монополизации. Значение коэффициента снижается с увеличением числа предприятий и возрастает с усилением неравенства между предприятиями при любом их количестве. При возведении в квадрат долей рынка коэффициент дает более высокий вес показателей крупных предприятий, чем мелких. Это означает, что если точные данные о долях рынка очень маленьких предприятий отсутствуют, то итоговая ошибка не будет велика.

Коэффициент Герфиндаля-Гиршмана вычисляется как сумма квадратов долей всех предприятий, действующих на рынке, и может измеряться в долях или процентах:

$$НИИ = s_i^2 \times 100, \quad (2)$$

где s_i - доля продаж i -го предприятия в общем объеме реализации; n - число хозяйствующих субъектов на рынке.

Чем меньше НИИ, тем меньше концентрация, тем при прочих равных условиях сильнее конкуренция на данном рынке и тем слабее рыночная власть отдельных предприятий. Для конкурентного рынка (если число предприятий на нем превышает 100) НИИ стремится к единице, для монопольного рынка - к 10 000.

В соответствии с различными значениями коэффициентов концентрации и коэффициентов Герфиндаля-Гиршмана выделяются три типа рынка по степени концентрации (табл.2):

Таблица 2

Типы рынка по степени концентрации

Высококонцентрированные рынки	При $70\% < CR_3 < 100\%$ $2000 < НИИ < 10\ 000$	При $80\% < CR_4 < 100\%$ $1800 < НИИ < 10\ 000$
Умеренно концентрированные рынки	При $45\% < CR_3 < 70\%$ $1000 < НИИ < 2000$	При $45\% < CR_4 < 80\%$ $1000 < НИИ < 1800$
Низкоконцентрированные рынки	При $CR_3 < 45\%$ $НИИ < 1000$	При $CR_4 < 45\%$ $НИИ < 1000$

Показатели рыночной концентрации позволяют оценить степень монополизации рынка, равномерность распределения продавцов. Чем больше продавцов с равномасштабной поставкой продукции действует на рынке, тем меньше соответствующие показатели.

Коэффициент Линда (L). Определяет степень неравенства между лидирующими на рынке поставщиками товаров

$$L = \sum_{i=1}^k \frac{1}{k(k-1)} Q_i, \quad (3)$$

$i=1$

где k - число крупных поставщиков (не менее двух);

$$Q_i = \frac{A_i / A_{k-i}}{i / k-i}$$

- отношение средней доли рынка i -го поставщика к доле $k - i$ поставщиков; i - число ведущих поставщиков среди k крупных поставщиков; A_i - общая доля рынка, приходящаяся на i поставщиков; A_k - доля рынка, приходящаяся на k крупных поставщиков.

Коэффициент Линда используется в качестве определителя "границы" олигополии следующим образом: рассчитывается L для $k=2$, $k=3$ и так далее до тех пор, пока $L_k + 1 > L_k$, т.е. до момента, пока не будет получено первое нарушение непрерывности показателя L . "Граница" считается установленной при достижении значения L_k , меньшего $L_k + 1$. Определяемая граница может характеризовать рынок на наличие жесткой или размытой олигополии, тем самым позволяя эмпирически выявить предполагаемый круг субъектов, которые могут выполнять согласованные действия, направленные на ограничение конкуренции.

Комплексный конкурентный анализ включает в себя два основных направления: анализ конкурентной позиции каждой из нефтяных и газовых компаний (причем слияние, поглощение, обособление компаний вносят постоянные коррективы также как и соотношение на рынке крупных компаний и представителей малого и среднего бизнеса) и анализ их «индивидуальной» конкурентоспособности, под которой понимают такую характеристику нефтегазовой продукции, которая показывает ее отличие от товара конкурента как по степени соответствия общественной потребности, так и по затратам на ее удовлетворение. В частности, специфика нефтегазового рынка предполагает соблюдение стандартов качества по небольшому числу видов топлива как самых распространенных товаров, поэтому первостепенным здесь становится повышение конкурентоспособности либо в зависимости от природных показателей месторождения, либо от качества выпуска топлива на нефте- и газоперерабатывающих заводах, а также от его реализации на автозаправочных комплексах с брендом крупной нефтегазовой компании. Причем, чтобы нефтепродукты и газопродукты удовлетворяли потребности покупателей, они должны соответствовать определенным параметрам, и в первую очередь, техническим, нормативным и экономическим (уровень цен, сервисное обслуживание, размер средств, имеющихся у потребителя для удовлетворения данной потребности), а эстетические и эргономические параметры особого значения не имеют. В целом маркетинговые исследования нефтяной и газовой отрасли дают возможность повысить экономические результаты деятельности.

Анализ эффективности управления маркетингом на предприятии целесообразно основывать на расчете динамики показателей, характеризующих прибыльность коммерческой деятельности хозяйствующего субъекта и его конкурентоспособность:

- доля прибыли от коммерческой деятельности предприятия;
- объем отгруженной продукции;
- объем спроса на продукцию предприятия (емкость рынка);
- расходы службы маркетинга;
- коэффициент конкурентоспособности предприятия.

Доля прибыли предприятия от коммерческой деятельности является определяющим показателем при оценке качества организации, функционирования и управления маркетинговой системой, так как цель любого коммерческого предприятия заключается в максимизации получаемой им прибыли.

Показатели спроса на продукцию предприятия и величины ее фактической отгрузки в течение определенного периода времени позволяют определить способность предприятия полностью удовлетворить спрос потребителей, что в условиях рынка также становится одной из основных целей.

Анализ **расходов службы маркетинга** необходимо сопоставлять с вышеназванными показателями для оценки адекватности расходовемых средств финансовым результатам коммерческой деятельности.

Оценку прибыльности коммерческой деятельности предприятия целесообразно проводить на основе определения **коэффициента конкурентоспособности**.

Рассмотрим критерии оценки конкурентоспособности предприятия:

1. Конкурентоспособность по продукту:

а) **коэффициент рыночной доли** (КРД) отражает долю предприятия на рынке:

$$КРД = ОП / ООПР, (4)$$

где ОП — объем продаж продукта фирмой;

ООПР — общий объем продаж продукта на рынке;

б) **коэффициент предпродажной подготовки** (КПП) характеризует стремление фирмы к росту конкурентоспособности за счет улучшения предпродажной подготовки. Если продукт не требовал предпродажной подготовки в отчетный период, то $KPP = 1$.

Данный показатель рассчитывается по следующей формуле:

$$KPP = ЗПП / ЗПОП, (5)$$

где ЗПП — сумма затрат на предпродажную подготовку;

ЗПОП — сумма затрат на производство (приобретение) продукта и организацию его продаж;

в) **коэффициент изменения объема продаж** (КИОП) отражает рост или снижение конкурентоспособности фирмы за счет изменения объема продаж:

$$КИОП = ОПКОП / ОПНОП, (6)$$

где ОПКОП — объем продаж на конец отчетного периода;

ОПНОП — объем продаж на начало отчетного периода.

2. Конкурентоспособность по цене:

а) **коэффициент уровня цен** (КУЦ) отражает рост или снижение конкурентоспособности фирмы за счет изменения цен на продукт:

$$КУЦ = (Ц \max + Ц \min) / (2 \cdot ЦУФ), (7)$$

где $C \max$ — максимальная цена товара на рынке;

$C \min$ — минимальная цена товара на рынке;

ЦУФ — цена товара, установленная фирмой.

3. Конкурентоспособность по доведению продукта до потребителя:

а) **коэффициент доведения продукта до потребителя** (КСБ), отражающий стремление фирмы к повышению конкурентоспособности за счет улучшения своей сбытовой деятельности:

$$КСБ = КИОП \cdot ЗСБКОП / ЗСБНОП, (8)$$

где ЗСБКОП — сумма затрат на функционирование системы сбыта на конец отчетного периода;

ЗСБНОП — сумма затрат на функционирование системы сбыта на начало отчетного периода.

4. Конкурентоспособность по критерию продвижения продукта:

а) **коэффициент рекламной деятельности** (Крекл.д) отражает стремление фирмы к росту конкурентоспособности за счет улучшения рекламной деятельности:

$$K \text{ рекл. д} = КИОП \times ЗРДКОП / ЗРДНОП, (9)$$

где ЗРДКОП — затраты на рекламную деятельность на конец отчетного периода;

ЗРДНОП — затраты на рекламную деятельность на начало отчетного периода.

Суммировав вышеперечисленные коэффициенты и найдя среднеарифметическую величину, определим промежуточное значение коэффициента конкурентоспособности маркетинговой деятельности для конкретного продукта (ККМД).

Для расчета итогового коэффициента конкурентоспособности фирмы также нужно учитывать общефинансовые коэффициенты, рассчитываемые на основе анализа баланса предприятия за отчетный период.

Таким образом, **полная формула расчета коэффициента конкурентоспособности предприятия** (ККП) будет выглядеть следующим образом:

$$KKP = KKMД \times KTL \times KOCC, (10)$$

где КТЛ — коэффициент текущей ликвидности;

КОСС — коэффициент обеспеченности собственными средствами.

В зависимости от значений ККП предприятия подразделяются на следующие группы:

Рыночные лидеры — предприятия, имеющие максимальный коэффициент конкурентоспособности. Как правило, подобные фирмы имеют максимальную рыночную долю при продажах и являются лидерами в ценовой политике, оптимизации затрат и т.д. Характерным их поведением является оборона.

Рыночные претенденты — фирмы, расчетный коэффициент конкурентоспособности которых лежит в диапазоне от 3,1 до 9. Обычно такие организации борются за увеличение рыночной доли продаж, проводят ценовой демпинг. Для них характерна стратегия атаки по всем направлениям деятельности.

Рыночные последователи — фирмы, расчетный коэффициент конкурентоспособности которых лежит в диапазоне от 1 до 3. Они проводят политику следования за отраслевым лидером, не рискуют, но и не проявляют пассивности. Такие фирмы копируют деятельность лидера, но действуют более осмотрительно и рассчитывают на меньшие ресурсы. Они, как правило, подвержены атакам со стороны рыночных претендентов.

Фирмы, действующие в рыночной нише, расчетный коэффициент конкурентоспособности которых лежит в диапазоне от 0,99 до –6,9. Фирмы этой группы обслуживают маленькие рыночные сегменты, которые другие участники конкуренции не принимают в расчет, и отличаются высоким уровнем специализации. Круг клиентов ограничен, характерен высокий уровень цен. В своей деятельности такие организации опираются на клиентов и максимально зависят от них.

Банкроты — фирмы с коэффициентом конкурентоспособности от –7 до –10. Они принимают режим внешнего управления и осуществляют мероприятия по выходу из банкротства или проводят расчеты с кредиторами и ликвидируются.

Предложенные показатели прибыльности коммерческой деятельности предприятия не полностью учитывают характер его конкурентоспособности. Конкурентоспособность как структура финансово-экономических показателей включает в себя не только собственно эти показатели, но и взаимосвязи и взаимодействия между ними, зависящие от состояния макро- и микросреды. Для определения возможностей предлагаемой методики необходимо рассмотреть особенности ее практического применения.

Список литературы

1. Аналитический обзор мирового рынка нефти на февраль 2014 – январь 2015 / Группа компаний «Петрос».
2. Актуальные комментарии. ИМЭМО РАН, 2015.
3. Новая роль ОПЕК: цены и добыча / Форум «Нефтегазовый диалог», ИМЭМО РАН, 2015.
4. Рабинович А.И. Техника и технологии УЭНЦ: значение для России // Деловая Россия: промышленность, транспорт, социальная жизнь. № 5. 2013.
5. Рынок насосов: продажи падают на фоне кризиса // Oil&Gas Eurasia. № 3, март 2013.

METHODOLOGIES FOR ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF MARKETING ACTIVITIES OIL AND GAS COMPANIES

L. Kichenko,

E-mail: kichenko@econ.psu.ru

Perm State University

C. Gataullina,

E-mail: kristear@mail.ru

«Zostmayer», Perm

The article describes the main areas of marketing oil and gas companies: analysis of the oil and gas market and its development of competitors, politics of pricing, promotion of products, business activity partners. Attention is paid to the questions of oil production by means of electric centrifugal pumps. Noting the negative trend in the dynamics of the oil recovery factor. Offered the system of indicators by which to assess: level of monopolization and competition in the oil and gas industries, market size, elasticity of supply and demand, effectiveness of marketing management in the company.

Keywords: the capacity of the oil and gas market. oil recovery factor. the fall in oil prices. the concentration factor. herfindahl-hirschman index. the linda index. competitiveness.

ИНСТИТУТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Г.Б. Коровин, канд. экон. наук, ст. научный сотрудник,

Электронный адрес: grig_korovin@mail.ru

ИЭ УрО РАН, 620016, г.Екатеринбург, ул. Московская, 29

В статье описаны особенности современного этапа развития отечественной промышленности, для которой характерны крупные производства массовых товаров. Исследованные статистические данные подтверждают отставание развития промышленности России, в особенности высокотехнологичных отраслей от мирового уровня. Экономика России в настоящее время демонстрирует крайнюю невосприимчивость к инновациям. Это позволяет говорить о необходимости проведения индустриализации экономики России на современной инновационной основе.

Такое состояние экономики предопределило цель исследования – разработку и обоснование новой индустриализации как актуального вектора социально-экономического развития России. Проведен анализ традиционных и современных подходов к новой индустриализации, выявлены цели, принципы, стадии и перспективы ее проведения. Выделены особенности взглядов отечественных исследователей на новую волну индустриализации экономики России. Важнейшая особенность нового типа индустриализации, в отличие от ряда других концепций заключается в том, что она, признавая значимость индустриального фактора в экономике и обществе, ориентирует народное хозяйство страны на инновационное развитие, высокотехнологичное обновление и высший уровень эффективности.

Мы предлагаем использовать методологию «тройной инновационной спирали», которая применяется для интенсификации взаимодействия государства, науки и бизнеса в целях инновационного развития. Этот подход предусматривает доминирующее положение институтов, ответственных за создание нового знания.

Этот подход, позволил переосмыслить инновационное развитие, выделить тенденции развития межсекторного взаимодействия с учетом предприятий ведущих отраслей промышленности, в частности – электроэнергетики. Рассмотренный подход, также, использован в разрабатываемых механизмах активизации инновационного межсекторного взаимодействия: технологических платформах и инновационных кластерах. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 13-32-01258).

Ключевые слова: промышленность; деиндустриализация; новая индустриализация; инновации

Для современной России во многом характерны черты экономики индустриального типа с крупными промышленными объектами, производством массовых товаров. Для старопромышленных регионов, к которым относится и Свердловская область, эти черты характерны еще в большей степени. При этом, экономика России в целом продолжает сталкиваться с проблемами, которые в целом можно охарактеризовать как деиндустриализацию. Это связано с отставанием развития промышленности, в особенности высокотехнологичных отраслей. Практика показывает, что в отечественной экономике пока еще слаба промышленная база, способная потреблять знания и создавать на их основе инновации [7]. За время реформирования промышленность России потеряла не только значительные объемы производства, но и целые отрасли. Детальный анализ современного состояния обрабатывающей промышленности приведен в статье Т. Гуровой и А. Ивантера [2]. В ней показано значительное отставание России от ведущих промышленных держав по выработке продукции обрабатывающей промышленности на душу населения. Этот показатель в России за 2010 г. составил 504 доллара, при этом в США он больше в 11 раз, в Сингапуре и в Японии – в 16 раз, также он больше в Китае, Бразилии, Греции, Таиланде, Уругвае и других странах, не имеющих традиционно развитой промышленности. По широкому спектру отдельных

обрабатывающих производств российские показатели также невысоки. Лишь драгоценных и цветных металлов мы производим в расчете на душу населения примерно столько же, сколько и ведущие индустриальные страны. По большинству других позиций наблюдается значительное отставание. Для оценки положения промышленности представляет интерес такой показатель, как доля в российском экспорте машинотехнических изделий, включая поставки высокотехнологичной продукции и наукоемких услуг, который составляет 5,8 % (в 2001 г. – 10,5 %). Это в 5 раз меньше, чем у Таиланда, в 10 раз – КНР, в 14 раз – Южной Кореи. Доля России в мировом экспорте информационного оборудования составляет 0,04 %, тогда как доля США – 13 %, Японии – 9,7, Китая – 7,1% [9]. Процессы деградации промышленности (в частности, машиностроения) уже приводят к крайней зависимости от зарубежной техники, что в дальнейшем вызовет снижение технологических возможностей отечественной промышленности, ограничит потенциал экономики в высокотехнологичных сферах. Приведенные данные показывают, что Россию невозможно пока отнести ни к развитым странам, специализирующимся на создании знаний и разработке новых технологий, ни к новым индустриальным государствам. Доминирование добывающей промышленности предопределяет технологический застой высокотехнологических отраслей.

Среди отечественных научных разработок, которые направлены на решение проблем активизации промышленного развития, можно выделить: концепцию реиндустриализации на основе отказа от экспортно-сырьевой модели, развития и использования современных технологий научных достижений (Общероссийская общественная организация «Другая Россия»); план «Новая Индустриализация» – «Концепция 25X25» (Общероссийская общественная организация «Деловая Россия»); работы Губанова С. С., посвященные неоиндустриализации; разработки Института нового индустриального развития, Института экономики Уральского отделения РАН и другие. На наш взгляд, требуется дальнейшая проработка российской концепции новой индустриализации в части создания новых институтов и механизмов взаимодействия субъектов инновационного развития промышленного комплекса.

Важнейшая особенность нового типа индустриализации, в отличие от ряда других концепций, по нашему мнению, заключается в том, что она, признавая значимость индустриального фактора в экономике и обществе, ориентирует народное хозяйство страны на инновационное развитие, высокотехнологичное обновление и высший уровень эффективности. Вместе с тем экономика России в настоящее время демонстрирует крайнюю невосприимчивость к инновациям. В России практически отсутствует промышленная база, способная потреблять знания и создавать на их основе инновации. В этой связи в рамках новой индустриализации приоритетной задачей государства должно являться создание в России современной инновационно активной промышленности, которая обеспечит реальный спрос на новации и станет основой для инновационного развития экономики. Необходимо, в первую очередь, обеспечить внедрение технологических и организационно-управленческих инноваций, которые уже доказали свою эффективность в других странах, что позволит перевести нашу экономику на новый качественный уровень. Новая индустриализация означает не только замену устаревших основных фондов в традиционных отраслях промышленности, но и строительство новых отраслей с высокой производительностью труда и высокой добавленной стоимостью на основе современных технологий, конкурентоспособных на мировом рынке.

По мнению вице-президента Торгово-промышленной палаты РФ А.М. Рыбакова, «новая индустриализация России» – это перевод всего народного хозяйства страны на принципиально иную технологическую базу, который позволит достичь уровня передовых государств мира по производительности труда, возродить традиционные и создать новые отрасли промышленности и сферы услуг, придать устойчивость развитию национальной экономики [8].

Ряд современных исследований подтверждает, что для России путь к постиндустриальному обществу не позволит в полной мере реализовать свой социально-экономический потенциал. Академик РАН Е. Примаков в своих публикациях говорит о новой индустриализации и новой экономической модели, включающей избавление от «сырьевой иглы», развитие на инновационной основе промышленности, сельского хозяйства. Идею новой индустриализации он предлагает развернуть в продуманную промышленную политику, в «дорожную карту» движения к новой промышленной базе России на основе высших мировых технико-технологических достижений [6].

Отдельно нужно отметить ряд публикаций профессора С. Губанова и его сторонников, в которых они предлагают подход, предполагающий проведение неоиндустриализации силами вертикально интегрированных структур. По их мнению, решение вопроса о собственности в пользу вертикально интегрированных ее форм и отношений обеспечивает появление движущей силы неоиндустриальной модернизации, что открывает перед страной перспективу быстрого восстановления стратегического и геополитического паритета с ведущими индустриально развитыми державами мира [1]. В своих публикациях исследователи Института экономики УрО РАН, также, неоднократно отмечали предпочтительность новой индустриализации как наиболее эффективного пути развития отечественного производства особенно в так называемых старопромышленных регионах [7].

В текущей ситуации нами под новой индустриализацией понимается вектор перехода от экономики сырьевого, потребительского типа, которая держится на продаже невозобновляемых ресурсов, к экономике, которая характеризуется современной развитой инновационной, технологически высокой индустриальной базой. Характерные для постиндустриального развития экономики технологические направления – ресурсосберегающие и информационные технологии, микроэлектроника, программное обеспечение, телекоммуникации, робототехника, производство материалов с заданными свойствами, биотехнологии, информационные технологии, индустриализированные массовые услуги – становятся частью промышленности, ее эффективными инструментами, органическими внутренними составляющими, нейтрализуя внешнее противопоставление информационных систем, массовых услуг и индустрии.

Переход на современные, т. е. на существующие сейчас в наиболее развитых странах технологии, приведет к росту общественной производительности труда. Если учесть, что многие заимствованные технологии не могут быть эффективно адаптированы к российским условиям, то модернизация, понимаемая как «осовременивание», не вполне решает задачу развития России. Эта задача решается на основе внедрения не просто современных, а передовых инновационных технологий, разработанных как отечественными, так и зарубежными организациями [5].

В современных работах по теории инноваций анализируются свойства и новые тенденции, в той или иной форме нашедшие отражение во взаимодействии государства, науки и бизнеса и оформившиеся в виде концепции «тройной спирали», или модели стратегических инновационных сетей. Основной тезис теории «тройной спирали» заключается в том, что в системе инновационного развития доминирующее положение начинают занимать институты, ответственные за создание нового знания. Производство добавленной стоимости все в большей степени концентрируется в звеньях глобальной цепочки, которые являются носителями специальных знаний. Государство уже не может играть доминирующую роль в инновационном развитии, поскольку оно не способно создавать знания, хотя и несет ответственность за организацию их производства [3].

Возникновение «тройной спирали» связано с необходимостью организации эффективных форм взаимодействия трех субъектов развития (государства, бизнеса, науки) и создания новой основы построения этих связей - сетей коммуникаций. Причем, развитие таких сетей происходит в условиях влияния глобализации, которая проявляется через деятельность транснациональных корпораций, наднациональных союзов и альянсов. Функции организации и управления инновационной деятельностью, ранее выполнявшиеся государством на основе иерархических структур, меняются как по исполнителям, так и механизмам.

В таких условиях выделение отраслевых, территориальных приоритетов развития промышленности остается в сфере управления государством, а технологические приоритеты, отдельные направления инновационного развития, реализация которых в будущем за счет мультипликативного эффекта позволит осуществить комплексную реиндустриализацию, должны быть выработаны на основе сетевого взаимодействия субъектов инновационного развития. Логичными выглядят предложения сосредоточить инвестиции в тех сферах промышленного производства, которые традиционно в России были ведущими. В целом для России это может быть модернизация топливно-энергетического, металлургического комплексов и капитальные вложения в высокие технологии военно-промышленного комплекса. В результате станет возможным возрождение связанных с ними нефтяного и газового машиностроения, приборостроения, отдельных высокотехнологичных подотраслей металлургии и других отраслей промышленности [4]. Расширение использования возобновляемых источников также

можно связать с началом формирования новой «волны» реиндустриализации самого энергетического сектора.

Анализ электроэнергетической отрасли позволил сформировать определенный взгляд на инновационное развитие электроэнергетики и выделить тенденции развития модели межсекторного взаимодействия. Электроэнергетическая подотрасль в силу своего стратегического значения и уникальности долгое время существовала в условиях государственной монополии и соответствующего иерархического управления. На данный момент существенные изменения претерпели правила функционирования инфраструктуры – административное регулирование уступает место рыночному многосубъектному взаимодействию. Вопросы научно-изобретательской деятельности и применения новых технологий начали решаться в рамках отдельных энергокомпаний.

Для формирования инновационной энергетики, способной удовлетворить потребности экономики и социальной сферы не только в объеме и необходимом качестве энергоресурсов, но и на должном технологическом уровне, с высокой степенью надежности и безопасности необходим комплексный подход. Ключевые требования к электроэнергетике со стороны всех заинтересованных субъектов в условиях современного развития включают доступность, надежность, устойчивость, экономичность, эффективность, органичность взаимодействия с окружающей средой, безопасность. Инструментарий развития электроэнергетики, основанный на взаимодействиях сетевого характера должен включать: управление спросом на энергию, основанное не только на величине тарифа, но и на иных стимулах; инструменты обеспечения инвестиционного развития энергетики – плата за мощность, стратегический резерв, ценообразование операционных резервов, требования мощности, контракты надежности, абонирование мощности; методы установки тарифов – дальнейший отказ от затратно-ориентированных способов не только в генерации, но и в сетевых структурах. При этом, институты инновационного развития можно объединить в четыре сектора (табл.).

Институты инновационного развития энергетики

Сектор	Институты
«Генерация и распространение знаний»	Научно-исследовательские организации, отраслевые институты, университеты, академии и институты, средние специальные учебные заведения
«Генерация и использование знаний»	Крупные производственные предприятия, сервисные компании, интегрированные бизнес-группы, малый и средний инновационный бизнес
«Создание инновационного климата»	Органы государственной власти на разных уровнях, ассоциации товаропроизводителей и отраслевые союзы, технопарки, технополисы, инновационно-технологические центры, центры экспертизы, центры трансфера технологий, инновационные сети, кредитные учреждения, венчурные фонды, инвестиционные компании и фонды
«Общественные интересы»	общественные организации в области защиты различных прав, социально-культурных отношений, экологии, общественных благ

На наш взгляд, институты сектора «общественные интересы» пока не получили должного развития и фактически не включены во взаимоотношения по поводу инновационного развития. Однако их важность именно для промышленности подтверждается высоким уровнем использования предприятиями общественных благ, в частности природных ресурсов.

Актуальными на данный момент механизмами активизации межсекторного взаимодействия по поводу инновационного развития промышленности являются технологические платформы и инновационные кластеры. Причем, технологические платформы федерального уровня придали импульс к развитию региональных технологических платформ. Пока и технологические платформы, и кластеры находятся на начальных стадиях развития, они еще не могут считаться полноценным инструментом, вовлекающим заинтересованные субъекты в коммуникационный процесс. Однако, потенциально, эти механизмы способны сформировать более тесные связи между участниками инновационной системы, что может активизировать бизнес для участия в процессе индустриального развития инновационного типа.

Список литературы

1. Губанов С. Системный выбор России и уровень жизни // Экономист. 2011. №11. С.3-55.
2. Гурова Т., Ивантер А. Мы ничего не производим // Эксперт. 2012. №47(829).
3. Дежина И.Г. Особенности российской «тройной спирали» отношений между государством, наукой и бизнесом // Инновации. 2011. № 4. С. 47-55.
4. Душкова Н. А. Предстоящая реиндустриализация России: условия и возможности ее осуществления // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2012. Т. 8, № 12-13. С. 121-125.
5. Мазур О.И. Реиндустриализация российской экономики как условие расширенного воспроизводства совокупного работника // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2012. № 1. С. 14-20.
6. Примаков Е. Реиндустриализация или постиндустриализация // Прямые инвестиции. 2012. № 3(119). С. 3.
7. Романова О. А. Неиндустриализация как фактор повышения экономической безопасности старопромышленных регионов // Экономика региона. 2012. № 2. С. 70-80.
8. Рыбаков А.М. Новая индустриализация России. URL: <http://www.vcci.ru> (дата обращения 20.07.2013)
9. Цветков В.Л. Парадигма и «точки» неиндустриальной модернизации России // Проблемы развития рыночной экономики [под ред. член-корр. РАН В. А. Цветкова]. М.: ЦЭМИ РАН, 2011. С. 16-34.

THE INSTITUTES OF INNOVATIVE DEVELOPMENT SUBJECTS COOPERATION IN THE NEW INDUSTRIALIZATION

G. Korovin,

E-mail: grig_korovin@mail.ru

The Institute of Economics, Ural branch of the Russian Academy of Sciences

This article describes the features of the current development stage of the Russian industry, which is characterized by large production of bulk commodities. The statistical data confirm the lag in the development to the world level of Russian industry, especially high-tech industries. Russia's economy is currently demonstrating extreme resistance to innovation. This suggests the need for Russian economy industrialization on the basis of modern innovation.

This economic situation determined the purpose of the study - the development and substantiation of new industrialization as the current direction of socio-economic development of Russia. The analysis of traditional and modern approaches to the new industrialization allows identifying its objectives, principles, stages and prospects. We detailed the views of local researchers on the new wave of industrialization of the Russian economy. The most important feature of a new type of industrialization, unlike a number of other concepts is that it is recognizing the importance of the industrial factor in the economy and society, directs the national economy on the innovative development of high-tech update and the highest level of efficiency.

We propose to use the methodology of the "triple helix model of innovation", which is used to intensify the cooperation between the state, business and science in order to innovative development. This approach provides the dominant position of the institutions responsible for the creation of new knowledge.

This approach made it possible to rethink the development of innovative, to distinguish trends in the development of intersectoral cooperation with the leading industries enterprises, in particular - the electricity. The approach, also used in the activation mechanisms developed innovative cross-sector collaboration: technology platforms and innovative clusters.

Keywords: Industry; deindustrialization; new industrialization; innovation

РОЛЬ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТРАНЫ

Ю.Р. Луканина, мл. научный сотрудник студенческого научно-производственного бизнес-инкубатора,

Электронный адрес: kaneeva58@yandex.ru

А.К. Алимуратов, мл. научный сотрудник студенческого научно-производственного бизнес-инкубатора,

Электронный адрес: alansapfir@yandex.ru

А.Ю. Тычков, директор студенческого научно-производственного бизнес-инкубатора,

Электронный адрес: tychkov-a@mail.ru

Пензенский государственный университет

В данной статье представлен краткий анализ роли высшей школы в процессе развития инновационной деятельности страны. Авторами предложены возможности государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования в обеспечении развития национальной экономики. Выявлены основные причины снижения эффективности отечественной системы высшего образования.

Ключевые слова: инновационная деятельность, предпринимательство, высшее образование, молодежь.

Развитие инновационной деятельности является приоритетом реализуемого в современной России курса социально-экономической модернизации. В данных условиях ключевым ресурсом инновационного развития является человеческий капитал, целенаправленное формирование и развитие которого должны обеспечиваться соответствующими направлениями и мероприятиями государственной научно-технической, образовательной и молодежной политики. При этом первоначально должны создаваться условия для активного участия в инновационной деятельности молодежи как проводника и движущей силы модернизационных преобразований.

В условиях реализации курса социально-экономической модернизации и приоритетных направлений инновационного развития экономики современной России, требуется активизация роли высшей школы в подготовке квалифицированных специалистов, обладающих целевыми компетенциями в сфере создания инновационных технологий и продукции, коммерциализации инновационных проектов. При этом готовность к реализации научной и инновационной деятельности должна целенаправленно формироваться с младших курсов обучения в высшей школе и последовательно развиваться на последующих этапах, на основе последовательного привлечения обучаемых и молодых исследователей к реализации исследовательских проектов на базе инновационной инфраструктуры вузов и организаций-партнеров, их вовлечения в профессиональное сообщество молодых инноваторов и предпринимателей.

Основываясь на Стратегии инновационного развития России до 2020 года [3], сценарий долгосрочного развития отечественной экономики предполагает рост ее конкурентоспособности как в традиционных, так и новых наукоемких секторах, прорыв в повышении качества человеческого капитала и динамики производительности труда, в опережающем развитии высокотехнологичных производств и превращение инновационных факторов в основной источник экономического роста.

Для выполнения данных задач требуется активизация роли высшей школы, так как в условиях становления экономики знаний университеты являются одним из основных источников и генераторов ресурсов для перехода страны на инновационный путь развития.

Возможности университетов в обеспечении развития национальной экономики должны реализовываться по следующим направлениям:

1) подготовка кадров для различных сфер национальной экономики, прежде всего – для приоритетных её направлений;

2) университеты являются основной базой для проведения фундаментальных научных исследований, создавая условия для технологического, социально-экономического развития экономики;

3) в университетах проводятся исследования прикладной направленности, а для коммерциализации их результатов создаются объекты инновационной инфраструктуры структуры (технопарки, бизнес-инкубаторы, центр трансфера технологий).

Однако современное состояние в России как сферы НИОКР, так и сферы образования не позволяют им играть требуемой сегодня роли в развитии экономики. Значительная часть проводимых и планируемых исследований и разработок не обеспечивается механизмами их ориентации на реальные потребности экономики. Задача качественной подготовки кадров высшей квалификации решается не полным образом в связи с тем, что система образования отстает от требований рынка труда и не ориентирует специалистов на инновационный поиск.

Основными причинами снижения эффективности отечественной системы высшего образования явились:

- недостаточность бюджетного финансирования высшей школы, низкий уровень заработной платы преподавателей, научных сотрудников и вспомогательного персонала (прежде всего, в части оплаты труда по выполнению работы в рамках бюджетного финансирования), недостаточность технической оснащенности многих вузов для достижения конкурентоспособного на мировом рынке образовательных услуг уровня. Так бюджетное финансирование высшего профессионального образования в России в отношении к ВВП в два раза ниже, чем в развитых странах, при значительно меньшем ВВП на душу населения [1];

- ухудшение материально-технического обеспечения учебного процесса и прогрессирующий износ основных фондов вузов;

- кризис вузовской науки, прежде всего, в области фундаментальных наук;

- нехватка кадров и отсутствие кадрового замещения, низкая мотивация персонала научно-образовательной сферы в условиях снижения престижа научно-педагогической работы;

- разрыв между системой подготовки специалистов и потребностями субъектов реального сектора экономики.

Последствиями данных тенденций для высшей школы на современном этапе выразились в следующих проблемах:

- низкий уровень конкурентоспособности российских вузов на мировом рынке. По оценкам экспертов и показателям международных рейтингов, уровень высшего образования в России за последние 20 лет значительно снизился. Так, в рейтинге 200 лучших университетов мира Times Higher Education российские университеты отсутствуют. В альтернативном рейтинге 2010 г. МГУ впервые вошел в топ-100, заняв 93 место, СПбГУ занял 210 место, Новосибирский университет – 375 место, Томский университет и ВШЭ заняли с 451 по 500 места. Другие отечественные образовательные учреждения в списке отсутствуют [2];

- критический удельный вес высшего образования (фактическое отсутствие и непопулярность рабочих специальностей), а так же диспропорции в структуре специальностей (популярность экономических и юридических специальностей);

- неудовлетворенность работодателей выпускниками вузов, отсутствие навыков интеграции полученных знаний в реальных экономических условиях;

- отсутствие действенных и эффективных механизмов интеграции высшей школы и реального сектора экономики;

- несоответствие уровня и содержания подготовки выпускников вузов потребностям экономики, в том числе инновационно-ориентированных секторов.

На решение данных проблем направлены мероприятия современной государственной политики в сфере развития высшего образования, повышения результативности научной и инновационной деятельности высшей школы [4].

В Стратегии инновационного развития России до 2020 года приоритетом в высшем образовании выступает реструктуризация данного сектора, ориентированная на:

1. развитие исследований и разработок в университетах;

2. углубление кооперации вузов с передовыми компаниями реального сектора экономики и научными организациями;

3. кардинальное расширение международной интеграции российских вузов как в сфере образовательных программ, так и в сфере исследований и разработок;

4. усиление академической мобильности и развитие сетевой организации образовательных и исследовательских программ.

При этом предусматривается увеличение финансовой поддержки ведущих вузов, научных коллективов и отдельных ученых, проводящих исследования на мировом уровне. Важнейшим направлением реализации Стратегии будет продолжение программы создания сети исследовательских университетов, которые стали ядром нового интегрированного научно-образовательного комплекса, обеспечивающего как подготовку кадров, так в выполнение значительной доли фундаментальных и прикладных исследований. Завершение формирования основного ядра этого комплекса предполагается в 2015–2016 гг.

Отдельной задачей в Стратегии выступает повышение качества подготовки исследователей, осуществляющих разработки на базе вузов. Данную задачу планируется реализовать посредством обеспечения увеличения количества научно-учебных лабораторий и научно-образовательных центров, а также специальных вузовских программ по привлечению студентов и аспирантов к практической научной и инновационной деятельности.

В соответствии с проводимой политикой и изменениями в системе образования, учебными заведениями высшего профессионального образования нового типа, отвечающими требованиям, предъявляемым к вузам инновационного типа, являются федеральные университеты и национальные исследовательские университеты.

Тенденции развития вузов, их роль и место в обеспечении конкурентоспособности государства обосновывают ставку на высшую школу и ее позиционирование в качестве важнейшего субъекта построения национальной инновационной системы, а характер взаимодействия ее с основными элементами экономической системы и наличие уникальных отличительных черт (развитой сети и равномерном распределении по регионам страны, сосредоточение огромного потенциала, влияния на формирования мировоззрения молодежи, выполнение ей стратегически важной функции формирования инновационного человека) позволяет претендовать на роль координатора инновационной деятельности в России.

Список литературы

1. Беляков С.А., Беляков Н.С., Клячко Т.Л. Анализ и оценка экономической устойчивости вузов. Москва: МАКС Пресс, 2008
2. Самое лучшее образование в мире 2010-2012 гг. URL:<http://www.efareport.unesco.org> (дата обращения: 05.02.2015);
3. Распоряжение Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года».
4. Тычков А.Ю. Развитие инженерного образования и его роль в технической модернизации России // IV Ежегодн. науч.-практ. конф.: философские проблемы биологии и медицины: фундаментальное и прикладное. Москва, 2011. С.75-79

THE ROLE OF HIGHER EDUCATION IN THE PROCESS OF DEVELOPMENT OF INNOVATIVE ACTIVITY OF THE COUNTRY

J. Lukanina,

E-mail: kaneeva58@yandex.ru

A. Alimuradov,

E-mail: alansapfir@yandex.ru

A. Tychkov,

E-mail: tychkov-a@mail.ru

Penza State University

This article provides a brief analysis of the role of higher education in the process of development of innovative activity in the country. The authors suggest the possibility of universities to ensure the development of the national economy. The basic reasons for reducing the effectiveness of the system of higher education.

Keywords: innovation, entrepreneurship, higher education, youth

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

И.Ю. Мерзлов, канд. экон. наук, доц. кафедры менеджмента,

Электронный адрес: imerzlov@yandex.ru

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, г.Пермь, ул.Букирева,15

Содержание государственно-частного партнёрства (ГЧП) существенным образом отличается от традиционных государственных подходов инвестирования создания и модернизации инфраструктурных объектов. В первую очередь, это связано с тем, что применение ГЧП стимулирует частного партнера искать и внедрять инновационные технологии, позволяющие более эффективно оказывать услуги конечным пользователям инфраструктурных отраслей.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, инновации, инфраструктура.

Начиная с 1980-х годов ряд европейских стран начал приходить к пониманию того, что возможности национальных бюджетов не могут более обеспечивать растущие потребности хозяйствующих субъектов и общества в целом в дальнейшем развитии инфраструктурных отраслей (как в отношении экономической, так и социальной инфраструктуры). Так, своё практическое воплощение получил подход, получивший название государственно-частное партнёрство (ГЧП).

Анализ всего многообразия иностранных и отечественных определений термина ГЧП позволяет сделать следующий вывод: это понятие можно классифицировать по широте охвата на два доминирующих подхода.

Во-первых, как наиболее всеобъемлющее определение, включающее в себя любое взаимодействие бизнеса и государства – диалектический подход [1, с. 489].

Во-вторых, как узкое – проектный подход, в котором речь идет только о тех проектах, где взаимодействие имеет долгосрочный, ограниченный временем характер и основано на совместном финансировании, в первую очередь, инфраструктурных проектов. При этом частная сторона готова вкладывать в проекты собственные финансовые и управленческие ресурсы на условиях платности, а также заранее оговоренном паритете взаимных интересов и рисков. При этом в понятие ГЧП не будет включаться деятельность по созданию благоприятных условий для инвестирования и государственной поддержки, направленной на повышение эффективности этого процесса.

На основе такой классификации подходов к пониманию ГЧП нами сформулировано собственное актуальное определение ГЧП как системы взаимодействия государства и бизнеса, в основе которой лежит проектный подход, обеспечивающий синергетический эффект взаимодействия вовлеченных сторон при неизменности величины транзакционных издержек для каждой из сторон и нацеленный на развитие инфраструктуры страны и регионов.

Проект ГЧП будет эффективен, если положительный синергетический эффект проекта ГЧП (который достигается в том случае, если сильные стороны частного партнёра перекрывают слабые стороны государства и в то же время государство создает нормативно-правовые возможности снижения рисков участия в проекте для частного партнёра) превышает транзакционные издержки участия в проекте каждой из сторон (рис.1).

Рис. 1. Условия эффективности реализации проекта ГЧП

При этом меняется и характер взаимодействия государства и общества как конечного пользователя объектов инфраструктуры (рис. 2).

Государственный заказ (государственные инвестиции)		ГЧП	
Выполняемые функции	Субъект взаимоотношений	Выполняемые функции	Субъект взаимоотношений
1. Заявление социально-экономической потребности	Конечные пользователи	1. Заявление социально-экономической потребности	Конечные пользователи
2. Определение необходимого объема работ в рамках планируемого инфраструктурного проекта	Орган исполнительной власти, реализующий инфраструктурный проект	2. Определение необходимого объема работ в рамках планируемого инфраструктурного проекта с фиксацией параметров качества его функционирования	Орган исполнительной власти, реализующий инфраструктурный проект
3. Проведение конкурса по выбору подрядчика		3. Проведение конкурса по выбору частной стороны	
4. Проверка качества и приемка работ		4. Возможно, получают критические замечания от конечных пользователей и органов власти	
5. Возможно, получают критические замечания от конечных пользователей		5. Исправление полученных критических замечаний	Частная сторона

Рис.2. Особенности взаимодействия государства и общества при реализации госзаказа и проектов ГЧП

Как правило, в условиях того, что государство осуществляет инвестиции в инфраструктуру, имеет место фиксация функциональных и технических характеристик самого объекта инфраструктуры. При этом отсутствуют требования к подрядчикам осуществляющим реализацию проекта по качеству услуг, которые будут оказываться конечным потребителям на основе использования данного объекта инфраструктуры.

И, наоборот, при использовании ГЧП перед частной стороной государством ставится четкое описание того, услуга какого качества должна быть оказана конечному пользователю при создании соответствующего объекта инфраструктуры. Т.е. государство не ограничивает частного партнёра в выборе конкретной технологии предоставления инфраструктурной услуги. Данное обстоятельство в конечном итоге стимулирует частную сторону применять инновационные решения оказания инфраструктурных услуг в рамках реализуемого проекта.

Отличительной особенностью проектов ГЧП (в отличие от госзаказа) является то, что при появлении каких-либо критичных замечаний со стороны общества, как конечного потребителя инфраструктурной услуги, ответственность за исправление этих замечаний начинает нести частный партнёр, а не орган власти (как при традиционных государственных инвестициях). Что, в конечном результате, также косвенно стимулирует частного партнёра искать инновационные и следовательно более эффективные технологические решения создания и функционирования инфраструктурного объекта.

О необходимости инновационного развития экономики в России в последние годы заявляют практически все политические деятели, актуальность этого также подтверждается и разнообразными статистическими данными.

Практическое применение ГЧП в современной России только начинается и ограниченный перечень реальных проектов ГЧП можно отметить пока преимущественно на федеральном уровне и очень редко – на региональном [2].

Вынуждены констатировать, что деятельность по развитию инфраструктуры в стране, в том числе и с использованием ГЧП, в настоящее время носит эпизодический, несистемный характер. Тем более это касается применения инновационных технологий в инфраструктурных проектах.

Развитию ГЧП в России препятствует ряд объективных причин, основная из которых отсутствие соответствующего федерального законодательства (федеральный закон «О концессионных соглашениях» №115-ФЗ позволяет реализовать лишь небольшую часть возможных инфраструктурных проектов, в которых мог бы быть заинтересован частный бизнес) и институтов, отвечающих за систему управления ГЧП.

Проблемы в области реализации проектов ГЧП в России позволяют сделать вывод о том, что в нашей стране необходимо создавать собственную российскую систему управления ГЧП, основными элементами которой должны стать: государственная политика, стратегия и тактика в сфере ГЧП, соответствующие институты развития (центры ГЧП и ассоциации ГЧП), система их взаимодействия друг с другом и участниками проектов ГЧП, соответствующий организационно-экономический механизм управления ГЧП, а также инструменты привлечения инвестиций и рисками, учитывающие специфические особенности проектов ГЧП.

Существенным является то, что система взаимодействий между участниками, вовлеченными в проекты ГЧП, должна обеспечивать баланс их интересов и способствовать минимизации транзакционных издержек участия в проектах ГЧП.

Применение организационно-экономического механизма управления ГЧП, включая алгоритм выбора оптимальной модели проекта ГЧП, обеспечивает эффективную реализацию проектов ГЧП в течение всех этапов их жизненного цикла и позволяет получить инновационные технологические решения реализации конкретных инфраструктурных проектов.

Таким образом, последовательное и системное практическое применение ГЧП в стране, по нашему мнению, способно обеспечить инновационное развитие инфраструктурных отраслей. Это, в свою очередь, будет способствовать существенному росту конкурентоспособности национальной экономики, создавать предпосылки ускоренного перехода России к новому технологическому укладу.

Список литературы

1. Мерзлов И.Ю. Основные подходы к реализации инфраструктурных проектов // *Фундаментальные исследования*. 2012. № 9, ч.2., с. 489.
2. Развитие государственно-частного партнерства в странах ЕС и России. URL: <http://www.ini21.ru/?id=1231> (дата обращения: 24.01.2015).

THE ROLE OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN THE PROVISION OF THE NATIONAL ECONOMY INNOVATIVE DEVELOPMENT

I. Merzlov,
E-mail: imerzlov@yandex.ru
Perm State University

The content of public-private partnership (PPP) differs substantially from traditional government approaches connecting with building and upgrading infrastructure sectors. Primarily, this is due to the fact that the use of PPP stimulates the private partner to search for and implement innovative technologies that more effectively provide services to end users of infrastructure sectors.

Keywords: public-private partnership, innovation, infrastructure

ЦЕЛЕВОЙ КАПИТАЛ КАК НОВЫЙ МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕГИОНЕ

Н.П. Паздникова, канд. экон. наук, доц. кафедры предпринимательства и экономической безопасности,

Электронный адрес: pazdnikovan@mail.ru

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Основная идея статьи - показать существующие методы регулирования деятельности некоммерческих организаций, а также возможности использования новых инструментов управления. В статье рассматриваются традиционные подходы к формированию и управлению ресурсами НКО, а также показан новый механизм повышения эффективности деятельности НКО, основанный на формировании фондов целевого капитала. Формирование целевого капитала позволяет выявить проблемы, особенности, уровень развития, эффективность деятельности НКО и определить схему реализации эндаумент-фонда.

Ключевые слова: некоммерческая организация, целевой капитал, эндаумент, управление, обеспечение, формирование, фонд, пожертвования.

В настоящее время реформирование общественного сектора в России относится к числу наиболее актуальных вопросов регионального управления, прежде всего, это связано с тем, что проблемы и трудности, обусловленные трансформацией и глобализацией социально-экономических процессов, отражаются на регионах с выраженной спецификой и особенностями протекания. В этих условиях важнейшей задачей является необходимость повышения уровня некоммерческого сектора, которое требует применения новых, более качественных механизмов, одним из которых выступает формирование целевого капитала.

Интерес к деятельности НКО показан в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, отражающий новый институт социально-экономической системы.

Основной особенностью НКО является наличие широкого спектра традиционных источников формирования имущества: бюджетные поступления; добровольные имущественные взносы и пожертвования; выручка от реализации работ, товаров, услуг; дивиденды по ценным бумагам; доходы, получаемые от управления собственностью и другие, не запрещенные законом поступления [3,4].

Рассмотрим вышеперечисленные традиционные механизмы формирования имущества и управления деятельностью подробнее.

Бюджетные ассигнования – поступления автономным некоммерческим организациям на осуществление отдельных проектов, программ и мероприятий. Существуют различные формы бюджетных средств, распределяемых АНКО: ассигнования; субвенции; субсидии, в том числе на выделение грантов и материальной поддержки.

Получение средств из бюджета ассигнований посредством государственного или муниципального контракта предусматривает участие АНКО в выполнении бюджетных обязательств, удовлетворяющих государственные или муниципальные потребности. Процедуры государственного (муниципального) задания предоставляют АНКО дополнительные возможности по реализации работ, товаров и услуг по договору или государственному контракту, благодаря чему, АНКО может увеличить масштабы своей деятельности или освоить новые услуги. При этом ей приходится конкурировать с другими претендентами, в первую очередь, с малым бизнесом. В рамках вступившего в силу с 1 января 2014 года, Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, услуг, работ для обеспечения государственных нужд», не менее 15% совокупного годового объема закупок,

предусмотренного планом-графиком, заказчики должны размещать среди субъектов малого бизнеса и социально ориентированных НКО. Однако эти преимущества не распространяются на социально ориентированные некоммерческие организации, учредителями которых являются Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования [5].

Кроме этого, АНКО имеют возможность получить из бюджета субсидии и субвенции, в том числе на выделение государственных грантов. Бюджетные субсидии предоставляются на условиях долевого финансирования расходов бюджета и, как правило, направляются на частичное покрытие определенных видов расходов, связанных с осуществлением основной деятельности (например, коммунальные расходы). Средства из бюджета в виде субвенции могут быть предоставлены на осуществление определенных расходов, финансируемых на выполнение делегируемых сверху полномочий на безвозвратной основе. В частности, некоммерческая организация может получать бюджетные средства в виде субвенции на финансирование расходов, связанных с ее участием в выполнении государственной программы, финансирование которой предусмотрено соответствующим бюджетом [6-7].

Добровольные имущественные взносы и пожертвования—средства граждан и юридических лиц, поступающие для выполнения основной деятельности на добровольной основе, без принуждения. Добровольные имущественные взносы и пожертвования носят исключительно целевой характер и предназначены для выполнения конкретных программ, проектов, мероприятий или для ведения основной деятельности в целом. Кроме того, к добровольным имущественным взносам и пожертвованиям относятся спонсорские средства, представляющие особую форму оплаты рекламной деятельности (ст. 19 Федерального закона № 108 «О рекламе»). АНКО могут получать поддержку бизнеса в рамках благотворительных программ, социальных инвестиций (включая конкурсы, гранты), программ корпоративного волонтерства путем безвозмездного предоставления работ, товаров и услуг.

Некоммерческие организации с помощью данного механизма получают, необходимые для осуществления основной деятельности материальные и финансовые ресурсы, возможность использовать современные виды оборудования, сырья, связи, повышать квалификацию работников и др. Использование средств инвесторов дает возможность АНКО успешно решать проблемы реализации работ, товаров и услуг, производимых ими с достаточно высокими издержками, что способствует укреплению позиций этих организаций по сравнению с коммерческими [1-2].

Особый интерес вызывает грантовый источник. В настоящее время в российском законодательстве понятие «грант» трактуется неоднозначно в зависимости от его вида: президентский, государственный, благотворительный и т.д. В одних случаях, под грантом понимают средства, предоставляемые организациям и физическим лицам на определенные цели и выполнения конкретных задач, в других случаях – это средства, поступающие от иностранных организаций для реализации целевых программ и мероприятий. В мировой практике под грантом, как правило, рассматриваются целевые средства, предоставляемые на безвозвратной, бесприбыльной основе. Гранты позволяют АНКО осуществлять новые проекты, приобретать современное оборудование, повышать уровень профессиональной квалификации сотрудников и др.

Выручка от реализации работ, товаров, услуг. Работ. Во-первых, это доход, полученный АНКО в результате выполнения своей уставной деятельности. Это может быть плата за вход в музей, билеты в театр, спортивное соревнование и т.д. Во-вторых, доход от самостоятельной предпринимательской деятельности - реализация работ, товаров, услуг, посредническая деятельность, покупка или продажа недвижимости и др. Законодательством допускается осуществление предпринимательской деятельности АНКО, отвечающая соответствующим правилам, а в частности, соответствие целям, для достижения которых создана указанная организация. Кроме того, АНКО вправе самостоятельно распоряжаться своим имуществом, и в этой связи - вправе участвовать в обществах и товариществах на вере в качестве вкладчика.

Иные не запрещенные законом поступления. Определенный вклад в развитие некоммерческих организаций вносит труд волонтеров. Волонтеры работают по собственной инициативе, безвозмездно, т.е. без соответствующей денежной компенсации. Например, в Канаде половина жителей еженедельно тратят около четырех часов на неоплачиваемую работу в организациях некоммерческого сектора. Стоимость одного часа волонтерского труда рассчитывается исходя из величины прожиточного минимума территории, но в случаях, если в качестве волонтеров привлекаются квалифицированные

специалисты, стоимость их труда может быть выше. Начисления на выплаты по оплате труда волонтеров не осуществляются в связи с тем, что не происходит реального начисления оплаты труда и выплаты денежных средств. Поэтому, в Российской Федерации, именно волонтерский труд наиболее часто рассчитывается при подаче заявок на получение субсидии, поскольку данная статья входит в собственные средства (при получении субсидий доля собственных средств не должна быть менее 30% общей стоимости проекта).

Безусловно, используемые правовые регуляторы деятельности НКО создают необходимую базу для развития, однако, этого недостаточно для стратегического развития. В этой связи, с принятием Федерального закона «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» появился новый механизм развития НКО.

Под целевым капиталом подразумевают совокупность пожертвованных активов, с целью аккумулирования, последующего инвестирования и получения дополнительного дохода. Инвестиционный доход или его часть, расходуется на текущую деятельность некоммерческой организации.

Деятельность по созданию и управлению целевым капиталом в Российской Федерации регулируется соответствующими нормативными актами (табл. 1). Помимо основных нормативных актов, существуют акты, регулирующие определенные стороны функционирования модели целевого капитала.

Таблица 1

НПА, регулирующие создание и управление целевым капиталом НКО

НПА	Название	Типологизация
ФЗ от 30.12.2006 N 275	О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческими организациями	Вводится понятие «целевой капитал», особенности функционирования модели фонда целевого капитала
ФЗ от 30.12.2006 N 276	О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческими организациями»	Описывается механизм освобождающий доход, получаемый при использовании целевого капитала, от налога на прибыль
ФЗ от 21.11.2011 N 328	О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций	Предусматривает налоговые льготы для физических лиц, характеризуются сферы, для поддержки которых можно формировать целевой капитал, способы пополнения целевого капитала денежными средствами и недвижимостью, ценными бумагами и др.

Согласно законодательству, существует ряд требований, при соблюдении которых, можно утверждать, что речь идет о целевом капитале. Эти требования вытекают из определения, представленного в законодательстве и постатейного анализа соответствующих законов.

Во-первых, целевой капитал могут формировать исключительно некоммерческие организации. Согласно ст. 50 Гражданского кодекса Российской Федерации, некоммерческими организациями являются юридические лица, не имеющие в качестве основной цели своей деятельности извлечение прибыли и распределение её между участниками.

Во-вторых, капитал является строго целевым, что означает формирование целевого капитала и использование дохода от него могут осуществляться в соответствии с установленными целями для следующих сфер: образования, науки, здравоохранения, культуры, физической культуры и спорта, искусства, архивного дела, социальной помощи, охраны окружающей среды, оказания гражданам бесплатной юридической консультации и осуществления их правового просвещения. Соответствующий перечень является закрытым, если речь идет об аккумулировании пожертвований в сферах, отличных от перечисленных и пожертвования нельзя называть целевым капиталом.

В-третьих, целевой капитал формируется и пополняется за счёт пожертвований, принятых в установленном Федеральным законом порядке по договору пожертвования или завещанию. Если в договоре завещания или пожертвования отсутствует указание на то, что денежные средства, недвижимое имущество, ценные бумаги передаются на формирование целевого капитала или на его пополнение, то отношения, возникающие по поводу такого имущества, регулируются другими законами [13-14].

В-четвёртых, обязательна передача собранных пожертвований в доверительное управление. Целевой капитал передается управляющей компании для получения дохода, используемого для финансирования уставной деятельности некоммерческой организации или иных некоммерческих организаций. Механизм передачи средств в управление схож с механизмом формирования накопительной части пенсии, когда это пенсионные накопления, передаются из Пенсионного фонда в управление негосударственному пенсионному фонду или управляющей компании. Доходность эндаумента зависит исключительно от результатов их инвестирования, следовательно, могут быть и убытки. Важным моментом является тот факт, что АНКО может формировать несколько целевых капиталов, которые передаются разным управляющим компаниям.

В-пятых, основное отличие целевого капитала от иных видов пожертвований заключается в его долговременном использовании, т.е. средства инвесторов ориентированы на длительный период и получение дополнительного дохода. Формируется связь поколений: пожертвования текущего периода аккумулируются и приумножаются за счёт инвестиционных операций предыдущих пользователей.

На наш взгляд, специфика формирования и управления целевым капиталом зависит от схемы создания капитала, представленные в законодательстве двумя вариантами. Первый – некоммерческая организация сама учреждает капитал и является одновременно получателем доходов от его использования. Назовём этот вариант «внутренним самофинансированием»[9].

«Внутреннее самофинансирование» могут выбрать только организации, созданные в формах: автономная некоммерческая организация, фонд, религиозная организация, общественная организация или общественный фонд. Если целевой капитал создается по данной схеме, то сбор пожертвований и операций, связанных с управлением, осуществляются внутри самой автономной некоммерческой организации, т.е. фонд целевого капитала — это принятые пожертвования в форме определенной суммы денег с целевым назначением. При пополнении существующего целевого капитала, когда кроме денег, могут быть приняты пожертвования в виде ценных бумаг, недвижимого имущества — это специальным образом, принятые пожертвования с обязательствами по передаче их в доверительное управление, отдельным бухгалтерским учётом, аудитом, отчётностью и т.д.

Иной механизм возникает во втором варианте, когда АНКО не имеет ни одну из вышеперечисленных организационно-правовых форм. В этом случае создается отдельное юридическое лицо специализированная организация, т.е. фонд, осуществляющий все операции с целевым капиталом. Этот вариант назовём «внешним финансированием»[15].

К преимуществам первого варианта следует отнести: отсутствие необходимости учреждения новой организации со всеми сопутствующими расходами на юридическую регистрацию, найма персонала и т.д. Кроме того, решение о создании целевого капитала требует перерегистрации правоустанавливающих документов организации, вместе с тем, суммарные расходы будут существенно меньше, чем расходы на регистрацию нового юридического лица — специализированной организации. К преимуществам второго варианта относится отсутствие жёстких рамок для органов управления фондом, т.е. специализированная организация самостоятельно определяет структуру и состав своих органов управления. Законом предусмотрены требования к структуре управления некоммерческой организацией — собственнику целевого капитала, касающиеся раскрытия информации о полномочиях высшего органа управления и совета по использованию целевого капитала, результатах обязательного аудита деятельности и т.д. Однако требования информационной прозрачности не выполняются[8,10].

Управления целевым капиталом во времени состоит из определенных стадий: подготовительный, формирование целевого капитала и доверительное управление. Начальной точкой управления является решение о формировании целевого капитала, а конечной – решение о его реформировании. Подготовительная стадия занимает не меньше одного месяца, хотя по закону на регистрацию НКО отводится 17 рабочих дней, а в ФНС – 5 рабочих дней.

Стадия формирования целевого капитала начинается с открытия банковского счёта, на который собираются денежные средства для целевого капитала. В течение двух месяцев со дня, когда сумма полученных денежных средств на формирование целевого капитала составит 3 млн. руб., АНКО обязана передать денежные средства управляющей компании. Со дня передачи средств в доверительное управление целевой капитал считается сформированным. В период формирования полученные пожертвования могут быть размещены на депозитных счетах в кредитных организациях.

Безусловно, работы по формированию и пополнению целевого капитала продолжаются постоянно, а эффект от его создания проявляется не сразу. Более того, необходима постоянная подпитка целевого капитала новыми пожертвованиями, что затруднительно в случае отсутствия или неразвитости каналов взаимодействия с инвесторами.

Список литературы

1. Барковец А.А. Лучшие практики по созданию целевых капиталов / под ред. А. А. Барковец. М.: Форум Доноров. 2012. 158 с.
2. Информационный портал Министерства Юстиций Российской Федерации [электронный ресурс] официальный сайт. URL: www.unro.minjust.ru. (дата обращения 10.04.2014).
3. Катъкало В.С. Разработка и реализация стратегии по формированию целевого капитала. Роль совета по использованию целевого капитала // Материалы всероссийского форума «Благотворительность в российских регионах: проблемы и перспективы развития», Санкт-Петербург, 2007.
4. Козичев Е., Фуколова Ю. Деньги бесплатно [электронный ресурс] официальный сайт. URL: www.kommersant.ru (дата обращения 20.11.2014).
5. Леонов А.В. Оценка эффективности использования эндаументов// Экономика и управление народным хозяйством. 2012. № 4. С. 13-18.
6. Мерсиянова И.В. Влияния финансирования российских НКО на оценку их работы и экономического положения // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. №3. С. 25-31.
7. Миттра Б. Управление эндаументами и фондами//Деньги и благотворительность. 2008. № 2(67). С. 118.
8. Паздникова Н.П. Мониторинг результативности проектов государственно-частного партнерства / Н.П. Паздникова, Ж.А. Мингалева //Журнал «Экономика и предпринимательства». 2013. № 4(33). С. 140-143.
9. Савина О.Н. Региональная налоговая политика в условиях развития инновационной экономики: теоретический аспект// Налоги и налогообложение. Москва, 2012, № 2. С.104-108.
10. Субанова О.С. Архитектура бизнес-процессов эндаумент-фонда университета // Известия ЮФУ. Технические науки. 2011. № 11(124). С. 78 — 81.
11. Фонд развития МГИМО официальный сайт. URL: fund.mgimo.ru (дата обращения 12.12.2013).
12. Фонд целевого капитала – Управляющая компания. Ликбез. URL: <http://endowment.donorsforum.ru/userfiles/Fond-celevogo-kapitala-Upravljueaju-kompaniju.Likbez.pdf> (дата обращения 15.11.2013).
13. Эндаумент-фонды (фонды целевого капитала) государственных и муниципальных образовательных учреждений: организация деятельности, состояние и перспективы развития: практическое руководство. М.: Финансовый университет, 2010. 144 с.
14. Целевые капиталы (без средств СПО) на 30.09.2013. URL: www.ra-national.ru (дата обращения 24.11.2013).
15. Эндаумент фонды — квалифицированные инвесторы. ОАО «Альянс инвестиции». URL: http://endowment.donorsforum.ru/userfiles/Lukin_Alyjuns_Materialt-kluba-FD_new-format-dev.pdf. (дата обращения 30.11.2013).

TRUST CAPITAL MANAGEMENT AS A NEW MECHANISM OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN THE REGION

N. Pazdnikova,
E-mail: pazdnikovan@mail.ru
Perm State University

The main idea - to show the existing methods of regulating the activities of non-profit organizations, as well as the possibility of using new management tools. The article deals with the traditional approaches to the formation and management of resources of NGOs, as well as showing new mechanism for increasing the effectiveness of NGO activities, based on the formation of the Endowment Fund. Formation of endowment reveals problems, especially the level of development, the effectiveness of the NGOs and define the implementation of the scheme endowment fund.

Keywords: non-profit organization, endowment, endowment, management, maintenance, formation, foundation donations.

РАЗВИТИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ОСНОВ КОНКУРЕНТНОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНА

В.Г. Прудский, докт. экон. наук, проф., заведующий кафедрой менеджмента,

Электронный адрес: pvg@psu.ru

А.М. Ощепков, канд. экон. наук, доц. кафедры менеджмента,

Электронный адрес: amo@psu.ru

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, г.Пермь, ул. Букирева, 15

В статье рассматривается общее направление или вектор развития мировой, российской и региональной экономики – новая умная экономика, стержневой компетенцией которой становится качественно новая промышленность. В этой связи в статье системно показаны теоретические и методологические основы и подходы формирования конкурентной региональной промышленной политики, учитывающей исторические, пространственные и производственно-технологические особенности региональной экономики. Решение проблемы формирования региональной промышленной политики рассматривается во взаимосвязи ее с национальной промышленной политикой, а также с совершенствованием менеджмента корпораций и развития человеческих ресурсов.

Ключевые слова: региональная промышленная политика, системный анализ, стратегия социально-экономического развития, экономические циклы, менеджмент организаций, человеческие ресурсы, технический прогресс, экономика, человеческие ресурсы, менеджмент.

Развернувшиеся в 2014 г. кризисные процессы в российской экономике показывают, что Россия запаздывает не только со структурно-технологическими преобразованиями индустриального воспроизводства, но главное – она запаздывает с перестройкой системы менеджмента (как корпоративного, так и государственного) в соответствии с новыми реалиями неоиндустриального хозяйствования. При этом проблемы развития человеческих ресурсов, мотивации труда и лидерства по-прежнему продолжают рассматриваться как периферийные.

Одновременно стоит отметить, что реализация США и ее союзниками экономических санкций против России в 2014 г. убедительно показали, что в условиях рыночной экономики в интересах конкурентной борьбы могут в определенной мере применяться и неэкономические инструменты и методы. Следовательно, надо готовиться противостоять и данным формам глобальной или региональной конкуренции соответствующими инструментами и технологиями корпоративного и государственного менеджмента. Важнейшим механизмом такого противодействия объективно становится эффективная национальная и региональная промышленная политика.[3]

Современная экономическая эпоха характеризуется завершением пятого технологического уклада индустриального производства (1980 – 2030 гг.) и развертыванием перехода к шестому технологическому укладу, который охватит исторический период с 20-х до 80-х гг. XXI века.

Переход к новому технологическому укладу будет сопровождаться колебаниями рыночной конъюнктуры, усилением инновационной конкуренции и изменением пространственной рыночной конфигурации хозяйственных связей и полюсов, обусловленной постепенным смещением от однополярной к многополярной конструкции мирового хозяйственного устройства.

Данные обстоятельства будут все настойчивее требовать оптимизации и рационализации взаимосвязей государственного регулирования экономики, регионального менеджмента и стратегического управления базовыми корпорациями страны и регионов, выступающими локомотивами национального и территориального экономического развития. Все более актуальными станут новые подходы к реализации человеческих ресурсов, мотивации и лидерству как ключевым факторам повышения конкурентоспособности экономики и корпораций в условиях перехода к неоиндустриальной модели хозяйствования [2].

При этом для регионов в русле общей объективной перспективы перехода России к инновационной неоиндустриальной модели экономического развития становится ключевой для их будущего социально-экономического развития проблема выхода на позиции одного из «локомотивов» российского постиндустриализма. Именно в этом случае регион может претендовать на преимущественный доступ к национальным ресурсам – инвестиционным, социально-экономическим и административным. Важнейшими инструментами решения данной проблемы объективно выступают конкурентная промышленная политика, стратегический и проектный корпоративный менеджмент, способные обеспечить необходимую мотивацию и развитие человеческих ресурсов как главного ключевого фактора конкурентного успеха в новых неоиндустриальных условиях хозяйствования.

Базовыми элементами региональной экономической системы объективно выступают расположенные на ее территории крупнейшие корпорации, играющие роль локомотивов развития как национальной, так и региональной экономики. Эти корпорации в свою очередь способны играть роль двигателей и регуляторов развития малого бизнеса при соответствующей поддержке государственных и муниципальных институтов. Таким образом, должно достигаться оптимальное сочетание государственного и регионального менеджмента со стратегическим менеджментом корпораций и оперативным менеджментом малого и среднего бизнеса. [1]

В этих условиях региональная конкурентная промышленная политика субъекта РФ объективно должна формироваться, на базе следующих положений.

Во-первых, исходя из общенациональных интересов России, ускорения перехода российской экономики к VI технологическому укладу индустриального производства и нацеленности на роль национального «локомотива» этого процесса.

Во-вторых, исходя из специфики места регионального производственного комплекса в международном и всероссийском разделении общественного труда, его конкурентных позиций и стратегических конкурентных компетенций на российских и мировых рынках.

В-третьих, необходимо учитывать специфику конкурентного положения регионального производственного комплекса как сегмента российского «постиндустриализма» и, соответственно, конкурирующего, прежде всего, с соответствующими регионами.

В XXI веке нашей стране придется жить в условиях экономических циклов, сменяющих друг друга экономических кризисов, депрессий, оживлений и подъемов. К этому надо обстоятельно готовиться. Необходимо, развивая теорию и практику социально-экономического управления, научиться эффективно минимизировать издержки этих циклических процессов и максимально реализовывать те конкурентные возможности, которые они в себе несут. Это в свою очередь настоятельно требует развитие, как теории, так и практики государственного менеджмента (государственного регулирования экономики) в сочетании с стратегическим корпоративным управлением и оперативным менеджментом.

Если оперативное управление является нацеленным преимущественно на обеспечение текущего использования ограниченных ресурсов, то стратегическое управление выступает фактором адаптации страны (региона, муниципального образования, корпорации) к изменяющейся внешней среде (экономической, технологической, социокультурной, политической) посредством соответствующего структурного организационно-конкурентного развития управляемой социально-экономической системы.

В современных условиях объективно выделяться два противоположных подхода к решению проблемы формирования системы стратегического программного управления – типовой и эксклюзивный.

Типовой подход позволяет достаточно просто, быстро и дешево получить необходимый и в то же время шаблонный программный результат.

Эксклюзивный же подход предполагает разработку исключительного, неповторимого, единственного в своём роде программного продукта, но с относительно большими затратами.

Таким образом, в сфере разработки («производства») социально-экономических стратегий и программ постепенно формируется вопрос соотношения цены и качества, учета соотношения единовременных и совокупных (единовременные и обеспечивающие) затрат.

Мировой и передовой отечественный опыт стратегического планирования убедительно свидетельствует о том, что его развитие движется в направлении расширения эксклюзивности и сокращения доли шаблонности. Эксклюзивность в свою очередь настоятельно требует учета специфики

исторических, пространственно-географических и воспроизводственных структурно-технологических аспектов настоящего развития страны (региона, мегаполиса), а также соответствующих прогнозов.[6]

Применительно к Пермскому краю такая Программа как концептуальная основа региональной промышленной политики должна диалектически отразить взаимосвязь мировых, общероссийских и специфических региональных (Западного Урала) тенденций и перспектив социально-экономического развития, что должно послужить теоретико-методологической базой разработки данной программы. В русле этих тенденций необходимо:

- с одной стороны, показать общее направления и перспективу перехода мировой и российской экономик от индустриальной модели развития к постиндустриальной модели, отметив исторические рамки этого перехода и сопровождающую его структурно-технологическую и социально-экономическую перестройку общественного воспроизводства.

- с другой стороны, необходимо определить миссию Пермского края как одной из ведущих точек (полюсов) современного российского постиндустриального развития, специфику этой миссии исходя из положения региона в российском и международном разделении общественного труда, его роли в развитии российского общества на современном историческом этапе.[7]

В этом отношении базовым полюсом такой общероссийской точки роста в регионе объективно выступает его мегаполис – Пермь. Именно научно-промышленная специфика столицы Пермского края, в конечном счете, определяет общий вектор развития региона. Как следствие, развитие мегаполиса должно играть роль синергетического двигателя территориального развития Пермского края. В русле тенденций этого пространственно-экономического развития следует выявлять и развивать местные региональные точки и доминанты социально-экономического развития Прикамья.

Разработка региональной Стратегической программы социально-экономического развития современного Прикамья изначально должно исходить из того, что *Пермский край объективно является составным компонентом российского экономического пространства, которое в свою очередь выступает составной частью мирового хозяйства, претерпевающего в настоящее время глобальное постиндустриальное развитие*, которое охватит первую половину XXI-го столетия. Исторически он связан с завершением в мировом хозяйстве пятого технологического уклада промышленного производства и началом освоения в перспективе производств шестого постиндустриального технологического уклада. [4]

Данные обстоятельства объективно задают лейтмотив эволюции положения региона в общероссийском и международном разделении труда, а также основные ориентиры структурной технологической перестройки его экономики в обозримой перспективе. Они должны сыграть роль отправной теоретико-методологической основы достижения эксклюзивности разрабатываемой Стратегической программы социально-экономического развития современного Пермского края как концептуальной базы его региональной промышленной политики.

При этом необходимо учитывать, что системный анализ процессов глобального развития современного мирового рыночного хозяйства достаточно отчетливо выявляет его главную тенденцию – *превращение науки в ведущую производительную силу общества под влиянием научно-технической революции и технологического прогресса*. [5]

Как следствие происходит:

- во-первых, неуклонное нарастание нематериальных, интеллектуальных активов в структуре производственных фондов корпораций и региональных, национальных производственно-хозяйственных комплексов;

- во-вторых, возрастает значение эффективного управления внедрением новейших достижений науки и техники в производство, то есть управление инновациями как ключевого фактора конкурентного успеха национальных и региональных экономик, интегрированных корпоративных структур.

Но тенденция нарастания инновационной компоненты в системе конкурентного хозяйствования экономических структур объективно стимулирует в мировом общественно-экономическом развитии активизацию двух взаимосвязанных и в то же время противоположных тенденций.

- С одной стороны, усиливается тенденция нарастания глобализации и интеграции в мировом экономическом сообществе. Эта тенденция выступает следствием расширения использования интернета, мобильной связи, средств автоматизации, телекоммуникаций, транспортной инфраструктуры, позволяющих поднять на качественно новый уровень процессы глобализации информационных потоков.

- С другой стороны, активизируется тенденция усиления неравномерности технологического и экономического развития отдельных стран и регионов, сопровождающаяся соответствующими изменениями в их возможностях доступа к научно-технологическим и сырьевым ресурсам, к рынкам сбыта и сферам

конкурентного влияния. Эта тенденция объективно обуславливается различными уровнями эффективности управления инновациями и реализации их национальными и региональными экономиками, интегрированными корпоративными структурами, компаниями малого и среднего бизнеса.

Успех или неуспех тех или иных стран, регионов и корпораций в своем развитии в XXI веке будет в решающей мере зависеть от того, что -

- во-первых, насколько они, смогут своевременно и адекватно, выявить свои стратегические конкурентные компетенции,
- во-вторых, насколько они сумеют, адекватно и комплексно «оседлать» своими управленческими стратегиями и технологиями эти объективные тенденции, эффективно используя соответствующие свои специфические стратегические конкурентные компетенции и всеобщие особенности динамики соответствующих экономических циклов.

Становится все более актуальным осуществление адекватного пространственного стратегического позиционирования страны, региона, корпорации в глобальном экономическом развитии и разработке на этой основе соответствующей национальной (или региональной) промышленной политики, выступающей базой формирования и реализации соответствующих корпоративных стратегий интегрированных промышленных структур.

При этом ключевое значение приобретает фундаментальность анализа перспектив «интеллектуализации» производственных активов и влияние этого процесса на характер экономических циклов и конкурентной борьбы, а также осуществление адекватного исторического анализа стратегических предпосылок и перспектив развития стран, регионов, корпоративных организаций в условиях трансформирующихся под влиянием научно-технического прогресса экономических циклов.

Список литературы

1. Амосов А. Об экономическом механизме нового индустриального развития // Экономист. 2014, №2, с. 3-12.
2. Губанов С. Неиндустриализация России и нищета ее саботажной критики // Экономист. 2014, №4, с. 3-32.
3. Дасковский В., Киселев В. Основы новой стратегии и политики неиндустриальной реконструкции // Экономист. 2014, №1, с. 32-49.
4. Елохов А.М., Прудский В.Г. Региональный менеджмент: управление экономикой региона. (Монография) Пермь: ПГУ, 2011. -328 с.
5. Прудский В.Г. Разработка стратегии перехода региона к инновационной модели хозяйственного развития и современные экономические циклы// Сборник научных статей «Стратегическое и проектное управление»: Пермь, 2012, ПГНИУ, 148-158.
6. Политика перехода к эффективной экономике // Экономист. 2014, №1, с. 3-31.
7. Технологическое развитие экономики Урала: региональные и отраслевые проблемы // РАН. УрО, Ин-т экономики; под общей редакцией А.И Татаркина. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2006. 582 с.

THE DEVELOPMENT OF THE THEORETICAL AND APPLIED FOUNDATIONS OF A COMPETITIVE INDUSTRIAL POLICY IN THE REGION

V. Prudsky,

E-mail: pvg@psu.ru

A. Oshchepkov,

E-mail: amo@psu.ru

Perm State University

The article discusses the General direction or vector of the global, national and regional economy - a new smart economy, the core competence which is becoming a new industry. In this regard, article systematically show the theoretical and methodological foundations and approaches of creating a competitive regional industrial policy, taking into account historical, spatial and industrial-technological features of the regional economy. The solution to the problem of the formation of regional industrial policy is discussed in its relationship with national industrial policy, as well as with the improvement of the management of corporations and human resource development.

Keywords: regional industrial policy, systems analysis, strategy of socio-economic development, economic cycles, business management, human resources, technical progress, Economics, human resources, management.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ СТРАТЕГИЙ ПОВЫШЕНИЯ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ БИЗНЕС-СУБЪЕКТОВ В СЕТИ

М.Н. Руденко, канд. экон. наук, доц., заведующая кафедрой предпринимательства и экономической безопасности,

Электронный адрес: m.ru.ko@mail.ru

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Для любой предпринимательской структуры, с точки зрения маркетинга, покупатели продукции всегда являются основным объектом управления. В условиях сетевой экономики, с появлением различных форм предпринимательства круг объектов управления существенно расширился. Современную проблему управления компанией с позиций сетевой парадигмы можно сформулировать следующим образом: компании должны вырабатывать такие стратегии, которые, повышая удовлетворенность непосредственных потребителей, одновременно отвечали бы требованиям и интересам акционеров, инвесторов, сотрудников, государства и другим заинтересованным лицам.

Принятие данного тезиса делает необходимым постоянный мониторинг удовлетворенности каждого вида стейкхолдеров, а не только потребителей (покупателей), что может помочь компании отбирать стратегии, не противоречащие интересам разных групп стейкхолдеров. Для решения этой проблемы необходимо найти единый критерий эффективности деятельности компании, управление которым позволило бы согласованно удовлетворять потребности всех видов стейкхолдеров компании.

В статье определено понятие «оценка клиентского капитала» с точки зрения возможности оценки эффективности реализации стратегий роста удовлетворенности покупателей. Раскрыты подходы к оценке клиентских нематериальных активов.

Ключевые слова: стратегии, эффективность, удовлетворенность, капитал, клиент.

В условиях неразвитого рынка, который пока имеет место в России, рост удовлетворенности потребителей далеко не всегда связан с ростом использования стратегий маркетинга взаимодействия, предполагающих более тесное сотрудничество с потребителем и его вовлечение в процесс создания совместной ценности. Такие стратегии наиболее эффективно реализуются в условиях развитого, как правило, западного рынка. Причиной тому является низкая платежеспособность российских промышленных покупателей, которые не готовы пока оплачивать дополнительные сервисные услуги и инвестиции в развитие взаимоотношений. Помимо этого, на фоне недостаточно высокого качества отечественной продукции, неразвитости логистической составляющей предложений компаний, инвестиции именно в эти сферы деятельности могут дать существенно более высокие результаты, чем инвестиции в отношения.

Так, проведенный анализ влияния качества взаимоотношений на лояльность покупателей на примере промышленного предприятия «Авангард Строй» (производитель металлоконструкций) показал, что отношения характеризуются недостаточно высоким вкладом в общую ценность предложения компании (таб.).

Роль взаимоотношений в процессе формирования удовлетворенности потребителей завода «Авангард»

Составляющие удовлетворенности покупателей	Вклад в общую удовлетворенность	Коэффициент корреляции фактора с индексом удержания (лояльности) покупателей
Качество проектирования и изготовления металлоконструкций	0,32	0,9343
Монтаж	0,19	0,9969
Соблюдение сроков поставки и качество организации отгрузки	0,16	0,8276
Отношения с клиентом	0,1	0,9934
Репутации компании	0,1	0,9121
Соответствие качества цене	0,13	0,4722

Из табл.1 видно, что вклад отношений в общую удовлетворенность покупателей составляет всего 10%, уступая место таким факторам как качество продукции, сервис (монтаж), логистика (сроки поставки) и цена. Влияние отношений на повышение индекса удержания или лояльности покупателей при этом достаточно высоко – 0,9934, что соответствует второму месту после сервиса ($r=0,9969$).

Таким образом, повышать удовлетворенность можно разными способами, используя разные стратегии. Выбор стратегий и методов зависит от многих причин:

- темпов роста рынка: если рынок растет очень быстрыми темпами, то вряд ли компании выгодно использовать маркетинг отношений;
- уровня конкуренции в отрасли: чем выше конкуренция, тем более выгодным становится маркетинг отношений для закрепления клиентов и их удержания;
- типа продукции предприятия: чем более стандартизирована продукция, тем меньшую роль на удовлетворенность потребителей оказывает маркетинг отношений;
- предпочтения потребителей и уровня развития их компетентности и предпочтений относительно необходимого уровня взаимодействия с поставщиком.

При всем при этом приход на российский рынок иностранных конкурентов, которые уже имеют высококачественные продукты по конкурентоспособным ценам и активно эксплуатируют стратегии высокого уровня взаимодействия с потребителем, заставляет наши компании развивать и эту рыночную компетенцию для повышения своей конкурентоспособности.

К примеру, по данным журнала «Эксперт», у всех серьезных мировых производителей доля нестандартной техники, разработанной и изготовленной по заказам индивидуальных потребителей, составляет 50-60% от общего объема выпуска. 8% составляют абсолютно новые изделия, а остальное (30-35%) – стандартная продукция [7]. При этом ниша стандартной продукции очень быстро заполняется китайскими производителями, конкуренция с которыми в этом сегменте бессмысленна. Этот факт свидетельствует о том, что иностранцы уже давно реализуют стратегии с высоким уровнем взаимодействия с потребителями, производя продукцию фактически по индивидуальным заказам или кастомизируя производство и продажи. В этих условиях нашим производителям остается либо конкурировать с китайцами, либо работать над качеством и сервисом и перемещаться в сегмент промышленных концернов из развитых стран. Очевидно, что второй вариант более эффективен.

Поэтому проблемы выбора, обоснования и оценки эффективности реализации стратегий роста удовлетворенности потребителя и уровня взаимодействия с ними выходят на первый план для российских предпринимательских структур на промышленном рынке.

Практика развития российского предпринимательства показывает, что общим критерием удовлетворительности деятельности компании становится рост ее рыночной стоимости. Следовательно, стратегии компании, в том числе и в области развития маркетинга взаимоотношений для повышения удовлетворенности потребителей, должны обеспечивать рост стоимости компании за счет ее нематериальных активов. Эту тенденцию мы и видим на практике, когда оценка стоимости нематериальных активов, в том числе и маркетинговых, позволяет компании существенно повысить свою инвестиционную привлекательность в глазах реальных и потенциальных инвесторов. Следовательно, на повестку дня выходят вопросы оценки влияния маркетинговых стратегий на повышение стоимости нематериальных активов компании, в частности ее маркетинговых активов.

Усиление роли интеллектуальных и информационных ресурсов в развитии конкурентоспособности компании привело к тому, что изменились условия и способы создания привлекательной потребительской ценности: знания, навыки, организационные и управленческие способности компании, а, точнее говоря, ее компетенции превратились в основной фактор создания новой стоимости. Однако, до 90-х годов на Западе, а в России - до самого последнего времени, эти компетенции никак не учитывались в стоимости компании, что приводило к снижению ее инвестиционной привлекательности для инвесторов (акционеров).

Сегодня оценка компетенций в форме интеллектуального капитала фирмы выходит на первый план. Такие новые факторы стоимости как стратегия развития компании, ее рыночная репутация, квалификация персонала, организационные способности, стоимость брендов, клиентский капитал и др. напрямую влияют на стоимость фирмы и увеличивают ее инвестиционную привлекательность.

С позиций нашего исследования именно клиентский капитал является наиболее интересным понятием, может рассматриваться как результирующий показатель эффективности маркетинга взаимоотношений.

На наш взгляд, при определении природы клиентского капитала следует исходить из общепринятого экономического понятия капитала. Капитал – это стоимость, создающая прибавочную стоимость. Важно отметить, что прибавочную стоимость способны создавать только постоянные или лояльные клиенты. Следовательно, клиентский капитал – это совокупность взаимоотношений компании с ее постоянными/лояльными покупателями (клиентами), выраженная в стоимостной оценке и способная генерировать текущий и будущий доход сверх затрат на поддержание этих взаимоотношений [2;8].

Как отмечают большинство авторов, клиентский капитал зависит от удовлетворенности клиентов, их лояльности, что отражается в готовности приобретать продукцию в текущей и долгосрочной перспективе. Ежегодная оценка клиентского капитала позволяет компании оценивать эффективность реализации стратегий роста удовлетворенности покупателей, поскольку они ведут к росту стоимости клиентского капитала.

Таким образом, стоимостной оценкой роста удовлетворенности потребителей и других стейкхолдеров компании вполне обоснованно можно считать рост клиентского капитала.

Оценка клиентского капитала осуществляется в виде оценки клиентского актива. При этом структура клиентских активов, учитываемых при оценке стоимости бизнеса и для целей бухгалтерского учета, не совпадает. Структура клиентских активов, учитываемых в соответствии со стандартами международной отчетности (МСФО) значительно уже. Согласно МСФО к нематериальным активам, учитываемым на балансе, относятся списки клиентов (помимо других нематериальных активов), если они выполняют требования, согласно которым: может быть определена первоначальная стоимость актива и существует вероятность получения экономической выгоды от использования актива.

Для обоснования цены сделки, привлечения инвестиций с точки зрения оценки стоимости компании необходимо осуществлять анализ клиентских нематериальных активов, который в последнее время является необходимым компонентом оценки действующих предприятий. Сами клиентские нематериальные активы могут быть предметом сделки, если продаются:

- только клиентские отношения;
- клиентские отношения вместе с соглашением об отказе от конкуренции;
- клиентские отношения как часть гудвилла или бизнеса.

Цена конкретного клиентского нематериального актива формируется на основе математического ожидания того, что конкретные клиенты, проводя операции с поставщиком, принесут ожидаемую сумму дохода в течение ожидаемого периода времени.

Используют три метода для оценки клиентских нематериальных активов: сравнительный, затратный, и доходный.

Сравнительный подход предполагает наличие достоверной информации о стоимости сделок по продаже нематериальных активов, на основе которых рассчитываются ценовые мультипликаторы (мультипликаторы цены в расчете на рубль доходов и т.д.)

Затратный подход может использоваться тогда, когда достоверно известны все затраты, связанные с созданием и поддержанием взаимоотношений с клиентами. Основу метода составляют показатели затрат, которые необходимы для развития и поддержания клиентских отношений[9]:

1) затраты на привлечение клиента (включают все исторические затраты, связанные с установлением контакта с клиентом: почтовые расходы, услуги телефонной связи, реклама);

2) затраты на поддержание текущих клиентов за время срока их существования до рассматриваемой даты (затраты на телефонные переговоры, рекламу, развлекательные программы и т.д., текущих клиентов после того, как они впервые стали клиентами; расходы на рекламные продажи, скидки и другие уступки клиентам);

3) затраты на поддержание клиентских файлов и записей (бухгалтерские и административные расходы, связанные с содержанием и ведением записей о продажах клиентам, истории кредитов, учета задолженности и платежей и т.д. в течение срока взаимоотношений с каждым клиентом);

4) имплицитные затраты (стоимость упущенных возможностей или утраченного дохода в течение того времени, которое требовалось для создания (или воссоздания) отношений с текущими клиентами по сравнению с доходом, который мог бы быть получен, например, если бы установившийся клиентский нематериальный актив был куплен у конкурента).

К доходному методу относятся способы расчета текущей стоимости будущего дохода, ожидаемого от отношений с клиентом в течение срока существования этих отношений, которые включают как дисконтирование доходов, так и прямую капитализацию.

Считается, что расчеты доходным методом достаточно сложны, т.к. доходы распределены во времени, поэтому могут значительно варьировать в зависимости от выбора нормы капитализации или ставки дисконтирования. Для этого необходимо решить какой критерий будет применяться со ставкой дисконтирования или нормой прибыли: предприятие, в котором будет задействован клиентский нематериальный актив. Выбор зависит от того будет ли клиентский капитал продан как часть предприятия, гудвилла или будет продан отдельно от других активов предприятия. Какой бы из способов доходного метода не был выбран, необходим анализ таких внутренних данных, как

- продолжительность отношений с каждым отдельным текущим клиентом и оценка возможного срока существования этих отношений в будущем;

- доходы, полученные от отношений с каждым клиентом за все время их существования;

- затраты на обслуживание по каждому клиенту;

- бухгалтерская прибыль, полученная от отношений с каждым клиентом;

- стоимость других активов, которые использовались или расходовались при получении дохода от клиента;

- отношение капиталовложений к доходам, поступившим от каждого клиента;

- отношение чистого оборотного капитала к доходу от клиента.

В настоящее время, в российских стандартах бухгалтерского отчета (ПБУ 14/2007) «Учет нематериальных активов» клиентский капитал не входит в состав нематериальных активов; стандарт по оценке нематериальных активов не утвержден. Это означает, что формально оценка клиентских активов невозможна, поскольку не стандартизирована. Однако, потребность в такие оценки нарастает. Следовательно, компании могут и должны создавать собственные системы оценки клиентского капитала (не актива) для контроля за эффективностью реализации стратегий повышения удовлетворенности покупателей и других стейкхолдеров компании.

Можно утверждать, что помимо психологической оценки эффективности реализации стратегий повышения удовлетворенности потребителей в виде мониторинга индекса удовлетворенности, необходимо проводить и экономическую оценку в виде расчета клиентского капитала.

Теория маркетинга взаимодействия еще не может считаться полностью сформировавшейся, до сих пор не устоялся терминологический аппарат, а также не достигнуто единое понимание сущности и результатов взаимодействия, особенно с экономической точки зрения, что обуславливает развитие разных подходов к оценке эффективности взаимодействия. В связи с этим изучение способов и методов оценки эффективности взаимодействия бизнес-субъектов представляется актуальной научной проблемой.

Другими словами, эффективное взаимодействие с партнерами позволяет компании стабилизировать рыночное пространство, добиться большей управляемости спроса, а значит и более высокой устойчивости всего бизнеса, который все чаще реализуется не одной крупной корпорацией, а целой сетью взаимосвязанных партнеров.

Таким образом, маркетинг взаимодействия должен рассматриваться существенно шире, чем маркетинг взаимоотношений, который фактически является инструментарием взаимодействия. Маркетинг взаимодействия – это философия управления современным сложноорганизованным бизнесом, который все чаще представляет собой совокупность юридически независимых бизнес-партнеров, объединенных вокруг процесса создания и доставки потребительской ценности.

Использование стратегий повышения удовлетворенности промышленных потребителей требует использования унифицированного критерия эффективности их реализации, в качестве которого может выступать клиентский капитал как отражение удовлетворенности и лояльности клиентов компании.

Список литературы

1. Гаджиева М.М. Автореферат монографии на соискание ученой степени кандидата экономических наук Развитие интеллектуального капитала организации как условие конкурентного преимущества, М.: Российская академия государственной службы при президенте Российской Федерации, 2006. с.11
2. Городилов В.А., Руденко М.Н., Чубатюк А.А. Стратегии маркетингового взаимодействия с покупателями в рыночных сетях. Монография. Санкт – Петербургский ун-т экономики и финансов. Санкт – Петербург 2010
3. Козырев А.Н., Макаров В.Л. Оценка стоимости нематериальных активов и интеллектуальной собственности. М.: РИЦ ГШ ВС РФ, 2003. 368 с. С.198.
4. Макаров А.М. Измерение и формирование клиентского капитала организации // Практический маркетинг, №95 (1. 2005)
5. Мелентьева Н.И. Организация и планирование бизнес-коммуникаций: методология и методика. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2005.
6. Просвирина И.И. Интеллектуальный капитал: новый взгляд на нематериальные активы // Финансовый менеджмент, №4, 2004.
7. Рубан О. Приручить дракона. Из интервью с генеральным конструктором электротехнического концерна «Русэлпром» // Эксперт, №139602), с.82
8. Руденко М.Н. К вопросу об оценке эффективности стратегий повышения удовлетворенности бизнес-субъектов в сетевой экономике. // Журнал «Научно–технические ведомости СПбГПУ». №2. 2011. Стр.13-18.
8. Черкашина Т.А. Оценка клиентских нематериальных активов. URL:<http://www.rsue.ru/econference/index.aspx?id=1>
9. Caddy, I. Intellectual capital: recognizing both assets and liabilities. Journal of Intellectual Capital.Vol. 1.Number 2, 2000, pp. 129—146.
10. Leliaert, Ph., Candries W., Tilmans R. Identifying and managing IC: a new classification. Journal of Intellectual Capital, 2003, Vol. 4, Number 2 , pp. 202—214.
11. Rodov I., Leliaert Ph. FiMIAM: financial method of intangible assets measurement. / Journal of Intellectual Capital, 2002, Vol. 3, Number 3, pp. 323—336.
12. Sanchez P., Chaminade C., Olea M.. Management of intangibles - An attempt to build a theory.Journal of Intellectual Capital, Vol. 1, Number 4, pp. 312—327.
13. www.intellectualcapital.se
14. www.rsue.ru

THEORETICAL ASPECTS OF EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF STRATEGIES TO IMPROVE THE QUALITY OF BUSINESS ENTITIES IN THE NETWORK

M. Rudenko,

E-mail: m.ru.ko@mail.ru

Perm State University

For any business structure, in terms of marketing, buyers products are always the focus of control. In a networked economy, with the emergence of various forms of entrepreneurship range control objects has expanded. Present-day problems of the management of the company from the perspective of network paradigm can be formulated as follows: companies must develop strategies that increase satisfaction of direct consumers, at the same time meet the requirements and interests of shareholders, investors, employees, and other stakeholders. The adoption of this principle necessitates constant monitoring of satisfaction of each kind of stakeholders, not only consumers (buyers) that can help a company identify strategies which are not contrary to the interests of the different groups of stakeholders. To resolve this problem, find the single criterion of efficiency of activity of the company, which would allow accord. The article defined the concept of "client capital evaluation in terms of the ability to assess the effectiveness of the implementation of strategies to increase customer satisfaction. Approaches to the assessment of the client are intangible assets.

Keywords: strategy, efficiency, customer satisfaction, customer capital.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ СИСТЕМЫ КАЧЕСТВА НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

В.Н. Рябов, канд. экон. наук, доц.,

Электронный адрес: rvnnpne@yandex.ru

А.Н. Тычкова, начальник инновационно-аналитического отдела,

Электронный адрес: tuchkov-a@mail.ru

Пензенский государственный университет

В статье рассмотрены перспективные решения по определению эффективности системы качества на промышленных предприятиях. Результаты проведенных исследований представлены в виде статистических данных. Сделаны выводы по усовершенствованию и оптимизации определения критериев системы качества на промышленных предприятиях.

Ключевые слова: система качества, эффективность, производственные предприятия

Проблема определения эффективности систем качества промышленных предприятий приобрела свою актуальность с момента ее внедрения, в особенности по мере широкомасштабного применения стандартов ИСО 9000:2000.

Оценить эффективность системы можно тремя способами [1]:

- оценить достигнутый уровень экономической эффективности системы;
- определить соответствие уровня управления качеством требованиям стандартов ИСО серии 9000;
- выявить степень (полноту) влияния отдельных элементов системы на её функционирование в целом и на уровень качества продукции.

При первом способе применяется экономический метод с использованием показателей экономической эффективности, таких как годовой экономический эффект, коэффициент отдачи на 1000 рублей совокупных затрат, вкладываемых на внедрение системы качества. Экономический эффект от её функционирования достигается за счёт уменьшения или ликвидации непроизводительных потерь.

При втором способе используются результаты внутреннего или внешнего аудита.

При третьем способе предлагается применять метод экспертной оценки. Основными структурными элементами системы являются специальные функции управления качеством. Функционирование системы качества обеспечивается реализацией 30-50 специальных функций. Каждая из них важна сама по себе, но только в совокупности они создают необходимые условия для успешной деятельности предприятия по улучшению качества выпускаемой продукции.

Чтобы действующая или проектируемая на промышленном предприятии система отвечала требованиям стандартов ИСО серии 9000, необходимо всесторонне и тщательно проанализировать механизм управления качеством.

Метод экспертной оценки предусматривает применение количественной оценки эффективности функционирования системы с помощью коэффициента эффективности [2]. Специалисты проверяют, как функционируют специальные функции управления качеством, какова степень их соблюдения в количественной оценке.

Выделяют следующие задачи оценки:

- выявить слабо функционирующие отдельные элементы системы;
- оценить функционирование системы в целом;
- выработать необходимые мероприятия по дальнейшему совершенствованию системы контроля качества.

Коэффициент эффективности K_c представляет собой среднестатистическую оценку соблюдения всех специальных функций управления качеством и определяется по формуле:

$$K_c = \left(\sum_{i=1}^n K_{\phi_i} \right) / n, \quad (1)$$

где n - число функций управления качеством;

K_{ϕ_i} - коэффициент эффективности (степень восприятия) i -й функции.

$$K_{\phi_i} = \sum_{i=1}^N P_{\phi_i} / NA, \quad (2)$$

P_{ϕ_i} - оценка (степень выполнения) функционирования i -й функции, выставленная одним экспертом (аудитором);

A - максимальная допустимая оценка функции в баллах ($A=10$);

N - число экспертов.

Значения K_c могут иметь пределы от нуля (все функции не выполняются) до единицы (все функции полностью выполняются):

$$0 \leq K_c \leq 1.$$

Полученные значения коэффициентов сравниваются с предлагаемой шкалой оценки эффективности в соответствии с табл.

Значение коэффициента эффективности	Оценка
1 – 0,90	Хорошо
0,89 – 0,75	Приемлемо
0,74 – 0,51	Предел
0,50 и менее	Неприемлемо

Оценка “хорошо” показывает, что система (или функция) функционирует нормально, успешно обеспечивает (количественно и качественно) выполнение работ. При оценке:

“приемлемо” – обеспечивает выполнение нормативных требований качества, но отдельные элементы элемента системы требуют доработки;

“предел” – работает со срывом и не позволяет обеспечивать выполнения задач по качественному производству;

“неприемлемо” – не решает поставленных задач по качеству, требуются полный пересмотр её функционирования и разработка системы фактически заново.

Рабочим документом, в котором фиксируются и обрабатываются результаты оценки эффективности, является Карта экспертной оценки эффективности функционирования системы качества [3].

В организации создаётся группа экспертов из 5-10 специалистов ведущих подразделений. Каждый эксперт должен работать самостоятельно, выставляя оценки-баллы в карту, при необходимости он может запрашивать дополнительные у руководителей соответствующих подразделений. Оценка эффективности функционирования системы качества может проводиться раз в полгода, но не реже одного раза в год.

Обработанные и систематизированные данные анализируют и намечают мероприятия по совершенствованию системы. По назначениям коэффициентов определяют её работоспособность в целом и отдельных функций управления качеством. На основе анализа выявляют причины слабого функционирования отдельных функций, например:

-недостаточно полно разработана документация;

-низкая степень использования нормативных документов, касающихся системы, различными подразделениями;

-слабое использование принципов механизмов управления и специальных функций управления качеством;

-несоответствия организационно-штатной структуры сложившимся условиям, нарушение взаимосвязей по горизонтали и вертикали отделов, служб и подразделений по вопросам обеспечения качеством;

-непродуманное распределение специальных функций управлением качеством между руководителями, специалистами и подразделениями;
-плохая организация контроля качества;
-недостаточная подготовка руководящего состава и специалистов в вопросах управления качеством;
-слабое использование мотиваций в обеспечении качества и другие причины.

По результатам оценки эффективности функционирования системы можно наметить конкретные направления работы организации:

-определить стратегию и тактику в области качества;
-совершенствовать систему управления качеством;
-учесть выявленные недостатки при разработке плана мероприятий по обеспечению качества на год.

Коэффициент эффективности системы может быть использован для:

-оценки работоспособности системы в целом и её элементов;
-выявление слабо работающих функций системы;
-анализа и принятия конкретных мер по совершенствованию системы;
-разработки плана организационно-технических мероприятий по обеспечению качества на год;
-распределения функциональных обязанностей, прав и повышение ответственности по вопросу качества между руководителями, специалистами и подразделениями.

Список литературы

1. Огвоздин В.Ю. Управление качеством: основы теории и практики. М.: Дело и сервис, 2007. 288 с.
2. Мишин В.М. Управление качеством. М.: Юнита – Дана, 2008. 463 с.
3. Бычкова А.Н. Основные методы определения и оценивания критериев результативности // Труды международного симпозиума Надежность и качество. 2008. Т. 1. С. 198-200.

DETERMINATION OF THE EFFECTIVENESS OF THE QUALITY SYSTEM IN INDUSTRIAL ENTERPRISES

V. Ryabov,

E-mail: rvnne@yandex.ru

A. Tychkova,

E-mail: tychkov-a@mail.ru

Penza State University

The article describes the long-term solutions for determining the effectiveness of quality systems in industrial enterprises. The results of these studies are presented in the form of statistical data. The conclusions on the improvement and optimization of the defining criteria of quality in the industry.

Keywords: system quality, efficiency, industrial enterprises

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

В.М.Степанова, канд. экон. наук, доц. кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории,

А.В. Насибулин, магистрант кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории,

Д.В. Бутырин, магистрант кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории,

Электронный адрес: Stepanowawm@rambler.ru

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

В работе реализовано комплексное исследование теоретических и практических аспектов развития предпринимательства в России. Понимание сути разграничения организационно-правовых форм предпринимательства и знание лежащих в основе такого разграничения определяющих признаков позволяет профессионально ориентироваться в мире субъектов предпринимательского бизнеса, определять особенности их правовых возможностей, обязанностей и юридической ответственности, сравнивать различные юридические лица между собой и на основе всего этого делать обоснованные практические выводы. В работе проведены анализы распределения организаций по формам собственности, по видам экономической деятельности, по размерам бизнеса, структуре организационно-правовых форм юридических лиц, сделана оценка основных факторов, ограничивающих деловую активность организаций. Определены основные проблемы развития предпринимательства в России: высокий уровень налогообложения, недостаточный платежеспособный спрос покупателей и недостаток финансовых средств. Установлено устойчивое снижение всех исследованных факторов, что свидетельствует о росте деловой активности предпринимателей. Выяснено, что недостатком современного предпринимательства в России является сокращение темпов развития среднего предпринимательства, а основной тенденцией является рост темпов развития малого предпринимательства. Сделан вывод о необходимости принятия мер общего институционального характера, нацеленных на обеспечение защиты прав собственности. Также внесены предложения, направленные на стимулирование развития среднего бизнеса в Российской Федерации: совершенствование налогообложения среднего бизнеса в направлении стимулирования инвестиции и внедрения инноваций, обеспечение доступности финансовых ресурсов для реализации долгосрочных проектов, снятие инфраструктурных ограничений (создание бизнес-инкубаторов, технопарков, коворкинг-центров), стимулирование формирования партнерских сетей и производственных цепочек (поддержка создания отраслевых кластеров).

Ключевые слова: предпринимательство, статистика российского бизнеса, крупный, мелкий, средний бизнес.

Предпринимательство как одна из конкретных форм проявления общественных отношений, способствует повышению материального и духовного потенциала общества, создает благоприятную почву для практической реализации способностей и талантов каждого человека, а также, что особенно значимо, ведет к единению нации, сохранению ее национального духа и национальной гордости[1, с. 3]. Поэтому исследование тенденций в развитии различных форм предпринимательства в современных условиях актуально.

Предпринимательство регулируется множеством правовых актов, которые представилось возможным структурировать по 4 составляющим правового фундамента предпринимательства в России:

– Конституция Российской Федерации, гарантирующая единство экономического пространства, свободу экономической деятельности, признание и защиту одинаковым образом частной,

государственной, муниципальной и других форм собственности,

– Гражданский кодекс Российской Федерации, в котором унифицировано правовое регулирование рыночных отношений, обеспечены равенство защиты и неприкосновенность всех форм собственности, гарантировано развитие не противоречащих закону видов предпринимательской деятельности, определен правовой статус юридических и физических лиц,

– Федеральные законы Российской Федерации специального назначения: «Об акционерных обществах»; «Об обществах с ограниченной ответственностью»; «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» и т.д.,

– Федеральные законы Российской Федерации общего назначения.

Существующие в экономике страны предприятия разнообразны по своему организационно-правовому устройству, масштабы, профилю деятельности. Но при всем разнообразии видов они подразделяются на упорядоченные группы, для которых выработаны определенные нормы хозяйственного законодательства, регулирующие их деятельность.

Таблица 1

Распределение организаций по формам собственности в Российской Федерации

Форма собственности	Тыс. единиц			Удельный вес, %		
	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Число организаций – всего, в том числе по формам собственности:	4 867	4 886	4 843	100	100	100
государственная	116	113	116	2,4	2,3	2,4
муниципальная	239	231	225	4,9	4,7	4,6
частная	4 165	4 195	4 160	85,6	85,9	85,9
собственность общественных организаций	150	147	145	3,1	3,0	3,0
прочие формы собственности	197	201	198	4,1	4,1	4,1

В частной собственности к концу 2013 г. находилось 4 160 тыс. предприятий или 85,9% от общего числа предприятий, тогда как в государственной и муниципальной – лишь 341 тыс., или 7,0%. Таким образом, по признаку собственности частные предприятия преобладают над государственными в 12,2 раза.

Малая доля предприятий государственного сектора экономики породила сомнение в значимости государственного экономического сектора и поэтому нами был рассчитан показатель государственных расходов по отношению к валовому внутреннему продукту (ВВП). В 2013 г. он составил 32,8%, что соответствует уровню государственного сектора США в 1997 г., но почти вдвое ниже, чем в Швеции, в полтора раза по сравнению с Италией, Францией, Финляндией[2]. Позитивно, что в период с 2011 по 2013 гг. не наблюдается резкой динамики снижения государственного сектора экономики и увеличения частного сектора.

К основным организационно-правовым формам предпринимательства в практике российского предпринимательства относятся индивидуальные предприниматели, общества с ограниченной ответственностью, акционерные общества, казенные и унитарные предприятия[3]. Анализ структуры юридических лиц на 01.04.2014 г. представлен в таблице 2.

Таблица 2

Анализ структуры организационно-правовых форм юридических лиц в Российской Федерации, по состоянию на 01.04.2014 г.

Наименование организационно-правовой формы	Юридические лица, запись о которых внесена в ЕГРЮЛ	
	Единиц	Удельный вес, %
Юридические лица – всего, в том числе:	4 622 704	100,00
коммерческие организации - всего	3 949 727	85,44
полные товарищества	322	0,01
товарищества на вере	486	0,01
общества с ограниченной ответственностью	3 714 349	80,35
общества с дополнительной ответственностью	1 113	0,02
закрытые акционерные общества	128 256	2,77
открытые акционерные общества	31 935	0,69

Наименование организационно-правовой формы	Юридические лица, запись о которых внесена в ЕГРЮЛ	
	Единиц	Удельный вес, %
производственные кооперативы	30 679	0,66
унитарные предприятия	25 184	0,55
прочие коммерческие организации	17 403	0,38
некоммерческие организации - всего	672 977	14,56
потребительские кооперативы	81 463	1,76
государственные и муниципальные учреждения	301 651	6,53
юридические лица, регистрируемые в соответствии со специальным порядком (Минюст России)	214 544	4,64
прочие некоммерческие организации	75 319	1,63

Анализ структуры юридических лиц показал, что самой распространенной организационно-правовой формой предпринимательской деятельности является общество с ограниченной ответственностью, удельный вес – 80,35% в общей численности юридических лиц и 94,04% в численности коммерческих организаций. На втором месте находятся государственные и муниципальные учреждения, удельный вес которых составил 6,53%.

Коммерческие организации составляют 85,44% от общего числа организаций и являются преобладающими по сравнению с некоммерческими организациями.

Далее анализируем распределение предприятий по видам экономической деятельности за период с 2011 г. по 2012 г., таблица 3.

Таблица 3

Распределение предприятий по видам экономической деятельности в Российской Федерации

	Число предприятий и организаций, тыс. единиц					
	2011 г.		2012 г.		2013 г.	
	тыс.	доля, %	тыс.	доля, %	тыс.	доля, %
Сельское и лесное хозяйство, охота	179,9	3,7	169,4	3,5	158,0	3,3
Рыболовство, рыбоводство	9,0	0,2	8,7	0,2	8,5	0,2
Добыча полезных ископаемых	17,2	0,4	17,3	0,4	17,4	0,4
Обрабатывающие производства	403,9	8,3	405,0	8,3	401,9	8,3
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	31,2	0,6	31,9	0,7	32,3	0,7
Строительство	437,7	9,0	449,5	9,2	463,8	9,6
Оптовая и розничная торговля	1799,1	37,0	1784,6	36,5	1711,2	35,3
Гостиницы и рестораны	93,2	1,9	96,4	2,0	99,3	2,1
Транспорт и связь	278,1	5,7	288,6	5,9	300,9	6,2
Финансовая деятельность	102,0	2,1	102,2	2,1	101,7	2,1
Операции с недвижимым имуществом	892,8	18,3	913,8	18,7	924,9	19,1
Научные исследования	42,9	0,9	44,2	0,9	42,2	0,9
Государственное управление и обеспечение безопасности	91,6	1,9	88,5	1,8	94,8	2,0
Образование	158,2	3,2	156,3	3,2	152,7	3,2
Здравоохранение	80,0	1,6	80,8	1,7	81,5	1,7
Предоставление коммунальных и других услуг	290,7	6,0	291,7	6,0	293,0	6,0
Всего предприятий	4866,6	100	4886,4	100	4843,4	100

Самый большой удельный вес среди общего числа предприятий и организаций занимает оптовая и розничная торговля. В 2011 г. ее удельный вес был равен 37,0%, но в последующие годы её размеры уменьшаются: в 2012 г. – 36,5%, в 2013 г. – 35,3%. На втором месте находятся предприятия, осуществляющие операции с недвижимым имуществом: в 2011 г. - 18,3%, в 2012 г. - 18,7%, в 2013 г. - 19,3%, заметен рост их доли в структуре. Третье место занимают предприятия строительной отрасли: в 2011 г – 9,0%, в 2012 г. - 9,2%; в 2013 г. - 9,6%. На четвертой позиции в структуре числа предприятий находятся обрабатывающие производства: их удельный вес устойчиво составляет 8,3% все три анализируемых года. Позитивно, что за исследуемый период наблюдается устойчивый рост

строительной отрасли, предприятий по производству и распределению электроэнергии, газа и воды, по добыче полезных ископаемых, гостиниц и ресторанов, организаций здравоохранения и риэлтерских организаций.

Оценка основных факторов, ограничивающих деловую активность, сделана на примере организаций розничной торговли и приведена в таблице 4.

Таблица 4

Оценка основных факторов, ограничивающих деловую активность

Факторы	В среднем за 2011 г.	В среднем за 2012 г.	В среднем за 2013 г.
Высокий уровень налогообложения	61,50	58,75	55,67
Высокий процент коммерческого кредита	20,25	20,25	20,00
Недостаток финансовых средств	36,00	33	30,33
Недостаточный платежеспособный спрос населения	51,75	48	47,33
Высокие транспортные расходы	25,50	25	24,33
Высокая арендная плата	28,75	28,25	27,33
Недостаточный ассортимент товаров	10,25	9,25	8,67

Как показали результаты опроса[4], основными проблемами развития бизнеса в стране предприниматели определяют высокий уровень налогообложения, недостаточный платежеспособный спрос покупателей и недостаток финансовых средств. Устойчивое снижение всех исследованных факторов свидетельствует о росте деловой активности предпринимательства.

По размерам бизнеса все субъекты предпринимательства делятся на три группы: субъекты малого, среднего и крупного предпринимательства.

В России действует Федеральный закон "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации", который определяет понятия субъектов малого и среднего предпринимательства, виды и формы поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства [7].

В таблице 5 содержится анализ распределения субъектов предпринимательства Российской Федерации по размеру бизнеса[4].

Таблица 5

Распределение предприятий по размеру бизнеса в Российской Федерации

Число предприятий, тыс. ед.	2010г.	2011 г.	2012 г.	Удельный вес 2012 г., %	Темп прироста, %	
					2011 г.	2012 г.
Средние предприятия	25,2	15,9	13,8	0,3	-36,9	-13,2
Микропредприятия	1415,2	1593,8	1760,0	36,0	+12,6	+10,4
Малые предприятия	229,1	242,6	243,0	5,0	+5,9	+0,2
Крупные предприятия	3153,5	3014,3	2869,6	58,7	-4,4	-4,8
Общее количество предприятий	4823	4866,6	4886,4	100	+0,9	+0,4

В количественной структуре экономики крупные предприятия занимают 58,7%, микропредприятия - 36,0 %, на долю средних предприятий приходится только 0,3%.

Анализ показал недостаточность в структуре российских предпринимательских структур средних предприятий. Меж тем, средний бизнес является важнейшим фактором экономического роста страны, и формирование основ рыночной экономики в России, как и в других странах, должно сопровождаться ростом числа средних организаций[6, с. 247], основной упор в государственной политике поддержки предпринимательства должен делаться именно на создание условий для роста средних организаций[5]. В дальнейшем по мере своего развития они значительно эффективнее государства смогут содействовать молодым предприятиям в преодолении инфраструктурных и ресурсных ограничений. Пока же этот потенциал скрыт и для его реализации необходимо изменение парадигмы государственной поддержки сектора малого и среднего предпринимательства.

На наш взгляд государственная политика стимулирования развития средних предприятий, помимо мер общего институционального характера, нацеленных на обеспечение защиты прав собственности, должна фокусироваться на следующих мерах:

- налогообложение, стимулирующее инвестиции и внедрение инноваций;
- обеспечение доступности финансовых ресурсов для реализации долгосрочных проектов;

- снятие инфраструктурных ограничений (создание бизнес-инкубаторов, технопарков, коворкинг-центров);
- стимулирование формирования партнерских сетей и производственных цепочек (поддержка создания отраслевых кластеров).

Список литературы

1. Асаул А. Н. Организация предпринимательской деятельности / А. Н. Асаул. СПб.: АНО ИПЭВ, 2010. 336 с.
2. Государственный сектор и его место в рыночной экономике <http://eclib.net/14/40.html> (дата обращения: 09.02.2015)
3. Официальный сайт Федеральной налоговой службы http://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/4727012/ (дата обращения: 09.02.2015)
4. Российский статистический ежегодник. 2013. М.: Росстат, 2013 http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078 (дата обращения: 09.02.2015)
5. Средний бизнес в России: скрытый потенциал. Обзор аналитического центра МСП Банка. Июль, 2013 г.
6. Степанова В.М. Анализ развития среднего бизнеса в Пермском крае - Актуальные вопросы развития национальной экономики. Международная заочная научно-практическая конференция. ФГБОУ ВПО ПГНИУ 11 апреля 2014 г. С. 247-254.
7. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 28.12.2013) "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации"

ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT OF ENTREPRENEURSHIP IN RUSSIA

V. Stepanova,

A. Nasibulin,

D. Butyrin,

E-mail: Stepanowawm@rambler.ru

Perm State University

The implemented comprehensive study of theoretical and practical aspects of the development of entrepreneurship in Russia. Understanding differentiation of organizational-legal forms of business and knowledge the underlying defining characteristics of this distinction allows the professional to navigate in the world of business, define the features of their legal capacity, duties and legal responsibilities, compare different legal entities among themselves, and based on this reasonable practical conclusions. In the work conducted analyses of distribution organizations, by forms of ownership, by types of economic activity, by size of business, the structure of organizational-legal forms of entities, an assessment of the main factors limiting business organizations. The basic problems of the development of entrepreneurship in Russia: high level of taxation, insufficient effective demand of buyers and a lack of financial resources. Positive steady decline all investigated factors, reflecting increased business activity. The lack of modern business in Russia is to reduce the growth of medium-sized businesses, and the main trend is the increase in the rate of development of small business. Felt the need to take measures of an institutional nature, aimed at ensuring protection of property rights. Also made proposals aimed at stimulating the development of medium-sized businesses in the Russian Federation: the improvement of tax system in facilitating investment and innovation, ensuring the availability of financial resources for the implementation of long-term projects, removing infrastructure constraints (creation of business incubators, technology parks, Coworking-centres), stimulating the formation of partnerships and production chains (support for the creation of industry clusters).

Keywords: entrepreneurship, business statistics, large, small, medium business.

ДЕКОМПОЗИЦИОННО-ИЕРАРХИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ОЦЕНКЕ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

С.Е. Шипицына, канд. экон. наук, доц. кафедры предпринимательства и экономической безопасности,

Электронный адрес: sv-in-sure@mail.ru

Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, ул. Букирева 15,

В статье рассматривается теоретическое и экономическое содержание понятия «финансовая безопасность». В авторской трактовке показана структура финансовой системы РФ как сферы оценки финансовой безопасности. На различных иерархических уровнях предлагается применять специфическую систему индикаторов. Для оценки пороговых значений индикаторов финансовой безопасности предложен механизм вероятностной оценки финансовых рисков, в частности, метод стресс-тестирования. Исследование проводилось при финансовой поддержке РГНФ, проект №13-02-00264а «Синергетическая диагностика кризисных явлений в экономике регионов Российской Федерации»

Ключевые слова: безопасность, финансовая безопасность, финансовая система, риск, финансовый риск, управление рисками, оценка рисков, вероятность

Вначале определимся с теоретическим содержанием понятия «финансовая безопасность». Ключевым словом является «безопасность». Теоретико-методологические проблемы обеспечения безопасности являются предметом научных исследований еще со времен Платона и Аристотеля, необходимо отметить, что изначально представление о безопасности формировалось в рамках теории построения государства как гаранта стабильности и благополучия общества [2,10,14].

Вместе с тем меняющаяся современная геополитическая обстановка в РФ и в мире актуализирует вопросы безопасности в трудах отечественных и зарубежных ученых. Данное обстоятельство требует структурированного и комплексного подхода при рассмотрении дефиниции «безопасности».

В современной России теория безопасности как самостоятельное научное направление начинает развиваться в 90-е гг. XX в. и связана с именами ученых Российской академии наук, в частности, с академиком Л.И. Абалкиным, который на страницах журнала «Вопросы экономики» открыл дискуссию, посвященную проблемам научного обоснования практических вопросов обеспечения национальной безопасности страны [1].

За эти годы в рамках познания сущности категории «безопасность» российскими учеными даны различные трактовки, а также использовались новые исследовательские подходы, которые способствовали выделению самостоятельных направлений для постижения феномена «безопасность» (рис.1). Наибольшее распространение определение безопасности получило как «состояние защищенности», т.к. такое понимание содержал первый федеральный закон «О безопасности» от 5.03.1992 г.: «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [6].

Рис.1 Содержание категории «безопасность»

Также в Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г. «национальная безопасность» трактуется как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства» [9]. Важно отметить, что в правовом отношении дальнейшее свое развитие категория «безопасность» получила в новом федеральном законе «О безопасности» от 28.12.2010 г., в частности вводится понятие национальной безопасности, которая структурно делится на общественную безопасность, экологическую безопасность и безопасность личности (ст.1). Также в ст. 3 обеспечение безопасности представлено как совокупность различных видов деятельности [7].

На взгляд автора, современное понимание безопасности в РФ, по-прежнему, в большей степени, сохраняет политический характер, как система противостояния, направленная на сохранение суверенитета и целостности государства. На самом деле, исходя из этимологии данного понятия в слове «безопасность» ключевым словом является «опасность». Обратимся к толковому словарю русского языка С.И. Ожегова: «опасность – возможность, угроза чего-нибудь очень плохого, какого-нибудь несчастья». Синонимом «опасности, угрозе», в литературе считают «риск». Смотрим там же: «риск – возможность опасности, неудачи» [8]. Учитывая, что происхождение термина «риск» восходит к греческим словам «gidsikon, gidsa» - утес, скала, получается «риск» в переводе на русский язык – это и есть опасность, угроза.

Таким образом, «безопасность», на наш взгляд – это совокупность экономических отношений, направленных на нейтрализацию и (или) минимизацию рисков (опасностей, угроз) с целью сохранения равновесия и способности к устойчивому воспроизводству и функционированию различных систем. Поскольку все системы, без исключения, подвержены различным опасностям (рискам), категория «опасность» – абсолютна, в то время как «безопасность» – относительна и зависит от множества факторов. В связи с этим, актуальным становится вопрос оценки уровня и видов безопасности.

Декомпозиционный подход позволяет рассматривать любую исследуемую систему как сложную, состоящую из отдельных взаимосвязанных подсистем, которые, в свою очередь, также могут быть разделены на части.

В качестве систем и подсистем рассмотрим – мировую систему, государство, регион (территория), хозяйствующий субъект, личность, в зависимости от уровня выделим следующую иерархию безопасности (рис. 2):

Рис. 2. Классификация безопасности по уровням

Методология оценки уровня безопасности, на наш взгляд, полностью базируется на теории риска. Риск как научная категория, и процессы идентификации, анализа риска и его количественная оценка являются основополагающими для оценки безопасности, потому, что собственно с рисками и их эскалацией в современном обществе связано формирование существенных угроз для человечества.

Сегодня в научной литературе, по различным критериям, предложено достаточно много классификаций рисков, которые в свою очередь могут служить основой для типологизации видов безопасности. Таким образом, следуя нашей логике, в основе обеспечения финансовой безопасности лежит процесс управления финансовыми рисками. Финансовая безопасность имеет первостепенное значение для национальной, экономической безопасности в обществе, так как только финансовая безопасность способна обеспечить устойчивость и стабильный рост экономических систем различного уровня.

Сфера обеспечения финансовой безопасности – национальная финансовая система. В современной экономической литературе определение «финансовая система» и ее структура сохраняет дискуссионный характер, его детерминация зависит от принадлежности исследователя к классической или неоклассической теории финансов [13].

На рис. 3 автором представлена структура финансовой системы РФ, которая предполагает выделение четырех иерархических уровней обеспечения финансовой безопасности: национальная, региональная финансовая безопасность, финансовая безопасность бизнеса и финансовая безопасность личности.

Рис. 3 Финансовая система РФ

Финансовая безопасность, как особый вид безопасности, соответственно, подразумевает наличие специфического методического аппарата и обеспечения: индикаторы оценки и их пороговые значения, методы управления и формы обеспечения приемлемого уровня безопасности.

Сегодня для оценки уровня экономической безопасности российскими учеными предлагаются различные методы [3], самым тиражируемым из них является индикативный, разработанный Центром финансово-банковских исследований Института экономики РАН еще в конце 90-х гг. Для оценки финансовой безопасности из 22 индикаторов можно выделить 12 индикаторов (табл. 1). Без сомнения этот перечень индикаторов не является исчерпывающим, а многие пороговые значения потеряли свою актуальность. Кроме того, оценочные показатели 2014 г. прекрасно вписываются в пороговые значения и не «сигналят» о глубоком финансовом кризисе российской экономики.

Индикаторы финансовой безопасности [3]

№	Индикаторы	Пороговое значение
1	Объем ВВП (млрд. руб.) - ВВП на душу населения, % от среднего по «семерке» (место)	1000
2	Внешний долг, % к ВВП	40
3	Внутренний долг, % к ВВП	30
4	Отношение выплат по внешнему долгу к объему годового экспорта, %	25
5	Доля расходов на обслуживание государственного долга, % к общему объему расходов федерального бюджета	20
6	Дефицит федерального бюджета, % к ВВП	3
7	Уровень инфляции, %	25
8	Объем золотовалютных резервов, млрд. долл.	15
9	Уровень монетизации, % ВВП	25
10	Дифференциация доходов (децильный коэффициент)	8
11	Доля лиц с денежными доходами ниже прожиточного минимума, %	8
12	Уровень безработицы, %	7

Так, например, по предварительной оценке Государственной службы государственной статистики объем валового внутреннего продукта (ВВП) России в 2014 г. составил 70975,6 млрд. руб., что существенно превышает пороговое значение, а вот прирост всего лишь 0,6%, а это в 2 раза ниже 2013 г. - 1,3% [17].

Также получается и с показателем внешнего государственного долга, по состоянию на 2014 г. внешний долг России в процентном соотношении к ВВП составил 34%. Для примера, аналогичный показатель в США составил 99%, в Германии – 159%, в Японии 243%. Основное бремя государственного долга состоит в необходимости его обслуживания в виде отчислений процентных платежей. При достижении определенного уровня таких платежей по отношению к ВВП утрачиваются возможности для экономического роста государства. Зоной риска считается превышение расходов на обслуживание внешнего долга к объему экспорта товаров и услуг в 2 раза. Отношение объемов выплат по внешнему долгу, и даже всего объема внешнего долга России к ВВП 714 млрд. долл., к объему экспорта товаров и услуг 593 млрд. долл. в 2013 г. также еще далеко от опасной зоны [15,16].

Это касается также объема международных резервов (золотовалютных), по данным ЦБ РФ на 23.01.2015 г. составили 378, 1 млрд. долл. в 25 раз превышают их пороговое значение [16].

Таким образом, этот незначительный анализ показывает «усеченность» системы индикаторов и архаичность их пороговых значений. Данная система индикаторов в финансовой сфере не отражает многих рисков областей, которые до кризиса сохраняли латентный характер, а сегодня представляют серьезную угрозу для российской экономики, такие как: отток капитала, стоимость финансовых ресурсов, кредитоемкость экономики, устойчивость национальной валюты, объемы спекулятивных операций и многое другое.

При оценке финансовой безопасности необходим интегральный комплексный подход, который должен улавливать корреляцию различных факторов, пороговые значения не могут быть статичными. Для порогового значения показателя дополнительно необходим расчет ожидаемых границ волатильности риска отклонения от заданного значения.

Вероятность отклонения от порогового значения мы можем оценивать по результатам наблюдений за предыдущие периоды. В вероятностной модели оценка возможности наступления нежелательного события сводится к вычислению вероятности от 0 до 1. Возможная величина ущерба, связанного с риском, описывается функцией распределения:

$$F(x) = P(X < x) \quad (1)$$

где x – действительное число;

$P(X < x)$ – вероятность случайного события ($X < x$).

С целью оценки случайной величины (величины ущерба) рассматривают следующие ее характеристики:

- математическое ожидание $M(x)$;
- медиана $m(x)$;

- дисперсия σ^2 ;
- среднее квадратическое отклонение σ ;
- коэффициенты вариации, корреляции и т.д.

Вероятность риска отклонения от порогового значения показателя проявляется в возможности его возникновения, а уровень вероятности определяется совокупностью факторов, воздействующих на финансовую безопасность. В зависимости от вероятности наступления, считаем целесообразным, группировать риски на допустимый уровень безопасности (0-30%), приемлемый (30-60%), критический (60-80%) и опасный (более 80%). Критерии такого деления весьма условны, в зависимости от цели и условий оценки риска.

Кроме того, существенной характеристикой финансовых рисков следует считать его спекулятивность, заключающуюся в том, что отклонения от планируемого результата могут быть в сторону, как уменьшения, так и увеличения, превышения пороговых значений индикаторов финансовой безопасности.

В целях оценки финансовой безопасности, на наш взгляд, необходимо применять вариативный подход при выборе наиболее обоснованного метода оценки финансового риска (табл. 2).

Таблица 2

Методы оценки финансовой безопасности

Уровень бюджетного риска	Методы оценки
допустимый	расчетно-аналитические методы
приемлемый	статистические методы, стресс-тестирование
критический, опасный	метод экспертных оценок, метод аналогов, комбинированный

Следуя гипотезе о том, что обеспечение финансовой безопасности – это процесс управления финансовыми рисками, целесообразно применять метод стресс-тестирования для оценки возможных отклонений пороговых значений индикаторов при оценке финансовой безопасности. Стресс-тестирование - это общий термин, объединяющий группу методов оценки воздействия на финансовое положение организации неблагоприятных событий, определяемых как «исключительные, но правдоподобные (возможные)» — *exceptional but plausible* [4]. В рамках этого метода рассчитывается ряд вероятностных показателей, которые используются для оценки и анализа рисков. Для наиболее вероятных событий с «ожидаемым» риском применяются классические методы оценки (табл. 2). Далее оценивается – *Value at Risk (VaR)* - стоимость, подверженная риску. Это - величина потерь при умеренно неблагоприятном, т. е. возможном в рамках нормальной конъюнктуры рынка сценарии, именуется «неожиданным риском» [5].

Существуют несколько методов расчета *VaR*, но самый распространенный метод - параметрический – подходом Risk Metrics. Показатель *VaR* рассчитывается по следующей формуле (3):

$$VaR = k \times \sigma \times PV \quad (3)$$

где k - коэффициент, соответствующий одному из доверительных интервалов (табл. 3);

PV – текущая стоимость финансового актива;

σ – стандартное отклонение.

Таблица 3

Квантили стандартного нормального распределения (выборка)

Доверительный интервал	0,8	0,9	0,95	0,975	0,99
Коэффициенты	0,841621	1,281552	1,644854	1,959964	2,326348

Основными компонентами для вычисления *VaR* являются временной интервал и доверительный уровень. Для расчетов рисковости временной период равный финансовому году, а доверительный интервал для оценки финансового риска по методике Risk Metrics рекомендуется на уровне 95%.

Данный метод при оценке индикаторов финансовой безопасности позволит определить реперные точки отклонений, сигнализирующие о потенциальных угрозах, до достижения критического уровня, что поможет своевременно реагировать и корректировать действия.

В заключении необходимо отметить, что финансовая безопасность на любом иерархическом уровне представляет сложную систему экономических отношений, возникающих в обществе. При

взаимодействии и переплетении отношений в процессе обеспечения финансовой безопасности возникают производные виды финансовой безопасности с потенциальным перечнем рисков и угроз для каждого уровня:

- бюджетно-налоговая безопасность;
- кредитно-банковская безопасность;
- валютно-денежная безопасность;
- инвестиционная безопасность;
- социальная безопасность.

Каждый из представленных видов финансовой безопасности это отдельное направление научной и практической деятельности.

Список литературы

1. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 5.
2. Аристотель. Политика // Соч. в 4-х т. М., 1983. Т. 4. С. 376-644.
3. Глазьев С.Ю. Основа обеспечения экономической безопасности страны: альтернативный реформационный курс // Российский журнал. 1997.
4. Кудрявцева М. Что тестирует стресс-тест? // Рынок ценных бумаг. 2006. №2(303). С. 54–56.
5. Лукашев А.В. Риск-менеджмент и количественное измерение финансовых рисков в нефинансовых корпорациях // Управление рисками. 2005. № 5 (11). С. 43 -60.
6. О безопасности. Федеральный закон от 05.03.1992 г. № 2446-1-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»
7. О безопасности. Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992.
9. О стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г. Указ Президента РФ от 12.05.2009 N 537 (ред. от 01.07.2014) [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»
10. Платон. Диалоги / Пер. с древнегреческого. М.: Мысль, 1986. 607 с.
11. Рыбалкин И. Н. Философия безопасности: учеб. пособие. М.: МПСИ, 2006. 296 с.
12. Социальная безопасность: Учебное пособие / С. И. Самыгин, А. В. Верещагина, Г. И. Колесникова. М.: Издательско-торговая корпорация “Дашков и К°”; Ростов н/Д: Наука-Спектр, 2011. 360 с.
13. Шмиголь Н.С. Современные представления о финансовой системе в экономической литературе // Финансы и кредит. 2010. № 43(427). С. 53-62.
14. Шумпетер Й. Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса. Гл. 5. В. Парето. М.: Институт Гайдара, 2011. 400 с.
15. Официальный сайт Министерства финансов РФ <http://www.minfin.ru>
16. Официальный сайт ЦБ РФ <http://www.cbr.ru>
17. Официальный сайт Государственной службы государственной статистики <http://www.gks.ru>

DECOMPOSITION AND HIERARCHICAL APPROACHES TO ASSESSING FINANCIAL SECURITY

S. Shipitsyna,

E-mail: sv-in-sure@mail.ru)

Perm State University

The article discusses the theoretical and economic content of the concept of "financial security." In the author's interpretation shows the structure of the financial system of the Russian Federation as the scope of the assessment of financial security. At various hierarchical levels are encouraged to apply a specific system of indicators. To estimate the threshold values of indicators of financial security mechanism is proposed probabilistic assessment of financial risks, in particular, the method of stress testing.

Keywords: security, financial security, financial system, risk, financial risk, risk management, risk assessment, the probability

СОДЕЙСТВИЕ ПРОЦЕССУ ОБЪЕДИНЕНИЯ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ И ГРАЖДАН ДЛЯ УЧАСТИЯ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНА

Т.В. Шляпина, председатель регионального общественного движения «Форум гражданской инициативы Пермского края»,

Электронный адрес: 29970@mail.ru

М.В. Шляпина, ассистент кафедры предпринимательства и экономической безопасности,

Электронный адрес: shlyapina.m@mail.ru

Пермский государственный национальный исследовательский университет, г.Пермь, ул. Букирева, 15

Введение. В современных меняющихся экономических условиях именно малые и средние города должны образовывать фундамент экономического развития региона. При этом необходимо учитывать специфику малых населенных пунктов при социально-экономических преобразованиях, иначе это может привести к усугублению кризисных явлений.

Особенно актуальным сегодня должно стать активное вовлечение в процесс разработки и реализации программ социально-экономического развития малых и средних городов представителей малого и среднего бизнеса, общественных структур и руководителей градообразующих предприятий. Все это позволит получить новые шансы и перспективы для интенсивного и устойчивого развития.

Основная идея. В основе данной статьи лежит идея развития и поддержки малого бизнеса в муниципальных образованиях с помощью непосредственного влияния гражданских инициатив на данную проблему.

Цель. В начале исследования была поставлена цель – определить роль малых городов в развитии экономики региона.

Методы и подходы. Исследование проводилось на основе диалектического подхода с помощью теоретико-эмпирического метода, основанного на индуктивном исследовании влияния экономики муниципальных образований на социально-экономическое положение региона в целом. Кроме того, с помощью статистического метода была выявлена динамика показателей бюджета отдельно взятого муниципального образования.

Новизна. Научная новизна данного исследования заключается в том, что в статье раскрыта необходимость объединения органов управления, предпринимателей и граждан для участия в формировании социально-экономических решений, принимаемых как на уровне муниципального образования, так и на региональном уровне.

Результаты исследования. В результате проведенного исследования, во-первых, была выявлена прямая зависимость поддержки малого и среднего бизнеса на доходную часть бюджета, а во-вторых, необходимость содействия процессу объединения органов управления и гражданских инициатив при формировании социально-экономической политики региона.

Выводы. В ходе исследования авторы пришли к следующим выводам. Во-первых, в малых городах Пермского края развитие и поддержка малого и среднего предпринимательства сокращается.

Во-вторых, для развития предпринимательства должно существовать более открытое информационное поле.

В-третьих, органы местного самоуправления малых городов должны разрабатывать программы инвестиционной привлекательности в соответствии с конкурентоспособными преимуществами территории, учитывая специфику населенного пункта.

Ключевые слова: муниципальное образование, малый бизнес, местное самоуправление, конкурентоспособные преимущества, предпринимательство, гражданская инициатива, Пермский край, регион.

Формирование социально-экономической политики Пермского края, направленной на повышение экономической стабильности региона, должно привести к благоприятным условиям дальнейшего развития предпринимательской деятельности в крае и в муниципальных образованиях, обеспечить повышение качества жизни граждан и эффективное развитие экономики.

Малые и средние города являются фундаментом экономического развития края. Необходимо учитывать специфику малых населенных пунктов при социально-экономических преобразованиях, иначе это может привести к усугублению кризисных явлений.

На сегодняшний день экономика малых городов сталкивается со следующими проблемами:

1. наличие муниципальных образований с преобладанием одной отрасли промышленности, что приводит к зависимости от градообразующего предприятия;
2. ограниченность экономической базы для привлечения инвестиций и квалифицированных кадров;
3. низкий уровень развития инженерно-инфраструктурных объектов;
4. высокий уровень износа основных фондов, технологическая отсталость промышленных предприятий, недостаток мест для трудоустройства и рост безработицы;
5. нехватка квалифицированных кадров для осуществления муниципального управления;
6. недостаточность существующей правовой и методологической основы для обеспечения устойчивого и комплексного социально-экономического развития муниципальных образований;
7. недостаточность информационного обеспечения органов местного самоуправления для составления прогнозов социально-экономического развития территории муниципального образования;
8. отсутствие опыта организации муниципального управления, а также взаимодействия органов местного самоуправления с населением и общественными объединениями граждан.

Все эти основные проблемы малых городов приводят к миграции молодежи в более крупные города, а взрослое население вынуждено искать пути решения повысить уровень жизни путем активизации собственных экономических возможностей, т.е. заняться организацией малого и среднего бизнеса.

В таких условиях говорить об эффективности экономического развития территории очень сложно. Необходимо со стороны органов управления создание условий для их экономического, социального и культурного развития с целью превращения в устойчивые саморазвивающиеся административные единицы. Необходима не только разработка, но и реализация программ возрождения данных населенных пунктов с учетом инициатив граждан и функциональных направлений муниципальных образований.

Активное вовлечение в процесс разработки и реализации программ социально-экономического развития малых и средних городов представителей малого и среднего бизнеса, общественных структур и руководителей градообразующих предприятий, позволит получить новые шансы и перспективы для интенсивного и устойчивого развития.

Населенным пунктом, потерявшим свои прежние функции, необходим поиск новых отраслей специализации, выход на обслуживание и предложение своих возможностей в прилегающие районы. Расширение набора выполняемых функций, станет залогом успеха в условиях современных рыночных отношениях.

Собственная стратегия развития муниципального образования, основанная на конкурентоспособных преимуществах, позволит промышленному производству провести вместо ликвидации переориентацию на непромышленные функции – туристические, научно-образовательные, транспортные, социально-культурные и иные.

Таким образом, при организации взаимодействия органов управления, бизнеса и граждан, малые и средние города могут внести огромный вклад в решение экономических задач региона в создание благоприятных условий для стабилизации ситуации.

Большинство муниципальных образований являются основой для решения проблем экономического развития сельских поселений.

Сегодня существуют и проблемы финансирования малых городов.

Основным документом, который показывает экономическую стабильность, является бюджет муниципального образования. Доходы бюджетов чаще всего не соответствуют первоочередным

расходам. Львиная часть доходов бюджетов в малых городах – это дотации, субвенции и субсидии, которые регулируются органами власти.

В основу муниципальных финансов входит три основных источника:

- государственные средства
- собственные средства муниципального образования
- заемные средства или муниципальный кредит

Соотношение этих трех основных источников городских финансов в структуре доходной части бюджета определяет экономическую самостоятельность муниципального образования.

При преимуществе первой или третьей группы появляется зависимость от государства и кредитных организаций, что ограничивает целевое направление средств на нужды населения. Поэтому основная задача органов управления, совместно с бизнесом и гражданами – это наращивание собственных средств.

Таким образом, экономическая стабильность в значительной степени зависит от степени профессионализма органов местного самоуправления. Их умения эффективно выстраивать механизмы взаимодействия, направленные на обеспечение учета интересов различных социальных групп при проведении экономической политики.

Собственные средства малых и средних городов должны занимать максимальную долю в доходах бюджета. Это позволит не только закрыть необходимые расходы, но и привлечь инвесторов на территорию. Позволит воплощать программы по развитию и поддержке малого и среднего бизнеса, расширить диапазон услуг территории. Даст возможность увеличению объемов для местного производителя, что в свою очередь приведет к созданию новых рабочих мест, к комфортному проживанию населения.

Рассмотрим бюджетную политику на примере бюджета г. Кунгур. Бюджет города Кунгура на 2013-2015 годы сформирован без дефицита. В целом бюджетная политика города Кунгура на 2013 - 2015 гг. направлена на обеспечение долгосрочной сбалансированности и устойчивости бюджетной системы муниципального образования в условиях возможной неблагоприятной ситуации в мировой экономике, повышения уровня и качества жизни граждан, повышения эффективности и прозрачности муниципального управления.

Основными задачами бюджетной политики в среднесрочной перспективе являются:

- сохранение социальной направленности бюджета;
- реализация социально-значимых инвестиционных проектов;
- совершенствование инструментов программно-целевого планирования бюджета;
- поддержание устойчивости бюджета города Кунгура на всем периоде планирования.

(ПРОЕКТ бюджета города Кунгура на 2013 год и на плановый период 2014-2015 годов с приложением документов и материалов, с. 5.)

Повышение инвестиционной привлекательности малых и средних городов – это эффективный путь развития края в целом.

В таких условиях необходима государственная поддержка инвестиционной деятельности субъектам, осуществляющих свою деятельность в малых городах. Она должна включать в себя не только проведение экспертизы инвестиционных проектов, но и оценку степени влияния результатов реализации данного проекта, на экономическое развитие малых городов и решение его актуальных задач.

На сегодняшний день существует необходимость предоставления льгот по региональным налогам и налогу на прибыль организаций на период инвестиционной деятельности. Территория будет более привлекательной для инвесторов, если на ней осуществляется бюджетное субсидирование части затрат на уплату процентов по кредитам, по уплате лизинговых платежей по договорам аренды (лизинга), полученным для реализации инвестиционных проектов.

К инвестиционной привлекательности малых городов можно отнести и предоставление государственных гарантий за счет средств бюджетов на конкурсной основе субъектам инвестиционной деятельности на период реализации проектов, предоставление бюджетных кредитов, для оказания государственной поддержки в реализации инвестиционных проектов, направленных на решение приоритетных задач экономического развития города или поселения.

Доступная информированность о государственной поддержке развития предпринимательства и об инвестиционном потенциале в малых городах, позволит привлекать, как российские, так и

зарубежные инвестиции, позволит инвестору ознакомиться с конкурентными преимуществами малых городов.

Например, такая программа была разработана в г. Кунгур: «Развитие малого и среднего предпринимательства в городе Кунгуре на 2012-2014 годы». Финансирование Программы осуществлялось за счет средств местного бюджета и за счет средств федерального и краевого бюджетов.

В постановлении администрации г. Кунгура № 82 от 10.02.2014 г. определены следующие источники и объемы финансирования данной программы (таб. 1).

Таблица 1

Источники финансирования Программы [3]

№ п/п	Источники финансирования	Всего, тыс. руб.	2012 г., тыс. руб.	2013 г., тыс. руб.
1.	Местный бюджет	420,0	160,0	260,0
2.	Краевой бюджет	1 325,698	849,770	475,928
3.	Федеральный бюджет	2 994,13	1 982,79	1 011,340
	Итого, общий объем	4 739,828	2 992,56	1 747,268

По данным таблицы можно сделать вывод о том, что основным источником финансирования является федеральный бюджет. В 2012 году средства федерального бюджета составляли 67% от общего объема финансирования; в 2013 году – 58 %; средства краевого бюджета в 2012 и 2013 годах составляли 28 %; средства местного бюджета в 2012 г составляли 5%, а в 2013г выросли на 60% и стали составлять 14% от всего объема финансирования. Но общее финансирование по программе в 2013 году снижено на 40% от объема финансирования в 2012 году и со стороны федерального бюджета на 50% и со стороны краевого бюджета на 45%. Следовательно, органы местного самоуправления должны выполнять условия софинансирования утвержденной программы «Развитие малого и среднего предпринимательства в городе Кунгуре на 2012-2014 годы» и ежегодно изыскивать средства на ее реализацию. А так же привлекать дополнительные инвестиционные средства на ее реализацию в последующие годы. Учитывая, что финансирование Программы сокращается, даже без учета инфляции, малым городам сложно самостоятельно без помощи вышестоящих бюджетов осуществлять поддержку малого бизнеса, рассчитывать на создание новых предприятий и организаций.

Например, показатели характеризующие состояние экономики и социальной сферы Муниципального образования город Кунгур за периоды 2012 и 2013 годы, показывают, что малый бизнес стал существенно сокращать свои объемы, так как Единый налог на вмененный доход для отдельных видов деятельности и налог на совокупный доход в доходной части бюджета сократились на 8 % . Доходы бюджета в 2013 году увеличены по отношению к 2012 году на 8 % за счет налога на доходы физических лиц (что говорит о повышении заработной платы), налога на имущество, земельного налога, государственной пошлины в пределах инфляции.

Таблица 2

Динамика доходов бюджета г. Кунгур за период 2012- 2014 гг.[4]

Показатели	Ед. измерения	2012	2013	2014
Доходы местного бюджета (включая безвозмездные поступления)				
Всего	тысяча рублей	1432580.1	1553522.4	
Налог на доходы физических лиц	тысяча рублей	248802.8	306028.8	
Налоги на совокупный доход	тысяча рублей	42656.8	40022.5	
Единый налог на вмененный доход для отдельных видов деятельности	тысяча рублей	42648	39021.2	
Единый сельскохозяйственный налог	тысяча рублей	8.8	23.2	
Налоги на имущество	тысяча рублей	84265.8	95328.9	
Налог на имущество физических лиц	тысяча рублей	5340.1	6802.1	
Земельный налог	тысяча рублей	36484	40428.8	
Государственная пошлина	тысяча рублей	3656.7	4920.1	
Доходы от использования имущества, находящегося в	тысяча рублей	51635.5	53643.6	

Показатели	Ед. измерения	2012	2013	2014
государственной и муниципальной собственности				
Доходы от перечисления части прибыли государственных и муниципальных унитарных предприятий, остающейся после уплаты налогов и обязательных платежей	тысяча рублей	666.3	2635	
Платежи при пользовании природными ресурсами	тысяча рублей	1526.5	-319.2	
Плата за негативное воздействие на окружающую среду	тысяча рублей	1526.5	-319.2	
Доходы от продажи материальных и нематериальных активов	тысяча рублей	55694.6	14089.7	
Безвозмездные поступления	тысяча рублей	939225.8	1030480	
Безвозмездные поступления от других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации	тысяча рублей	954002.5	1044399.8	
Дотации бюджетам субъектов Российской Федерации и муниципальных образований	тысяча рублей	146344	176762.4	
Субсидии бюджетам бюджетной системы Российской Федерации (межбюджетные субсидии)	тысяча рублей	248795.9	248414.5	
Субвенции бюджетам субъектов Российской Федерации и муниципальных образований	тысяча рублей	380587.5	414240.6	
Иные межбюджетные трансферты	тысяча рублей	178275.1	204982.3	
Из общей величины доходов - собственные доходы	тысяча рублей	1051992.6	1139281.8	

Можно сделать вывод, что в малых городах края развитие и поддержка малого и среднего предпринимательства сокращается. Так на примере города Кунгура доходы бюджета не возросли от предпринимательской деятельности, а сократились. Необходимы более существенные программы помощи развитию малого и среднего бизнеса, новые подходы для поддержки предпринимательства, сокращение бюрократической волокиты в грантовых и конкурсных государственных проектах. Так же для развития предпринимательства в малых городах должно существовать более открытое информационное поле.

Органы местного самоуправления малых городов должны разработать программу инвестиционной привлекательности в соответствии с конкурентоспособными преимуществами территории, учитывая специфику населенного пункта. Каждый город уникален, имеет свои специфические особенности: природные богатства, отраслевую направленность, наличие крупных предприятий на его территории и т.д.

Каждое муниципальное образование имеет свою собственность и имущество, и только преумножая и инвестируя, могут быть реализованы социально-экономические интересы всего населения территории, создан социальный капитал.

Одним из инструментов взаимодействия органов власти и гражданских инициатив при формировании социально-экономической политики территории - должны являться публичные слушания. Вопросом обязательного порядка в которых, является обсуждение проектов и программ развития муниципального образования.

Следствием тотальной неинформированности населения о своих правах и возможностях, участие проходит пассивно.

Чаще всего такие слушания носят формальный характер. Проблема в том, что законодательно не определена обратная связь. Те предложения и поправки в программы экономического развития, которые предлагаются населением, обычно не находят отражения в документе или не возможность их внесения в программу не разъясняется публично.

В связи с этим доля принимаемых управленческих и экономических решений с учетом общественного мнения не повышается. Как следствие, большая часть население не желает принимать участие в формировании социально-экономической политике и нести ответственность за жизнь в своем городе или поселке.

Список литературы

1. О состоянии местного самоуправления и развития муниципальных образований в Пермском крае / Ежегодный доклад 2010 год / Рук.проекта И. В. Марасанова. Пермь: ООО «Типография «Астер», 2011.
2. Постановление правительства Пермского края от 8 апреля 2014 г. n 242-п Об утверждении порядка предоставления из бюджета пермского края субсидий бюджетам муниципальных районов (городских округов) пермского края в целях софинансирования отдельных мероприятий муниципальных программ, направленных на развитие малого и среднего предпринимательства, и правил расходования субсидий в рамках реализации отдельных мероприятий муниципальных программ развития малого и среднего предпринимательства
3. Муниципальная программа «Развитие малого и среднего предпринимательства в городе Кунгуре на 2012-2014 годы», утвержденная постановлением администрации города Кунгура от 09.11.2011 № 895
4. Постановление города Кунгура Пермского края № 82 от 10.02.2014 г. О внесении изменений в муниципальную программу «Развитие малого и среднего предпринимательства в городе Кунгуре на 2012-2014 годы», утвержденную постановлением администрации города Кунгура от 09.11.2011 № 895
5. ПРОЕКТ бюджета города Кунгура на 2013 год и на плановый период 2014-2015 годов с приложением документов и материалов
6. Официальный сайт администрации города Кунгура. URL:<http://kungur-adm.ru/> (дата обращения 01.02.2015)
7. Паспорт Муниципального образования город Кунгур. URL:http://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/table.aspx?opt=57722000201220132014 (дата обращения 03.02.2015)

FACILITATING THE PROCESS OF BRINGING TOGETHER GOVERNMENTS, BUSINESSES, AND CITIZENS TO PARTICIPATE IN SHAPING THE SOCIO-ECONOMIC POLICY OF THE REGION

T. Shlyapina,

E-mail: 29970@mail.ru

"The Forum of the civil initiative of the Perm region"

M. Shlyapina,

E-mail: shlyapina.m@mail.ru

Perm State University

Introduction. In today's changing economic conditions, small and medium-sized cities should form the Foundation for the economic development of the region. It is necessary to take into account the specifics of small settlements in the socio-economic transformation, otherwise it may lead to the aggravation of the crisis.

Particularly relevant today must become active involvement in the development process and the implementation of socio-economic development of small and medium-sized cities small and medium businesses, public institutions and managers of enterprises. All this will provide new opportunities and prospects for intensive and sustainable development.

The main idea. The basis of this article is the idea of development and support of small business in municipalities with direct influence of civil initiatives on this issue.

Purpose. In the beginning of the study goal was to determine the role of small towns in the economic development of the region.

Methods and approaches. The study was conducted on the basis of a dialectical approach using theoretical-empirical method based on inductive study of the impact of municipal economy on the socio-economic situation in the region as a whole. In addition, by using a statistical method was identified dynamics of the individual budget of the municipality.

The novelty. Scientific novelty of this study lies in the fact that the article considers the necessity of uniting governments, businesses, and citizens to participate in shaping the socio-economic decisions taken at both the municipal level and at the regional level.

The results of the study. In the study, firstly, was the direct dependence of supporting small and medium business on the revenue side of the budget, and secondly, the need to facilitate the process of bringing together governments and civil initiatives in the formation of socio-economic policy of the region.

The conclusions. During the study, the authors came to the following conclusions. First, in small towns in Perm Krai development and support of small and medium enterprises is reduced.

Secondly, for the development of entrepreneurship should be more open information field.

Third, local governments in small towns should develop programmes of investment attractiveness in accordance with the competitive advantages of the territory, taking into account the specifics of the settlement.

Keywords: civic education, small business, local government, competitive advantages, business, civil initiative, Perm region, region.

СТРАТЕГИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ В ЭНЕРГОСБЕРЕЖЕНИИ

М.К. Юшкова, канд. экон. наук, доц. кафедры организации производства и предпринимательства в АПК,

А.Ф. Меньщикова, доц. кафедры организации производства и предпринимательства в АПК,

Электронный адрес: menshikova-a59@yandex.ru
ФГБОУ ВПО Пермская ГСХА

В настоящей статье проанализированы возможности использования возобновляемых источников энергии в аграрной отрасли, рассмотрены основные направления применения альтернативных источников энергии и определены их проблемные стороны. С учетом природно-климатических условий представлены стратегические направления организации применения энергосберегающих технологий. Акцентировано внимание на информационном обеспечении потенциальных потребителей о возобновляемых энергетических ресурсах.

Ключевые слова: возобновляемые источники энергии, альтернативные источники энергии, потребитель, биоэнергия, энергоресурсы, энергосбережение, возобновляемые ресурсы.

Введение. В теории экономического роста энергия и капитал являются лимитирующими факторами производства. Причем растущее применение капитала неизбежно влечет за собой эквивалентное увеличение спроса на энергию. В этой зависимости экономических факторов актуализируется роль энергообеспечения производящих отраслей. Применение альтернативных источников энергии в сельском хозяйстве – одно из перспективных направлений в энергосбережении. Положительный опыт использования возобновляемых источников энергии имеет связи с использованием в рамках стран Европейского союза, дает основание для применения в России и, в частности в Пермском крае.

Возобновляемые источники энергии являются одновременно условием сохранения природных ресурсов и дополнительным энергетическим обеспечением. Оценивается, что объем потребления энергии в 2020 году в России за счет возобновляемых источников должен быть не менее 15 – 20%. [1]

Целью данного исследования является анализ возможностей использования возобновляемых источников энергии в аграрной отрасли.

Обзор литературы. Изучение литературных источников за последние три года по теме исследования в направлении использования солнечной энергии отражает значительный интерес в промышленной и бытовой сфере данного источника энергообеспечения. Публикации в научных литературных источниках по направлению использования в народном хозяйстве солнечного излучения, безусловно, подтверждают перспективность применения данных энергетических источников [1]. И. В. Горбачев, Ю. Х. Шогенов [2] представили результаты исследования в данной области. Наиболее успешными считаются:

- варианты использования местных возобновляемых источников;
- разработка и реализация средств малой энергетики;
- разработка методических материалов по совершенствованию средств энергообеспечения.

Как экономически выгодно использовать преобразованную солнечную энергию делятся опытом ряд практиков из Германии. Интерес к использованию энергии солнечных лучей в Германии оформился в научное движение в конце 70-х годов XX века [9]. Организация применения альтернативных источников дает преимущества как производителям, так и потребителям данных видов энергии. Стоимость электроэнергии из традиционных источников – государственных сетей – в Германии

составляет от 28 до 40 центов за 1 кВтч. (2010 г.) Стоимость потребления произведенной энергии за счет солнечных батарей – от 12 до 17 центов (2010 г.). Сложившаяся ситуация на рынке энергоресурсов позволяет производителям произведенной энергии за счет возобновляемых источников выгодно реализовать излишки [3].

Немецкие производители солнечных батарей отмечают стабильное снижение цен на солнечные батареи и оборудование, связанное с производством данного вида энергии.

В России объем использования альтернативных источников электроэнергии незначителен и составляет от 1,15 % в 2010 году до 2,5 % в 2015 году от общего потребляемого количества [4]. Стоимость кВтч постоянно возрастает, растет и стоимость газа [5]. Если учесть изношенность энергообеспечивающих систем, их неэффективное использование, применение альтернативных видов энергии является одним из оптимальных вариантов решения энергетической проблемы.

Российскими учеными ведутся разработки оборудования для преобразования энергии солнца и ветра, биоэнергии и других [6].

Постановка задачи: изучить возможность применения солнечной энергии на территории России и Пермского края для аграрной отрасли.

Теоретические исследования.

Исследования распределения зон использования солнечной энергии в России показывают, что возможность применения солнечных батарей в будущем на территории Пермского края – вполне реальная перспектива.

Рис. 1. Солнечные энергоресурсы России [10]

Результаты исследования ученых Россельхозакадемии за 2011 год свидетельствуют: использование солнечной энергии возможно по ряду направлений. Наиболее эффективным в будущем является использование этого вида энергии на стадии производства. В таблице 1 представлены стратегические направления организации применения энергосберегающих технологий.

Таблица 1

Стратегические направления организации применения энергосберегающих технологий.

Направления	Ожидаемый эффект
1. Увеличение в структуре топливно-энергетического баланса использования местных и возобновляемых энергоресурсов	Доля возобновляемой энергии потребителем села составит 15 – 20%
2. Разработка и реализация средств малой энергетики для использования возобновляемых энергоресурсов, отходов сельскохозяйственного производства	Увеличение потребления топливно-энергетических ресурсов до 75 млн.т в том числе электроэнергии до 71 млрд. кВтч. Увеличение объемов нетрадиционных источников энергии с 0,6 до 7,0 млн. т. у. т. в структуре используемых энергоносителей
3. Методические материалы по выбору информационного обеспечения и совершенствованию систем и средств энергообеспечения с использованием местных и возобновляемых энергоресурсов	Снижение энергоемкости сельскохозяйственной продукции на 40%; экономия ископаемых энергоресурсов до 15-20%; сокращение потерь энергии на 8-10%
4. Создание экспериментального образца солнечного коллектора с естественной циркуляцией теплоносителя	Снижение до 8% расхода топлива и электрической энергии
5. Создание высокотемпературного конусного концентратора солнечной энергии для систем отопления и горячего водоснабжения	Сокращение тепловых потерь в окружающую среду на 10-15%

Данные направления для условий Российской Федерации остаются стратегическими и связаны с заменой части используемой электроэнергии на более дешевую и экологичную. Тенденция в затратах на производство основных видов продукции сельского хозяйства подтверждает, что в структуре затрат на продукцию растениеводства энергозатраты составляют от 5 до 10%. Показатель цены на данный ресурс имеет тенденцию к увеличению. В таблице 2 приведены средние цены приобретения на основные виды энергоресурсов.

Таблица 2

Средние цены приобретения на основные виды энергоресурсов*

Виды энергии	Годы					Темпы роста, % 2011 г. к			
	2005	2008	2009	2010	2011	2005	2008	2009	2010
Нефть за 1 т.	6569	3025	7429	11045	12417	189	410	167	112
Газ природный за 1 тыс. м ³	1436	2312	2764	3081	3562	248	154	129	116
Бензин автомобильный за 1 т.	16984	24834	23377	24814	28775	169	116	123	116
Топливо дизельное за 1 т.	16830	20286	19661	24157	30488	181	150	155	126
Мазут топочный за 1 т.	5242	6325	11594	12058	13856	264	219	120	115
Электроэнергия, тыс. кВтчас	914	1284	1551	1539	1914	209	149	123	124

* Таблица составлена авторами на основании данных статистики ([http:// www.gks.ru](http://www.gks.ru))

При этом темпы возрастания стоимости реализуемой электроэнергии значительно выше темпов роста других видов топлива. Исследования по изменению показателя цены на солнечные батареи за последние годы, произведенные в Германии, свидетельствуют о значительном снижении цен на данное оборудование, что отражено на рисунке 2.

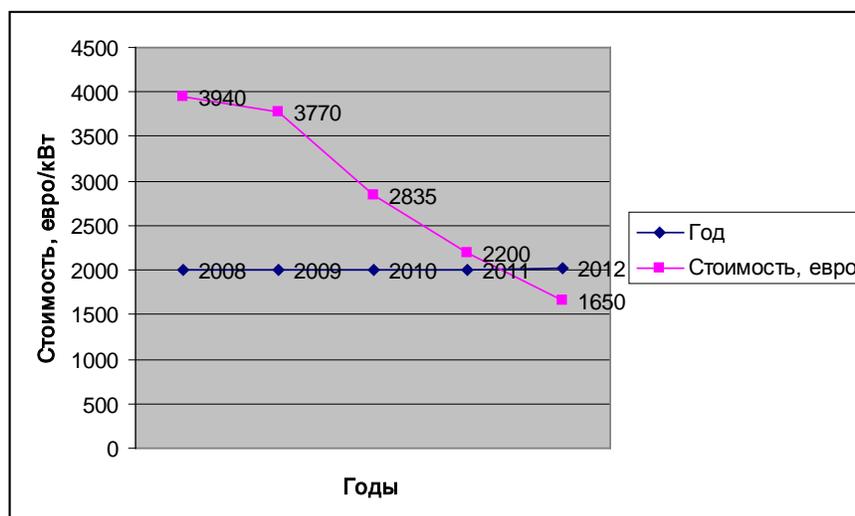

Рис. 2. Динамика стоимости солнечных батарей в Германии, евро/кВт пиковой мощности

Таким образом, организация использования энергии из возобновляемых источников по более низкой цене повысит эффективность производства и сделает производственный процесс менее зависимым от рыночных цен на энергоресурсы.

С 24 по 26 сентября 2013 года проходил IV Международный Форум, в деятельности которого приняла участие делегация из Германии. Немецкие специалисты проинформировали присутствующих об успехе реализации принятой Евросоюзом программы и поделились положительным опытом. Таблица 3 отражает использование альтернативных источников в Германии.

Таблица 3

Использование альтернативных источников в Германии

Показатели	Виды топлива		
	возобновляемая солнечная энергия	дрова, пеллеты	биогаз
Объемы использования	3100 МВт	3 млн.т.	нет данных
Цена	16,5 цент/100кВт-ч	зимой: 250-270 евро/т летом: 220 евро/т	12-15 центов/100кВт-ч*

* в частном секторе

Если рассматривать потребительские цены на электроэнергию в России, полученную традиционным способом, то за период с 2000 г. по 2012 г. зафиксировано удорожание в 6,94 раз (с 38 руб. до 264 руб. за 100 кВт-ч.). Приведенные данные доказывают экономическую целесообразность модернизации производства электроэнергии с использованием альтернативных источников, что является актуальным для аграрного производства. Также ориентир на энергосбережение позволит сформировать дополнительный источник энергии в виде сэкономленной энергии [9].

Заключение

Обзор накопленного опыта показал:

- наиболее важная составляющая – информирование структур, заинтересованных в энергосбережении;
- информационное обеспечение потенциальных потребителей возобновляемых энергетических ресурсов России и Пермского края в сложившейся ситуации является чрезвычайно необходимым элементом. Весьма небольшое количество людей, желающих воспользоваться данным источником энергообеспечения, имеют полноценное представление о предлагаемом в этой отрасли оборудовании, устройствах, условиях эксплуатации, экономической и экологической целесообразности;
- становится актуальным создание базы производства оборудования для получения энергии из возобновляемых источников;
- вывод на рынок альтернативных энергетических источников традиционно нуждается в определенной предварительной подготовке.

С этой целью рационально создать группу консультантов, обучить, провести стажировку на базе предприятий, имеющих опыт использования этих видов энергии.

Список литературы

1. Майоров В.А., Панченко В.А. Исследование тепловых режимов работы двигателя Стирлинга с параболическим концентратором солнечного излучения // Механизация и электрификация сельского хозяйства. 2013. №1. С.28-29.
2. Горбачев И.В., Шогенов Ю.Х. Результаты исследований ученых Россельхозакадемии за 2011 г. в области электрификации и автоматизации сельского хозяйства // Механизация и электрификация сельского хозяйства.- 2012. № 2. С.2-4.
3. Бакланов Ю. В Германию – за знаниями! Альтернативная энергетика: адреса лучшего опыта // Новое сельское хозяйство 2011. №1. С. 78-79.
4. Зайцева И., Биомасса, ветер, этанол // Новое сельское хозяйство 2010. №5. С.102-103.
5. Герасименко Е. А есть ли шансы. Как развивается биоэнергетика в России. // Новое сельское хозяйство 2010. №4. С.86-87.
6. Зайцева И. Дешевый газ – на исходе // Новое сельское хозяйство 2010. №6. С.80-82.
7. Байриев А.Ч., Пенджиёв А.М. Энергосберегающий гелиобиотехнологический комплекс с автономным электроснабжением. // Механизация и электрификация сельского хозяйства. 2009. №12. С.23-26.
8. Шмид В. В режиме торможения. Солнечная энергетика Германии // Новое сельское хозяйство. 2012. №4. С.108-109.
9. Экономия энергии – новый энергетический источник. Перевод с нем. М., «Прогресс», 1982. с. 384
10. Статистика, электронный доступ: <http://www.gks.ru>. (дата обращения 25.01.2015 г.)

USE STRATEGY OF RENEWABLE ENERGY SOURCES IN ENERGY SAVINGS

M. Yushkova,

A. Menschikova,

E-mail: menshikova-a59@yandex.ru

Perm State Agricultural Academy named after academician D. N. Pryanishnikov

In article possibilities of use of renewable energy sources in agrarian branch are analyzed, the basic directions of application of alternative energy sources are considered and their problem parties are defined. Taking into account nature-climatic conditions strategic directions of the organization of application of energy saving up technologies are presented. The attention is focused on a supply the information for potential consumers about renewable energy resources.

Keywords: renewable energy sources, alternative energy sources, the consumer, bioenergy, energy resources, energy savings, renewable resources.

СЕКЦИЯ 2. РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И КЛАСТЕРНЫЙ ПОДХОД

УДК 332.1
ББК 65.04

ОСОБЕННОСТИ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

В.В. Акбердина, докт. экон. наук, доц., и.о. зав.отделом региональной промышленной политики и экономической безопасности,

Электронный адрес: akb_vic@mail.ru

ИЭ УрО РАН, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29

В статье рассмотрен мировой тренд новой индустриализации, особенности протекания данного процесса в России и ее регионах. Целью статьи является выявление закономерностей развития индустриальных регионов России и обоснование механизмов новой индустриализации. Основой авторского подхода является методология инновационного резонанса, под которым понимается явление ускорения экономического развития подверженной волновой динамике экономической системы, вызванное периодическим изменением инновационно-технологических параметров за счет каталитического механизма, встроенного в триадную синергетическую систему отношений «наука-государство-бизнес». Становление базовых технологий нового уклада – нелинейный процесс реструктуризации технологических цепочек предыдущих этапов. При этом экономический рост рассматривается только лишь как следствие инновационного резонанса, а причина – совпадение интенсивности воздействия определенных действий со стороны экономических агентов в сфере технологического развития с интенсивностью экономической динамики. В статье исследованы группы индустриальных регионов России с различным характером протекания индустриализации, обозначены мировые тенденции развития высокотехнологичного сектора, выделены региональные аспекты технологического развития, обоснованы особенности развития высокотехнологичного сектора в индустриальном регионе. В качестве механизмов формирования высокотехнологичных секторов рассмотрена мультисубъектная промышленная политика. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ 13-32-01258 «Оценка потенциала новой индустриализации в регионах России».

Ключевые слова: высокотехнологичный сектор, индустриальный регион, мультисубъектная промышленная политика.

Тенденции мирового экономического развития свидетельствуют о безальтернативности процессов реиндустриализации [2, 7], определяющим вектором которой является развитие высокотехнологичных производств [8, 11], как в масштабах национальных экономик, так и в рамках отдельных, прежде всего, индустриальных регионов [9].

Индустриальные регионы являются основой развития любой национальной экономики. Именно в индустриальных территориях происходит трансформация технологической структуры экономики, смена укладов, модернизация производства и потребления. Индустриальные регионы одними из первых вступили в стадию промышленного развития, в связи с чем, сегодня многие из них имеют слабо диверсифицированную структуру хозяйства и свои специфические особенности внутренней территориальной структуры. Не все индустриальные регионы могут и должны стать локомотивами технологического развития. Отдельные индустриальные регионы переживают объективный процесс деиндустриализации, связанный со значительным снижением доли промышленности с валовой региональном продукте (ВРП), превращаясь в экономику потребительского типа. Для других индустриальных регионов характерна ситуация реиндустриализации, связанная с изменением доли

традиционных отраслей промышленности при одновременном формировании сектора высокотехнологичных производств.

Для выявления особенностей процессов деиндустриализации и реиндустриализации российских регионов были исследованы регионы, доля обрабатывающих производств в ВРП которых составляла более 25%. В качестве критерия отнесения к индустриальным регионам намерено не использовалась доля всей промышленности в ВРП, поскольку в этом случае к числу индустриальных регионов автоматически относились сырьевые регионы с высокой долей добывающего сектора (Тюменская, Оренбургская, Кемеровская, Томская, Магаданская, Сахалинская области, Республики Коми, Татарстан, Удмуртия, Саха и др.). Использование более жесткого критерия отнесения регионов к группе индустриальных позволяет выделить только те регионы, в которых возможно формирование высокотехнологичных производств со значительной добавленной стоимостью.

В целом, для России наблюдается объективный процесс деиндустриализации – снижение доли обрабатывающих производств с 20,4% в 2004 г. до 17,3% в 2012 г. Данный процесс, конечно, мог бы рассматриваться в теоретическом контексте постиндустриальной экономики (Дж. Гэлбрейт, Д. Белл, Э. Тоффлер и др.) или концепции «*tertiarisation*» (фр. – развитие третичного сектора) К.Кларка и Ж.Фурастье, если бы не катастрофически низкая производительность труда в российской промышленности. Исследователи Т. Гурова и А. Ивантер отмечают, что существует значительное отставание России от ведущих (и не только) промышленных держав по выработке продукции обрабатывающей промышленности на душу населения. В пространственном аспекте процесс деиндустриализации России протекал неравномерно. Так, если в 2004 г. к числу индустриальных относились 18 регионов, то сегодня их насчитывается уже 20. Наибольшую долю обрабатывающих производств в ВРП имеют Калужская область (40,2%), Омская область (38,6%) и Республика Башкортостан (37,2%). Наименьшие значения данного показателя среди индустриальных регионов у Чувашской республики (26,3%), Кировской области (25,5%) и Самарской области (25,0%).

Вместе с тем, значительно поменялся состав индустриальных регионов.

За истекший период четыре традиционно промышленных региона *утратили свой индустриальный статус* – это Московская область (снижение доли обрабатывающих производств в ВРП с 27,4% в 2004 г. до 17,8% в 2012 г.), Ивановская область (снижение с 28,1 до 19,6%), Ленинградская область (снижение с 31,9 до 22,8%) и Ульяновская область (снижение с 25,7 до 22,1%). Процесс деиндустриализации в данных регионах сопровождался значительным ростом сферы услуг при одновременном экономическом росте и повышении качества жизни, активизации инвестиций – то есть здесь деиндустриализации может быть названа оптимизацией доли промышленности. Опыт данных регионов показывает, что деиндустриализация может происходить на фоне роста производительности, с одной стороны, и создания разветвленной инфраструктуры услуг по логистике, продвижению товара, инновационному сервису и созданию брендов, с другой стороны.

Еще четыре региона традиционно индустриальных региона в анализируемый период *укрепили позиции обрабатывающих производств* в валовой добавленной стоимости региона – это Калужская область (рост доли с 28,4 до 40,2%), Республика Башкортостан (рост доли с 29,6 до 37,2%), Новгородская область (рост доли с 33,2 до 35,8%) и Тульская область (рост доли с 33,9 до 34,1%). Масштабные инвестиционные проекты по модернизации традиционных секторов, а также формирование новых предприятий послужили поводом говорить о *новой индустриализации* в данных субъектах федерации.

В анализируемый период появилось шесть *новых индустриальных регионов*, доля обрабатывающих производств в ВРП которых увеличилась – это Пермский край (увеличение с 24,8 до 31,4%), Республика Марий Эл (увеличение с 20,8 до 29,8%), Волгоградская область (увеличение с 20,6 до 26,6%), Кировская область (увеличение с 22,2 до 25,5%), Чувашская республика (увеличение с 23,4 до 26,3%) и Рязанская область (увеличение с 23,6 до 26,6%). Повышение значимости обрабатывающего сектора в экономике данных регионов связана в основном с реализацией крупных инвестиционных проектов.

Наконец, развитие большинства традиционно индустриальных регионов сопряжено с *негативной деиндустриализацией*. Это Липецкая область (снижение с 63,2 до 32,1%), Красноярский край (снижение с 47,8 до 30,7%), Омская область (снижение с 53,1 до 38,6%), Ярославская область (снижение с 36,6 до 26,7%), Челябинская область (снижение с 45,2 до 35,8%), Вологодская область (снижение с 45,4 до 36,1%), Свердловская область (снижение с 35,1 до 27,1%), Самарская область (снижение с 32,3 до

25,0%), Владимирская область (снижение доли обрабатывающих производств в ВРП с 33,2 до 30,3%) и Нижегородская область (снижение с 31,8 до 30,3%). Указанные старопромышленные регионы сталкиваются сегодня с серьезными ограничениями дальнейшего развития, обусловленными аномальной многоукладностью.

В исследованиях, проводимых во всем мире [1, 2, 5], эксперты выделяют несколько основных тенденций научно-технологического развития: усиление конвергенции технологий; усиление диффузии современных высоких технологий в среднетехнологический сектор производственной сферы; растущее значение мультидисциплинарности научных исследований; усиление воздействия новых технологий на управление и организационные формы бизнеса, стимулирующее развитие гибких сетевых структур; возрастающая роль «зеленой экономики».

Сегодня экспертами McKinsey Global Institute [1] выделяется двенадцать ключевых технологий, которые можно назвать группой конвергентных технологий (технологий широкого применения). Эти технологии на ближайшую перспективу обладают значительным созидательным и одновременно разрушительным потенциалом. Окончательное формирование полного комплекса конвергентных технологий, и изменение на его базе траектории социально-экономического развития, можно ожидать не ранее 2025 г. Практическое использование конвергентных технологий в будущем будет характеризоваться такими особенностями, как всепроникаемость (новые технологии сформируют невидимую техническую инфраструктуру) и неограниченная информационная доступность (возможность получить информацию о любых процессах и свойствах) [3, 10]. Указанные тенденции и технологии существенным образом поменяют представление о высокотехнологичном секторе экономики.

Национальный (русский) высокотехнологичный статус можно в большинстве случаев определить как догоняющий, но находящийся в технологическом мейнстриме [4, 8]. Традиционно к высокотехнологичному производству в России относят оборонно-промышленный и атомный комплексы, высокотехнологичные производства химико-фармацевтической, микро-биологической и химической отраслей. Высокотехнологичным производством считается также научное приборостроение, производство сложного медицинского оборудования, высокотехнологичный сектор в сфере услуг, включающий некоторые виды связи (оптико-волоконную, космическую интернет-услуги и др.), авиaperевозки современными летательными аппаратами, наукоемкие услуги в здравоохранении, образовании и в финансовом секторе [8].

Вместе с тем, на региональном уровне круг высокотехнологичных секторов, особенно имеющих экспортный потенциал, существенно меньше, чем на национальном уровне. В этих условиях структурно-технологическая модернизация экономики не может ограничиваться установкой на создание только высокотехнологичных секторов, поскольку это может привести к воспроизводственному кризису в других отраслях. Это приводит к тому, что на региональном уровне начинают решать задачу по оптимизации усилий по двум направлениям: развитие высоких технологий, с одной стороны, и поддержание традиционных отраслей и занятости, с другой стороны. Это, в свою очередь, создает значительный риск консервации традиционных секторов экономики в целях поддержания социальной стабильности. В результате развивается многоукладность экономики региона, которая становится труднопреодолимым барьером экономического развития. При этом надо отметить, что сама многоукладность – явление нормальное, при условии, что низшие уклады сообщаются с высшими и постепенно сами замещаются [4].

Проведенное исследование показывает, что *технологическая многоукладность производства* становится сегодня одной из главных проблем развития *многих индустриальных регионов*. Наряду с новейшими производствами продолжают существовать производства устаревших технологических укладов, давно вытесненных с рынка развитых стран и не являющихся более носителями экономического роста. Как правило, они убыточны и искусственно поддерживаются, их продолжающееся воспроизводство снижает эффективность экономики в целом и затрудняет дальнейшее развитие области. Можно отметить, что структурно-технологические сдвиги в экономике индустриальных регионов в значительной мере осуществлялись стихийно, под воздействием текущих конъюнктурных изменений. В результате произошел перекоc в сторону доминирования низкотехнологичных, энергоемких и экологически небезупречных отраслей. Кроме того, одновременное

расширенное воспроизводство трех технологических укладов вследствие общих ресурсных ограничений приводит к замедлению темпов роста каждого из них [4].

Для решения задачи по преодолению аномальной многоукладности и формированию высокотехнологичного сектора в индустриальных регионах, в том числе на территории Среднего Урала, автором рассмотрена *мульти субъектная промышленная политика* (как катализатор), ренессанс которой отмечают сегодня многие эксперты. В 2013 году вышли в свет два ключевых доклада, касающиеся промышленной политики. Первый – доклад ОЭСР «Возрождение активной промышленной политики: актуальные проблемы и новые тренды» и доклад комиссии ЕС «По пути к знаниеемкой реиндустриализации», что позволяет говорить о новых инструментах промышленной политики в условиях новой индустриализации: фокусирование внимания на развитии конкретных технологий и осуществлении крупных проектов, новый всплеск интереса к кластерной политике, использование в качестве инструмента искусственного стимулирования инновационной активности селективных госзакупок, повышение эффективности существующих технологических укладов – экономия ресурсов, рост производительности труда, «зеленая экономика», ужесточение барьеров для технологического трансфера наиболее перспективных разработок.

Это позволило разработать методологию инновационного резонанса, под которым понимается явление ускорения экономического развития подверженной волновой динамике экономической системы, вызванное периодическим изменением инновационно-технологических параметров за счет каталитического механизма, встроенного в триадную синергетическую систему отношений «наука-государство-бизнес».

Становление базовых технологий нового уклада – нелинейный процесс реструктуризации технологических цепочек предыдущих этапов. При этом экономический рост рассматривается только лишь как следствие инновационного резонанса, а причина – совпадение интенсивности воздействия определенных действий со стороны экономических агентов в сфере технологического развития с интенсивностью экономической динамики [3].

Методологические положения закрепляют не только приоритетность развития высокотехнологичного сектора экономики, но и важность согласованного формирования технологического и социально-экономического пространства региона. С этих позиций актуализируется проблема глубокого анализа внутрирегиональных связей, поэтапного выстраивания стратегии развития отдельных субтерриторий и муниципалитетов, увязка целей их развития с и региональными задачами.

Список литературы

1. Disruptive Technologies: Advances that will Transform Life, Business, and the Global Economy. McKinsey Global Institute, 2013.
2. Toward knowledge-driven reindustrialisation. European Competitiveness Report. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2013. 196 p.
3. Акбердина В.В. Синергетические модели формирования и развития экономико-технологической реальности: монография. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. 248 с.
4. Акбердина В.В., Гребенкин А.В. Возможности экономического развития Свердловской области с учетом технологической многоукладности // Экономика региона. 2009. № 3. С. 39-46.
5. Бендигов М.А., Фролов И.Э. Высокотехнологичный сектор промышленности России: состояние, тенденции, механизмы инновационного развития. М.: Наука, 2007, -583 с.
6. Изменения в пространственной организации промышленности мира: вторая половина XX в. – начало XXI в. / под ред. проф. И.А. Родионовой. М.: Экон-Информ, 2009. 260 с.
7. Иноземцев В.Л. Воссоздание индустриального мира // Россия в глобальной политике. 2011. 14 декабря.
8. Ковальчук Ю., Степнов И. Развитие индустриальной системы высокотехнологичного общества на основе модернизации // Проблемы теории и практики управления, 2013, №4, С. 8-17
9. Романова О.А., Акбердина В.В. Методология и практика формирования высокотехнологичного сектора экономики и создания новых рабочих мест в индустриальном регионе // Экономика региона. 2013. № 3. С. 152-161.
10. Романова О.А., Гребенкин А.В., Акбердина В.В. Влияние инновационной динамики на развитие региональной экономической системы // Регион: Экономика и Социология. 2011. № 1. С. 15-32.
11. Фролов И.Э. Возможности и проблемы модернизации российского высокотехнологичного комплекса // Проблемы прогнозирования, 2011, № 3.

FEATURES OF THE NEW INDUSTRIALIZATION IN THE RUSSIAN REGIONS

V. Akberdina,

E-mail: akb_vic@mail.ru

Institute of Economics of UB RAS

The article deals with the global trend of new industrialization, features of this process in Russia and its regions. The aim of the article is to identify the patterns of development of the Russia's industrial regions and substantiation of mechanisms of new industrialization. The author's approach is methodology innovative resonance, which refers to the phenomenon of accelerating economic development to the wave dynamics of the economic system, caused by a periodic change in the innovation and technological parameters due to the catalytic mechanism built into the system triad synergistic relationship «science-state-business». The formation of the core technologies is a non-linear process of restructuring the production chains of the previous stages. At the same time economic growth is seen only as a result of innovative resonance, and the reason - match the intensity of the effects of certain actions on the part of economic agents in the field of technological development with the intensity of economic dynamics. In the article shows the group of industrial regions of Russia with the character of the various industrialization, designates global trends in high-tech sector, highlights the regional dimensions of technological development, especially the development of grounded high-tech sector in the industrial region. As the mechanisms of formation of high-tech sectors considered multisubject industrial policy. This article was prepared with the financial support of the grant 13-32-01258 RHF «Assessment of the potential of new industrialization in the regions of Russia».

Keywords: high-tech sector, industrial region, multisubject industrial policy.

СОТРУДНИЧЕСТВО СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ С РЕГИОНАМИ СТРАН ЕВРАЗЭС: ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е.Л. Андреева, докт. экон. наук, проф., рук. центра региональных компаративных исследований,

Электронный адрес: elenandr@mail.ru;

А.В. Ратнер, канд. экон. наук, мл. научный сотрудник,

Электронный адрес: aratner@inbox.ru.

ИЭ УрО РАН, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29

В статье анализируется перспективность и инструменты развития российских внешнеэкономических связей со странами-партнёрами по ЕвразЭС в контексте курса на реиндустриализацию и инновации. Цель анализа – показать на уровне региона, как может осуществляться производственно-технологическое сотрудничество на евразийском пространстве. В качестве методов используется, как первое, анализ товарной структуры внешней торговли страны и региона, как второе, – исследование нормативно-правовой базы – на наднациональном и межрегиональном уровне, в том числе Договора о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) и соглашений о сотрудничестве между регионами стран. Новизна и полученные результаты заключаются в том, что выявлены страны, структура внешней торговли с которыми для российской экономики более благоприятна, и показан инструмент развития производственно-технологического сотрудничества на уровне региона. Анализ внешней торговли показал, что доля продукции машиностроения в структуре российского экспорта в случае торговли с евразийскими партнёрами выше, чем в случае торговли с европейскими. В структуре импорта – ситуация обратная. В случае Свердловской области структура торговли со странами – партнёрами России по ЕвразЭС ещё более благоприятная. В Договоре о ЕАЭС заложена возможность стимулирования обоюдно выгодной промышленной кооперации. И эта возможность уже используется – в случае заключения международных межрегиональных соглашений об экономическом сотрудничестве, что показано на примере Свердловской области. Анализ соглашений выявил, что в сфере кооперации предусматриваются такие меры, как содействие заключению и реализации прямых договоров между предприятиями, создание благоприятных условий для осуществления взаимопоставок продукции производственно-технического назначения, ведение обмена информацией по потребностям в сырье, комплектующих и готовых изделиях, и др. В ряде случаев предусматривается налаживание сотрудничества между конкретными специальными экономическими зонами. Публикация подготовлена в рамках проекта № 15-14-7-2 «Прогнозная оценка приоритетных направлений модернизации уральского старопромышленного региона для расширения импортозамещения».

Ключевые слова: производственно-технологическое сотрудничество, ЕвразЭС, российская внешняя торговля, реиндустриализация, уровень региона, международное экономическое сотрудничество, соглашения о сотрудничестве

Российская экономика стоит в настоящее время перед необходимостью решения задач неоиндустриализации (реиндустриализации) и импортозамещения. Так, в 2012 г. доля импорта во внутрироссийском потреблении составила: по горношахтному оборудованию – 70%, по нефтегазовому – 70%, по тракторам – 81% и т.д. [13, с. 28-29]. Ввоз медикаментов в Россию в 2001-2012 гг. вырос в 11,7 раза [9, с. 76]. Ввозится значительно больше готовых товаров, чем технологий для их производства. Так, в 2012 г. Россия потратила на закупку продовольствия в 20 раз больше средств, чем на оборудование и технику для пищевой промышленности и сельского хозяйства [9, с. 77]. Постоянно ставится вопрос, по какому пути развития пойдёт российская экономика: по инновационному или по консервативному [3, с. 195].

В связи с этим, России более выгодны внешнеэкономические связи с теми странами, которыми востребованы российские товары с высокой добавленной стоимостью [14, с. 99]. Анализ товарной структуры российской внешней торговли по различным странам показывает, что в случае со странами-партнёрами по ЕврАзЭС экспорт России в большей степени представлен машинотехнической продукцией, чем в случае с развитыми странами (табл. 1).

Таблица 1

Доля машин, оборудования и транспортных средств в структуре российской торговли со странами-партнёрами по ЕврАзЭС и развитыми странами Группы семи [составлено по: 4, с. 984, 986; 6; 11; 12]

Страна		Доля, %	
		в экспорте	в импорте
<i>в целом по РФ (2012 г.)</i>		5,1	50
с партнёрами по ЕврАзЭС	Казахстан (1 п/годие 2010 г.)	16,8	3,2
	Беларусь (2012 г.)	10,4	40,8
	Узбекистан (2013 г.)*	19,0	48,3
	Таджикистан (2013 г.)	15,0	57,5
	Киргизия (2010 г.)	5,4	8,8
с развитыми странами Группы семи	США (2011 г.)	0,4	56,9
	Канада (2012 г.)	4,2	48,0
	Япония (2010 г.)	1,8	84,0
	Германия (2013 г.)	1,1	60,6
	Франция (2013 г.)	2,8	48,2
	Италия (2012 г.)	0,4	41,8
	Испания (2012 г.)	0,4	37,4

*Членство в ЕврАзЭС временно приостановлено.

В случае российского экспорта в страны Группы семи наибольшая доля машин и оборудования наблюдается в случае Канады (4,2%); в случае остальных стран Группы эта доля не превышает 3%. Но даже доля в случае Канады она ниже, чем аналогичная доля в структуре валового российского экспорта (5,1%), и ниже, чем самая низкая аналогичная доля в случае стран-партнёров по ЕврАзЭС (случай Киргизии – 5,4%). В случае торговли с Беларусью эта доля составляет более 10%, с Таджикистаном – 15%, с Казахстаном – более 16%, с Узбекистаном – 19%.

В то же время, российский импорт из развитых стран в большей степени представлен продукцией машиностроения, т.е. готовой продукцией. В случае торговли с США, Японией, Германией доля машинотехнической продукции – свыше ½, в случае Франции и Канады – приближается к ½, в случае Италии – 2/5, в случае Испании – свыше 1/3.

Всё это указывает на то, что внешняя торговля со странами-партнёрами по ЕврАзЭС в большей степени способствует развитию российского машиностроительного комплекса: создаёт меньше конкуренции для него, стимулирует экспорт его продукции, содействует импортозамещению.

Договором о Евразийском экономическом союзе от 29.5.2014 г., который вступил в силу 1.1.2015 г., предусматривается, среди прочих, для достижения целей согласованной промышленной политики, возможность проведения странами – его членами совместных НИОКР с целью стимулирования высокотехнологичных производств (ст. 92, аб. 4, п. 7). Страны-члены ЕАЭС при консультативной поддержке и координации Евразийской экономической комиссии могут разрабатывать и применять такие инструменты, как: стимулирование обоюдно выгодной промышленной кооперации в целях создания высокотехнологичной, инновационной и конкурентоспособной продукции; совместные программы, технологические платформы и промышленные кластеры и др.

Для Свердловской области как активного участника российских внешнеэкономических связей торговля со странами ЕврАзЭС имеет важное значение: их доля в структуре внешней торговли региона превышает 10% (табл. 2).

Таблица 2

Доли стран – участниц ЕврАзЭС в структуре внешнеторгового оборота Свердловской области, %
[рассчитано по: 1]

	2000	2001	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Казахстан	11,55	10,25	8,79	9,91	11,72	11,64	9,74	10,83	9,34	9,02	н/д		
Узбекистан	1,11	1,30	1,38	1,16	0,87	1,59	2,12	1,85	1,82	н/д	1,82	1,47	2,00
Таджикистан	0,27	0,27	0,35	0,42	0,19	0,35	0,23	0,19	0,22	0,42	0,35	0,26	0,25
Киргизия	0,17	0,10	0,40	0,34	0,43	0,56	0,61	0,53	0,76	1,20	0,80	0,48	0,48
Белоруссия	н/д												

При этом главным партнёром является Казахстан, географически наиболее близкий. Анализируя товарную структуру торговли Свердловской области с Казахстаном (до учреждения Таможенного союза ЕврАзЭС, пока статистика собиралась), можно отметить, что для Свердловской области – она более благоприятна. В структуре её экспорта доля металлов и изделий из них составляла 35%, доля древесины – 5%, продуктов питания – 7%, в то же время, 31% приходился на продукцию машиностроения (в том числе механическое оборудование -16 п.п. [котельное оборудование, двигатели, запорная арматура, металлообрабатывающие станки], электрическое оборудование – 6 п.п. [электродвигатели, трансформаторы, радиоаппаратура], железнодорожное оборудование – 7 п.п., наземный транспорт – 1 п.п.) [8]. В структуре же казахстанского экспорта 77% составляли минеральные продукты.

Важнейшим фактором укрепления торговли машинотехнической продукцией выступает развитие кооперационных производственных связей между Свердловской областью и регионами Казахстана, подобных таким, какие существуют в сфере металлургической промышленности (так, бокситы Тургайского района Кустанайской области поставляются на алюминиевые предприятия Свердловской области [2]). В свою очередь, усилению таких кооперационных связей способствует заключение межрегиональных договорённостей об экономическом сотрудничестве. В целом на пространстве СНГ регионы России имеют большое число соглашений (табл. 3).

Таблица 3

Число действующих соглашений, протоколов, планов мероприятий и программ по сотрудничеству у субъектов РФ с регионами стран СНГ, по состоянию на 2013 г., для субъектов с наибольшим числом [составлено по: 5]

Субъекты РФ	Число	Субъекты РФ	Число
г. Москва	100	Омская область	31
Оренбургская область	62	Новосибирская область	30
Московская область	56	Белгородская область	29
Брянская область	47	Ростовская область	29
г. Санкт-Петербург	45	Курская область	28
Новгородская область	33	Ярославская область	26
Нижегородская область	33	Свердловская область	25
Курганская область	31	Челябинская область	25

У Свердловской области на пространстве ЕврАзЭС заключён ряд соглашений, предполагающих, наряду с укреплением торговых отношений, развитие ещё ряда сфер сотрудничества региональных экономик (табл. 4).

Соглашения Свердловской области о сотрудничестве с административными структурами государств – участников ЕврАзЭС [составлено по: 10]

Стороны соглашения	Сферы действия (наряду с экономикой и торговлей)
Правительство С.О. РФ и Министерство промышленности Республики Беларусь; 1997	Производственно-техническая
Правительство С.О. РФ и Хокимият г. Ташкент Республики Узбекистан; 1997	Культура, управление, наука и образование, здравоохранение
Правительство С.О. РФ и Министерство внешней торговли и промышленности Киргизской Республики; 1998	–
Правительство С.О. РФ и Правительство Республики Беларусь; 2001	Наука, образование, культура; обмен опытом между органами местного самоуправления
Правительство С.О. РФ и Акимат г. Астаны Республики Казахстан; 2003	Научно-техническая; культура
Правительство С.О. РФ и Правительство Республики Таджикистан; 2004	Наука, культура
Правительство С.О. РФ и Правительство Киргизской Республики; 2006	Научно-техническая и гуманитарная
Правительство С.О. РФ и Акимат Карагандинской обл. Республики Казахстан; 2013	Научно-техническая и гуманитарная; охрана окружающей среды
Правительство С.О. РФ и Акимат Кустанайской обл. Республики Казахстан; 2013	

Анализ соглашений [10] показывает, что в области кооперации предлагаются следующие меры:

- содействие созданию совместных предприятий;
- установление прямых связей между предприятиями (содействие заключению и реализации прямых договоров между хозяйствующими субъектами);
- создание благоприятных условий для осуществления взаимопоставок продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления;
- обеспечение правовой защиты имущества совместных предприятий;
- ведение обмена информацией по различным направлениям торгово-экономических связей, потребностям в сырье, комплектующих, готовых изделиях и возможностям встречных поставок материальных ресурсов; и др.

Данные соглашения дают результаты. Предприятия Свердловской области уже участвуют в инновационном обновлении и технологическом развитии производственно-экономического и инфраструктурного комплексов Республики Казахстан. Среди них: ОАО НПК «Уралвагонзавод», ООО «Уральская горно-металлургическая компания», ЗАО «Трубная металлургическая компания» и др. Крупным инвестором в экономику Казахстана выступает «Русская медная компания». План к Соглашению о сотрудничестве между Свердловской областью РФ и Карагандинской областью Казахстана на 2014-2016 гг. предусматривает, в числе прочего, в области промышленного производства – налаживание сотрудничества между СЭЗ Карагандинской области «Сарыарка» и свердловской «Титановой долиной» [7].

Таким образом, можно резюмировать, что экономические отношения России со странами ЕврАзЭС характеризуются более благоприятной товарной структурной экспорта и импорта, чем в случае отношений с развитыми экономиками. Они в большей степени способствуют решению задач неоиндустриализации российской экономики. Анализ внешнеэкономических связей региона на примере Свердловской области показывает, что во многом производственно-технологическое сотрудничество со странами ЕврАзЭС может развиваться посредством заключения международных межрегиональных соглашений.

Список литературы

1. Внешняя торговля Свердловской области в 2001-2013 гг.: стат. бюлл. Екатеринбург: Терр. орган Федер. службы гос. статистики по Свердл. обл., 2002-2014.
2. Жога Г. Туздык [Текст] // Эксперт-Урал. 2010. № 19 (17 – 23 мая). С. 16-19.

3. Национальное богатство регионов России: анализ, проблемы и пути решения / Под ред. д.э.н. А.А. Куклина, д.т.н. А.Л. Мызина; Авторский коллектив: Куклин А.А., Мызин А.Л., Гурбан И.А., Денисова О.А., Пыхов П.А. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. 286 с.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. / Росстат. М., 2013. 990 с.
5. Реестр (Перечень) подписанных международных документов о межрегиональном и приграничном сотрудничестве государств – участников СНГ // Интернет-портал СНГ. URL: <http://www.e-cis.info/page.php?id=22696> (дата обращения: 2.12.2014)
6. Российско-японские торгово-экономические отношения // Веб-страница МИД РФ. 13.10.2011. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985fc325757d0051424a!OpenDocument> (дата обращения: 24.9.2014).
7. Свердловская область решила сотрудничать с Карагандой // Деловой квартал (Екатеринбург). 30.9.2014.
8. Свердловская область России и Казахстан: взаимопроникновение (интервью с министром междунар. и внешнеэкон. связей Свердл. обл. А. Харловым) // ИА «Фергана». 11.9.2010. URL: <http://www.fergananews.com/articles/6720> (дата обращения: 17.11.2014).
9. Сельцовский В.Л. Вопросы совершенствования товарной структуры российского импорта // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. № 3. С. 73-78.
10. Соглашения // Веб-страница Министерства международных и внешнеэкономических связей Свердловской области. URL: <http://mvs.midural.ru/soglasheniya> (дата обращения: 28.11.2014).
11. Справки о торгово-экономическом сотрудничестве России со странами-партнёрами // Веб-страница Минэкономразвития РФ. URL: <http://www.economy.gov.ru> (дата обращения: 24.9.2014).
12. Страны мира и торгпредства // Единый портал внешнеэкономической информации Минэкономразвития РФ. URL: <http://www.ved.gov.ru/exportcountries> (дата обращения: 24.9.2014).
13. Шуйский В.П. Реиндустриализация России: возможности импорта технологий // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. № 3. С. 28-37.
14. Andreeva E.L., Zakharova V.V., Ratner A.V. Influence of international economic integration on socio-economic development of region // Экономика региона. 2014. № 3. С. 90-100.

COOPERATION OF SVERDLOVSK REGION WITH REGIONS OF THE COUNTRIES OF EURASIAN ECONOMIC COMMUNITY: MANUFACTURING-TECHNOLOGICAL ASPECT

E. Andreeva,

E-mail: elenandr@mail.ru;

A. Ratner,

E-mail: aratner@inbox.ru.

Ural branch of Russian academy of sciences

The analysis in the article is made of the prospects and tools of Russian external economic relations' development with the countries – partners by Eurasian economic community in the context of the vector on reindustrialization and innovations. The goal of the analysis is to show on the regional level, how a manufacturing-technological cooperation on Eurasian space can be carried out. As the methods are used, firstly, the analysis of commodities' structure of external trade of country and region, secondly, the investigation of juridical base – on supranational and interregional level, including the Treaty about Eurasian economic union and agreements about cooperation between regions of countries. Novelty and the results received consist in following: the countries are revealed, the structure of external trade with those is more favorable for Russian economy, and a tool is shown of development of manufacturing-technological cooperation on the regional level. The analysis of external trade shown that the share of machinery products in Russian export structure in the case of trade with Eurasian partners is higher than in the case of trade with the European. The situation in the import structure is reverse. In the way of Sverdlovsk region the structure of trade with countries – partners of Russia by Eurasian economic community is once more favorable. In the Treaty about Eurasian economic union is foreseen an opportunity of stimulating mutually advantageous industrial cooperation. And this opportunity is already being used – in the way of making international interregional agreements about economic cooperation, what is shown on the example of Sverdlovsk region. The analysis of agreements revealed that in the sphere of cooperation are foreseen such measures as contributing to making and realizing direct treaties between enterprises, creating favorable conditions for carrying out mutual deliveries of products of manufacturing-technological appointment, carrying out information change by the needs on raw, components and manufactured goods, etc. In a number of cases is foreseen the establishing of cooperation between concrete special economic zones.

Keywords: manufacturing-technological cooperation, Eurasian economic community, Russian external trade, reindustrialization, regional level, international economic cooperation, agreements about cooperation.

ОЦЕНКА ВЗАИМОВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ИННОВАЦИОННОЙ СРЕДЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

М.И. Ахметова, асс. кафедры экономики и финансов,

Электронный адрес: miahmetova@gmail.com

Е.В. Семенова, асп. кафедры менеджмента и маркетинга,

Электронный адрес: elena.semenovaa@gmail.com

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

При наличии новых концепций в области инновационного развития региона и фактов успешного государственного управления в этой сфере, реализованные ранее решения, способствовали сокращению отставания, но в целом не позволили запустить в необходимой степени структурные и модернизационные преобразования в экономике. На наш взгляд, это обусловлено отсутствием инструментария, позволяющего управлять развитием инновационной системы региона с позиции взаимовлияния инновационной и социально-экономической среды.

Основная цель исследования заключается в оценке взаимовлияния факторов социально-экономической среды и уровня инновационного развития региона. Для этих целей разработаны две системы показателей и проведен корреляционно-регрессионный анализ.

Соотнесение уровня инновационного развития и социально-экономической среды региона позволило установить связь между условиями развития инноваций в регионе, так как социально-экономическая среда является источником ресурсов для региональной инновационной системы. Первая эконометрическая модель демонстрирует, что основными детерминантами инновационной активности в регионе является создание условий развития малого бизнеса, высшего образования и транспортной инфраструктуры.

В свою очередь, уровень инновационного развития региона оказывает стимулирующее воздействие на его социальные и экономические ресурсы, вовлекая их в инновационные процессы, генерируя и приумножая в специфическом инновационном секторе. В формировании качественной среды для проживания и жизнедеятельности населения ведущую роль играет возможность использовать передовые производственные технологии и, в особенности, вести научные исследования прикладного характера. Приобретение наукоемкой продукции за рубежом временно компенсирует недостаток отечественных разработок, однако необходимо активизировать разработку и внедрение российских инновационных продуктов и технологий, поскольку они, согласно второй полученной эконометрической модели, действительно имеют значительное влияние на экономику региона. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда(проект14-12-59013)

Ключевые слова: инновационная среда, социально-экономическая среда, регион, корреляционно-регрессионный анализ, эконометрическая модель, взаимовлияние, факторы экономического развития, экономическая система, качество жизни.

В условиях глобализации мирохозяйственных связей фактором устойчивого роста и повышения конкурентоспособности территорий становится инновационное развитие экономических систем. Современная стратегия социально-экономического развития, которая формируется на всех уровнях организационно-экономической и управленческой иерархии, предполагает взаимозависимость и взаимодействие двух приоритетных доминант – инновационной и социально экономической среды развития.

С одной стороны, соотнесение уровня инновационного развития и социально-экономической среды региона позволит установить связь между условиями развития инноваций в регионе, так как социально-экономическая среда является источником ресурсов для региональной инновационной системы.

С другой стороны, уровень инновационного развития региона оказывает стимулирующее воздействие на его социальные и экономические ресурсы, вовлекая их в инновационные процессы, генерируя и приумножая в специфическом инновационном секторе [4].

Основываясь на подходе Перского Ю.К. и Катаевой Ю.В. [11] и исходя из содержания основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации [12], цели социально-экономического и инновационного развития регионального уровня можно представить следующим образом (рис. 1).

Рис. 1. Цели социально-экономического и инновационного развития региона

Растущий интерес теоретиков и практиков к развитию региональных инновационных систем инициирует множество эмпирических свидетельств в пользу того, что такие определяющие элементы инновационного процесса как генерирование инноваций, трансфер технологий и др., как правило, являются географически локализованными, и тем самым очевидно выдвигают региональный аспект на передний план. При наличии новых концепций в области инновационного развития региона и фактов успешного государственного управления в этой сфере, реализованные ранее решения, способствовали сокращению отставания, но в целом не позволили запустить в необходимой степени структурные и модернизационные преобразования в экономике. На наш взгляд, это обусловлено отсутствием инструментария, позволяющего управлять развитием инновационной системы региона с позиции взаимовлияния инновационной и социально-экономической среды.

Основная цель настоящего исследования состоит в оценке взаимовлияния факторов социально-экономической среды и уровня инновационного развития региона.

Основные подходы к оценке уровня инновационного развития регионов, используемые в Российской Федерации, предусматривают использование комплекса количественных индикаторов на основе доступной статистической информации и нормирование исходных рядов для целей их последующего агрегирования в интегральный показатель, на базе которого и формируется рейтинг инновационного развития регионов [3], [7], [8], [13]. При определенных условиях можно получить достаточно информативные результаты. Различие и международных и российских подходов обнаруживается в выборе состава показателей [16], [17], [18]. Однако рассматриваемые подходы, при всей их содержательной значимости, не предусматривают в достаточной мере фактор взаимозависимости уровня инновационного развития и развития социально-экономической среды регионов. Это не позволяет квалифицировать данные подходы как системно ориентированные для характеристики состояния и потенциальных возможностей инновационного развития региона, а также оценить синергетический результат.

В настоящей работе приводятся результаты авторского исследования зависимости агрегированного показателя развития инновационной среды от факторов социально-экономического развития территории.

Комплексный (агрегированный) показатель уровня развития инновационной среды региона (Y_1) представлен через систему 20 показателей по 3 категориям (z_1-z_{20}): развитие науки и образования, инновационное развитие организаций, развитие инновационной экономики [1].

В качестве факторов развития социально-экономической среды (Y_2) были определены 28 показателей по 10 категориям (x_1-x_{28}): безопасность проживания, демографическая ситуация, здоровье населения и уровень образования, обеспеченность объектами социальной инфраструктуры, уровень доходов населения, жилищные условия населения, экологические и климатические условия, транспортная инфраструктура и уровень освоенности территории, развитие предпринимательской инициативы, уровень экономического развития [2], [5], [10], [14].

Регион, в котором сформировалась не только социально-экономическая, но и вполне развитая инновационная среда, обладает определенным уровнем инновационного потенциала, определяющего возможности и перспективы инновационного развития данного региона в среднесрочной перспективе (рис. 2).

Рис. 2. Система показателей для оценки взаимовлияния социально-экономической и инновационной среды региона (в скобках указано количество показателей в категории).

Авторами был предложен алгоритм оценки взаимовлияния социально-экономической и инновационной среды региона, который включает в себя:

1. Сбор статистических данных показателей, характеризующих инновационную среду региона, нормирование исходных данных (z_1-z_{20}), расчет интегрального показателя (Y_1);
2. Сбор статистических данных показателей, характеризующих социально-экономическую среду региона, нормирование исходных данных (x_1-x_{28}), расчет интегрального показателя (Y_2);

3. Корреляционный анализ для агрегированных показателей Y_1 и Y_2 ;
4. Корреляционно - регрессионный анализ для Y_1 и факторов x_1-x_{28} ;
5. Корреляционно - регрессионный анализ для Y_2 и факторов z_1-z_{20} ;
6. Интерпретация полученных эконометрических моделей.

Следует заметить, что отбор показателей производился с учетом следующих требований[6]:

1) требование представительности, в соответствии с которым показатели должны наиболее полно отражать соответствующие стороны развития региона;

2) требование доступности, в соответствии с которым привлекаемые к анализу показатели должны входить в перечень официальных статистических показателей - либо вычисляться по значениям последних, либо публиковаться в открытых источниках информации. Обязательным условием при выборе показателей является наличие данных по всем регионам в рамках соответствующего года;

3) требование объективности, в соответствии с которым используемые показатели должны адекватно отражать состояние анализируемого аспекта развития региона;

4) требование учета региональных особенностей, в соответствии с которым для оценки и прогнозирования должны отбираться показатели, отражающие факторы, оказывающие наиболее существенное влияние на жизнедеятельность населения и развитие региона.

Выполнен расчет интегральных показателей развития социально-экономической и инновационной среды по формуле 1.

$$R_n = \sum_{j=1}^n x_{ij} \quad (1)$$

где n – общее количество регионов, R_n – интегральный показатель региона j ($j = \overline{1, n}$), x_{in} – нормализованное значение i - показателя региона j .

Для расчета суммы всех показателей используются нормализованные исходные данные по 83 регионам России за 2012 год [15]. Нормализация показателей осуществляется по максимальному или минимальному значению показателя среди всех регионов (формула 2, 3), поскольку задачей развития каждого региона является достижение максимально возможного уровня социально-экономического и инновационного развития, уже достигнутого хотя бы одним регионом [9]. По показателям «Уровень безработицы населения», «Количество зарегистрированных преступлений на 100 000 человек населения», «Число погибших на 10 тыс. транспортных средств» и «Число ДТП на 100 000 человек населения» эталонным считается минимальный результат.

При нормализации данных учитывается территориальная специфика - все показатели приводятся к относительному виду, что позволяет избежать искажения результатов расчета из-за значительных отличий между условиями развития регионов.

$$x_{ij} = \frac{x_{ij}}{\max_j x_{ij}} \quad (2)$$

$$x_{ij} = \frac{x_{ij}}{\min_j x_{ij}} \quad (3)$$

где x_{in} – нормализованный показатель i -индикатора региона n ; x_{in} – показатель i -индикатора региона n ; x_{imax} – максимальное значение i -индикатора, выбранное из всех регионов; x_{imin} – минимальное значение i -индикатора, выбранное из всех регионов.

На следующем этапе исследования в программе Statistica 10.0 был проведен корреляционный анализ взаимозависимости интегральных показателей развития инновационной (Y_1) и социально-экономической (Y_2) среды. Для оценки взаимовлияния интегральных показателей был рассчитан коэффициент корреляции между исследуемыми интегральными показателями: $r_{Y_1Y_2} = 0,653$. Проверка гипотезы о значимости коэффициента корреляции показала следующий результат: $t_{расч} (= 11,878) > t_{крит} (= 1,990)$, где $t_{расч}$ – расчетное значение t – критерия Стьюдента, $t_{крит}$ – расчетное значение t – критерия Стьюдента с 81 степенью свободы и вероятностью, равной 0,05. Следовательно, коэффициент корреляции значим, связь между интегральными показателями существенна.

Далее авторы установили взаимосвязь между развитием инноваций и условиями жизни в регионе, исходя из положения, что социально-экономическая среда является источником ресурсов для региональной инновационной системы, а достижения в инновационной сфере оказывают непосредственное влияние на экономику и уровень жизни населения территории. Инструментом послужил многомерный регрессионный анализ.

В результате построения многофакторной эконометрической модели была получена значимая функциональная зависимость:

$$Y_1 = 0,014433 * x_{13} + 0,002465 * x_{19} + 0,01987 * x_{17} + (-0,505062) \quad (4)$$

При этом качество модели (R — квадрат) — 77%

Проверка значимости уравнения множественной регрессии (формула 4) с использованием F -критерия Фишера показала, что коэффициент детерминации статистически значим и уравнение регрессии статистически надежно: $F_{расч.}(87,844) > F_{крит.}(2,72)$. Построенная модель (формула 4) демонстрирует наличие связи между уровнем развития социально-экономической среды, выраженном через показатели оборота микро- и малых предприятий на душу населения, количества студентов ВУЗов на 10 000 чел. населения и плотностью автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, и уровнем развития инновационной среды — коэффициент множественной корреляции $r = 0,88$. Таким образом, отсутствие условий для развития малого предпринимательства, высшего образования и транспортной инфраструктуры на 88% препятствует развитию инноваций в регионе, и только на 12% оказывают влияние другие факторы.

Исходя из результатов данного этапа исследования, политика государства по стимулированию инновационной деятельности должна охватывать такие сферы, как развитие малого и среднего предпринимательства, развитие образовательной среды высшего уровня и развитие транспортной инфраструктуры региона. Кроме прямого содействия развитию инноваций, данные области деятельности имеют значимый обширный косвенный эффект на развития социально-экономической и инновационной сред.

В продолжение проведенного исследования для определения связи и характера влияния инновационных достижений на уровень жизни населения, была построена многофакторная эконометрическая модель и была получена значимая функциональная зависимость:

$$Y_2 = 4,13624 * z_{11} + 0,00019 * z_{20} + 11,79977 \quad (5)$$

При этом качество модели (R — квадрат) — 47%.

Проверка значимости уравнения множественной регрессии (формула 5) с использованием F -критерия Фишера показала, что коэффициент детерминации статистически значим и уравнение регрессии статистически надежно: $F_{расч.}(34,96) > F_{крит.}(3,11)$.

Построенная модель (формула 5) демонстрирует наличие связи между уровнем развития инновационной среды, выраженным через показатели «Число организаций, выполнявших научные исследования и разработки, ед. на 10000 человек населения», «Число используемых передовых производственных технологий, ед.», и уровнем жизни населения — коэффициент множественной корреляции $r = 0,682$. Таким образом, в формировании качественной среды для проживания и жизнедеятельности населения ведущую роль (на 68,2%) играет возможность использовать передовые производственные технологии и, в особенности, вести научные исследования прикладного характера. Приобретение наукоемкой продукции за рубежом временно компенсирует недостаток отечественных разработок, однако необходимо активизировать разработку и внедрение российских инновационных продуктов и технологий, поскольку они, согласно полученной модели, действительно имеют значительное влияние на экономику региона.

Построенные многофакторные эконометрические модели взаимозависимости уровня развития социально-экономической и инновационной среды являются лишь частью исследования авторов. Результаты дальнейших исследований авторского коллектива позволят предложить теоретические положения и практические рекомендации для разработки стратегии социально-экономического развития региона, обеспечивающей инновационную активность субъектов экономики и сбалансированность принимаемых органами власти управленческих решений.

Список литературы

1. Ахметова М.И., Перский Ю.К., Семенова Е.В. Построение типологического ряда регионов по признаку инновационного потенциала // Научное обозрение. № 8. 2014. с. 407-415;
2. Баева О.Н. Индекс человеческого развития: методики определения и оценки на уровне региона // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. №5. с. 143–147. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/indeks-chelovecheskogo-razvitiya-metodiki-opredeleniya-i-otsenki-na-urovne-regiona> (дата обращения 02.04.2014).
3. Бортник И.М., Сенченя Г.И., Михеева Н.Н. и др. Система оценки и мониторинга инновационного развития регионов России // Инновации. 2012. 9 (167).с. 48-61.
4. Газизуллин Ф.Г., Газизуллин Н.Ф., Газизуллин Т.Н. Инновационное мышление— непреложное условие модернизации современной экономики // Проблемы современной экономики. 2012. №3. с.25–26.
5. Гришина И.В., Полянев А.О., Тимонин С.А. Качество жизни населения регионов России: методология исследования и результаты комплексной оценки // Современные производительные силы. 2012. № 1. с.70–83. URL: http://sopsjournal.ru/upload/SOPS_magazine_N1_10.pdf (дата обращения 25.01.2014).
6. Елисеева И.И., Макарова П.А. Корректна или нет статистика инноваций в России // Социология науки и технологий. 2010. Т.1. №1. с.162–173.
7. Заседание наблюдательного совета Агентства стратегических инициатив // Президент России [Официальный сайт]. 08.04.2014. URL: <http://news.kremlin.ru/news/20737> (дата обращения 10.04.2014).
8. Иванова О., Сорокина А. Рейтинг инновационных регионов для целей мониторинга и управления: версия 2013-2.0/ Ассоциация Инновационных Регионов России (АИРР). М., 2013. URL: <http://www.i-regions.org/upload/nasait.pdf> (дата обращения 02.02.2014).
9. Индекс готовности регионов России к информационному обществу 2010–2011. Анализ информационного неравенства субъектов Российской Федерации/ под ред. Т.В.Ершовой, Ю.Е.Хохлова, С.Б.Шапошника. М.: Институт развития информационного общества, 2012. URL: <http://eregion.ru/sites/default/files/upload/report/index-russian-regions-2010-2011.pdf> (дата обращения 19.09.2014).
10. Моник Х. Доклад о человеческом развитии 2013. Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире / Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН). М.: Весь мир, 2013. URL: http://www.mfa.gov.by/upload/HDR_2013_RU.pdf (дата обращения 08.04.2014).
11. Перский Ю.К., Катаева Ю.В. Локальные рынки жилищного строительства региона: вектор конкурентного развития: монография. Пермь: Издательство Пермского государственного университета, 2010.
12. Распоряжение Правительства РФ от 11.11.2010 № 1950-р (ред. от 11.09.2014) «Об утверждении перечня государственных программ Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_168610/ (дата обращения 19.09.2014).
13. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации: аналитический доклад/ под ред. Л.М. Гохберга. М.: НИУ ВШЭ, 2012. URL: <http://www.hse.ru/primarydata/rir2012> (дата обращения 10.02.2014).
14. Рейтинг регионов РФ по качеству жизни / Группа РИА Новости. М., 2013. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2013.pdf (дата обращения 28.02.2014).
15. Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 08.10.2013).
16. Comparative City Data Set // Innovation Cities Program [Official Site]. URL: <http://www.innovation-cities.com/comparative-city-data-set/7347> (дата обращения 20.02.2014).
17. Innovation Cities Analysis Report // Innovation Cities Program [Official Site]. URL: <http://www.innovation-cities.com/purchase-innovation-cities-analysis-report/377> (дата обращения 17.03.2014).
18. The Global Innovation Index 2013. The Local Dynamics of Innovation / Soumitra Dutta and Bruno Lanvin. Geneva, Switzerland: World Intellectual Property Organization (WIPO); New Delhi, India: Confederation of Indian Industry (CII), 2013. URL: <http://www.globalinnovationindex.org/content.aspx?page=GII-Home> (дата обращения 03.03.2014).

ESTIMATION OF INTERACTION BETWEEN REGIONAL SOCIAL-ECONOMIC AND INNOVATIVE ENVIRONMENT

M. Akhmetova,

E-mail: miahmetova@gmail.com

E. Semenova,

E-mail: elena.semenvaa@gmail.com

Perm National Research Polytechnic University

Under new concepts in the sphere of the region's innovative development and facts of successful public management decisions realized previously stimulated lag abridgement but didn't make possible to launch sufficiently structural reforms and modernization of economy in whole. We think that the lack of instruments allowing managing the region's innovative system development from the position of innovative and social-economic environment interaction specifies this situation. The main task of this research is to estimate the interaction of social-economic environment factors and the level of the region's innovative development. Two systems of indicators and correlation-regression analysis have been made for this purpose.

Correlation of the region's innovative development level and social-economic environment has made possible to find the connection between the conditions of innovative development in the region as social-economic environment is the derivation of resources for regional innovative system. The first econometric model shows that the basic determinant of innovative activity in the region is the arrangement of conditions for small business, education and transport infrastructure development.

In turn, the region's innovative development stimulates its social and economic resources involving them into innovative processes, generating and multiplying them in the specific innovative sector. The possibility to use advanced manufacturing technologies (AMT) and especially to make applied research plays the leading role in formation qualitative environment for human existence and activity. Purchasing science intensive products abroad temporarily compensate the lack of native products. However, it is necessary to make the development and introduction of Russian innovative products and technologies more active since according to the second econometric model they really have considerable influence on the region's economy.

Keywords: innovative environment, social-economic environment, region, correlation-regression analysis, econometric model, interaction, factors of economic development, business system, quality of life.

ПРИМЕНЕНИЕ КЛАСТЕРНОГО ПОДХОДА В МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕГО ФАКТОРА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

З.А. Дивненко, магистр,

Электронный адрес: divzdiv@mail.ru

Е.С. Юдина, студент,

Электронный адрес: e.yudina@outlook.com

Пензенский государственный университет

Введение. В связи с переходом на инновационный путь развития требуется модернизация российской экономики, которая, в свою очередь, предполагает, что система профессионального образования должна стать фактором социально-экономического развития субъектов Российской Федерации. Особая роль в инновационном развитии регионов принадлежит государственным классическим университетам. Именно классический университет находится в центре единого образовательного пространства региона и выполняет не только образовательную миссию, но и является важнейшим социальным институтом, который может быть использован для формирования инновационной инфраструктуры региона и оказывать влияние на развитие экономики.

Основная цель и методы. Цель исследования – обоснование кластерного подхода как наиболее эффективного механизма модернизации системы образования, основанного на взаимодействии, партнерства, сотрудничества, диалога между заинтересованными субъектами: образовательными учреждениями, работодателями, органами управления, общественными организациями.

Реализация поставленной задачи была достигнута с помощью изучения научных работ по заданной тематике, их анализа, обобщения и моделирования полученных результатов.

Новизна. В статье обоснована целесообразность применения кластерного подхода в модернизации системы образования и предпринята попытка выявления наиболее оптимальной структуры образовательного кластера.

Полученные результаты исследования. В работе подробно описаны структура образовательного кластера, а также его условное деление на четыре функциональных блока, способствующее обеспечению высоких темпов экономического роста и диверсификации экономики за счет повышения конкурентоспособности организаций, образующих образовательные кластеры.

Выводы. Кластерный подход к развитию образовательного комплекса является действенным инструментом, позволяющим учесть интересы образовательной среды и бизнеса.

С учетом взаимного интереса всех участников образовательного кластера именно качественное профессиональное образование сегодня становится одной из приоритетных направлений.

Университет в структуре образовательного кластера должен стать центром, ведущим вузом инновационного развития профессионального образования в регионе.

Ключевые слова: кластерный подход, образовательный кластер, инновации, инновационная экономика, модернизация, система образования.

В условиях современной экономики активизация инновационной деятельности является одним из главных факторов, обеспечивающих промышленный подъем и повышение эффективности производства.

Инновации становятся стратегическим фактором роста, влияют на структуру общественного производства, видоизменяют экономическую организацию общества, стабилизируют социальную ситуацию в стране. Таким образом, инновационная экономика, с одной стороны, способна обеспечить достаточное разнообразие производимых в стране продуктов, а с другой - сократить зависимость от импорта стратегически важных товаров и технологий. [5].

Необходимым условием формирования инновационной экономики является обновление организационно-экономических механизмов на всех уровнях системы образования, что обеспечит ее соответствие перспективным тенденциям экономического развития и общественным потребностям, повысит практическую ориентацию отрасли, ее инвестиционную привлекательность.

Рост количества неконкурентоспособных российских вузов, и вместе с тем наблюдающийся острый недостаток квалифицированных специалистов в регионах и отраслях экономики, вставшей на путь инновационного развития, вызвали необходимость в эффективном развитии инновационной составляющей российской системы высшего профессионального образования (ВПО) и повышения ее конкурентоспособности на мировом рынке образовательных услуг.

В результате были внесены изменения в концепцию модернизации ВПО, результатом реализации которых стало укрупнение российских вузов, отраслевое объединение учреждений НПО, СПО и ВПО, реализация в вузах образовательных программ начального и среднего профессионального образования.

Однако, наряду с проводимыми содержательными переменами требуются и организационно-структурные преобразования в системе подготовки специалистов, а также поиск новых форм и методик на всех этапах этой работы - довузовской, вузовской и поствузовской. Новая парадигма высшего образования, характеризуемая следующими чертами: образование, доступное из любой точки земного шара; образование через всю жизнь; образование без отрыва от производства [7, с. 5].

Одним из таких механизмов в развитии системы профессионального образования является кластерный подход на основе взаимодействия, партнерства, сотрудничества, диалога между заинтересованными субъектами: образовательными учреждениями, работодателями, органами управления, общественными организациями. Одной из форм сотрудничества является создание образовательных кластеров регионов.

Кластер - совокупность особых экономических зон одного типа или нескольких типов, которая определяется Правительством Российской Федерации и управление которой осуществляется одной управляющей компанией [1].

Законодательного определения понятия «образовательный кластер» нет. Однако это не говорит об отсутствии отношений, связанных с созданием и развитием образовательных кластеров. В разных источниках данное понятие определяется по-разному, но все они либо близки по значению, либо дополняют друг друга. Приведем лишь несколько из них.

Образовательный кластер – совокупность взаимосвязанных учреждений профессионального образования, объединенных по отраслевому признаку и партнерскими отношениями с предприятиями отрасли [4].

Образовательный кластер - система обучения, взаимообучения и инструментов самообучения в инновационной цепочке наука-технологии-бизнес, основанная преимущественно на горизонтальных связях внутри цепочки [2].

Стоит отметить, что кластерный подход не является чем-то абсолютно новым для системы образования. Он представляет собой развитие системного подхода применительно к экономическому росту.

Участниками кластера являются образовательные учреждения, научно- исследовательские организации и высшие учебные заведения, профессиональные и общественные организации производители и поставщики, кредитные организации и банки, инфраструктура, органы власти (Рис 1) [6].

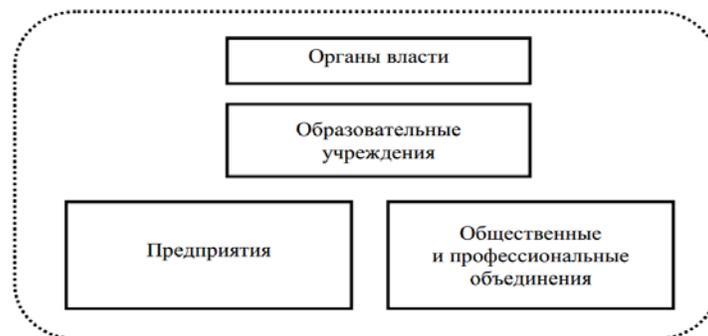

Рис.1. Структура образовательного кластера

Системообразующим элементом образовательного кластера выступает учебное заведение. Ему отводится роль центра подготовки и переподготовки кадров для высокотехнологичных и наукоемких производств, драйвера и проводника инноваций, обеспечивающих технологический рывок новыми конкурентоспособными разработками и технологиями.

Роль вуза в кластере сводится к тому, чтобы производить инновационный товар. Научно-исследовательские институты и производственные учреждения региона становятся базой практик и получают возможность участвовать в формировании специалиста на собственной научно-учебной базе, в соответствии со своими потребностями и перспективами развития [8]. В образовательном кластере все субъекты участия регулируют многоуровневую систему подготовки специалистов необходимой квалификации.

Головные кластерообразующие вузы формируют стратегическое партнерство с производственными предприятиями и отраслями инновационного сектора экономики. Целью такого партнерства является создание в составе образовательного кластера совместных учебно-производственных и учебно-коммерческих центров и подразделений, совместной лабораторно-производственной базы, а также инновационных фирм, деятельность которых носит преимущественно прикладной характер.

Инновационная инфраструктура головного вуза (центры трансфера технологий, центры защиты интеллектуальной собственности, бизнес-инкубаторы, технопарки и т.д.) выступает катализатором развития и повышения конкурентоспособности всего образовательного кластера. Цель их функционирования – обеспечить интенсификацию процессов интеграции науки, образования и производства, а также создать условия для реализации предпринимательского потенциала.

Непосредственная взаимосвязь деятельности образовательного кластера с социально-экономическими вопросами регионального и федерального развития отражается в процессах взаимодействия с представителями федеральных, региональных и местных органов исполнительной власти, выступающими заказчиками услуг по подготовке профессиональных кадров отраслевых производств и предприятия региона, различного рода научных исследований, разработки концепций, стратегий и т.д.

Интеграция в образовательном кластере понимается не только как формальное объединение различных структур известной триады «образование – наука – производство», а как нахождение новой формы сопряжения их потенциалов с целью достижения сверхэффекта в решении поставленных задач [3].

Основным предназначением (миссией) научно-образовательного кластера является формирование высококвалифицированного специалиста, отвечающего всем современным требованиям рынка. Реализация данной цели возможна за счет координации деятельности всех участников образовательного кластера и наличием среди них устойчивых коммуникативных связей.

Образовательный кластер условно можно разделить на четыре блока:

1. Учебно-образовательный блок;
2. Научно-исследовательский;
3. Инновационно-производственный;
4. Блок взаимодействия с органами исполнительной власти.

Такая четырехкомпонентная система будет способствовать обеспечению высоких темпов экономического роста и диверсификации экономики за счет повышения конкурентоспособности организаций, образующих образовательные кластеры.

Формирование и развитие образовательных кластеров способствует:

- привлечению прямых иностранных инвестиций и активизации внешнеэкономической интеграции;
- повышению уровня национальной технологической базы;
- повышению темпов и качества экономического роста;
- получению доступа к современным методам управления и специальным знаниям;
- получению эффективных возможностей выхода на высококонкурентные международные рынки.

Список литературы

1. Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс: Законодательство: Версия Проф. – [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149828/#p41. (дата обращения: 09.02.2015);
2. Нанотехнологический словарь РОСНАНО. URL: <http://www.rusnano.com/Term.aspx/Show/15134> (дата обращения: 09.02.2015);
3. Асадуллин Р.М. Интеграция как новая форма сопряжения образования, науки и практики в регионе // Аккредитация в образовании. 2009. № 32. С. 16-18.
4. Гаврилова О.Е., Шагеева Ф.Т., Никитина Л.Л. К вопросу о подготовке специалистов-конструкторов швейного производства в условиях образовательного кластера. URL: http://conference.kemsu.ru/GetDocsFile?id=13537&table=papers_file&type=0&conn=confDB (дата обращения 09.02.2015г.);
5. Карпович Н. К. Развитие инновационной составляющей экономики на региональном уровне // Экономика, управление, финансы: материалы междунар. науч. конф. (г. Пермь, июнь 2011 г.). Пермь: Меркурий, 2011. С. 52-54;
6. Мальцева Е.А. Научно-образовательный кластер как основа формирования новой экономики региона // Научно-технический вестник СПбГУ ИТМО. 2008. № 50. С. 63-71;
7. Смирнов А.В. Образовательные кластеры и инновационное обучение в вузе: Монография. Казань: РИЦ «Школа», 2010. 102 с.;
8. Трушников Д.Ю., Трушникова В.И. Воспитание в условиях университетского кластера и ценностные ориентиры современного студенчества. URL: http://conference.tsogu.ru/static/articles/2009/01/__.doc (дата обращения 09.02.2015 г.).

THE CLUSTER APPROACH IN THE MODERNIZATION OF THE EDUCATIONAL SYSTEM AS AN ESSENTIAL FACTOR OF REGIONS' INNOVATIVE DEVELOPMENT

Z. Divnenko,

E-mail: divzdiv@mail.ru

E. Yudina

E-mail: e.yudina@outlook.com

Penza State University

Introduction. Due to the changeover to innovative development it is required the modernization of the Russian economy, which in turn implies that the system of professional education should be the factor of socio-economic development of the Russian Federation.

A special role in regions' innovative development belongs to state classical universities. It is a classical university that is in the center of a common educational area of a region and accomplishes not only the educational mission but also is an important social institution, which can be used for the formation of innovative infrastructure in the region and have an impact on the economic development.

The main purpose and methods. The purpose of the study is to justify the cluster approach as the most effective mechanism for the modernization of the education system based on the interaction, partnership, cooperation and a dialogue between the stakeholders: educational institutions, employers, governments, non-governmental organizations.

The implementation of this task was achieved by studying scientific papers on the particular subject, their analysis, synthesis and simulation obtained results.

Novelty. The article proves the usefulness of the cluster approach in the modernization of the education system and there is an attempt to identify the most optimal structure of education cluster.

The obtained results of the study. The paper describes in detail the structure of the education cluster, as well as its conventional division into four functional blocks that contributes to high rates of economic growth and diversification of the economy by improving the competitiveness of organizations forming educational clusters.

Conclusions. The cluster approach to the development of the educational complex is an effective tool to take into account the interests of the educational environment and business.

Based on the mutual interest of all participants in the educational cluster, a quality professional education that is becoming one of the priority areas nowadays.

A university education in the structure of the cluster must be the center, a leading university in the innovative development of professional education in the region.

Keywords: cluster approach, educational cluster, innovation, innovative economy, the modernization of the educational system.

МОЛОДЕЖЬ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА: РЕЗУЛЬТАТЫ САМООЦЕНКИ

С.В. Дорошенко, докт. экон. наук, доц., ведущий научный сотрудник,

Электронный адрес: doroshenkos@mail.ru

ИЭ УрО РАН, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29

Я.И. Соломатин, асп. кафедры прикладной социологии,

Электронный адрес: yas8@mail.ru

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 620001, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51

В статье представлены результаты социологического опроса молодежи г. Екатеринбурга, цель которого – определить потенциал участия молодых людей в развитии своего города. Обоснованы актуальность, а также выбор объекта и места проведения исследования. Описано видение участниками опроса их личного вклада в развитие Екатеринбурга, а также своего участия в обсуждении вопросов, касающихся развития регионального центра. Определен уровень готовности респондентов непосредственно участвовать в развитии Екатеринбурга. Приведены результаты оценки представителями молодежи их собственного влияния на социально-экономическую ситуацию в городе. Обозначены сферы жизни Екатеринбурга, в развитии которых представители молодого поколения могут, с их собственной точки зрения, принимать эффективное участие. Представлена самооценка молодежью возврата вложенных в нее государством «инвестиций» (в виде образования, льгот, молодежных программ и т.п.). Выявлены факторы, препятствующие активному участию молодых людей в социально-экономическом развитии Екатеринбурга.

Ключевые слова: молодежь, региональный центр, социально-экономическая ситуация, потенциал участия, перспективы развития.

Молодежь, в большинстве стран, к которой относятся люди в возрасте 14-29 лет, по праву считается наиболее динамичным социально-демографическим образованием. Активно участвуя в жизнедеятельности общества, молодежь непосредственно влияет на социально-экономические процессы. В свою очередь, переживаемые кардинальные изменения общественного развития под иным углом высвечивают проблемы молодежи. Неслучайно ценности молодого поколения – одна из наиболее разрабатываемых сегодня тем научных исследований в России. Подобные исследования важны не только с позиции статистики (численность, доля, движение), но также необходимо изучение и настроений, взглядов, мотивации молодых людей. Не менее интересны и значимы исследования, в рамках которых выявляется отношение молодежи к проблемам и перспективам развития населенных пунктов, где происходит их взросление и становление.

Весной 2014г. Институт экономики УрО РАН совместно с Уральским федеральным Университетом провели социологический опрос среди молодого населения г. Екатеринбурга (людей в возрасте 14-29 лет) с целью определить потенциал участия молодежи в развитии своего города, а также ее готовность к улучшению собственными силами качества жизни. Актуальность проведения подобного исследования, на наш взгляд, заключается в следующем. Во-первых, Екатеринбург всегда занимал одно из ведущих мест в России по уровню политического, социально-экономического, культурного, научно-образовательного развития. Во-вторых, в настоящее время город динамично развивается, в том числе, за счет диверсификации видов деятельности. Всё это может накладывать определенный отпечаток на ментальность, жизненные установки молодого поколения, восприятие им окружающего мира, и как следствие, проявляться в его готовности менять этот мир.

В предложенной респондентам анкете были, в том числе, вопросы, касавшиеся личного вклада участников опроса в развитие города, обсуждение насущных проблем. По мнению молодых людей, их наибольший реальный вклад в развитие Екатеринбурга за последние три года – это добросовестная уплата налогов (46,1% ответивших). Но при этом 42,7% молодых екатеринбуржцев вообще затруднились ответить на

этот вопрос. На третьем месте оказался вариант «регулярно участвую в проводимых благотворительных акциях» с 12,4% выбравших его респондентов.

При ответе по поводу личного участия респондента в обсуждении различных вопросов, касающихся развития Екатеринбурга, чаще других выбирался вариант «участвовал(-а) в опросе общественного мнения (заполнение анкеты, ответы на вопросы)» – 46,1% ответивших (табл. 1). При этом часто выбирался вариант «не было такой возможности (никто не спрашивал) – 37,1%. Обращает на себя внимание и тот факт, что весьма незначительно количество молодых екатеринбуржцев не считают необходимым участвовать в обсуждении различных вопросов, касающихся развития их города (6,7%). Все указанные показатели свидетельствуют о большой открытости и высокой активности уральской молодежи.

Таблица 1

Распределение мнений по вопросу: «Участвовали ли Вы когда-нибудь в обсуждении различных вопросов, касающихся развития города» (допускалось несколько вариантов ответа)

Варианты ответов	Ответы, %
– участвовал(-а) в опросе общественного мнения (заполнение анкеты, ответы на вопросы)	46,1
– участвовал(-а) в круглых столах, сходах, общественных слушаниях	18,0
– не считаю это необходимым, за это отвечают различные организации и предприятия	6,7
– не было такой возможности (никто не спрашивал)	37,1
– проводил(-а) различные мероприятия, направленные на улучшение жизни в населенном пункте	7,9
– высказывал(-а) предложения по улучшению ситуации (на различных общественных мероприятиях, при личных встречах с чиновниками) / писал(-а) письменные обращения	6,7
– инициировал(-а) проведение различных мероприятий, направленных на улучшение жизни в населенном пункте	3,4

По-разному выражается готовность непосредственного участия молодежи в развитии города (табл. 2). Молодые екатеринбуржцы чаще готовы принимать участие в организации мероприятий (36,0%), чем просто посещать их (27,0%). Кроме того, уральская молодежь в значительной мере готова принимать, в нерабочее время и бесплатно, участие в благоустройстве населенного пункта, если это будет организовано кем-то (31,5% ответивших). Число желающих создать общественную организацию и/или инициативную группу для выявления и решения проблем города среди екатеринбургских молодых людей составило 9,0%. Не видят необходимости участвовать в развитии своего города 6,7% молодых екатеринбуржцев. В то же время свою готовность участвовать в развитии родного города затруднились выразить 13,5% респондентов.

Таблица 2

Распределение мнений респондентов по вопросу: «Готовы ли Вы участвовать в развитии города, улучшении качества жизни его граждан?» (можно было выбрать несколько вариантов ответа)

Варианты ответов	Ответы, %
– да, готов(-а) посещать различные мероприятия по обсуждению вопросов развития населенного пункта, предложить интересные идеи по эффективному развитию	27,0
– да, готов(-а) принять участие в организации и проведении различного рода мероприятий (акций, культурно-массовых мероприятий и т.д.)	36,0
– да, готов(-а) принять, в нерабочее время и бесплатно, участие в благоустройстве населенного пункта (уборка, озеленение, охрана общественного порядка, украшение и т.д.), если это будет организовано кем-то	31,5
– нет, у меня нет для этого возможностей	9,0
– да, хотел(-а) бы создать общественную организацию и/или инициативную группу для выявления и решения проблем	9,0
– нет, не вижу в этом необходимости	6,7
– затрудняюсь ответить	13,5

В анкете также был представлен блок вопросов, касавшихся оценки общего влияния молодых людей на развитие своего города, а также возврата молодежью вложенных в нее государством «инвестиций». По мнению респондентов, влияние молодежи на развитие Екатеринбурга в большей степени проявляется через активное участие в общественно-культурной жизни города – так считает 38,2% респондентов. Следующими

по популярности оказались ответы, согласно которым, молодежь «оказывает негативное влияние на внешний вид населенного пункта – мусорит, учиняет беспорядки, совершает акты вандализма» (31,5%) и «привлекается различными организациями и структурами для создания «массовки» на мероприятиях» (29,2%) (табл. 3).

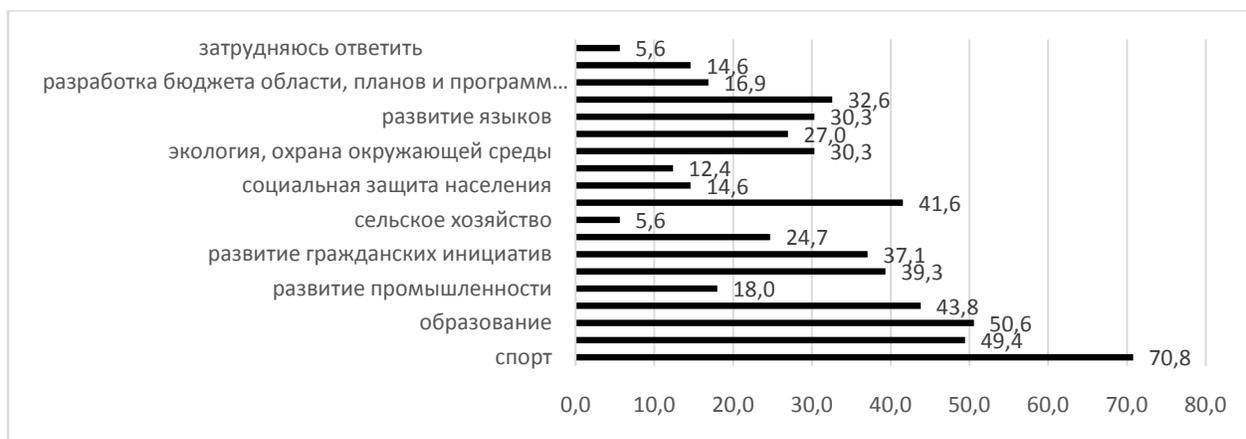
Таблица 3

**Распределение мнений респондентов по вопросу:
«Какое влияние, по Вашему мнению, оказывает молодежь (люди до 29 лет) на развитие города?»
(можно было выбрать несколько вариантов ответа)**

Варианты ответов	Ответы, %
– принимает активное участие в общественно-культурной жизни населенного пункта (акции, демонстрации, культурно-массовые мероприятия)	38,2
– привлекается различными организациями и структурами для создания "массовки" на мероприятиях	29,2
– оказывает негативное влияние на внешний вид населенного пункта - мусорит, учиняет беспорядки, совершает акты вандализма	31,5
– принимает активное участие в благоустройстве населенного пункта на добровольных началах	16,9
– не оказывает серьезного влияния	18,0
– вносит значительный вклад в экономическое развитие (как самая многочисленная экономически активная часть населения)	18,0
– в значительной степени влияет на стратегию развития населенного пункта через различные общественные организации, инициативные группы, политические партии	10,1
– являются гордостью населенного пункта в сферах науки/искусства/спорта и т.д.	11,2
– оказывает значительное влияние на увеличение уровня преступности в населенном пункте	10,1
– затрудняюсь ответить	11,2

Примечательно то, что примерно одинаковое количество респондентов выбрали варианты, по которым молодежь «не оказывает серьезного влияния» (на развитие города) и «вносит значительный вклад в экономическое развитие (как самая многочисленная экономически активная часть населения)» (по 18,0% ответивших), а также «принимает активное участие в благоустройстве населенного пункта на добровольных началах» (16,9%). Также почти равная доля опрошенных считает, что молодежь «являются гордостью населенного пункта в сферах науки/искусства/спорта и т.д.» (11,2%), «в значительной степени влияет на стратегию развития населенного пункта через различные общественные организации, инициативные группы, политические партии», но при этом «оказывает значительное влияние на увеличение уровня преступности в населенном пункте» (по 10,1% ответивших). Таким образом, екатеринбургская молодежь крайне неоднозначно определяет собственное влияние на развитие своего города.

На вопрос о сфере социально-экономического развития населенного пункта, где молодежь может принимать эффективное участие, в Екатеринбурге чаще других выбирался ответ «спорт» – 70,8%. Кроме него, в пятерку лидеров вошли такие варианты, как «образование» (50,6%), «развитие предпринимательства» (49,4%), «здравоохранение, здоровый образ жизни» (43,8%) и «культура, историческое наследие» (41,6%) (рис.).

Сферы социально-экономического развития г. Екатеринбурга, в которых молодежь видит свое эффективное участие

Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на то, что Екатеринбург является центром одного из старопромышленных регионов России, лишь 18,0% опрошиваемых молодых уральцев назвали развитие промышленности той сферой развития города, в которой молодежь может принимать эффективное участие (12-е место). Непопулярными оказались такие сферы эффективного участия представителей екатеринбургской молодежи, как «разработка бюджета области, планов и программ её развития» (13-е место с 16,9%), «жилищно-коммунальное хозяйство» и «социальная защита населения» (14-е место с 14,6%), «дороги, благоустройство, архитектурный облик» (15-е место с 12,4%).

Все выявленные показатели свидетельствуют о сферах социально-экономического развития, приоритетных как для Екатеринбурга в целом, так и для молодежи этого города, в частности. Молодые екатеринбуржцы весьма отдалены от сферы промышленности. В силу особенностей исторического и современного развития Екатеринбурга для его молодых жителей значимы такие сферы, как экология, культура и историческое наследие. В то же время молодые уральцы весьма озабочены благополучием своих земляков, в пользу чего свидетельствует отводимая ими значимость защите прав граждан, поддержанию общественного порядка и (пусть и в меньшей степени) социальной защите населения. Что касается показателей по таким вариантам ответа, как «разработка бюджета области, планов и программ её развития» и «жилищно-коммунальное хозяйство», то данные показатели говорят о том, что молодые екатеринбуржцы воспринимают местную власть как, в достаточной мере, для них доступную и готовую к сотрудничеству с ними. Следовательно, для молодежи, по сравнению с представителями старшего поколения, менее характерны присущие россиянам патернализм и сознательная удаленность от сферы властных отношений.

При ответе на вопрос о возврате молодежью вложенных в нее «инвестиций» (в виде образования, льгот, молодежных программ) екатеринбуржцы чаще других выбирали вариант «возвращает частично, так как не все молодые специалисты востребованы и не все идеи молодежи поддерживаются» – 42,7% голосов (табл. 4).

Таблица 4

Распределение мнений респондентов по вопросу: «На Ваш взгляд, насколько молодежь города возвращает вложенные в нее государством инвестиции (в виде образования, льгот, молодежных программ)?»

Варианты ответов	Ответы, %
– возвращает не полностью, так как у различных категорий молодежи разные возможности по доступу к мерам господдержки и, соответственно, разный уровень отдачи	33,7
– возвращает частично, так как не все молодые специалисты востребованы и не все идеи молодежи поддерживаются	42,7
– не возвращает, так как молодые люди привыкли только "брать" - занимают иждивенческую позицию	9,0
– возвращает полностью своим трудом, активной гражданской позицией, идеями	2,2
– затрудняюсь ответить	14,6

На втором месте оказался такой вариант, как «возвращает не полностью, так как у различных категорий молодежи разные возможности по доступу к мерам господдержки и, соответственно, разный уровень отдачи» – 33,7% голосов. Таким образом, в Екатеринбурге подавляющее большинство респондентов придерживается мнения о том, что молодежь возвращает вложенные в неё «инвестиции» не полностью или частично по не зависящим от неё причинам.

По вопросу о том, «чего не хватает молодежи, молодежным организациям для активного участия в социально-экономическом развитии населенного пункта» распределение наибольших вариантов ответов в Екатеринбурге выглядит следующим образом: «нет желания, пассивность самой молодежи» – 1-е место (52,8%), «нет реальных рычагов влияния, государство и общество не воспринимают молодежь всерьез» – 2-е место (46,1%), «не хватает знаний, навыков и умений» – 3-е место (41,6%) (табл. 5).

Таблица 5

Распределение мнений респондентов по вопросу: «Чего не хватает молодежи, молодежным организациям для активного участия в социально-экономическом развитии города, решения существующих проблем?» (допускалось несколько вариантов ответа)

Варианты ответов	Ответы, %
– нет реальных рычагов влияния, государство и общество не воспринимают молодежь всерьез	46,1
– нет желания, пассивность самой молодежи	52,8
– ограниченность возможностей привлечения финансирования для реализации собственных идей	30,3
– не хватает знаний, навыков и умений	41,6
– разрозненность действий, нет единой силы, которая бы объединяла и направляла молодежь	27,0
– не хватает объективной полной информации о положении дел и проблемах территории	24,7
– затрудняюсь ответить	4,5

На наш взгляд, отмечаемая большинством респондентов пассивность молодежи является следствием крайнего индивидуализма многих молодых людей, их озабоченности, в первую очередь, своими собственными проблемами. Однако, в целом, результаты опроса показали, что представители молодежи отводят себе достаточно активную роль в развитии разных сфер жизни своего города.

THE YOUTH AND THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF REGIONAL CENTER: THE RESULTS OF SELF-APPRAISAL

S. Doroshenko,

E-mail: doroshenkos@mail.ru

Institute of Economics, the Ural Branch of the Russian Science Academy

Y. Solomatin,

E-mail: yas8@mail.ru

Ural Federal University

The article presents the results of the sociological interrogatory the aim of which is to identify the potential of young people's participation in their city development. The authors substantiate the actuality of the research and also the choosing of its object and scene. The article describes the interrogatory participants' vision of their personal contribution in the Yekaterinburg development and also their participation in the discussion of the questions, connected with theregional center development. The authors identify the respondents' readiness to participate in the Yekaterinburg development directly. The researchers also present how young people appreciate their own influence on the socio-economic situation in the city. The spheres of the Yekaterinburg life, in the development of which young people, according their own viewpoint, can participate effectively, are identified. The youth's self-appraisal of the returning of the "investments" (such as education, privileges, youth programs and so on), which had been invested by the state in the youth's development, is presented. The researchers also identify the factors which impede young people's active participation in the Yekaterinburg socio-economic development.

Keywords: youth, regional center, socio-economic situation, potential of participation, perspectives of development.

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ ...

Г.В. Клименков, к.т.н., доц., зав. Сектором,

Электронный адрес: kgv_perm@mail.ru

Е.Г. Широковских, соискатель,

Электронный адрес: kgv_perm@mail.ru

М.С.Вавилова, научный сотрудник,

Электронный адрес: finansy.pfie@mail.ru

Пермский филиал ИЭ УрО РАН», 614000, г.Пермь, ул.Ленина, дом 13а

В статье дается пояснение, что необходимо делать по адаптивному управлению развитием промышленности, регионов России, России, в целом, в контексте устойчивого развития.

Ключевые слова: промышленный комплекс региона, адаптивное управление, инновационное устойчивое развитие социально-экономической системы

Пермский филиал ФГБУН Института экономики Уральского отделения РАН подготовил эту статью применительно к самой многочисленной группе участников Конгресса – к студентам, к будущим потенциальным ученым и специалистам в области промышленного производства и управления по теме «Проблемы региональной промышленной политики», перекрывающей всю тематику Конгресса. Мы это сделали умышленно, излагая материал простым языком - для мотивации по заинтересованному участию, прежде всего студентов, в рассмотрении и обсуждении вопросов развития региона. Также для того, чтобы дипломные, магистерские работы и курсовые проекты, а в последующем и работа выпускников ВУЗа была связана в профессиональной деятельности с решением актуальных проблем промышленности, развития Пермского края, РФ.

На секциях Конгресса заявлено много глубоких и содержательных докладов, связанных с теорией и практикой управления экономикой региона, по проблемам выхода России и Мира из кризиса. Принцип изложения материала и выводы этой статьи позволяют выработать актуальную резолюцию Конгресса и по всем другим секциям.

Промышленная политика предполагает увязку многочисленных интересов в направлении устойчивого развития региона и России. Это особо важно для всех территорий Большого Урала, как промышленно развитых регионов. Пермская губерния, затем Пермская область и Пермский край, сложились исторически и закономерно на территории Западного Урала, богатом ресурсами, с формированием сфер и предприятий, инфраструктуры. Следует вновь напомнить, что на развитие региона повлияла и эвакуация предприятий в Пермь во время ВОВ. Тогда более чем 280 предприятий были эвакуированы в Пермь, а в последующем здесь остались и получили свое развитие, уже со всеми предприятиями Советского Союза, как наиболее интеллектуально развитый промышленный регион. В послевоенный советский период Пермская область – это «Закрытые для иностранцев город Пермь и Пермская область» - регион ученых и студентов, столица ракетостроения и двигателестроения, калийной промышленности СССР, нефтедобычи, нефтепереработки, нефтехимии, органической и неорганической химии, с Кизеловским угольным бассейном, коксохимией, металлургией, машиностроением, предприятиями ОПК, развитым Камским речным пароходством, Судозаводом Кама, портом пяти морей и др. [15] В тот период Пермской областью выпускалось более 2400 наименований продукции, которая была востребована во всем мире. Регион входил в пятерку лучших. Другого такого интеллектуально развитого региона в СССР не было. По этой причине, с распадом СССР на наш регион было направлено основное внимание США по захвату и развалу нашего региона. *Это штат Кентукки США.* Сейчас по уровню ВРП Пермский край занимает 14 место в РФ.

По уровню управления Пермский край находится на 78-79 месте среди 83 субъектов РФ (это 21 республика, 46 областей, 9 краёв, 1 автономная область, 4 автономных округа, 2 города федерального значения) [15]. *Региональному отделу ФСБ уже пора дать полный анализ произошедших событий в регионе и объявить презумпцию виновности органов власти, альянсов и конкретных личностей по выводу производств, предприятий и существенному ослаблению потенциала региона.*

Как мы понимаем, основные проблемы промышленной политики связаны с увязкой интересов различных субъектов хозяйственной деятельности в контексте развития России, ИДЕОЛОГИИ развития России [3-17]. Будем говорить честно, когда-то следует начинать говорить честно - ИДЕОЛОГИИ у нашего государства нет, мы колония, иметь ИДЕОЛОГИЮ запрещено колониальной Конституцией РФ. Авторам этой статьи просто говорить о проблемах и способах их решения, т.к. мы входим в состав Комиссии Совета при Президенте РФ. Мы как раз поднимаем и обсуждаем различные вопросы, внешние и внутренние по отношению к предприятию, региону и РФ. В том числе и обсуждаем вопросы безопасности страны. Работаем в ИЭ УрО РАН, являемся и являлись ответственными исполнителями, исполнителями нескольких тем НИР по развитию промышленности – Инновационное развитие оборонно-промышленного комплекса в рыночных условиях, Структурная модернизация промышленности, Адаптивное управление промышленным комплексом и другие [3-15]. В настоящее время мы совместно с Головным Институтом обосновали Содержание коллективной монографии, которую предлагаем написать, это будет двухтомник, приглашаем всех к сотрудничеству [16].

Начнем с рассмотрения вопросов безопасности, планирования и управления развитием промышленного производства, промышленного сектора экономики, развитием России [17].

С позиции устойчивого развития социально-экономических систем – оно складывается, как минимум, из суммы четырех составляющих развития – социального, экономического, институционального и экологического [15]. Каждому составляющему развитию соответствуют определенные ценности и составляющие безопасности (мы в 2011 году выполнили проект по безопасности для г.Перми). Приоритетной является социальная составляющая – если любая программа, проект, подпроект не приносят социального результата: роста качества жизни, решение демографических проблем, роста человеческого потенциала и человеческого капитала, то такими программами, проектами не следует и заниматься. Институциональное развитие предполагает основу управления обществом - это и Конституция, законные и подзаконные акты, органы «власти» и т.п. [5]

Мы экономисты и мы знаем, что Россия – это колония и в ней действует колониальное управление, как и над всеми странами в мире. Институциональные блоки России выстроены Западом и управление осуществляется им же, это и т.н. колониальная Конституция РФ, система законных и подзаконных актов, сформированное Западом правительство РФ, все органы «власти», происходит внедрение угодной для Запада систем образования, науки, культуры, здравоохранения и т.п., отстранение и не учет мнения жителей РФ в управлении страной, сформирована и успешно действует система принуждения жителей РФ. Мы рассказываем об институциональной составляющей развития. В этом же направлении действуют и другие составляющие развития РФ – это и экологические, и социальные, и экономические. Создана только видимость собственного решения проблем гражданами России, на самом деле это только виртуальный фон (виртуальная страна, виртуальная «власть», виртуальная система образования, культура, здравоохранения, социальная защита, сельское хозяйство, промышленность и т.п.), за которым скрывается ограбление страны, потеря суверенитета, прежде всего финансового суверенитета. Уже всем это известно, уже все это понимают. Мы говорим о системе управления обществом, о внешнем управлении, о колониальном положении России. От этого зависит мотивация усилий и успешность всего последующего развития, этим определяется отсутствие у страны ИДЕЛОГИИ и всей серии государственных документов по устойчивому (социо-экономико-институционально-экономическому) развитию России [5]. Только после этого будут успешно решаться все вопросы неополитики, неэкономики, индустриализации, импортозамещения и др. Иначе ничего не произойдет, средства будут растрочены и неминуемо наступит распад страны !!!

Как прийти к изменению существующего строя, что необходимо сделать? Как легче подойти к рассмотрению всех проблем в контексте комплексных изменений – с преобразованиями в России и в Мире. Что мы имеем в виду ?

Приведем первую главу коллективной монографии (ИЭ УрО РАН), которая сейчас находится в работе [16]:

Глава 1. Понци-капитализм, современные экономические кризисы, крах модели однополярного мира.

1.1. Иллюзия ликвидности, мировой финансово-экономический кризис.

1.2. Глобальный кредитный крах и крах идеологии однополярного мира. Уроки для России и мира.

1.3. Исключение диктата отдельных стран и построение международной системы управления устойчивым развитием мира в полилоге культур стран и народов.

1.4. Преобразование мировой финансовой системы – уход от колониального устройства мира, от диктата США, провокаций и войн. Развитие и укрепление международных институтов и международной правовой системы.

Излагаемое в главе содержание указывает на то, что в этих условиях России и Пермскому краю следует выстраивать свою собственную политику безопасности и развития страны совместно с формированием многополярных отношений, разрушая однополярность мира [16]. Выводить из колониального управления, восстановления финансового суверенитета России и всех стран мира.

В том числе и в промышленности нашей страны.

В настоящее время для этого мы располагаем всеми необходимыми ресурсами, в первую очередь - интеллектуальными. В Пермском крае выделяют следующие инновационные технологии и производства, которые основаны на традициях регионального развития.

Инновационные наукоемкие технологии и производства Пермского края.

Авиационная и ракетно-космическая техника с использованием новых технических решений.

Информационно - телекоммуникационные системы.

Каталитические системы и технологии.

Металлы и сплавы со специальными свойствами.

Опто-, радио- и акустоэлектроника, оптическая и сверхвысокочастотная связь.

Оценка, комплексное освоение месторождений и глубокая переработка стратегически важного сырья.

Поиск, добыча, переработка и трубопроводный транспорт нефти и газа.

Полимеры и композиты.

Производство электроэнергии и тепла на органическом топливе.

Синтез лекарственных средств и пищевых добавок.

Технологии биоинженерии.

Технологии высокоточной навигации и управления движением.

Базовые и критические военные и специальные технологии.

Выделяют следующие научные инновационные направления.

Инновационные научные направления (научные школы и направления) Пермского края.

Экономическая теория, экономика региона, экономика отраслей, сфер, предприятий, учреждений и т.п.

Исследования в области органической и биоорганической химии.

Механика деформируемого твердого тела.

Механика жидкостей.

Горное недроведение, системология и геотехнология.

Микробиология и биотехнология.

Экспериментальная и клиническая иммунология.

Вычислительные машины, комплексы, системы и сети.

Математические исследования проблем построения компьютерных сетей и систем.

Геология, поиски и разведка рудных и нерудных месторождений.

Геофизические методы поисков и разведки месторождений полезных ископаемых.

Геофизические исследования и мониторинг нефтегазовых месторождений.

Охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов.

Проблемы теории устойчивости экосистем.

Механика композиционных материалов и конструкций.

Технология и машины сварочного производства.

Математическое моделирование и оптимальное управление производством оптических волокон, гироскопов и навигационных систем на их основе.

Авиационные двигатели и системы, твердотопливные и жидкостные ракетные двигатели.

Автоматизация и управление технологическими процессами и производствами.

Порошковое материаловедение.

Освоение, технология и безопасность использования недр.

Разработка информационных систем.

Синтез, исследование и разработка технологий получения лекарственных препаратов.

Промышленная экология.

Исследование, разработка и технологии добычи нефти.

Напомним, что цель промышленной политики - обеспечение устойчивого развития промышленных предприятий, которое имеет многоуровневый характер [15]:

- устойчивое развитие когнитивного и креативного потенциала личности;
- устойчивое развитие промышленного предприятия;
- устойчивое развитие региона;
- устойчивое развитие национальной социально-экономической системы.

Все социально-экономические системы, входящие в национальную СЭС (социально-экономическую систему) имеют единую цель, которая состоит в повышении качества жизни социума путем совершенствования технологических процессов, на основе внедрения инноваций, в рамках государственной стратегии развития национальной экономики.

Существует тесная связь вопросов устойчивого развития промышленных предприятий с внедрением инноваций и механизмом адаптивного управления социально-экономической системой.

Поддерживая устойчивое (а значит безопасное) развитие, мы можем инновационно развиваться и наоборот.

Инновационное развитие это развитие, в первую очередь, качественное, а не количественное.

И только качественное развитие обладает свойством необратимости и устойчивости.

Устойчивости свойственна целенаправленность изменений, при этом все изменения должны быть своевременными и планомерными, так как только это может обеспечить пропорциональность трат и возобновления ресурсов.

Превентивное (опережающее) реагирование на угрозы устойчивому развитию промышленных предприятий возможно только в случае выявления указанных угроз на ранних стадиях их возникновения и развития. Для этого необходимо иметь возможность их своевременной идентификации и диагностики [15].

Как мы знаем, в нашей стране за годы перестройки искусственно создавались условия для снижения потенциала государства. Произошел развал государства, идеологии, политики, экономики, ослабление науки, образования, здравоохранения, культуры и др., происходило и происходит разворывание ресурсов, идет перестройка инфраструктуры страны под потребности мирового сообщества (сейчас уже под потребности нескольких сил и схем мироустройства).

Как уже говорилось выше, было создано виртуальное государство, виртуальная система образования, теперь уже и стремятся создать виртуальную систему науки, здравоохранения, культуры, сельского хозяйства, промышленности и т.п. Вводится ювенальная полиция, вторгаются в семью, семейные отношения, идет замещение коренных жителей страны. До сих пор в стране не создавались условия для выхода на разработку и реализацию стратегии, стратегического плана и программы устойчивого развития, до сих пор мы не вышли на разработку схем территориального развития и генпланирования развития территорий суверенного, «сильного и достойного» государства. Нет ни одного документа: не определены проблемы безопасности (экономической, социальной, экологической, институциональной, продовольственной, энергетической и др.); не выстроена кооперация усилия в части ресурсной, производственной, потребительской, обслуживающей и финансовой кооперации; не определены аспекты межведомственной, внутримunicipальной, внутрирегиональной, межрегиональной, межкрупной, международной кооперации и др. [1-17]

Мировому сообществу первоначально хотелось получить доступ к российским «необъятным» ресурсам (полезные ископаемые, инфраструктура, предприятия, отрасли, сырье и продукция, человеческий потенциал и капитал). В действительности произошло большее – был получен доступ к ресурсам, произошел захват добычи полезных ископаемых, переработки сырья, включая и химическое производство, произошла реструктуризация РАО-ЕС, РАО-ГАЗпром, естественных монополий – РЖД,

судоходных компаний и др., ослабление ОПК, традиционных профильных производств. Во внутреннем балансе страны постоянно создавались условия для перекачки капитала с промышленного сектора в ресурсный, пищевой. Происходит уничтожение национальных брендов, растет зависимость от импорта во всех сферах промышленности. Кроме того, до сих пор на Россию действуют ограничения на вступление в ассоциации производителей, действовала «поправка Вэника» (поправка 1974 года Джексона-Вэника - англ. Jackson-Vanik amendment), а теперь - Биль Магницкого, система санкций, разжигание вражды и ненависти к России [11].

В настоящее время уровень человеческого потенциала и человеческого капитала для России искусственно и существенно занижен, специально удерживаются на таком уровне (в состоянии «педикюлеза»), который позволяет только создавать рабочие места в добывающих отраслях, именно в направлении отведенной роли нашему государству, но теперь уже и система санкций старается уничтожить и эти сектора, Россию изолировать и вывести из всех политических и экономических отношений [11]. Подготовка специалистов – это как плата дани США, рабочих мест нет и создана ситуация для вывоза молодежи под видом обмена.

По этой причине (в противовес вышесказанному) следует начинать с ИДЕОЛОГИИ основных концептуальных подходов и принципов устройства государства (России), которые систематизируют и гармонизируют основные отношения групп населения РФ, формируют социальный и государственный заказ.

1. Приоритет методологического (концептуального и идеологического), научного, научно-методического, методического, учебно-методического, учебного, информационного и инновационного сопровождения, интеграции академической, вузовской и отраслевой науки в контексте разработки и реализации проектов и программ развития государства. В настоящее время наука России (академическая, вузовская, отраслевая наука) имеет высокий уровень развития и конкуренции, позволяющий производить анализ прошедших лет развития и новых предпочтений, обеспечить эффективное сопровождение разработки и реализации проектов и программ развития государства (экономики, политики, права и т.п.).

2. Приоритет программно-целевого, проектного развития территорий (государство, округ, регион, муниципальное образование, поселение) в соответствии с опытом работы, Градостроительным кодексом РФ и рекомендациями Минрегионразвития РФ: наличие Стратегии (на 25-30 лет), Стратегического плана (на 10-15 лет с комплексными целевыми программами по основным приоритетным направлениям развития) и Программы устойчивого развития (с мероприятиями и сметами затрат на 3 года, с экспресс-анализом затрат на 5 и 8 лет), Схемой территориального развития и Генпланированием [5]. Определение безопасности, проблем развития [17].

3. Гармонизация доходов и социального развития с позиции повышения качества жизни и благополучия развития территорий. Формирование личностно-ориентированного и системно-деятельностного подхода, когда в центре развития общества находится человек (обучение, воспитание и развитие человека, формирование личности и развитие индивидуальности, самоопределения, социальной и профессиональной адаптации, формирование компетенций и компетентностей, формирование культуры). Формирование и развитие в обществе рефлексивно-деятельностной развивающей среды.

«Главный принцип, на основе которого разрешаются противоречия между максимизацией богатства и человеческим развитием, формулируется следующим образом: «Национальное богатство может расширить возможности выбора для людей. Этого, однако, может и не произойти. Определяющим здесь является не само по себе богатство, а то, как его используют разные страны. И до тех пор, пока общество не осознает, что основное его богатство – это люди, излишняя озабоченность производством материальных благ будет заслонять конечные цели обогащения жизни людей»[11, 15, 17].

4. Приоритет организации социального развития общества, развития образования, здравоохранения, культуры, социальной защиты, физкультуры и спорта и т.п. Получение образования в контексте системы непрерывного образования на протяжении всей жизни, развития системы здравоохранения по пути решения проблем первичной, вторичной и третичной профилактики, повышения специфической и неспецифической резистентности организма. Обеспечение каждому жителю, каждому состоянию здоровья организма человека соответствующего достойного уровня благополучия, развития.

«Концепция человеческого развития предлагает четыре способа, с помощью которых можно добиться оптимизации связи между экономическим ростом и человеческим развитием:

- увеличить инвестиции в образование, здравоохранение, профессиональную подготовку, содействуя реализации способностей человека и его участию в производстве и распределении благ;*
- добиваться более справедливого распределения дохода и богатства, обеспечивая материальную основу развития человеческого потенциала;*
- достичь тщательной сбалансированности социальных расходов, всемерно укрепляя экономическую базу социальной сферы;*
- расширять возможности людей осуществлять свой выбор в политической, социальной и экономической сферах, уделяя особое внимание тем группам населения (в частности, женщинам), чьи возможности были по тем или иным причинам ограничены»[18, с.41].*

5. Формирование функциональной системы управления государства, внедрение систем ситуационного управления на базе логико-лингвистического моделирования. Формирование и развитием органов власти (представительной, исполнительной и судебной) по повышению эффективности управления развитием государства и территорий с учетом совершенствования органов местного самоуправления и внедрением элементов гражданского общества [5-7, 18]. Разработка регламентов, комплексных сбалансированных показателей. Определение роли партий в современных условиях, в контексте построения ИЗМов (либерализм, демократизм, социализм, капитализм, неолиберализм и т.п.) и наведения порядка. Происходит реальное снижение роли партий в направлении наведения порядка по пути гармонизации отношений, повышения качества жизни и благополучия развития территорий (об этом говорится постоянно после выборов с декабря 2011 г. и марта 2012 г.).

6. Формирование и поддержания состояния граждан государства в роли хозяев государства и его развития (выборы депутатов любого уровня, возможность выражения недоверия и отстранение от власти депутата, перевыборы депутата, выражения недоверия и роспуск парламента, возможность выражения недоверия должностному лицу и отстранения от должности, вплоть до импичмента президента, запрет должностному лицу имеющему «де-юре» или «де-факто» двойное гражданство быть выбранным в качестве руководителя правительства, парламента, суда и т.п., запрет работы на третью организацию, на третью страну).

Изложенный принцип давно уже является нормой в странах ЕС.

Реализация изложенного подхода для России является возможным, наша страна имеет богатый опыт (в прошлом и в современном мире), имеет все необходимые ресурсы и возможности по обеспечению развития России - сильной и достойной страны в мировом устройстве. Кроме того, как показывает опыт, Россия и ее граждане имеет свою миссию в процессе развития своего государства, а в соответствии с этим – и мира.

По этой причине целесообразно учитывать человеческий потенциал и человеческий капитал исходя из изложенной выше концепции качества жизни индивидуума (состояний здоровья и видов благополучия):

- качество жизни определяется двумя взаимообусловленными понятиями – состоянием здоровья и видами благополучия;
- человеческий потенциал определяется функциональной готовностью организма (компетенциями);
- человеческий капитал определяется функциональной активностью организма (компетентностями).

Оценку же развития человеческого потенциала следует осуществлять не только по ИРЧП, но и на основе модульно-рейтинговой технологии оценивания (подобно рейтинговым показателям: индекс Доу-Джонса, индексы деловой активности и т.п.).

Приведенные понятия могут быть распространены на группы людей и на социум, что в целом будет определять качество жизни, человеческий потенциал и человеческий капитал для групп людей (семья, предприятие, учреждение, организация), социума (страна, округ, регион, муниципальное образование, поселение, село, деревня и т.п.). На практике так и происходит, недостающая компетенция (человеческий потенциал) и компетентность (человеческий капитал) складывается за счёт интеграции усилий людей, специалистов (социальный потенциал, социальный капитал). По этой причине будет корректно применять введенные понятия – качество жизни, человеческий потенциал (функциональная

готовность, компетенции) и человеческий капитал (функциональная активность, компетентность) для страны, округа, региона, муниципального образования, поселения, села, деревни, семьи, предприятия, учреждения, организации и т.п. При этом необходимо рассматривать науку и образование как необходимые составляющие, как база для устойчивого развития России.

Для нашей страны (при значительных географических размерах, перечне климатических зон, численности населения, ресурсов) нет видимых ограничений на величину введенных понятий. Первое, что должно быть сделано в России – должен быть разработан весь перечень документов государственного планирования и управления с учетом вопросов безопасности страны, должен быть сформулирован социальный, государственный заказ.

В соответствии с этим требуется обобщать, разрабатывать и реализовывать многие проблемы – которые ведут Россию от КОЛОНИИ к суверенитету, прежде всего, к финансовому суверенитету. Как мы уже говорили, ресурсов у России достаточно.

Для обобщения и актуализации всех проблем мы ранее опубликовали перечень всех разделов и глав коллективной монографии. Приглашаем к сотрудничеству в написании монографии, преподавателей и студентов, выпускников ВУЗа, не только ПГНИУ, не только экономического университета и экономических специальностей - по разработке по этой тематике реальных курсовых и магистерских работ, дипломных проектов. Предлагаем интегрировать усилия вузовской, академической и отраслевой науки, организации, предприятия, корпорации по сопровождению разработки и реализации проектов и программ развития Пермского края и России. В этом комплексном решении и заключается суть системной работы.

Можно сформулировать и предложения в планы совместных работ академической, вузовской и отраслевой науки.

I. Основания развития региона, сфер, отраслей (фундаментальный, поисковый и прикладной аспекты)

II. Проблемы инновационного развития региона

III. Проблемы развития территорий

IV. Проблемы социальной сферы, образования, культуры, науки и др., проблемы развития отраслей, сфер, предприятий, учреждений, организаций. Межведомственное, межмуниципальное, межрегиональное, межкорпусное, международное сотрудничество.

V. Опыт развития, проблемы и возможности.

VI. Проектирование социальных и социально-экономических систем, в которых система образования и наука - являются необходимой базой устойчивого развития (т.е. развитие образования и науки в контексте разработки и реализации программ развития региона).

Остановимся более подробно на РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКЕ (с позиции разработки и реализации всего перечня документов по развитию промышленности и Пермского края).

Как мы уже говорили выше, региональная промышленная политика должна определяться в соответствии с ИДЕОЛОГИЕЙ развития России (Какую страну строим, для кого строим и как строим?). В соответствии со СТРАТЕГИЕЙ, СТРАТЕГИЧЕСКИМ ПЛАНом и ПРОГРАММОЙ устойчивого развития России, в соответствии со СХЕМОЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ и ГЕНПЛАНОВАНИЕМ России. Это определено многими нормативно-правовыми актами (Приказами, Градостроительным кодексом и др.) [5-7]

Невозможность такой работы состоит в том, что ни ИДЕОЛОГИИ, ни Стратегии, ни Стратегического плана, ни Программы устойчивого развития и других государственных документов планирования и управления у России просто нет по причине действия Колониальной Конституции, всего колониального институционального блока. Также важно напомнить, что основные моменты ИДЕОЛОГИИ, Стратегии, Стратегического плана развития целесообразно обсуждать и принимать референдумом, общим обсуждением, который у нас никогда не проводился.

1) Если бы все документы государственного планирования и управления у России были, то далее следовало бы произвести анализ существующей ситуации. Определить положительные и отрицательные тенденции и результаты в развитии России и региона, в развитии имеющихся международных альянсов, мира. Оценить, что необходимо сделать для усиления положительных и ослабления отрицательных тенденций и результатов в развитии России и региона.

2) Далее, промышленная политика должна быть отражена в Стратегии и Стратегическом плане развития, в том числе с учетом вхождения в международные сообщества, проекты и программы (например, в ВТО, Евроазиатский экономический союз государств, ШОС, БРИКС и др.). Стратегия (разрабатывается на 25-30 лет [2, 5], с перечнем целевых ориентиров на ближнюю и на дальнюю перспективу. В соответствии с последними рекомендациями Правительства РФ – речь идет о комплексных сбалансированных показателях на переход к балансу экономических, социальных, институциональных и экологических составляющих устойчивого развития. Стратегический план разрабатывается на 10-15 лет, в котором обосновываются приоритеты («золотые звенья цепи», за которые можно «вытянуть» решение большинства проблем, включая и развитие, приводится по каждому направлению перечень стратегических целей и задач, перечень стратегических проектов и программ, стратегических подпроектов и подпрограмм).

3) Выстроить цели (первого и второго рода) и задачи, наметить принципы реализации целей и задач с имеющимися положительными примерами проектов по их осуществлению в России и за рубежом. Оценить вопросы безопасности для России.

4) Провести анализ по Стратегическому плану последовательности реализации проектов в различных сценариях, наиболее успешный вариант изложить в качестве Концепции реализации Программы по исполнению целей и задач по вхождению в ВТО.

5) Далее следует перейти к формированию Программы (с мероприятиями и сметой затрат на 1-5 лет и экспресс-анализом затрат на 8 лет). Наметить блоки функционирования, развития и обеспечения (функционирования и развития). Блок функционирования (функционирования в развитии) включает в себя этапы проектов и мероприятия, деятельность, которые обеспечивают функционирование отраслей, сфер, территорий [3], обязательную деятельность (выполнение которой на данный момент является обязательным, необходимым). Блок развития включает проекты, которые через их выполнение выполняют задачи по развитию сфер, отраслей, территорий, постепенно переходя и переводя деятельность в блок функционирования. Этим обеспечивается ежегодное (или от этапа к этапу) перераспределение функций и средств, при этом, не приводя к существенному увеличению средств. Блок обеспечения содержит следующие составляющие: совершение системы управления и структурное обеспечение реализации программы, мониторинг условий, процесса и результата, регламентацию деятельности, создание координационных советов с экспертными группами по направлениям и др.; нормативно-правовое; методологическое, научное и научно-методическое; кадровое (подготовка, переподготовка и повышение квалификации специалистов); медико-социально-психолого-педагогическое; материально-техническое; финансовое, финансовый менеджмент) [5-7].

Инновационный путь развития легко понять по механизму управления блоками программы устойчивого развития региона.

6) Должны быть оценены условия успешной реализации Программы, даны предложения на международный, федеральный, окружной, краевой, МО, поселения, по формированию работ по развитию органов местного самоуправления и развитию элементов гражданского общества, международных институтов (ООН и др., экспертный совет, общественный Институт устойчивого развития стран евроазиатского экономического союза совместно с Казахстаном, Белоруссией, Абхазией, Арменией, Киргизией и др.); вопросы безопасности; развитие межведомственной, внутрирегиональной, межокружной и международной кооперации.

7) Снижение угроз, рисков и возможных отрицательных последствий при реализации Программы [15].

8) Реестр проектов, подпроектов, программ и подпрограмм.

9) План мероприятий и смета расходов.

Только таким образом можно выстроить плановое развитие страны, с сочетанием механизмов - рыночных и смешанных (плановых и рыночных).

Как мы понимаем, ничего подобного не сделано. Также не были сформулированы принципы адаптации России и адаптивного управления в том числе и по вхождению России в ВТО. Все это в 2014-2015 годах усугубляется глобальным кредитным крахом и крахом идеологии однополярного мира, нарушением международных прав, диктатом США с развязыванием по всему миру войн.

Предлагаем начать совместную работу с написания представленной в докладе коллективной монографии [16], других коллективных монографий. У нас с Вами почти все исследования выполнены,

так что проблем в их написании нет. Предлагаем сформировать координационный совет и экспертные группы по направлениям развития промышленности по сопровождению разработки и реализации проектов, программ.

Предлагаем объединиться вузовской, академической и отраслевой науке, прежде всего, для сопровождения разработки и реализации всего комплекса государственных документов по планированию и управлению устойчивым развитием ПК, промышленности Пермского края. Это и ИДЕОЛОГИЯ, Стратегия, Стратегический план и Программа устойчивого развития ПК, промышленности Пермского края; Схемы территориального планирования, Генпланирования. Сопровождение включает следующие совместные работы: методологические, научные, научно-методические, методические, учебно-методические, учебные, информационное и инновационное сопровождение.

Предлагаем с этой целью организовать Институт устойчивого развития Пермского края на основе работы ВТК (временных творческих коллективов). Подобный институт мы создавали в 90-е годы и организовывали его работу для г.Перми. Наука и образование в нем выполняли роль основной базы для социально-экономического развития, препятствовали развалу системы образования до момента глубокой экспансии Запада, США в нашем регионе и в стране. Пора уже восстановить эту конструктивную работу. Особенно в условиях развития адаптивного управления, стратегического управления [7, 15].

Подобную работу мы ведем по созданию и организации работы Национального института устойчивого развития стран евроазиатского экономического союза. Многие согласования уже проведены, в том числе и выполнены необходимые поездки в Казахстан, Белоруссию и др. Также мы создали Национальный фонд развития ЖКХ, Национальный НИИ управления развитием ЖКХ. Пора наступать активности регионов, в том числе и в Пермском крае, где должен отдаваться приоритеты сотрудничеству, исключению коррупции в развитии исследований, науки, образования, инноваций. Пора начать спрашивать за выполненные и невыполненные работы.

Список литературы

1. Градостроительный кодекс РФ.
2. Приказ №14 от 2007 года Министерства регионального развития РФ.
3. Модернизация социально-экономического развития муниципальных образований: В 2 т./РАН, УрО, Ин-т экономики; под общ.ред. А.И. Татаркина; [редкол.: А.И. Татаркин (предисл.) и др.]. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2006., 1 т. 445 с., 2 т. 481 с.
4. Клименков Г.В., Кукор Б.Л. Инновационное развитие оборонно-промышленного комплекса в рыночных условиях / РАН, УрО, Ин-т экономики; под общ.ред. Г.В. Клименкова. ООО «Издательский дом «Ника»: Пермь, 2008. 162 с.
5. Научные, методические и информационные материалы по разработке и реализации Стратегии, Стратегического плана и Программы устойчивого развития муниципального образования // Под научн. ред. к.т.н., Г.В. Клименкова / Пермский филиал Института экономики Уральского отделения Российской академии наук. Пермь.: ООО «Издательский дом «Ника», 2008 322 с.
6. Пыткин А.Н., Клименков Г.В., Нагибина Т.В. и др. Теоретико-методологические основы совершенствования местного самоуправления и административная реформа / Пермский филиал Института экономики Уральского отделения РАН, Дума ХМАО-Югры Пермь.: ООО «Издательский дом «Ника», 2008 385 с.
7. Кукор Б.Л., Пыткин А.Н., Клименков Г.В. Основы стратегического управления в региональной экономике (построение систем ситуационного управления на базе логико-лингвистического моделирования) // РАН, УрО, Ин-т экономики; под общ.ред. Б.Л. Кукора. ООО «Издательский дом «Ника»: Пермь, 2009. 337 с.
8. Клименков Г.В., Пыткин А.Н. Структурная модернизация промышленности / Пермский филиал Института экономики УрО РАН; под общ.ред. Г.В. Клименкова. ООО «Издательский дом «Ника»: Пермь, 2010. 237 с.
9. Кукор Б.Л., Пыткин А.Н., Клименков Г.В. и др. Теоретические основы формирования и функционирования соморазвивающихся экономических систем / Кукор Б.Л., Пыткин А.Н., Клименков Г.В., Мишарин Ю.В., Атаманова Е.А., Дымковец И.И., Зинченко А.В., Москвин С.В., Бабко А.Т., Иванова И.Ю., Барташева О.А., Варламова Ю.В., Зубарев С.Н., Фейгин Г.Ф., Одинцов С.С., Филимонова А.П., Кустов А.Ю., Смольянинова В.А., под общ. Ред. А.Н. Пыткина и Б.Л. Кукора. – ООО «Издательский дом «Ника»: Пермь. 2011. 110 с.
10. Клименков Г.В., Пыткин А.Н., Кукор Б.Л. и др. Теория стратегического анализа и методология управления предприятием, отраслью в конкурентной среде / Клименков Г.В., Пыткин А.Н., Кукор Б.Л., Мишарин Ю.В., Атаманова Е.А., Главацкий В.Б., Дымковец И.И., Белых А.В., Суханов А.Н., Зинченко А.В., Столбов А.Г.,

Кузнецова Е.С., Москвин С.В., Малыгин Е.А., Бабко А.Т., Иванова И.Ю., Зубарев С.Н., Одинцов С.С., Филимонов А.П., Кустов А.Ю., Юрчик А.А., под общ.ред. А.Н. Пыткина и Б.Л. Кукора. ООО «Издательский дом «Ника»: Пермь, 2012. 300 с.

11. Основы формирования региональной политики развития человеческого потенциала региона / коллектив авторов (отв.ред. – д.э.н., проф. Шеломенцев А.Г.) / Институт экономики Урал. отд-ния Рос. акад. наук,; под общ.ред. А.И. Татаркина. – Екатеринбург, ООО «Издательство ИЭ УрО РАН», 2012. 214 с.

12. Продовольственный рынок регионов России в системе глобальных рисков / Под общей редакцией академика РАН А.И.Татаркина – Екаеринбург; УрО РАН, 2012. 338 с.

13. Клименков Г.В., Пыткин А.Н. Структурная модернизация промышленности / Пермский филиал Института экономики УрО РАН; под общ.ред. Г.В. Клименкова. ООО «Издательский дом «Ника»: Пермь, 2013. 240 с.

14. Кукор Б.Л., Клименков Г.В., Одинцов С.С., Мелешин К.Ю. Основы теории адаптивного управления промышленным комплексом региона /под общ.ред. Б.Л. Кукора и Г.В. Клименкова. ООО «Издательство Института экономики УрО РАН»: Пермь, 2013. 107 с.

15. Кукор Б.Л., Пыткин А.Н., Клименков Г.В., Одинцов С.С., Мелешин К.Ю., Зубарев С.Н. Концептуальные положения и методологические подходы совершенствования адаптивного управления промышленным комплексом региона в конкурентной среде/под общ.ред. Б.Л. Кукора и Г.В. Клименкова. ООО «Издательство Института экономики УрО РАН»: Пермь, 2014. 186 с.

16. Клименков Г.В., Широковских Е.Г., Вавилова М.С. Россия и ВТО: два года после вхождения // Региональная промышленная политика как база качественного неоиндустриального подъема производительности труда и инновационной конкурентоспособности корпораций: материалы VII Международной научно-практической конференции / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2014. с. 80-83

17. Экономическая безопасность России: уроки кризиса и перспективы роста / Под ред. В.А. Черешнева, А.И. Татаркина, М.В. Федорова. Т.1. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2012. 1312 с.

PROBLEMS OF REGIONAL INDUSTRIAL POLICY ...

G. Klimenkov,

E-mail: kgv_perm@mail.ru

E. Shirokovskikh,

E-mail: kgv_perm@mail.ru

M. Vavilova,

E-mail: finansy.pfie@mail.ru

Perm branch "Institute of Economics of UB RAS"

The article provides an explanation of what needs to be done on the development of adaptive management industry, the regions of Russia, and Russia, on the whole, in the context of sustainable development.

Keywords: regional industrial complex, adaptive control, innovative sustainable socio-economic system.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Д.В. Климов, канд. экон. наук, доц. кафедры предпринимательства и экономической безопасности,
Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, г.Пермь, ул.Букирева,15

Для российской власти сегодня проблематика регионального развития – это воистину terra incognita. Ее отношение к территориальным проблемам можно наблюдать на примере министерства, призванного заниматься проблемами региональной политики. Государство находится в затруднительном положении относительно предмета его деятельности. Об этом свидетельствуют многочисленные переименования «регионального» министерства. В конце концов не нашли ничего лучше, как распустить (упразднить) совсем (Указом Президента РФ от 16 октября 2001 года № 1230). Но здравый смысл все же восторжествовал, и профильное Министерство регионального развития РФ в сентябре 2004 года Постановлением Правительства РФ было возрождено. Причем воссозданное министерство наделялось огромными полномочиями. К его функциям относилась выработка государственной политики и нормативно-правового регулирования в сфере социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, федеративных и национальных отношений, разграничения полномочий по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации и так далее. Знающие люди, хорошо осведомленные о реальных возможностях министерства, его кадровом потенциале, только пожимали плечами. И действительно, в Положение о Министерстве с тех пор многократно вносились изменения, в частности, Постановлением Правительства РФ от 18 ноября 2013 года № 1036 была отменена часть полномочий Министерства, и вскоре все встало на свои привычные места.

После 2004 года название министерства оставалось прежним, но интенсивно менялись его руководители. Должность Министра с тех пор занимали шесть человек. Только в 2012 году первых руководителей было трое. В связи с образованием все новых министерств, касающихся развития наиболее проблемных «критически важных» территорий (по развитию Дальнего Востока от 21 мая 2012 года, по делам Крыма от 31 марта 2014 года, по делам Северного Кавказа от 12 мая 2014 года), судьба Министерства регионального развития РФ вновь под вопросом.

Территория Российской Федерации, охватывая девять часовых поясов, включая девять природных зон, являясь самой крупной из стран мира, объективно порождает значительную контрастность социально-экономических и бюджетно-финансовых показателей ее регионов и муниципалитетов. Наряду с естественными ресурсными, природно-климатическими факторами, истоки дифференциации обусловлены также инвестиционной историей, современными особенностями региональной инвестиционной политики бизнеса и государства, а также советским наследием, связанным с «рациональным размещением производительных сил» и «формированием единой системы расселения».

Наличие дисбалансов в развитии регионов и муниципальных образований связывается с двумя взаимосвязанными аспектами — вертикальным и горизонтальным: несоответствием доходных источников и расходных полномочий; резкими различиями по основным экономическим, социальным и финансовым показателям на территории страны, разными возможностями для реализации конституционных прав граждан, связанных с удовлетворением социальных потребностей.

Лидерами роста производства являются Северо-Кавказский и Дальневосточный федеральный округа, получающие мощную государственную поддержку, что позволило им сохранить положительную динамику ВРП в 2009 - 2010 годах, а также Южный и Северо-Западный федеральные округа, темпы роста производства в которых превышали среднероссийские. Их преимущества были обусловлены реализацией крупных инвестиционных проектов, в том числе с государственным участием, ростом столичных агломераций.

Темпы роста ВРП в крупнейших индустриальных регионах России - Уральском, Сибирском и Приволжском были ниже средних по стране, что было обусловлено кризисным падением цен на

основные продукты их экспорта, а также прогрессирующим снижением конкурентоспособности производства, старением производственного аппарата, недостаточными темпами модернизации производства, а для восточных районов - низким уровнем развития инфраструктуры и негативным воздействием удорожающих факторов.

Высокие темпы роста в регионах с относительно небольшим экономическим потенциалом не привели к существенным изменениям пространственного распределения производства и доходов. [4]

Российское государство признает наличие региональной поляризации. Особое место в федеральной политике регионального выравнивания занимает созданный в 1994 году трансфертный (дотационный) механизм поддержки, заменивший существовавшие до этого времени фактически договорные процедуры с регионами. Все эти годы конструкция трансфертного механизма, как и формулировки его целей, постоянно менялась.

Практическая политика выравнивания на уровне субъектов Федерации осуществляется федеральными властями, прежде всего Минфином РФ, применительно к показателям бюджетной обеспеченности регионов. Замысел, лежащий в основе этой политики, состоит в требовании если не довести душевые бюджетные доходы и расходы сравнительно отсталых регионов до среднего по стране уровня, то хотя бы существенно их сблизить.

Идея подхода к исчислению дотаций на выравнивание состоит, грубо говоря, в сопоставлении налоговых возможностей региона и общероссийских показателей. Более точно: объем дотаций в регион пропорционален отклонению налогового потенциала региона (на душу населения), скорректированного на индекс бюджетных расходов (цену услуг), от среднероссийского значения. Чем меньше так посчитанные налоговые возможности, тем на больший объем дотаций регион может претендовать. Источником дотаций является специально созданный в структуре федерального бюджета Фонд финансовой поддержки регионов (ФФПР). Регионы-лидеры, имеющие соответствующий показатель лучше среднероссийского, в значительной степени формирующие федеральный бюджет, к распределению ресурсов ФФПР не допускаются. Своеобразие этого подхода (наряду с прочим) состоит в том, что цель поддержки, несмотря на использование формализованных процедур, не формулируется в явном виде, не обозначены сколько-нибудь системно условия и ограничения. Иначе говоря, известен алгоритм распределения фонда, но не известна задача, которая при этом решается. С точки зрения современных методов моделирования используемый алгоритм выглядит достаточно архаично.

С момента создания трансфертный механизм регулярно подвергается острой критике. Обычно утверждается, что он создает условия для возникновения «иждивенческих настроений» в регионах. В свою очередь у его разработчиков есть своя принципиальная позиция: «Основная цель распределения финансовой помощи — выравнивание объективно сложившихся различий в бюджетной обеспеченности регионов. Создание стимулов для экономического развития и наращивания собственных бюджетных доходов должно обеспечиваться другими средствами».

Оценка существующего вот уже 20 лет трансфертного механизма неоднозначна. С тактической точки зрения трансферты (дотации) играют значительную роль во многих регионах, позволяя им как-то сводить концы с концами. Вместе с тем с позиции решения стратегических задач подтягивания отстающих регионов трансфертный механизм оказался несостоятельным.

В каждом данном году сбалансированность бюджетной обеспеченности после предоставления федеральной поддержки, естественно, улучшается. За счет помощи отстающим регионам показатели их бюджетной обеспеченности приближаются к средним по стране характеристикам, сближаются с лидерами. Вместе тем сами эти бюджетные различия как до, так и после распределения трансфертов в первой половине нулевых годов заметно увеличивались. Более того, мера сбалансированности после распределения трансфертов в 2004–2005 годах воспроизводит базисную ситуацию двух-трехгодичной давности. Иначе говоря, сотни миллиардов рублей «на выравнивание» с очевидностью не достигали своих стратегических целей. При этом потребность в трансфертах, дотациях на выравнивание возрастала.

Со второй половины нулевых годов сбалансированность бюджетной обеспеченности регионов заметно улучшается. Но это улучшение, особенно в 2006 году, очень своеобразное, связано отнюдь не с преимущественным ростом и развитием отстающих регионов. Происходит не столько подтягивание аутсайдеров до среднероссийского уровня, сколько «опускание» лидеров. Основная, но не единственная причина «позитивных» изменений — арифметическая, обусловлена объединением регионов, сокращением числа субъектов Федерации, имеющих бюджетную обеспеченность существенно более высокую, чем

в среднем по стране. Формальное сокращение количества регионов-лидеров должно было привести и привело к росту расчетной оценки сбалансированности.

В целом за 2013 год ситуация, касающаяся бюджетной обеспеченности до распределения трансфертов, выглядит следующим образом. Соответствующий показатель у 29 регионов составляет менее половины от среднероссийского уровня (принимаемого за 1,0), у 57 регионов — менее трех четвертей. У семи регионов — чуть более 1,0 и у четырех — значительно больше: Сахалинская область — 1,499, Санкт-Петербург — 1,75, Тюменская область — 2,534, Москва — 3,399. Каких-либо ощутимых изменений за 20 лет не произошло.

Как бы то ни было со второй половины нулевых годов тренд, касающийся сбалансированности показателей бюджетной обеспеченности регионов, изменился и приобрел давно ожидаемое направление. Можно высказать гипотезу, состоящую в том, что смена тренда связана с появлением в методиках Минфина с 2007 года новых отсутствующих до этого сюжетов, направленных на мотивацию к росту налоговых доходов. Смысл новаций в том, что регионы с преимущественным темпом роста имеют возможность получать некоторый дополнительный (стимулирующий) объем дотаций. Например, если темпы роста прибыли крупных и средних предприятий, фонда начисленной заработной платы работникам субъекта РФ превышают средние по РФ значения, осуществляется специальное стимулирование. В конце 2011 года на совещании высокого уровня вносилось предложение об установлении предела выравнивания бюджетной обеспеченности на границе 85% от среднего, вместо 100%. Аргумент: появляется возможность направить миллиарды сэкономленных рублей регионам с объективно низким уровнем бюджетной обеспеченности и так далее.[1]

Груз полномочий, установленных для субфедерального уровня, неизменно ставит соответствующие власти в положение недостаточно исполняющих эти полномочия и по объему, и по качеству предоставляемых гражданам услуг. Это следствие дисбаланса между объемом полномочий и соответствующими расходными обязательствами, уровнем их финансового обеспечения.

Ситуация полностью воспроизводится на уровне муниципалитетов. Субрегиональные методики в своем большинстве повторяют концептуальные подходы Центра применительно к регионам со всеми их достоинствами и недостатками. Достижение сбалансированности доходных источников и расходных полномочий являлось одной из ключевых задач реформы местного самоуправления начала 2000-х. В Федеральном законе № 131-ФЗ были закреплены вопросы местного значения для всех типов муниципальных образований. При этом их количество ежегодно возрастало, в то время как статьи, касающиеся доходных источников, почти не редактировались, последовательного увеличения объема доходных ресурсов муниципалитетов, как правило, не происходило.

К началу муниципальной реформы за местным уровнем были закреплены нормативные отчисления от 10 федеральных и региональных налогов. По результатам реформы их осталось значительно меньше.

Анализ показывает, что положительная динамика по ЕНВД и единому сельскохозяйственному налогу не может компенсировать даже снижение норматива по НДФЛ. Правда с 2013 года налог, взимаемый в связи с применением патентной системы налогообложения, полностью поступает в бюджет муниципального образования. В целом зависимость муниципальных бюджетов от безвозмездных поступлений (межбюджетных трансфертов) не только не снижается, но и продолжает постепенно расти. Ни о какой самостоятельности в исполнении установленных федеральным «центром» и субъектами РФ полномочий, равно как и в бюджетном обеспечении связанных с этим расходных обязательств, у подавляющего большинства российских органов местного самоуправления не было и нет.

В целом реализация сложившейся концепции, современных форм поддержки регионов и муниципалитетов в рамках межбюджетных отношений год от года наталкивается на некие невидимые преграды и барьеры, является крайне неэффективной. Импульсы к выравниванию, закладываемые этой идеологической платформой фактически за счет механического перераспределения через федеральный бюджет ресурсов от богатых территорий к аутсайдерам, свободные от долговременной позитивной мотивационной составляющей, быстро ослабевают и гасятся.

Методические модернизации базируются на накопленном опыте «проб и ошибок». Последние новации хотя и полезны, но разрознены, не имеют системного характера, не базируются на фундаментальных научных проработках, порой противоречивы, а потому не в состоянии отменить коренных методологических пороков существующих подходов к выравниванию, довести современные идеи до принципиально нового качества.

Не можем не обратить внимание на некоторые предложения, с помощью которых вольно или невольно пытаются очень сложную социально-экономическую проблему решить чрезвычайно простыми и весьма сомнительными методами. В радикальной формулировке, принадлежащей в свое время бывшему министру регионального развития России Владимиру Яковлеву, это выглядит следующим образом: «Надо отказаться от политики выравнивания». Близкие по духу идеи поддержки исключительно регионов-локомотивов встречаются и в новейшее время. Иначе говоря, вместо анализа истоков проблем ставится под сомнение сама задача. Смена приоритетов, акцентов не должна доводиться до крайности, не следует с водой выплескивать и ребенка.

Отказ от существующей преимущественно социальной парадигмы, разработка и осуществление новой социально-экономической концепции являются решающими условиями принципиального оздоровления межбюджетных отношений на всех этапах бюджетной системы. Суть новой концепции состоит в переходе от методов временного ослабления региональной дифференциации, базирующихся преимущественно на процессах территориального перераспределения ресурсов, к подходам, основанным на региональном развитии с упором прежде всего как на собственные источники, так и современные инструменты государственно-частного (частно-муниципального) партнерства, регионального взаимодействия. Эффективное решение проблемы сбалансированности бюджетной обеспеченности регионов и муниципалитетов может быть достигнуто только в долгосрочной перспективе и только как тенденция.

Внешняя помощь должна рассматриваться не только как метод решения исключительно текущих региональных и муниципальных задач, но во все большей степени как инструмент среднесрочного и долгосрочного развития, с преобладанием постепенно, но последовательно все большей инвестиционной и инновационной составляющей. Речь идет о создании институциональных и всех иных условий, при которых становятся возможными серьезные структурные преобразования в политике расходования бюджетных средств, известная часть межбюджетных дотаций трансформируется в инвестиции и становится собственным источником доходной базы за счет прироста финансов от налогов.

Готовящиеся предложения по децентрализации доходных (налоговых) источников должны быть дополнены требованием формирования со стороны региональных и местных властей адекватной инвестиционной политики, способствующей развитию собственной налоговой базы, последовательно сокращающей зависимость от внешних финансовых источников. Необходимо также твердо и последовательно сокращать во времени разрыв между бюджетными расходами и собственными доходами, поставить рост расходов и потребления в определенную и достаточно жесткую зависимость от увеличения собственных доходов, последовательно разрушить сложившийся механизм роста потребления за счет внешних финансовых ресурсов.[1]

В середине мая президент России Владимир Путин поручил правительству РФ разработать предложения по снижению долговой нагрузки на российские регионы — в последние годы бюджеты субъектов федерации лавинообразно стали впадать в финансовую зависимость от дорогостоящих кредитов коммерческих организаций. Подготовить предложения для оздоровления финансового состояния бюджетов субъектов РФ кабинету министров РФ поручено к 1 августа 2014 года.

Не дожидаясь окончания отведенного срока, премьер-министр России Дмитрий Медведев на селекторном совещании с главами регионов 21 мая 2014 уже обозначил возможные пути балансирования региональных бюджетов. В первую очередь «правительство выйдет с инициативой увеличить объем бюджетного кредитования на 100 млрд. рублей и также предусмотреть еще 25 млрд. на сбалансированность (консолидированных бюджетов субъектов РФ)», — заявил председатель правительства, оговорившись, что эти цифры могут быть скорректированы при рассмотрении соответствующего законопроекта в Госдуме и Совете Федерации (цитируем по официальному сайту партии Единая Россия). Кроме того, Медведев посоветовал регионам не разбрасываться налоговыми льготами, чтобы не создавать ситуации выпадающих доходов: «Предлагаю подумать еще раз об эффективности налоговых льгот. Имею в виду, что льготы, которые не стимулируют инвестиционную активность, нужно пересматривать или просто от них отказываться».

Стоит отметить, что проблема кредиторской задолженности в целом для уральских областей не характерна. Наиболее самодостаточный в стране бюджет Ненецкого автономного округа — всего 8 млн. рублей заимствований. На второй и третьей позиции с минимальными отличиями по величине госдолга расположились уральцы — Пермский край (681 млн. рублей) и Тюменская область (799 млн. рублей).

Замыкает выборку лидеров значительно отстающий от первой тройки Алтайский край — здесь накопили уже 3 млрд. рублей.

Никто из территорий Урала и Западной Сибири не попал в число однозначных аутсайдеров. Даже самая проблемная губерния нашего региона — Удмуртия, задолжавшая уже 33,7 млрд. рублей, составляющие 58% от собственных доходов республиканского бюджета, ни по одному из рассмотренных Минрегионом показателей не входит в десятку отечественных аутсайдеров. Вторая по «проблемности» казна в нашем регионе, оренбургская (накопленный госдолг — 25,4 млрд. рублей), в расчетах федерального ведомства по некоторым показателям и вовсе оказалась успешней среднего по стране.

Несмотря на то, что в первом квартале 2014 года экономика Урало-Западносибирского региона развивалась хуже, чем страна в целом, бюджетная ситуация на Урале не дестабилизировалась. Суммарно по региону за первые три месяца 2014 года совокупные бюджетные доходы достигли 291,8 млрд. рублей, за тот же период прошлого года — 256,2. Пока спад чувствуется разве что в Свердловской и Челябинской областях, где снижаются сборы налога на прибыль: за первый квартал поступления в казну Среднего Урала составили 11,9 млрд. рублей (за тот же период прошлого года — 15,6 млрд. рублей), Южного Урала — 4,8 миллиарда (в 2013 году — 5,5 млрд. рублей). Конечно, стоит помнить, что поступления налоговых доходов в начале года обеспечены авансовыми платежами со стороны крупнейших компаний в региональную казну, и размер этих платежей достаточно велик (прогнозируется на основе объемов прибыли прошлых лет). Реальная прибыль тем временем ощутимо падает. И как бы уже бюджетам не пришлось возвращать промышленникам переплаты по авансовым платежам, после того как коммерческие структуры рассчитают реальную прибыль.[2]

Кредитная ситуация за первый квартал 2014 года, по данным Федерального казначейства, на Урале тоже сильно не изменилась. Бюджетных кредитов уральским территориям уже давно не выписывают, и начало текущего года из общей тенденции не выбилось. Приходится обходиться дорогими коммерческими займами. Больше всего в начале года с ними работали ЯНАО и Югра, причем последняя в результате прилично нарастила совокупную задолженность — на 2,2 млрд. рублей. Никак не избавится от кредитной зависимости Удмуртия — плюс 2,1 млрд. рублей долга, что ожидаемо. Привлекали и в то же время возвращали серьезные кредитные ресурсы Оренбуржье и Свердловская область, но прироста долговой массы здесь не обнаруживается. Тюмень и Пермь по-прежнему стараются не касаться заемных средств. Учитывая ниспадающую конъюнктуру начала 2014 года, уральские территории в число отечественных аутсайдеров по показателю накопленной задолженности среди российских областей вряд ли попадут. Раз так, то ожидать федеральной помощи в качестве основных страдальцев нам не стоит (разве что Удмуртская Республика может на нее претендовать).

Тем не менее, претендовать на получение заявленной Дмитрием Медведевым финансовой помощи имеет смысл. Судя по всему, наиболее активен в этом процессе Пермский край. Еще в прошлом году губернатор Прикамья Виктор Басаргин сетовал, что подведомственная ему территория теряет экономическую динамику из-за реорганизации многих холдинговых структур — центры управления активами вымываются с территории края. Особенно острое развитие ситуация получила с перемещением управленческих компетенций Пермского моторостроительного комплекса в пользу Рыбинска по инициативе Объединенной двигателестроительной корпорации. В апреле губернатор Басаргин даже написал письмо президенту Путину о поддержке развития газотурбинной отрасли в крае.

Как следствие, в условиях разрешенной с 2012 года отчетности консолидированных групп налогоплательщиков, Пермский бюджет серьезно недосчитывается поступления налога на прибыль: по данным финансового ведомства региона, выпадающие по указанной причине доходы региональной казны в 2014 году составляют около 3 млрд. рублей. Узнав, что правительство страны собирается увеличивать объемы дотаций на балансировку региональных бюджетов, председатель правительства Прикамья Геннадий Тушнолобов выразил надежду, что хотя бы часть выпадающей суммы федерация возместит краевой казне. Во многом из-за этого запланированный на май пересмотр параметров прикамского бюджета отложен на июньское заседание Законодательного собрания Пермского края.[2]

Что касается Пермского края, то в части территориального развития он характеризуется мелкоселенностью, то есть большим количеством разбросанных, мелких деревень и поселков, многие из которых не имеют собственных доходов и отдалены от основных осей развития, слабой транспортной связанностью и удаленностью от крупных межрегиональных и международных транспортных хабов, что отрицательно сказывается на динамике экономического развития.

Согласно Закону Пермского края №140-ПК от 20.12.2012 г. «О программе социально-экономического развития Пермского края на 2012-2016 годы» основными проблемами и рисками функционально-целевого направления «Территориальное развитие» в Пермском крае являются недостаточная эффективность двухуровневой системы муниципального управления, отсутствие четкого разграничения полномочий между исполнительными органами государственной власти Пермского края и органами местного самоуправления Пермского края, муниципальными районами и поселениями, высокий уровень дотационности муниципальных образований, не позволяющий эффективно и в полной мере реализовывать свои полномочия по решению вопросов местного значения, большое количество малочисленных муниципальных образований Пермского края с высокими затратами на содержание органов местного самоуправления, превышающими собственные доходы местных бюджетов и многие другие.

К тому же в этом законе и оговорены основные цели и задачи территориального развития Пермского края, а также механизмы реализации поставленных задач. К ним относятся: Долгосрочные целевые программы («Комплексный инвестиционный план модернизации города Чусового Пермского края на 2010-2015 годы» (постановление Правительства Пермского края от 8 декабря 2010 г. № 1009-п)), проекты («Оптимизация административно-территориального устройства Пермского края», в рамках которого предусмотрена концепция укрупнения муниципальных образований, с учетом территориально-экономических особенностей и кластерного подхода, и определение «точек роста» для придания импульса социально-экономическому развитию территорий Пермского края), различные мероприятия.[3]

Исходя из комплекса мероприятий, направленных на территориальное развитие к концу 2016 года ожидается:

1. Увеличение индекса обеспеченности бюджетов муниципальных районов, городских округов (собственные доходы бюджетов муниципальных районов, городских округов/текущие расходы бюджетов) до уровня 1,28
2. Увеличение количества муниципальных районов, городских округов с индексом обеспеченности более 1 до 39
3. Обеспечение обучения по программам повышения квалификации не менее 5679 муниципальных служащих за период с 2012 по 2014 год
4. Увеличение доли налоговых, неналоговых консолидированных бюджетов муниципальных районов и городских округов в общем объеме доходов консолидированных бюджетов муниципальных районов и городских округов (без учета субвенций) до 64,44%
5. Уменьшение доли текущих расходов в расходах консолидированных бюджетов муниципальных районов и городских округов до 62%
6. Уменьшение доли расходов на содержание органов местного самоуправления Пермского края в общем объеме расходов, в том числе: по краю – до 6,2%; муниципальных районов – до 5%; городских округов – до 5,1%; городских поселений – до 11,5%; сельских поселений – до 20%
7. Обеспечение освоения средств регионального фонда софинансирования расходов (перечислено в муниципальные бюджеты от объемов субсидий, утвержденных постановлениями Правительства Пермского края) на уровне 95%.[3]

Список литературы

1. Интернет источник: Эксперт Online, Регионы и муниципалитеты: опора на развитие, «Эксперт Сибирь» № 23 (420) от 02.06.2014 г. - <http://expert.ru/siberia/2014/23/regionyi-i-munitsipaliteti-opora-na-razviti/>
2. Интернет источник: Эксперт Online, Дам или не дам, «Эксперт Урал» № 23 (603) от 02.06.2014 г. <http://expert.ru/ural/2014/23/mozhet-dam-mozhet-vam/>
3. Закон Пермского края №140-ПК от 20.12.2012 г. «О программе социально-экономического развития Пермского края на 2012-2016 годы»
4. «Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года».

SOME ASPECTS OF REGIONAL DEVELOPMENT OF RUSSIA

D. Klimov,
Perm State University

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОНИТОРИНГА РЕГИОНАЛЬНОГО НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА

Г.В. Кутергина, канд. экон. наук, доц. кафедры мировой и региональной экономики и экономической теории,

Электронный адрес: gkutergina@psu.ru

Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, 614990 ул. Букирева, 15

О.Г. Иванова, ст. преподаватель кафедры экономики,

Электронный адрес: ol.ivanova.55@mail.ru

Пермский государственный гуманитарный педагогический университет, г. Пермь ул. Сибирская, 24

Актуальность формирования системы непрерывного регионального мониторинга функционирования нефтегазовой отрасли в регионе обосновывается стратегически важной ролью нефтегазового комплекса в развитии нефтеносного региона, существенной зависимостью экономики региона и его финансовой системы от инвестиционной стратегии нефтегазовых компаний, базирующихся в регионе. Региональный мониторинг рассматривается как процесс систематических, повторяющихся наблюдений, анализа и оценки в соответствии с заранее разработанной программой. На основе анализа понятий мониторинг, кластер, территориально-производственный комплекс рассматриваются формы межхозяйственного взаимодействия в нефтегазовой отрасли на примере Пермского края. На основе вывода об отсутствии конкуренции в сферах добычи нефти и газа, а также производства нефтепродуктов, обосновывается наличие в Пермском крае нефтегазового комплекса. В статье приведены результаты выполненной авторами аналитической работы по структурированию нефтегазового комплекса в Пермском крае и оценке его влияния на объем добавленной стоимости в 2008-2013 годы. На основе проведенного исследования обобщаются существенные ограничения официальной статистики, не позволяющие оперативно отслеживать и учитывать динамику межфирменных связей в НГК по отдельным регионам и в целом по России. Сформулированы предложения по совершенствованию статистической отчетности для информационного обеспечения статистического анализа и мониторинга функционирования нефтегазового комплекса. Для наблюдения за основными показателями нефтегазового комплекса, предлагается ввести дополнительные поля в Единый государственный регистр предприятий и организаций, позволяющие оперативно формировать результаты деятельности предприятий НГК на основе форм статистической отчетности.

Ключевые слова: нефтяной кластер, структура нефтяного кластера, нефтяной комплекс, структура нефтяного комплекса, нефтяная отрасль, нефте-газовая отрасль, нефтегазовый комплекс, территориально-производственный комплекс, региональная экономика, регион, производственный комплекс, региональный мониторинг, статистический мониторинг, статистическая отчетность, добавленная стоимость.

1. Актуальность темы, основные понятия

Развитие процессов глобальной интеграции и кооперации во всех сферах общественного производства требуют формирования эффективной системы непрерывного регионального мониторинга регулирующего воздействия решений органов государственной власти и управления на экономические процессы [11].

«Региональный мониторинг социально-экономических процессов – это процесс систематических, повторяющихся наблюдений, анализа и оценки в соответствии с заранее разработанной программой и на основе систематического сбора и обработки информации, проведения дополнительных обследований для оперативной диагностики состояния и тенденций развития, подготовки рекомендаций по принятию управленческих решений, совершенствованию политик, мероприятий по обеспечению целей

социально-экономических процессов, протекающих на территории региона (субъекта федерации)»[8, с. 9].

Рентно-сырьевая модель экономики России[5] в сочетании с монополизацией и преобладанием вертикально-интегрированных компаний (ВИНК) в нефтегазодобывающей отрасли создают существенную зависимость экономики регионов и их финансовых систем от инвестиционной стратегии и организационно-управленческих решений в отношении дочерних и зависимых нефтегазовых компаний, базирующихся в том или ином регионе. Стратегически важная роль разработки месторождений нефти и газа в развитии нефтеносного региона обусловлена спецификой нефтяной отрасли, предопределяющей формирование на соответствующей территории нефтедобывающих холдингов, территориально-производственных комплексов, отраслевых и межотраслевых комплексов, кластеров и других форм межфирменного взаимодействия в цепочках создания стоимости.

С точки зрения оценки регулирующего воздействия на региональное развитие наиболее важен мониторинг процессов, протекающих в следующих формах межфирменной кооперации в нефтедобыче: кластер, территориально-производственный комплекс[15, с. 59].

Нефтегазовый комплекс (НГК) - это совокупность организаций, осуществляющих различные стадии единого производственно-технологического процесса:

- поиск и разведка углеводородов (нефти, нефтяного/попутного газа);
- добыча углеводородов;
- транспортировка добытых нефти и газа, продуктов их переработки;
- переработка нефти и газа;
- распределение и реализация продуктов переработки нефти и газа.

Специфика технологического процесса добычи и переработки нефти, поддержание и обслуживание которого обеспечивается большим числом смежных и вспомогательных видов деятельности, экономически обуславливают сосредоточение организаций переработки нефти, а также сервисных компаний по бурению скважин и обслуживанию процесса нефтедобычи и транспортировки – на одной территории.

Понятие «кластер» вошло в научный оборот относительно недавно. Концепция идентификации кластера разработана в Национальном институте конкурентоспособности [14]. Детальный анализ различных подходов к определению понятия и структуры кластера дан в работе [10, с.5-12]. Воспользуемся приведенным в этой работе определением понятия «кластер»: *«это группа независимых компаний, находящихся в территориальной близости в пределах региона, которые конкурируют, кооперируются и взаимодействуют друг с другом, находясь в единой цепочке создания добавленной стоимости»* [10, с. 9].

Принципиальные свойства кластера, объединяющие его с территориально-производственными комплексами - локализация участников кластера на определенной территории, их кооперация и наличие совместных ключевых компетенций. Отличием же территориально производственного комплекса (ТПК) от кластера является, по мнению исследователей, *отсутствие* в ТПК *конкуренции*, в то время как конкуренция между участниками является одним из важных признаков кластера [15, с.59].

Исходя из содержания приведенных выше понятий и структуры кластера, нефтегазовый бизнес в силу своей специфики имеет все необходимые объективные предпосылки для формирования кластера на территории разработки и освоения нефтегазовых месторождений. Ограничением является отсутствие конкуренции нефтедобывающих компаний в российских регионах, добыча нефти в которых как правило, представлена какой-либо одной компанией. Так, компании-производители основных видов конечной продукции НГК представлены в Пермском крае главным образом одной ВИНК - «ЛУКОЙЛ», дочерние компании которой обеспечивают более чем 96% добычи сырой нефти и природного газа и 100% объема производства нефтепродуктов. Сохранение такого положения, на наш взгляд, не позволяет идентифицировать наличие в Пермском крае нефтяного кластера, более правильно говорить о существовании нефтегазодобывающего комплекса со всеми присущими ему чертами.

2. Методы идентификации межфирменной кооперации

Несмотря на значительный интерес к теме кластеров в отечественной научной литературе в последние годы, большая часть их посвящена рассмотрению целей и методов государственного регулирования и форм поддержки кластеров[15, с. 167-199], [9]; преимуществам, которые дает кооперация добычи и переработки в рамках кластера [1,2,4], принципам формирования и поддержки

региональных кластеров [7,12], описанию проблем функционирования вертикально-интегрированных компаний нефтяной промышленности в сравнении с кластерами и другими формами межфирменной кооперации [3,13]. И лишь немногие посвящены изучению практических вопросов идентификации регионального кластера [6,16].

Методы идентификации и осуществления непрерывного мониторинга функционирования наиболее развитых форм межфирменной кооперации – кластеров и ТПК, пока не получили широкого распространения в экономическом анализе, включая статистический анализ.

Одна из причин этого в России – высокая степень монополизации экономики, неполнота статистического учета, наличие нормативно-правовых ограничений использования отчетности крупных компаний, доминирующих на региональных рынках, что не позволяет использовать методы кластерного анализа, применяемые за рубежом.

Для официальной статистики наибольший интерес представляют количественные методы идентификации кластеров, среди которых исследователи выделяют: коэффициенты локализации, таблицы «затраты-выпуск» (межотраслевые балансы), метод анализа сдвигов, агломерационные индексы [10, с.38]. Наиболее актуальным комплексным методом анализа является составление межотраслевого баланса. Но его использование в России в настоящее время ограничено, т.к. такие таблицы не публикуются ни на уровне государстве в целом, ни на уровне отдельных регионов.

Наиболее же часто используются более простые методы: расчет коэффициентов локализации, метод структурных сдвигов на основе использования занятости в качестве показателя экономического развития, объясняя это тем, что статистические отчеты о других показателях (прежде всего добавленная стоимость) публикуются с большим запаздыванием (2 года) и лишь укрупненно без расшифровки по обрабатываемым видам деятельности. Негативным следствием такого положения является использование для кластерного анализа при проведении исследований лишь показателей занятости и объема продаж [10, с.40-46].

Между тем, применение показателя численности занятости для идентификации и оценки влияния на развитие региона нефтяного кластера может существенно снизить его роль в экономике региона, т.к. большая часть основных и вспомогательных технологических процессов в НГК автоматизирована, численность занятых невелика. К примеру, оценка доли нефтяного кластера в экономике Пермского края в 2010г., полученная на основе численности занятых, составила 5,7% [10, с. 147].

Исходя из рассмотренных выше понятий НГК и кластера, имеющих в существенных чертах много общего, считаем возможным использовать для формирования структуры НГК рекомендации по формированию структуры кластера, основанные на изучении последовательности формирования цепочки ценности для потребителя. При этом структуру цепочки ценности предлагается анализировать опираясь на следующие наиболее важные элементы:

- структуры цены и затрат конечного продукта для покупателя;
- структуры организаций, находящихся на разных этапах создания стоимости;
- основной и поддерживающей деятельности участников цепочки ценности и др. [15, с. 46-47].

Попытаемся воспользоваться предлагаемым подходом для идентификации и оценки роли нефтегазодобывающего комплекса в Пермском крае.

3. Характеристика нефтегазового комплекса Пермского края

В Пермском крае представлены предприятия всей технологической цепочки нефтегазового комплекса от добычи нефти до продажи переработанных масел и бензина (табл.1).

Следует отметить, что без проведения дополнительных аналитических работ и исследований, возможно получить информацию об обороте лишь по части НГК - согласно данных таблицы 1 это менее 80% оборота НГК по крупным и средним предприятиям и организациям (т.е. без субъектов малого предпринимательства). Это относится к предприятиям, в которых нефтедобыча и переработка отражается в статистической отчетности как основной вид деятельности.

Характеристика структуры НГК Пермского края*

Наименование вида деятельности (класс, подкласс**)	Количество предприятий и организаций	Удельный вес оборота в обороте НГК*** за 2013 (%)
Класс 29 «Производство машин и оборудования»	18	5,289 (от 0.020- ЗАО "Канаросс" до 1.333 - ООО "Искра-Турбогаз")
Класс 31 «Производство электрических машин и электрооборудования»	2	0,046
Класс 23 «Производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов»	1	47.911 - ООО «ЛУКОЙЛ-ПНОС»
Класс 11 «Добыча сырой нефти и природного газа; предоставление услуг в этих областях»	8	30,94 (от 0.011-ООО "Энергетическая компания "Риф" до 29.715 - ООО "ЛУКОЙЛ-Пермь")
Подкласс 45.21.3 «Производство общестроительных работ по прокладке магистральных трубопроводов, линий связи и линий электропередачи»	4	0,202 (от 0.031-ООО "Промышленно-строительная компания "Газстройдеталь" до 0.072 - ООО "Стройтехсервис")
Подкласс 51.51 «Оптовая торговля топливом»	4	4,914 (от 0.268- ООО "Муллинская нефтебаза" до 2.395 - ЗАО "КЭС-Трейдиг")
Подкласс 60.30 «Транспортирование по трубопроводам»	2	10,144
Подкласс 74.20.2 «Геологоразведочные, геофизические и геохимические работы в области изучения недр и воспроизводства минерально-сырьевой базы»	4	0,652 (от 0.002- ОАО "Запуралгидрогеология" до 0.267 -ОАО "Пермнефтегеофизика")

*Составлено авторами совместно с Селезневой Е.Ф и Ильиных Е.С. на основе результатов проведенного исследования по данным статистической отчетности предприятий.

**В соответствии с классификатором ОК ВЭД.

***В оборот организаций включается стоимость отгруженных товаров собственного производства, работ и услуг, выполненных собственными силами, а также выручка от продажи приобретённых ранее на стороне товаров (без налога на добавленную стоимость, акцизов и аналогичных обязательных платежей). Включен весь оборот предприятий, по которым доля стоимости продукции для НГК составляет более 50 %. Объём отгруженных товаров собственного производства представляет собой стоимость тех товаров, которые произведены данным юридическим лицом и фактически отгружены или отпущены в порядке продажи, а также прямого обмена на сторону (другим юридическим и физическим лицам) в отчётном периоде, независимо от того, поступили деньги на счёт продавца или нет.

В Пермском крае это класс 23 «Производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов» и часть класса 11 «Добыча сырой нефти и природного газа; предоставление услуг в этих областях» (ООО «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ»). Результаты проведенного анализа динамики данных по сформированному перечню предприятий и организаций за 2008-2013 годы показали рост значимости НГК в экономике Пермского края: объем созданной предприятиями и организациями НГК добавленной стоимости вырос с 145,73 млрд. руб. в 2008 году до 256,94 млрд. руб. в 2013 году, прирост составил 76,3 %. Удельный вес НГК в показателе добавленной стоимости Пермского края вырос с 39,56 % в 2008г. до 51,82% в 2013 году (см. таблицу 2).

Таблица 2

Добавленная стоимость предприятий нефтегазового комплекса Пермского края за 2008-2013гг.*

Наименование показателя	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Добавленная стоимость всего по Пермскому краю, млрд. руб.	368,38	277,65	345,05	468,53	481,48	495,85
Добавленная стоимость по НГК Пермского края, млрд. руб.	145,73	110,43	145,82	221,50	238,17	256,94
Удельный вес НГК в добавленной стоимости Пермского края %	39,56	39,77	42,26	47,28	49,47	51,82

*Составлено авторами совместно с Селезневой Е.Ф. и Ильиных Е.С. на основании отчетов предприятий по форме 1-предприятие за 2008-2013гг. Данные приведены без субъектов малого предпринимательства.

4. Информационное обеспечение мониторинга

Наблюдение за основными показателями нефтегазового комплекса, включая оборот организаций, на основе данных официальной статистики затруднено, поскольку в Едином государственном регистре предприятий и организаций отсутствует идентификация принадлежности организации к нефтегазовому комплексу, что позволило бы не нарушая конфиденциальности статистической информации оперативно формировать результаты деятельности предприятий НГК в сводной статистической отчетности и статистических публикаций. Сегодня же для выполнения этой работы требуется значительная по объему дополнительная обработка первичных форм статистической отчетности отдельных предприятий и организаций, т.к. соответствующее программное обеспечение для выполнения таких работ отсутствует.

Сложившаяся ситуация обусловлена тем, что информация в статистических публикациях группируется на основании классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД), введенного в статистическую практику в 2003 году. Классификационным признаком группировки предприятий и организаций в ОКВЭД является назначение продукции, сходство технологических процессов, характер обрабатываемого сырья.

Все предприятия и организации проходят процедуру регистрации, при которой им присваивается определенный вид деятельности, т.е. определяется группа (класс), к которой впоследствии, при подготовке статистической информации и будут относиться количественные характеристики этого предприятия. Как правило, вид деятельности характеризует результаты работы предприятия приблизительно, обобщенно. В реальной жизни одновременно с основным, зарегистрированным видом деятельности предприятие занимается и другими. В обязанность органов статистики вменена ежегодная актуализация и проверка видов деятельности предприятия по всем возможным формам статистической отчетности, но актуализация видов деятельности проводится с некоторой задержкой (от одного до двух лет). Кроме того, по многим показателям органами статистики статистические публикации осуществляются по укрупненным группировкам видов деятельности. В этом случае, предприятия, обслуживающие нефтегазовый комплекс, могут «раствориться» в более крупных группировках.

При подготовке списка предприятий и организаций Пермского края, чья деятельность может быть отнесена к нефтегазовому кластеру/НГК, в рамках выполненного исследования была проделана работа, связанная с анализом имеющейся первичной отчетности предприятий и подтверждением наличия названной деятельности в 2013 и 2014 годах.

Для эффективного функционирования НГК необходимо организовать не только работу самих предприятий, но и всех ветвей власти региона так, чтобы существенные изменения и отрицательные тенденции вовремя компенсировались. Для этого целесообразно сформировать и использовать региональную систему мониторинга НГК, позволяющую оперативно диагностировать состояние и тенденции развития, готовить рекомендации по принятию управленческих решений. Существенным недостатком мониторинга со стороны государственных органов, по-нашему мнению, является отсутствие проработанной методологии и нормативно-методической базы его проведения.

Выводы

1. Основываясь на полученных данных о формировании добавленной стоимости в динамическом разрезе можно сделать вывод об исключительно важном значении предприятий нефтегазового комплекса для Пермского края.

2. Анализ структуры и динамики основных показателей, прежде всего произведенной участниками нефтяного кластера/комплекса добавленной стоимости, позволяет более объективно сравнить вклад в развитие экономики региона различных ВЭД, в т.ч.:

- определить тенденции экономического роста в регионе, опираясь на анализ ключевых предприятий /ВЭД входящих в ядро кластера/ территориально-производственного комплекса;
- выявить потенциальные риски изменения важнейших показателей развития региона (налогового потенциала, инвестиционных ресурсов, конкурентоспособности) на основе выявления, идентификации и оценки динамики развития и изменения структуры кластера, ТПК.

3. Для наблюдения за основными показателями нефтегазового комплекса, такими как оборот организаций, инвестиции в основной капитал, численность работающих, некоторые финансовые показатели, не нарушая конфиденциальность статистической информации, представляется важным ввести дополнительные поля в Единый государственный регистр предприятий и организаций,

позволяющие оперативно формировать результаты деятельности предприятий НГК на основе форм статистической отчетности.

4. Требуется объединение усилий специалистов государственного и корпоративного секторов управления НГК в области формирования технологии мониторинга его функционирования, чтобы оптимизировать системы управления рисками в производственных комплексах.

Список литературы

1. Азиева Р.Х. Территориально-отраслевой нефтяной кластер как форма эффективного стратегического управления// Проблемы современной экономики. 2013. № 2 (46). С. 221-224.
2. Бабкин И.А., Мошков А.А. Сценарии формирования промышленного кластера мегаполиса//Управление инновационной деятельностью экономических систем (Инпром-2014)/ под. Ред. д-рав экон. Наук проф. Бабкина А.В.:труды международной научно-практической конференции.2-7 июня 2014года.-СПб.: Изд-во Политехн. Унта,2014. 492с.
3. Батталова А.А.Вертикально- интегрированная компания – ядро кластера// Электронный научный журнал Нефтегазовое дело. 2012. № 2. С. 368-380.;
4. Давиденко Л.М. Современные тенденции промышленной интеграции в нефтехимии и нефтепереработке// Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2014. № 3. С. 130–135.
5. Даниленко Л.Н. Рентно-сырьевая модель экономики России и проблемы её неиндустриальной трансформации: Монография.-М.:ИНФРА-М,2014. 360с.
6. Древницкая Е.Л., Иванов Б.Н., Минкин В.С. Структура инновационного нефтяного кластера Республики Татарстан (состояние и перспективы).Часть 1.//Научно-технический вестник Поволжья. 2012. № 3. С. 7-12.
7. Зуевская А.П. Формирование нефтегазовых кластеров и особых экономических зон в европейской части российской Арктики//Арктика и Север.2014.№16.С.16-27.
8. Кутергина Г.В., Аввакумов В.Ю. Формирование системы мониторинга предприятий нефтегазового комплекса. –Пермь: изд-во ПГНИПИ ,2012, 105с.
9. Лесных Ю.Г., Данилова О.В. Концептуальные основы государственной политики обеспечения инновационного прорыва в нефтяном кластере страны-экспортера// Вестник университета. – М.: ГОУ ВПО «Государственный университет управления», 2012. № 14-1. С. 124-127
10. Миролубова Т.В., Карлина Т.В., Ковалева Т.Ю. Закономерности и факторы формирования и развития региональных кластеров.-Перм.гос. нац. исслед. Ун-т.-Пермь,2013.-280с.
- 11.О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, проектов поправок к проектам федеральных законов и проектов решений Совета Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации" (вместе с "Правилами проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, проектов поправок к проектам федеральных законов и проектов решений Совета Евразийской экономической комиссии"): Постановление Правительства РФ от 17.12.2012 N 1318 {КонсультантПлюс}. Дата обращения 21.02.15.
12. Полуюффа Л.В., Матковская Я.С. Формирование и развитие нефтяных кластеров в Волгоградском регионе: в сборнике: Наука, образование: инновации, интеграция и развитие// Материалы Международной научно-практической конференции: В 2 частях. Исследовательский центр информационно-правовых технологий.- Уфа, 2014. С. 114-117.
13. Полюшко Ю.Н. Вертикально-интегрированные структуры и кластеры в нефтяной промышленности: сравнительный анализ// Экономика и управление: проблемы, решения. 2012. № 9. С. 2-9.; Батталова А.А.Вертикально- интегрированная компания – ядро кластера// Электронный научный журнал Нефтегазовое дело. 2012. № 2. С. 368-380.;
14. Совет по национальной конкурентоспособности.URL: <http://www.naco.ru/>. Дата обращения 22.02.14.
15. Тарасенко В. Территориальные кластеры: Семь инструментов управления.- Альпина Паблишер,2015. 201 с.
16. Фардиев И.Ш., Иванов Б.Н., Волков Ю.А., Гумеров А.М. Нефтяной кластер энергетики Татарстана// Энергетика Татарстана. 2011. № 1. С. 5-8.

REGIONAL OIL AND GAS INDUSTRY MONITORING ISSUES

G. Kutergina,

E mail: gkutergina@psu.ru

Perm State University

O. Ivanova,

E-mail ol.ivanova.55@mail.ru

Perm State University of Humanities and Education

The relevance of the regional monitoring of regional oil and gas industry activity and functioning is based on the strategically important role of oil and gas complex in the development of petroliferous region, and also on the significant dependence of the region's economy and its financial system on the investment strategy of oil and gas companies based in the region. Regional monitoring is rated as a process of systematic, iterated observations, analysis and evaluation in accordance with a pre-designed program. The analysis of such concepts as monitoring, cluster, territorial-production complex, allows us to examine various forms of the inter-farm cooperation in the oil and gas industry by the example of the Perm region. The presence of the oil and gas industry in the Perm region is justified by the absence of business competition in the areas of oil and gas and oil production as well. The article contains the results of the analytical work carried out by the authors on the structuring of oil and gas complex in the Perm region and the assessment of its impact on the added cost in 2008-2013. Significant constraints of official statistics which do not allow us to monitor and take into account the dynamics of inter-firm linkages in the oil and gas sector in certain regions and in Russia as a whole are summarized on the basis of this study. The proposals for the statistical reporting welfare focus on the data support of statistical analysis and monitoring of the functioning of the oil and gas complex. In order to monitor the main indicators of oil and gas industry, it is proposed to introduce additional data fields in the General State Register of enterprises and organizations, that would quickly shape results of oil and gas companies performance on the basis of statistical reporting forms.

Keywords: cluster, a cluster of oil, the oil complex, the structure of the oil complex, the oil industry, the oil and gas industry, oil and gas, territorial-production complex, regional economy, region, industrial complex, regional monitoring, statistical monitoring, statistical reporting, added cost.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗМЕРЕНИЮ И ОЦЕНКЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ

Н.М. Макарова, канд. экон. наук, мл. научный сотрудник,

Электронный адрес: maria.makarova87@mail.ru

ИЭ УрО РАН, 620014, Россия, Екатеринбург, ул. Московская, д. 29.

Дифференциация социально-экономического развития территорий является одной из ключевых проблем для экономической науки и практики государственного управления. В данном исследовании предлагается методика оценки влияния пространственной локализации на уровень экономического развития муниципальных образований на примере Свердловской области. Автором предложено расширенное понимание пространственной локализации и методический подход к вычислению коэффициента пространственной локализации. Методом экспертных оценок были выделены территориальные агломерации, включающие близлежащие муниципалитеты со схожими характеристиками экономического и пространственного развития. С помощью регрессионного анализа доказано наличие устойчивой обратной связи между степенью локализации и уровнем социально-экономического развития, оцененным в виде валового муниципального продукта, муниципалитетов, объединенных в территориальные агломерации. Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ-Урал №14-12-66026 «Научно-методические основы диагностики, измерения и оценки эффектов пространственной локализации территориальных социально-трудовых систем» и Правительства Свердловской области.

Ключевые слова: пространственная локализация, муниципальные образования, социально-экономическое развитие, коэффициент локализации, валовой муниципальный продукт, регрессионный анализ

Постепенный переход от отраслевого к территориально ориентированному способу управления экономикой актуализирует проблемы дифференциации территориального развития, которые во многом определяются пространственными социально-экономическими процессами. Социально-экономические и административные барьеры, существующие между муниципальными образованиями, обрекают экономику региона на снижение инвестиционной привлекательности, общее торможение в развитии.

Актуальность данной проблемы связана с тем, что именно на локальном уровне в наибольшей мере проявляется несбалансированность макроэкономической политики и решений экономических агентов, что снижает адаптационные возможности экономики в кризисный период экономического цикла, а также замедляет темпы посткризисного развития экономики и снижает эффективность принимаемых управленческих решений, как правило, ориентированных на усредненный общерегиональный уровень развития без учета особенностей конкретных территорий, не отслеживаемыми в настоящее время.

Именно поэтому для составления полной и достоверной картины проблем территориального развития необходимо исследовать пространственный аспект функционирования социально-экономической системы, что, в свою очередь, определяет необходимость совершенствования методических приёмов оценки ее текущего состояния и перспектив дальнейшего развития. Таким образом, в фокусе нашего исследования находится поиск связи между степенью пространственной локализации и уровнем экономического развития территории.

Термин локализация происходит от латинских слов *localis* – местный / *locus* – место и означает, во-первых, отнесение чего-либо к определенному месту; а во-вторых, ограничение места действия, распространения какого-либо явления, процесса, например, локализация пожара [1]. В гуманитарных науках локальность рассматривается как ограниченность социального взаимодействия условиями места действия, «расположенность» действия в пространстве-времени. Понятие локальности позволяет

зафиксировать включенность окружающей обстановки в процесс оформления устойчивых взаимосвязей. Кроме того, понятие локальности указывает на наличие априорных моделей интерпретации контекста: уже к моменту коммуникации у всех участников процесса общения обычно есть некоторое представление о локальном контексте. Самая возможность социального «порядка» есть результат локализации человеческого взаимодействия, его структуризации в пространстве-времени, которая может быть конкретизирована как регионализация (детализация, разбивка) окружающей обстановки, определяющая систему дистанций между индивидами, форму их присутствия в социальном пространстве-времени [14].

Пространственная локализация экономической деятельности является предметом глубокого анализа различных экономических теорий. Анализ экономической научной литературы по данной проблематике позволил автору выделить несколько подходов к определению состояния локализации социально-экономических систем (табл.).

Как отмечают исследователи, локализация формируется в результате действия целого ряда факторов различной природы: экономических, социальных, территориальных [9, с. 24].

Теоретические подходы к исследованию локализации социально-экономических систем

Исследовательский подход	Краткая характеристика	Факторы локализации
Маркетинговый [11]	В качестве локальных социально-экономических систем выступают отдельные сегменты рынка.	Единственный фактор – отраслевая сегментация рынка (в т.ч. рынка труда).
Факторный [10]	Локальные социально-экономические системы определяются в соответствии с принципами географического или экономического районирования.	Экономико-географические факторы: <ul style="list-style-type: none"> • географическое положение; • хозяйственная специализация; • традиции производства и потребления; • межрегиональные связи; • степень диверсификации экономики; • степень развития агломерационных процессов и др.
Территориальный [9]	Границы локальных социально-экономических систем выделяются в соответствии с административно-территориальным делением.	Уровень исполнительной власти: <ul style="list-style-type: none"> • федеральный; • региональный; • локальный (муниципальный).
Пространственный [12]	Комплексная оценка влияния нетерриториальных (социальных, экономических, технологических, институциональных) факторов на формирование и развитие локальной социально-экономической системы.	Параметры комплексного анализа: <ul style="list-style-type: none"> • экономическая структура и организация производства; • развитие технологической системы; • рынок труда и индустриальные отношения; • социальные факторы и социальная структура; • структура рынка и формы конкуренции; • информационная система; • регулирующие институты.

Проведенный анализ теоретических подходов к исследованию локализации позволил сформулировать авторскую трактовку пространственной локализации, под которой нами понимается сфера действия локальности, определяемая как формальными (административно-территориальными), так и неформальными (зоны обслуживания, тяготения, влияния) границами и объединяющая многообразие различных социально-экономических, социально-культурных отношений и взаимодействий в процессе общественного воспроизводства. Она возникает в результате территориальной изолированности сообщества и ограничений по его воспроизводству. Усиление пространственной локализации обеспечивается за счет географической удаленности населенного пункта, возможности маятниковых миграций, а также развитием урбанизации и агломерации. Социально-экономическая локализация проявляется в ресурсной обеспеченности, хозяйственной специализации и качестве трудового потенциала, характеристики которых меняются при продвижении от одной локальной территории к другой.

В результате действия фактора пространственной локализации локальная социально-экономическая система приобретает следующие свойства:

- автономность, рассматриваемая как имеющийся у системы потенциал к устойчивому функционированию в условиях ограниченных контактов с внешней средой;
- адаптивность, определяемая как возможность приспособления к изменяющимся условиям функционирования с учетом прошлого опыта;
- самоорганизация, обусловленная способностью к концентрации собственных ресурсов для обеспечения не только выживания, но и развития.

Муниципалитет, благодаря своему юридическому статусу, обладает перечисленными свойствами автономности, адаптивности и самоорганизации. Он может рассматриваться как сложно структурированный и организованный в единое целое социальный объект [6, с. 59]. Таким образом, наиболее простым для анализа и вместе с тем объективно существующим видом локальных социально-экономических систем является муниципальное образование. В связи с этим, именно муниципальные образования региона были выбраны в качестве объекта исследования процессов локализации.

Оценка уровня экономического развития муниципального образования осуществлялась на основе валового муниципального продукта (ВМП). Хотя в существующей системе статистического учета такого показателя нет, в предыдущих исследованиях нами был предложен авторский подход расчета ВМП на основе функции производственной функции [8]. Нами было доказано, что такой подход к расчету ВМП дает достаточно точную оценку данного показателя и, вместе с тем, является относительно простым для вычисления по сравнению с другими подходами [5].

Теоретическое осмысление феномена локальности привело к поиску путей количественной оценки локализации экономической деятельности. Эти методы разрабатывались в рамках теорий размещения производства в связи с вопросами определения хозяйственной специализации регионов.

Анализ научной литературы показал, что на сегодняшний день существуют два направления оценки локализации: во-первых, как концентрации определенной отрасли промышленности по сравнению с каким-либо иным параметром национальной экономики [3, с. 212-213]; во-вторых, как интенсивности (развитости) агломерационных процессов [7].

Рассмотрение пространственной локализации как степени изолированности социально-экономической системы привело к необходимости разработки собственного инструментария оценки, которая позволяет включить в исследование факторы, определяющие локальность. Экспертным путем было определено, что ключевыми факторами локализации территории являются два: удаленность от центра локализации D , км; численность населения P , тыс. чел. Для осуществления дальнейших вычислений показатели были нормированы по методу относительных разностей.

Затем вычисляется коэффициент пространственной локализации по формуле (1):

$$LR = \sqrt{I_d * I_p}, (1)$$

где LR – коэффициент пространственной локализации; I_d – нормированный индекс расстояния; I_p – нормированный индекс численности населения.

Значение коэффициента пространственной локализации изменяется в интервале [0;1]. Высокая степень локализации отражает наличие существенных барьеров экономического и неэкономического свойства, препятствующих социально-экономическому развитию территорий и снижающих эффективность функционирования социально-трудовых систем муниципальных образований. Низкая степень локализации, наоборот, показывает, что на территории практически отсутствуют препятствия для социально-экономического развития, а его успешность зависит только от эффективности использования имеющихся ресурсов.

Оценивание выдвинутой в исследовании гипотезы осуществляется путем поиска регрессионных зависимостей между валовым муниципальным продуктом и коэффициентом пространственной локализации для муниципальных образований региона, сгруппированных экспертным путем в территориальные агломерации.

Апробация предложенного методического подхода осуществлялась на примере Свердловской области. Экспертным путем были выделены специфические пространственные формы размещения населения и производства в регионе – территориальные агломерации, под которыми подразумевается компактная пространственная совокупность поселений, объединенных интенсивными социальными, экономическими и культурными связями, сложившимися в результате их совместного исторического развития [4, 9]. Формирование таких агломераций традиционно осуществляется при наличии общей сырьевой базы, вокруг которой формируются добывающие и перерабатывающие предприятия. Важную роль в экономическом росте данных территорий играют наличие энергетических источников и транспортная доступность.

Таким образом, исследование влияния фактора пространственной локализации на экономическое развитие муниципальных образований строилось на основе выделенных территориальных агломераций. Регрессионный анализ зависимости между объемом ВМП и коэффициентом пространственной локализации показал, что в большинстве ТА, которые являются моноцентрическими по своей структуре, наблюдается достаточно сильная обратная связь между указанными показателями, что подтверждает гипотезу исследования. Таким образом, был сделан вывод о том, что с увеличением пространственной локализации муниципального образования уменьшается объем валового муниципального продукта.

Кроме того, сделан вывод о том, что при разработке программ социально-экономического развития региона в целом и его отдельных территорий необходимо учитывать процессы пространственной локализации и разрабатывать меры по их нейтрализации, что позволит сократить дифференциацию внутрирегионального социально-экономического развития.

Список литературы

1. Большая советская энциклопедия. URL: <http://bse.sci-lib.com/> Дата обращения: 06.09.2014
2. Варгин Н.Л. Региональные особенности прогнозирования занятости населения (на примере Удмуртской Республики). Автореферат дис.канд.эк.наук. Ижевск: Ижевский государственный технический университет, 2003.
3. Изард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. М.: Прогресс, 1966. 660 с.
4. Козлова О.А. Вопросы моделирования пространственной организации российских регионов/Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований, 2013. №5. С. 154-156.
5. Колечков Д.В., Гаджиев Ю.А., Тимашев С.А., Макарова М.Н. Валовой муниципальный продукт: методика расчета и применение // Экономика региона. 2012. №4. С. 49-59.
6. Кузьмин А.И., Оруджиева А.Г., Чепайкин А.П. Перспективы развития муниципального образования в условиях российского Севера. Опыт социального прогнозирования. Екатеринбург, 2004. 232 с.
7. Лаппо Г., Полян П., Селиванова Т. Агломерации России в XXI веке [Электронный документ]. URL: http://www.frrio.ru/uploads_files/Lappo.pdf. Дата обращения 25.01.2015.
8. Макарова М.Н., Воронина Л.Н. Валовой муниципальный продукт как показатель социально-экономического развития территории // Современные проблемы регионального развития: материалы IV международ. науч. конф. Биробиджан, 09-12 октября 2012 г. / Под ред. Е.Я. Фрисмана. Биробиджан: ИКАРП ДВО РАН – ФГБОУ ВПО «ПГУ им. Шолом-Алейхема», 2012. 321 с.
9. Пространственная организация социально-трудовых систем: генезис и проблемы развития: кол.монография / отв. ред. О.А. Козлова. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. 206 с.
10. Саталкина Е.С. Локальные рынки продовольственных товаров: инфраструктура и классификация. ИПС «Кодекс», 2008. – 210 с.
11. Томилов В.В., Семеркова Л.Н. Маркетинг рабочей силы. URL: <http://bibliotekar.ru/marketing/index.htm> Дата обращения: 21.05.14.
12. Украинский В.Н. Современная французская пространственная экономика: теория близости и типологизация локализованных экономических систем // Пространственная экономика, 2011, №2. С. 92-126.
13. Феоктистова Н.А. Локальный (местный) рынок как фрагментация экономического пространства: факторный подход. Автореферат дисс...канд.эк.наук. Иваново, 2009.
14. Философский словарь. URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/fil/1/lokalnost.html> Дата обращения: 18.10.2014

METHODOLOGICAL APPROACHE TO THE MEASUREMENT AND ASSESSMENT OF SPATIAL LOCALIZATION

M. Makarova,

E-mail: maria_makarova87@mail.ru

Ural branch of Russian Academy of Sciences

Differentiation of socio-economic development of territories is one of the key challenges for economic science and public administration practice. This paper proposes a methodology for assessing the impact of spatial localization on the level of economic development of municipalities in the example of Sverdlovsk region. The author proposed an expanded understanding of spatial localization and methodical approach to the calculation of the coefficient of spatial localization. Using the expert estimates method allowed to allocate the territorial agglomeration consisting of nearby municipalities with similar characteristics of economic and spatial development. Using of regression analysis proved the existence of a stable backward correlation between the degree of localization and the level of socio-economic development, estimated as the gross municipal product of the municipalities grouped in a territorial agglomeration.

Keywords: spatial localization, municipalities, socio-economic development, the coefficient of localization, gross municipal product, regression analysis.

НОВЫЕ ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА ИНДУСТРИАЛЬНОГО РЕГИОНА

И.В. Макарова, докт. экон. наук, доц., зав.сектором,

Электронный адрес: k511@mail.ru

А.А. Петров, асп.,

Электронный адрес: petrov@holding-unona.ru

ИЭ УрО РАН, 620014, г.Екатеринбург, ул.Московская, д. 29

В рамках данной статьи обосновано, что реализуемая сегодня в России модель промышленной политики не способствует реиндустриализации экономики страны. В качестве системных проблем выделены проблемы формирования прогрессивной отраслевой, продуктовой и организационной структуры промышленности. Основное внимание в исследовании уделено вопросам формирования таких прогрессивных структур, которые ориентированы на инновационное развитие индустриального комплекса. В статье выявлены две группы предприятий, в разной степени реализующих прогрессивные формы инновационной деятельности: первая группа предприятий ориентирована на модернизацию традиционных форм организации производства – научно-производственные объединения (НПО), инженерные центры, специализированные внедренческие организации, региональные научные центры; вторая группа – связана с созданием принципиально новых, преимущественно, заимствованных из зарубежной практики, организационных форм инновационного развития промышленных предприятий (индустриальные парки и технопарки, малые инновационные предприятия, кластеры). Объектом исследования выбраны машиностроительный и химический комплексы такого индустриального региона, как Свердловская область. Проведён анализ наличия и эффективности функционирования тех или иных групп предприятий. В результате такого исследования доказано, что спецификой индустриального комплекса региона является ориентация на модернизацию традиционных, исторически сложившихся форм организации производства. Создание на территории региона высокоэффективных комплексных образований, интегрирующих большинство системообразующих предприятий региона, научно-исследовательских центров, вузов и других организаций, взаимодополняющих друг друга при достижении общеэкономического, бюджетного и социального эффектов, таких как индустриальные парки и технопарки, малые инновационные предприятия, кластеры осуществляется медленно. Современные организационные структуры (индустриальные парки и кластеры) находятся на этапе зарождения. Показано, что такая ситуация замедляет инновационное развитие промышленности, поскольку не реализуется системный принцип ее организации, что определяет новые функции региона и новые более эффективные механизмы участия хозяйствующих субъектов в социальном и экономическом развитии территорий.

Ключевые слова: промышленность, прогрессивные формы организации, кластеры, индустриальные парки, старопромышленный регион

Успешность адаптации промышленности к новым социально-экономическим и политическим условиям во многом зависит как от решения проблем формирования прогрессивной структуры (отраслевой, продуктовой и организационной) индустриального комплекса. К прогрессивным отраслям обычно относят машиностроение и химическую промышленность. Повышение их доли в динамике относительно базовых отраслей промышленности региона означает, что в отраслевой структуре происходят прогрессивные сдвиги, что благотворно сказывается на экономике региона. В продуктовой структуре должны преобладать конкурентоспособные товары, отличающиеся высоким уровнем инновационной. Что касается организационной структуры промышленности, то повышению эффективности ее развитию способствует внедрение новых форм организации производства [3; 5; 7; 11].

В современных условиях выделяют две группы прогрессивных форм инновационной деятельности промышленных предприятий, стимулирующие создание новых секторов экономики и развитию сопряженных производств, стимулирующих реализацию потенциальных возможностей развития каталитических свойств инновационных технологий и продуктовых инноваций:

1) первая группа предприятий ориентирована на модернизацию традиционных форм организации производства: научно-производственные объединения (НПО); инженерные центры; специализированные внедренческие организации; региональные научные центры;

2) вторая группа – связана с созданием принципиально новых, преимущественно, заимствованных из зарубежной практики, организационных форм инновационного развития промышленных предприятий: индустриальные парки и технопарки, малые инновационные предприятия, кластеры. Эти организационные формы находятся в стадиях формирования, начальных этапов развития или экономического эксперимента.

Для осуществления системного анализа эффективности использования прогрессивных форм инновационной деятельности промышленных предприятий в старопромышленном регионе (к которому относится Свердловская область) проведено комплексное аналитическое исследование. В качестве прогрессивных отраслей промышленности рассмотрены машиностроительный и химический комплексы.

В **машиностроении** Свердловской области преобладают предприятия первой группы, которые имеют исторически сложившиеся формы организации производства. Это определяется следующими особенностями деятельности комплекса:

1) отраслевой специализацией, ориентированной на преимущественное ОПК и инвестиционное машиностроение, при развитом приборостроении и электротехнической промышленности;

2) высокой интегрированностью предприятий отрасли[9]. На территории Свердловской области осуществляют производственно-хозяйственную деятельность 27 промышленных предприятий оборонно-промышленного комплекса, а также 11 НИИ и ОКБ оборонной тематики, на которых разрабатывается и выпускается широчайший спектр вооружения и военной техники. Большинство из организаций ОПК (30 из 38) входят в состав вертикально-интегрированных структур федерального уровня. Они отличаются, с одной стороны, наличием сложившихся научных школ и, соответственно, большого количества законченных инновационных разработок, с другой – неспособностью организационно-управленческой структуры быстро адаптироваться к изменяющимся рыночным потребностям и, соответственно, низкой конкурентоспособностью на рынках гражданской продукции;

3) незначительной ролью малого бизнеса в развитии отрасли. Основную роль в развитии отрасли играют крупные организации с числом работающих более 4,5 тыс. человек. Они составляют 3,5% от общего числа крупных и средних организаций (порядка 240 предприятий), в то время как на них производится почти 55% объема продукции, выпускаемой в отрасли, и занято 45% работающих.

В машиностроительном комплексе Свердловской области сформированы кластер железнодородного машиностроения (имеют предпосылки к созданию – кластеры по производству нефтегазового оборудования, энергетического и электротехнического оборудования, кластер медицинского приборостроения), технопарк «Приборостроение», создается индустриальный парк «Уралмаш».

Кластер железнодородного машиностроения (предприятия кластера обеспечивают порядка 6,5% объема производства отрасли). В рамках кластера организовано производство современного подвижного состава для железнодородного транспорта на базе ООО «Уральские локомотивы». При выполнении проектов кластера будет обеспечена загрузка в рамках системы межотраслевой кооперации 65 предприятий (в том числе 20 – в Свердловской области) с числом занятых более 100 тыс. человек. При создании кластера прогнозируется рост ВРП Свердловской области и других регионов базирования предприятий кластера на 8 млрд. рублей в год.

Технопарк «Приборостроение» создан на базе ФГУП «НПО автоматики», располагающего не только заделом сопровождения НИОКР, оказания сервисных услуг, но и свободными производственными площадями (от 10 до 40 тыс. м²). Участниками технопарка являются 12 научно-производственных предприятий, специализирующиеся на широкой гамме приборостроительной продукции, которая не уступает мировым разработкам и значительно дешевле импортных аналогов [7]. Суммарный годовой объем производства технопарка составляет около 2,0 млрд.руб.

С целом, стратегическим направлением развития машиностроительного комплекса Свердловской области является его реструктурирование в направлении формирования динамично развивающихся инновационных предприятий и создания новых производств, структура которых отвечает современным требованиям и ресурсным возможностям страны, территории и отдельных предприятий, способных в условиях складывающегося высокотехнологичного рынка выпускать конкурентоспособную наукоемкую социально ориентированную продукцию, пользующуюся платежеспособным спросом, и обеспечивать ее технологическое сопровождение на протяжении всего жизненного цикла изделий.

В **химической отрасли** Свердловской области также преобладают представители первой группы предприятий, ориентированные на модернизацию традиционных форм организации производства. Однако они также, как и предприятия прочих отраслей, вовлечены в процесс укрупнения производства – часть из них входит в состав холдингов, ФПГ, других объединений структурный потенциал которых позволяет привлекать инвестиции, обеспечивающие повышение прибыльности (ООО «Уральский шинный завод» в ОАО «АК «СИБУР», ООО «Завод Медсинтез» в Медицинский холдинг «Юнона», «Екатеринбургское предприятие по производству бактериальных препаратов» является Филиалом ФГУП «НПО Микроген»). Что касается наличия сетевых структур, то в химической подотрасли создан химический кластер (химический парк «Тагил»), в фармацевтической отрасли достаточно активно формируются малые инновационные предприятия, успешно функционирует Уральский фармацевтический кластер.

Химический кластер обеспечивает 13,5% объемов химического производства региона, 1,8% занятых и 50,6% всех инвестиций в отрасль. Планируется, что развитие кластера будет осуществляться встраиванием в общую стратегию отдельных перспективных проектов потенциальных участников кластера по созданию: 1) газохимического комплекса (инвестиции составят порядка 7,5 млрд. рублей); 2) производства литейных смол нового поколения и т.д. Реализация проектов позволит увеличить годовой оборот кластера на 8,5 млрд. руб.

На долю **Уральского фармацевтического кластера** (ООО «Завод «Медсинтез», ООО «Уральский стекольный завод», ООО «Завод «ДИЗЕТ», ООО «Химсинтез НПК», ООО УЦБТ, ООО «УралДиал», ЗАО «Березовский фармацевтический завод», ОАО «Фармацевтическая фабрика», ООО «БИОТРОНИК Урал» и пр.) приходится 55,6% объемов химического производства региона, 21,3% занятых и 80,9% всех инвестиций в отрасль [6; 10]. Структура кластера обеспечивает полный технологический цикл производства конечного продукта (препаратов генно-инженерного инсулина человека, инфузионных, перитонеальных и других растворов, противовирусных, противоопухолевых и других препаратов) и его реализацию. Прогнозируется, что реализация новых проектов кластера позволит увеличить его годовой оборот на 80 млрд.руб.

Тем самым, в химическом комплексе Свердловской области предприятия придерживаются стратегии модернизации традиционных форм организации производства, а в фармацевтической подотрасли, представленной большим количеством малых предприятий, ориентируется, преимущественно, на внедрение новых инновационных форм бизнеса, что позволяет им выживать на рынке, поддерживая достаточно высокую конкурентоспособность производства и создаваемой продукции.

В целом, согласно проведенному анализу, организационную структуру инновационных отраслей промышленности индустриального региона нельзя отнести к прогрессивной. Для сохранения конкурентных преимуществ промышленности на протяжении долгосрочного периода необходимо обеспечить взаимодействие бизнес-субъектов, реализуемое в форме инновационных предприятий и сетевых структур, в рамках выполнения мега-проектов, проектов модернизации и технического перевооружения промышленности. Такая интеграция позволит кардинально изменить природу промышленной конкуренции, а ее участникам получать сверхнормативную «ренту» (прибыль), основанную на неравном доступе к ресурсам межфирменных отношений.

Список литературы

1. Алейникова И.С., Воробьев П.В., Исакидис В.А., Кадочников С.М., Кожин Д.Е., Коробейникова А.В., Лопатина Т.А., Михно М.В. Модели организации региональных промышленных кластеров: обзор международного опыта // Современная конкуренция. 2009. № 1. С. 119-133.
2. Александрова Е.Н. Кластерная концепция в инновационном развитии региона: вопросы теории и российская практика // Фундаментальные исследования. 2013. № 10-12. С. 2720-2724.

3. Белозорова (Валетдинова) Э.Н., Кондратенко И.П. Технологичная экономика или будущее - за интеллектуальной собственностью// Право интеллектуальной собственности. 2014. № 5. С. 34-36.
4. Завьялова Н.Б., Уткина Е.А. Стратегическое развитие кластерных промышленных систем на примере Свердловской области// Проблемы современной экономики (Новосибирск). 2014. № 19. С. 40-46.
5. Макаров А.В., Трапезников В.А. Кооперация как фактор повышения инновационной активности в машиностроении// Бизнес, менеджмент и право. 2010. № 2 (22). С. 88-92.
6. Петров А.П. Социально-критичный кластер как направление модернизации фармацевтической промышленности// Экономическое возрождение России. 2013. №4. С. 110-119.
7. Романова О.А., Макаров А.В., Макарова И.В., Чененова Р.И., Петров А.П. Формирование промышленного кластера в экономике крупнейшего города. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2008. 133 с.
8. Садков В.Г., Машегов П.Н., Уварова А.Я., Ефимин Д.Д., Стрелкова О.В. Индустриальные парки как элемент инновационно-инвестиционной инфраструктуры региона: модная тенденция или новое качество институтов территориального развития?// Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 2. С. 12-19.
9. Стариков Е.Н. Промышленная политика Свердловской области: особенности современного этапа// Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 46 (373). С. 24-36.
10. Угольников О.Д., Угольников В.В., Петров А.П. Инновационная экономика: региональные кластерные инициативы. СПб: Изд-во СПбГУЭСЭ, 2010. 191 с.
11. Якубанис Н.В. Интеграция и диверсификация как инструменты модернизации промышленных компаний// Эффективное антикризисное управление. 2012. № 4. С. 40-44.

NEW FORMS OF INDUSTRIAL PRODUCTION INDUSTRIAL REGIONS

I. Makarova,

E-mail: k511@mail.ru

A. Petrov,

E-mail: petrov@holding-unona.ru

Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

In this article justified that implemented today in Russia model of industrial policy is not conducive to re-industrialization of the economy. As systemic problems highlighted the problem of forming a progressive industry, product, and organizational structure of the industry. The focus of the study is given to the formation of progressive structures, which are focused on the development of innovative industrial complex. The paper identified two groups of enterprises, to varying degrees, implementing progressive forms of innovation: the first group of companies focused on the modernization of traditional forms of production organization - Scientific and Production Association (NPO), engineering centers, specialized implementation organizations, regional research centers; the second group - is associated with the creation of new, mainly borrowed from foreign practices, organizational forms of innovative development of industrial enterprises (industrial parks and industrial parks, small innovative enterprises, clusters). The object of study selected engineering and chemical complexes of the industrial region as Sverdlovsk region. The analysis of the availability and performance of certain groups of enterprises. As a result of this study demonstrated that the specificity of the industrial complex in the region is to focus on the modernization of traditional, historical forms of production organization. Creation in the region of highly complex structures, integrating the majority of the backbone enterprises in the region, research centers, universities and other organizations, complementing each other when the general economic, budgetary and social effects, such as industrial parks and industrial parks, small innovative enterprises clusters is slow. Modern organizational structures (industrial parks and clusters) are in the process of nucleation. It is shown that this situation slows down the development of innovative industries, since the system is not implemented the principle of its organization, which defines the new features of the region and new, more effective mechanisms for the participation of economic entities in the social and economic development of territories.

Keywords: industry, progressive forms of organization, clusters, industrial parks, old industrial regions.

ПЕРСПЕКТИВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И БИЗНЕС-ИНИЦИАТИВ В СФЕРЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Ю.В. Мишарин, научный сотрудник,

Электронный адрес: 1907hb@gmail.com.

Е.В. Щеглов, асп.,

Электронный адрес: pfe@mail.ru

Пермский филиал ИЭ УрО РАН

Перспективы новой индустриализации и новой экономики на региональном уровне определяют характер региональной промышленной политики, которая, в конечном итоге, отражается через региональные нормативно-правовые акты – законы о промышленной политике, концепции и программы ее реализации. В основе их лежат определенные принципы, которые в более общем виде называют «консенсусами». К таковым относят – «вашингтонский», «пекинский», «мумбайский» и «сеульский». В России рассматриваются «московский» и «омский» консенсусы. Не имея законодательной силы, «консенсусы» удивительным образом находят свое четкое отражение в действующем законодательстве, закладывают перспективу государственного регулирования и бизнес-инициатив, в том числе, в сфере региональной промышленной политики. Анализируя содержание «консенсусов», авторы видят перспективу «российского консенсуса» в сфере региональной промышленной политики как реализацию принципа устойчивого развития, принятого международном уровне и законодательно утвержденном в Российской Федерации.

Ключевые слова: государственное регулирование, региональная промышленная политика.

В современных условиях, когда в более или менее сильной степени имеют место проявления социального, экономического, экологического, институционального и технологического кризисов на общемировом, страновом, региональном и местном уровнях, существуют ограничения материального, кадрового и иного плана для формирования региональной промышленной политики и ее реализации.

Вследствие ограничений встает вопрос выбора приоритетов в региональной промышленной политике, которые, в свою очередь, определяются идеологией или, можно сказать, смыслом развития региона.

О.А. Романова (Институт экономики УрО РАН) в статье «Национальная модель экономического развития и формирование промышленной политики» [9] отмечает, что в конце XX начале XXI веков с момента распада СССР особенно активно обсуждается проблема предпочтения в реализации либеральной или дирижистской модели экономического развития.

Е.Т. Гайдар (Институт экономики переходного периода) утверждал, что третье тысячелетие встречено «в условиях господства неолиберализма» [2, с.97].

Лексин В.Н. (Институт системного анализа РАН) считает, что нынешний мировой кризис - это кризис «гиперлиберализованного современного общества, а главная причина кризиса связана с имманентными этому обществу идеологией и практикой «перепотребления и переприсвоения» благ» [6, с.5].

Р.С. Гринберг (Институт экономики РАН), полагает, что результатом мирового кризиса стал крах философии безбрежного экономического либерализма: «кризис стал естественным следствием тридцатилетнего господства в мировой, а с начала 1990-х годов - и в российской, экономической политике идеологии «свободного рынка», главная идея которой - свертывание деятельности государства в пользу сил саморегулирования. Теперь стало ясно, что неконтролируемый и нерегулируемый рынок подрывает устойчивое развитие мировой и национальных экономик, что мощная регулятивная активность государства - императив современного экономического роста» [3, с.5].

В этом смысле О.А. Романовой отмечается доминирование идеологии так называемого «Вашингтонского консенсуса», декларирующего либерализацию внешней торговли, жесткий контроль над инфляцией, приватизацию государственных предприятий и создание возможностей для свободной купли-продажи национальных ресурсов, дерегулирование экономики и жесткую монетарную политику.

Активное использование идей Вашингтонского консенсуса в качестве научной доктрины рядом стран в значительной мере определяется ее простотой, так как появлялась возможность использования нескольких экономических показателей (инфляция, рост денежной массы, процентные ставки, бюджетный и торговый дефицит) для выработки политических рекомендаций. На основе позиций Вашингтонского консенсуса устанавливались легко копируемые процедуры, которые могли быть использованы как разными странами, так и крупными организациями. Кроме того, рекомендации ограничивались лишь формулировкой предпосылок развития, не предлагая ответов на многочисленные вопросы, возникающие в его процессе.

Однако полученные результаты в разных странах, в т.ч. и в России, подтвердили несостоятельность предложенной модели [9, с.29].

Китайские исследователи основным недостатком «Вашингтонского консенсуса» считают чрезмерное доминирование рыночной идеологии и демократизации страны без учета национальных особенностей развивающихся стран.

При формировании и реализации региональной промышленной политики необходимо рассматривать не только отрицательную роль идеологии «Вашингтонского консенсуса», но и учитывать положительный опыт Китая, осуществляющего так называемую «Большую стратегию» - программу долгосрочного развития китайской экономики. С 2004 года взамен этого названия в зарубежной литературе стали использовать понятие «Пекинский консенсус», которое ввел Дж. Рамо в противоположность понятию «Вашингтонский консенсус» [8, с.13].

Еще один проект, который может рассматриваться в качестве «руководства к действию». Речь идет о так называемом «Мумбайском (Бомбейском) консенсусе» (индийский путь модернизации, название дал Л. Саммерс, директор Национального экономического совета при администрации президента Барака Обамы). Мумбайский консенсус основан на идее демократического развития государства, приводимого в действие народно-ориентированным акцентом на растущий уровень потребления и расширения среднего класса. Консенсус, глобально основан не на идее о том, что конкурентоспособность служит государству, которое пытается выиграть игру с нулевым исходом, а скорее на том, что путем международной интеграции государства могли бы диверсифицировать, развить свои сильные стороны, и совместно реализовать преимущества больших глобальных рынков.

В. Попов статье «Пекинский консенсус» против «Вашингтонского»: «азиатские ценности» более конкурентоспособны, чем либерализм?» в 2007 году констатирует:

«После краха китайская, точнее, восточноазиатская, модель развития завоевывает все больше сторонников в развивающихся странах - от Бразилии до Фиджи. Все больше экономистов и политиков в самых разных странах Юга признает, что не только рынок, но и правительство должно внести свой вклад в экономический успех, в частности, путем проведения экспортно-ориентированной промышленной политики, то есть создания налоговых, кредитных, таможенных и прочих преференций передовым отраслям и предприятиям, нацеленным на внешние рынки. Это прямо противоположно неолиберальным рецептам и объективно противоречит их интересам по сохранению мирового лидерства. Если все «экономические чудеса» в мире случились не благодаря советам международных финансовых институтов и по либерализации экономики, а вопреки им, как в Восточной Азии в целом и в Китае в частности, то значит, объективно проводили и проводят политику, направленную на торможение экономического роста Юга? А если все развивающиеся страны завтра выстроят свою экономическую стратегию «à la китайская модель», что же станет с неолиберализмом? Ну и, наконец, если все развивающиеся страны начнут расти по 10 % в год, как Китай, и в конце концов догонят и Запад, что станет с американским лидерством?» [7].

В среде либеральных экономистов также сложилось неоднозначное отношение к либерализму и его трансформациям.

В статье А. Арсеевко «Что такое неолиберализм в контексте современной «экономикс» и экономики» [1, с.98] приводится сопоставление целей классического либерализма и постклассического неолиберализма в трактовке М. Хадсона [16, с.27] (табл.).

Сравнение целей классического либерализма и постклассического нелиберализма

Классические либеральные экономические реформы (демократия, «модернизм»)	Постклассическая нелиберальная реакция (олигархия, «постмодернизм»)
Освободить индустриальный капитализм от наследия феодализма: власти земельной аристократии, финансовой системы и монополий, которые извлекают экономическую ренту и проценты без участия в труде	Использовать государственную власть для защиты специальных привилегий и субсидирования правящих и привилегированных групп общества, защищая их от последних трех столетий экономических, политических и налоговых реформ
Создать свободный рынок - свободный от незаработанных доходов (ренды, процентов и прибыли на капитал)	Освободить рынки от правительственного контроля, регулирования цен и прогрессивного налогообложения
Удерживать цены на одной линии с себестоимостью, использовать трудовую теорию стоимости с целью изолирования экономической ренты как непроизводственного дохода, превышающего общественные затраты на производство	Предоставлять налоговые льготы и госсубсидии с целью максимизации доходов ренты, превышающих необходимые издержки производства. Приватизировать госсобственность, создавая и продавая право на «контрольные посты» покупателям, используя банковский кредит для наращивания продажных цен
Обеспечить равенство возможностей индивидам для получения плодов своего труда посредством налога на ренту и другие доходы привилегированного класса. Сохранять госсобственность на землю и естественные монополии, обеспечивать возможность общественной конкуренции, чтобы не допускать повышения цен	Не облагать налогом и дерегулировать погоню за рентой и прибылью от недвижимого имущества, акций и облигаций, поднимая цены на них в соответствии с уровнем зарплаты. Отменить налог на наследство и сделать эти доходы и грабительские изъятия необратимыми. “Каждое семейное богатство представляет собой большое воровство” — и вам нужно только однажды создать богатство
Предотвратить поляризацию в обществе между кредиторами и должниками, земельными олигархами и арендаторами и таким образом достичь сокращения бедности	Использовать государственную власть для приведения в исполнение исков кредиторов и собственников, касающихся лишения лиц, не выполняющих своих обязательств, права выкупа заложенного имущества, но использовать государственные фонды для защиты элит от банкротства
Направлять сбережения общества на создание новых средств производства, добиваясь наряду с этим процветания и производительности населения в целом. Иначе погоня за богатством примет скорее хищнические формы, чем формы позитивной активности	Предотвратить правительственные попытки регулировать сферы, в которые вкладывается богатство, чтобы найти самый легкий из возможных путей для получения выгоды. Это обычно касается краткосрочных доходов, так как производство новых товаров и развитие рынков требует усилий и риска
Обеспечить экономическое реформирование посредством проведения демократических политических реформ, исходя из того, что расширение участия в выборах будет вести к лучшему обслуживанию более широких интересов, если люди будут голосовать в своих интересах	Превратить сектор финансов, страхования и недвижимого имущества в сферу политического контроля посредством лоббирования и взносов в избирательные кампании. Поддерживать контроль Палаты лордов или Сената над нижней палатой

В той же статье приводятся слова профессора Колумбийского университета, лауреата Нобелевской премии по экономике Джозефа Стиглица: нелиберализм - это всего лишь «сборная солянка идей, основанных на представлении фундаменталистов о том, что рынки - это саморегулирующиеся системы, которые эффективно распределяют ресурсы, а также хорошо служат интересам общества». Дж. Стиглиц считает, что нелиберальный рыночный фундаментализм всегда был политической доктриной, которая обслуживает определенные интересы и никогда не поддерживалась ни экономической теорией, ни историческим опытом [17].

Очевидно, что в современных условиях обращение к классическим (несостоявшимся) либеральным ценностям невозможен (как, впрочем, и к состоявшемуся советскому социализму), а принципы нелиберализма стали препятствием для развития экономики.

По этой причине к 2011 году сложилось несколько наборов рекомендаций для развития экономики, получивших названия «консенсусов». Эти консенсусы фактически предлагают различные модели развития экономики. Вашингтонский консенсус был наиболее влиятельным в 1990-е гг., хотя он и подвергался острой критике с различных сторон. После финансового кризиса, в 2008-2009 гг. получило достаточно широкое распространение мнение о его бесперспективности. Как альтернативу ему противопоставили Пекинский и Мумбайский консенсусы, основанные на опыте экономического развития, соответственно, Китая и Индии. На лондонском саммите G20 премьер-министр Великобритании Гордон Браун заявил, что «старый Вашингтонский консенсус» завершился.

Рамочным соглашением «Группы 20» по обеспечению уверенного, устойчивого и сбалансированного экономического роста (Сеул, 12 ноября 2010 года) выработана платформа, которую назвали «Сеульский консенсус развития на благо общего роста» [11].

Принимая во внимание выдвинутые в «Сеульском консенсусе» принципы развития и ориентируясь на приведенные в нем ключевые области деятельности, можно сформулировать главные идеи обновленной стратегии международного развития, которые позволяют говорить о ее принципиальной новизне.

Во-первых, утвердилось мнение, что процветание в современном мире может быть устойчивым только в том случае, если оно будет всеобщим, то есть распространится на максимально возможное количество стран.

Во-вторых, мировой кризис выявил глобальную взаимозависимость, оказав непропорциональное негативное воздействие на наиболее уязвимые государства из числа беднейших стран (было подсчитано, что из-за кризиса к концу 2010 г. еще 64 млн. человек оказались в условиях крайней нищеты.)

В-третьих, «Группа двадцати» стала (и, вероятно, останется) ведущей площадкой международного финансово-экономического сотрудничества. В этой роли она должна дополнять усилия институтов-доноров: организаций системы ООН, многосторонних банков развития и других учреждений, оказывающих содействие развивающимся странам.

В-четвертых, стратегической целью является формирование новых полюсов глобального роста, в первую очередь за счет развивающихся стран, способных обеспечить диверсификацию источников спроса и предложения и объектов приложения излишков капитала.

В-пятых, опыт последних десятилетий показал, что в современном мире не существует единой универсальной формулы обеспечения успеха в социально-экономическом развитии. Каждая страна должна взять на себя инициативу в деле разработки и осуществления стратегий развития, которые учитывали бы ее индивидуальные нужды и обстоятельства [15].

В противоположность Вашингтонскому консенсусу, Сеульский консенсус 2010 года отводит большую роль государственному регулированию экономики. Он не предлагает унифицированных готовых решений, а исходит из того, что решения должны соответствовать индивидуальным потребностям конкретных стран.

В интервью Джона Уильямсона, автора «Вашингтонского консенсуса», «Русскому журналу» подведен своеобразный итог политике «Вашингтонского консенсуса»:

«Я думаю, что американоцентричный мир должен был рано или поздно исчезнуть в любом случае. Возможно, что кризис ускорил этот процесс. Финансовый сектор сегодня потерял свой прежний престиж.

Я не уверен, что и двадцать лет назад большинство людей согласились бы с тем, что выделенные мной положения являются самыми главными идеями того времени. Они были, скорее, важной частью самых главных идей. Более того, сегодня я сожалею, что не выразил по-иному свои идеи в отношении финансовой дерегуляции. Так, необходимо было написать, что финансовая дерегуляция требует введения институтов, которые осуществляли бы надзор за процессами. Я этого не сделал. Сегодня я сожалею об этом» [13, с.5].

В 2010 году в среде российских экспертов поднимается вопрос о «Московском консенсусе».

В частности, О.С. Сухарев в статье «Глобализация: «Вашингтонский» и «Московский» консенсус» приводит следующие доводы в пользу «Московского консенсуса» [12].

Исходя из действий Правительства РФ можно сказать, что оно движется по указанному «Вашингтонским консенсусом» направлению, даже не пытаясь задуматься над тем, насколько адекватны эти мероприятия как в отдельности, так и в совокупности. В принципах «Вашингтонского консенсуса»

перемешались цели, задачи, инструменты макроэкономической политики, возможности институциональных изменений. Это делает всю систему таких принципов разрушительной. Следование им не способствует долгосрочному развитию отсталой страны, но зато с легкостью позволяет мировому капиталу делить секторы открывшегося ему рынка.

«Московский консенсус» может и не отрицать отдельные принципы «Вашингтонского консенсуса», однако должен вложить в них иное содержание. О.С. Сухаревым предлагается ряд принципов «Московского консенсуса»:

- 1) либерализация трудового фактора и бюджета как макроэкономического инструмента решения данной задачи;
- 2) общественные расходы - служат целям развития социального сектора, подверженного «болезни цен» Баумоля;
- 3) валютный курс - отражает реальный паритет покупательной способности и процентных ставок;
- 4) защита интересов национального рынка и имущества - делиберализация торговли, стимулирование кооперационных связей в экономике;
- 5) налоговая система - с прогрессивной шкалой налогообложения, ориентирована на решение задачи сокращения неравенства (измеряемого коэффициентом Джини);
- 6) финансовое стимулирование - низкие процентные ставки, обеспечивающие инвестиционный процесс, ориентиры в установлении цен на ресурсно-энергетические товары, повышение заработной платы;
- 7) внутренние инвестиции и создание кредита, обеспечивающих развитие реальных секторов экономики;
- 8) национализация - деприватизация незаконно приватизированных предприятий, особенно природно-ресурсного комплекса - введение системы национального имущества;
- 9) регулирование экономики - с целью решения структурных задач развития с учетом эффекта конкуренции как «процедуры закрытия»;
- 10) повышение качества законодательных актов и базисных институтов экономического развития, защита прав, повышение эффективности института оценки.

26.03.2014 Ю.Н. Крупновым на Международном экономическом форуме (Москва) был сделан доклад «Омский консенсус – на смену Вашингтонскому и Пекинскому. Или как запустить новую индустриализацию России?» [5].

Главные тезисы его доклада следующие.

1) Рыночная экономика абсолютно контрпродуктивна, если понимать под ней вписывание в существующие рынки: мы там никому не нужны. Рыночная экономика это, по сути, производство новых рынков, то, что делал якобы нерыночный Советский Союз, имея 30-40% (по разным оценкам) мирового авиастроения.

2) Третичная индустриализация против «отвёрточной» псевдоиндустриализации - основное противоречие эпохи:

- технологические прорывы как индустриальное направленное производство новых лидирующих технологий (кластеры и волны);

- новая индустриализация есть производство новых долгосрочных рынков и городов;

- каскад индустриализаций: от третичной – к первичной;

- география промышленности: новый планетарный центр производства общественного богатства – Сибирь;

- цивилизационный прорыв: семь созидательных революций – способных переломить деградационный тренд: демографическая, промышленно-технологическая, градостроительная, энергетическая, антропологическая, интеграционно-постсоветская (евразийская) и дальневосточная.

«Омский консенсус» Ю.Н. Крупнова отвечает политическим установкам Президента России В.В. Путина на дальнейшее развитие Сибири, Дальнего Востока и Арктики (2012-2014 гг.).

Новая индустриализация в трактовке О.А. Романовой и Н.Ю. Бухвалова – это синхронный процесс создания новых, высокотехнологичных секторов экономики и эффективного инновационного обновления ее традиционных секторов при согласованных между технико-экономической и социально-институциональной сферами качественных изменениях, осуществляемых посредством интерактивных технологических, социальных, политических и управленческих изменений [10, с.57].

Введение экономических санкций против Российской Федерации в 2014 году показали наличие «двойных стандартов» в международной политике и хозяйственной практике, что обусловило необходимость пересмотра в Российской Федерации подходов в формировании и реализации собственной промышленной политики, в том числе – активное импортозамещение.

В сложившихся условиях следует говорить не о конкурентоспособности российской промышленности, поскольку речь идет не о внешних рынках и интеграции в мировую экономику (экономическая война стала инструментом государственной политики стран Запада), а о решении насущных задач внутреннего российского рынка с кооперацией со странами Востока, Латинской Америки, в какой-то мере – Африки.

То есть, в настоящее время принцип «свободной конкуренции» - дезавуирован, делаются попытки оживить его объединяя понятие «конкуренция» с понятием «кооперация». Г.Б. Клейнер отмечает, что экономика материальных благ действительно строилась на конкурентоспособности производителей, но в идущей ей на смену экономике знаний на первом плане – способность к сотрудничеству, т.е. конкордоспособность, вместо конкуренции предприятий и корпоративных конфликтов – «конкуренция» и «конкоперация». В современной экономике знаний конкуренцию уже нельзя рассматривать как главенствующий способ взаимоотношений между экономическими субъектами. Сочетание конкуренции и кооперации, сочетание сотрудничества и соперничества – это принципиально новый подход. В качестве одного из аргументов автор отмечает изменение современной парадигмы маркетинга – от победы над конкурентами к созданию системы ценностей совместно с потребителем, что с его точки зрения означает новую идеологию экономики как целостного организма [4, с.32].

Однако, следует сказать, что принципы Вашингтонского консенсуса по-прежнему продолжают определять идеологию развития России и, соответственно, перспективы государственного регулирования и бизнес-инициатив в сфере региональной промышленной политики. Это наглядно показывает Федеральный закон от 31.12.2014 №488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации», разработанный Минпромторгом России, в котором специалисты сразу же увидели отсутствие механизма формирования и реализации промышленной политики, что обусловлено ключевыми принципами Вашингтонского консенсуса.

Г.В. Цепов считает, что основу такого механизма должны составлять интегрированное планирование и система контроля за выполнением плановых показателей. Частные интересы субъектов предпринимательства, осуществляющих промышленную деятельность, должны быть увязаны с публичными интересами [14].

В действительности такой подход уже закреплен в Федеральном законе от 28.06.2014 №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» и в Градостроительном кодексе РФ (№190-ФЗ от 29.12.2004, ред. от 24.11.2014). В последнем установлен ключевой принцип градостроительной деятельности и территориального планирования, определяемой, в первую очередь, организацией промышленного производства на данной территории (исторически на Урале город – это завод). Этот ключевой принцип – принцип устойчивого развития, закрепленный также в международных документах и соглашениях. Он устанавливает требование сбалансированности социального, экономического, экологического, институционального и технологического развития для повышения качества жизни населения.

Таким образом, не отрицая рыночные принципы и опираясь на принцип устойчивого развития, можно определить перспективы государственного регулирования и бизнес-инициатив в сфере региональной промышленной политики как «российского консенсуса» новой индустриализации.

Список литературы

1. Арсеенко А. Что такое неолиберализм в контексте современной «экономикс» и экономики. // Социология: теории методы и маркетинг. 2011. №2. С.78-106.
2. Гайдар Е. Долгое время. Россия и мир: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005.
3. Гринберг Р. Становление новой экономической системы. Общий ход реформы. // Рос.экон.журнал. 2009. № 3-4.
4. Клейнер Г.Б. Микроэкономика знаний и мифы современной теории. // Высшее образование в России. 2006. №9. С.32-37.

5. Крупнов Ю.Н. «Омский консенсус на смену Вашингтонскому и Пекинскому, или Как запустить новую индустриализацию в России?». URL: <http://www.proektnoegosudarstvo.ru/publications/0207>.
6. Лексин В. Россия до, во время и после глобального кризиса. // Рос.экон. журнал. 2009. № 7-8.
7. Попов В. «Пекинский консенсус» против «Вашингтонского»: «азиатские ценности» более конкурентоспособны, чем либерализм? // Прогнозис. 2007. №3. С. 344–347.
8. Рамо Дж. К. Пекинский консенсус как согласие наций. // Русский институт. Выпуск №07(49). 25 марта 2010 г. С.12-13.
9. Романова О.А. Национальная модель экономического развития и формирование промышленной политики. // ARS ADMINISTRANDI. 2011. №1. С. 27-42.
10. Романова О.А., Бухвалов Н.Ю. Формирование теоретической платформы как системной основы промышленной политики в условиях новой индустриализации. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. №2 (32). 2014. С.54-66.
11. Сеульский консенсус развития на благо общего роста. URL: http://www.kremlin.ru/ref_notes/772/print.
12. Сухарев О.С. Глобализация: «Вашингтонский» и «Московский» консенсус. URL: <http://alldocs.ru/download/index.php?id=311>.
13. Уильямсон Дж. Америкоцентричный мир исчезнет в любом случае. // Русский журнал. №70(49), 25.03.2010.
14. Цепов Г.В. Заключение на проект Федерального закона «О промышленной политике в Российской Федерации». URL: <http://www.ekomarketing.ru/news/125--1-r>.
15. Яковлев П.П. «Большая двадцатка» в поисках новой парадигмы глобального регулирования. URL: http://www.perspektivy.info/book/bolshaja_dvadcatka_v_poiskah_novoj_paradigmy_globalnogo_regulirovanija_2011-01-26.htm
16. Hudson M. The Counter-Enlightenment: Its Economic Program - And the Classical Alternative / Michal Hudson // Progress. Autumn 2010. P. 4-27.
17. Stiglitz J. The End of Neo-liberalism? [Electronic resource] / J. Stiglitz. 07.07.2008. Mode of access: URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/stiglitz101/English>.

PROSPECTS OF STATE REGULATION AND BUSINESS INITIATIVES IN THE SPHERE OF REGIONAL INDUSTRIAL POLICY

Y. Misharin,

E-mail: 1907hb@gmail.com.

E. Shcheglov,

E-mail: pgie@mail.ru.

Perm Branch of the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Prospects of new industrialization and new economy at the regional level define character of regional industrial policy which, finally, is reflected through regional normative legal acts - laws on industrial policy, concepts and programs of its realization. Certain principles which more generally call "consensuses" are the cornerstone of them. Carry to that - "Washington", "Beijing", "Mumbai" and "Seoul". In Russia the "Moscow" and "Omsk" consensuses are considered. Without having legislative force, "consensuses" wonderfully find the accurate reflection in the current legislation, put prospect of state regulation and business initiatives, including, in the sphere of regional industrial policy. Analyzing the content of "consensuses", authors see prospect of "the Russian consensus" in the sphere of regional industrial policy as realization of the principle of the sustainable development accepted the international level and legislatively approved in the Russian Federation.

Keywords: state regulation, regional industrial policy.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА КАК ИНСТРУМЕНТ ФИНАНСОВОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО МЕНЕДЖМЕНТА

Д.Ю. Ноженко, министр, соискатель,

Электронный адрес: chel61@mail.ru

Министерство экономики Свердловской области,

ИЭ УрО РАН, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29

Автором рассмотрены актуальные вопросы перехода на программные принципы формирования бюджетов. Государственные программы представляют собой инновационный инструмент современного государственного управления, на основании которого должны согласовываться стратегические приоритеты социально-экономического развития и финансовые планы. Цель исследования – оценить уровень развития института управления государственными программами в регионах России. Использованы методы компаративного анализа. Информационной базой послужил массив данных, представленных на официальных сайтах субъектов Российской Федерации. Анализ показал, что основу нормативно-правовой базы составляют документы, утверждающие порядок разработки, реализации и оценки эффективности госпрограмм; методические рекомендации по разработке и реализации госпрограмм; методику оценки эффективности реализации госпрограмм; перечень государственных программ. Эти документы разработаны и размещены в большинстве регионов. Но гораздо меньшее число регионов размещают информацию о ходе реализации, а также о финансовом обеспечении государственных программ. В целом, модели управления госпрограммами в российских регионах находятся на начальной стадии своего формирования.

Ключевые слова: бюджетирование, ориентированное на результат; государственные программы; регионы России, финансовая модернизация

Как известно, реализуемые в России административная и бюджетная реформы повторяют как концептуально, так и технически, реформы, начатые и к концу 1990-х годов уже в основном завершённые в развитых странах. Там еще в середине XX века назрела необходимость повышения степени обоснованности управленческих решений различных министерств и ведомств, с целью чего в практику начал постепенно внедряться соответствующий инструментарий, в том числе, программные бюджеты, как средство, позволяющее с помощью объективных критериев найти компромисс между интересами государства, бизнеса, общества [1; 2; 8; 9], а также повысить эффективность бюджетных расходов.

Методологическим основанием этих реформ является так называемая модель нового государственного управления (New Public Management), одним из ключевых направлений которой выступает модернизация всех подсистем жизнедеятельности, включая экономику, финансы, управление, социальную сферу и т.д. [5] В рамках данной статьи нами рассмотрен новый инструмент финансовой модернизации системы госменеджмента – государственные программы.

Концепция реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации в 2004–2006 гг. и ряд других документов обозначили в 2004 г. Поворот от экспертно-теоретической к практической фазе административной и бюджетной реформ в части изменения структуры органов государственной власти и перехода к программно-целевым методам планирования и бюджетирования, ориентированного на результат (БОР) [3]. Государственные программы являются определенным этапом развития БОР. Они существенно меняют систему принятия государственных решений, повышая их значимость, а как следствие, и «цену ошибки».

Внедрение новых принципов бюджетирования обусловлено необходимостью: комплексного решения задач для достижения общественно значимых результатов; повышения эффективности бюджетных расходов; определение механизмов достижения результатов; обеспечения прозрачности и

подотчетности деятельности органов власти; увязки стратегических направлений и решаемых задач с бюджетным планированием.

Задача перехода к программной структуре бюджета была поставлена еще в 2009 году в рамках Бюджетного послания Президента Российской Федерации «О бюджетной политике в 2010-2012 годах». В связи с этим был разработан новый инструмент – государственная программа, которая определяется как система мероприятий (взаимоувязанных по задачам, срокам осуществления и ресурсам) и инструментов государственной политики, обеспечивающих в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и безопасности [6].

Совершенствование бюджетного процесса, связанного с переходом от формата «долгосрочные целевые программы» к формату «государственные программы», потребовало внести изменения в Бюджетный кодекс Российской Федерации. В 2013 году была принята новая редакция статьи 179 Бюджетного кодекса Российской Федерации, закрепившая своего рода иерархию государственных программ – государственные программы РФ, государственные программы субъекта РФ и муниципальные программы.

Именно государственная программа призвана обеспечить переход на программно-целевые принципы построения бюджета, а в конечном итоге, системно подойти к достижению стратегических целей и задач государственной социально-экономической политики, а также повысить эффективность стратегического планирования в регионах и территориях [4; 7; 10].

Именно повышение социально-экономической результативности стратегического планирования, в том числе, и финансового, можно считать одним из главных оснований внедрения программного бюджета, в том числе и на региональном и муниципальных уровнях. Неслучайно Федеральным законом от 26.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» государственные программы субъектов Российской Федерации отнесены к документам стратегического планирования.

Опуская процесс институционализации управления государственными программами на федеральном уровне, в рамках статьи основное внимание уделим этому процессу на региональном уровне. Для того чтобы оценить уровень развития института управления нами был проведен анализ информации относительно разработки и реализации государственных программ в субъектах РФ, представленной на официальных сайтах.

Информация, на основе которой проводился анализ, имеет следующие исходные характеристики: во-первых, она является открытой и общедоступной; во-вторых, размещена на порталах субъектов РФ, официальных сайтах правительств субъектов и их исполнительных органов. Таким образом, результаты анализа, прежде всего, отражают степень информационной открытости региона в плане представления различных стадий процесса управления государственными программами на официальных сайтах. К таким стадиям нами отнесены: разработка и утверждение нормативно-правовой базы, мониторинг и контроль за реализацией, публичное обсуждение программ. Кроме того, учитывалась возможность доступа к самим программам и отчетам по их реализации.

Анализ показал, что нормативно-правовое оформление института управления государственными программами было начато субъектами Российской Федерации весной 2011 года, когда в ряде регионов был утвержден порядок разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ, а также, но только в отдельных субъектах, их перечень. В числе первых такие нормативные акты были приняты правительствами Сахалинской, Челябинской, Оренбургской, Вологодской областей, Чувашской и Удмуртской республик, Республики Якутия (Саха).

Однако наибольшая активность регионов по закреплению порядка разработки, реализации и оценки эффективности госпрограмм, утверждению их перечня наблюдалась в 2012-2013 годах. При этом в принятые ранее документы достаточно часто вносятся уточнения и изменения. В этот же период в ряде регионов были разработаны и утверждены методические рекомендации по разработке и реализации государственных программ субъекта РФ. В 2011 году подобный документ был принят только в Республике Коми. Кроме того, в некоторых субъектах появился самостоятельный документ, утвердивший методику оценки эффективности государственных программ (например, в Ненецком автономном округе, Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, Республике Алтай, Удмуртской Республике, Тамбовской области). Но в ряде регионов разработаны и утверждены методические рекомендации, объединяющие процессы разработки, реализации и оценки эффективности

государственных программ в субъекте. К таким регионам относятся Забайкальский край, Мурманская область, Республика Карелия.

Таким образом, основу современной нормативно-правовой базы, закрепляющей развитие института управления государственными программами в российских регионах, составляют документы, утверждающие порядок разработки, реализации и оценки эффективности госпрограмм; методические рекомендации по разработке и реализации госпрограмм; методику оценки эффективности реализации госпрограмм; перечень государственных программ.

Большинство российских регионов разместили на сайте утвержденный порядок и перечень программ. При этом встречаются регионы, разместившие вместо перечня или порядка методические рекомендации.

Помимо перечисленных документов отдельными субъектами Федерации в рамках законотворческой деятельности в сфере управления государственными программами разработаны и утверждены нормативные акты, определившие процедуры, которые в свою очередь, исходя из управленческих функций, обобщенно можно разделить на следующие виды:

- организация – к таким документам относятся график работы по рассмотрению программ, порядок взаимодействия органов власти, а также порядок рассмотрения проектов госпрограмм;
- мониторинг – к этому виду относится порядок мониторинга;
- оценка – в эту категорию попадают методические рекомендации по оценке эффективности расходов на реализацию госпрограмм;
- учет – что определяется порядком ведения реестра госпрограмм;
- контроль – который обеспечивается на основе форм отчетности о ходе реализации госпрограмм;
- обеспечение публичности – что предполагает порядок проведения публичного обсуждения, а также порядок функционирования советов и комиссий по разработке госпрограмм и рассмотрению проектов.

Однако следует заметить, что подобные документы, действующие как самостоятельные, приняты далеко не во всех субъектах Российской Федерации. Необходимо заметить, что отсутствие каких-то документов дополнительного характера, не означает полную нерешенность в регионах тех или иных вопросов, связанных с организацией, мониторингом, оценкой эффективности расходов, учетом, контролем за разработкой и реализацией госпрограмм. Некоторые моменты прорабатываются и присутствуют в Порядке разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ субъекта. Прежде всего это касается ведения реестра, мониторинга, форм отчетности. Но ряд вопросов, в первую очередь, оценка эффективности расходов, порядок рассмотрение проектов программ в большинстве регионов по-прежнему не решены. Кроме того, реализация такой важной функции как обеспечение публичности и обсуждения проектов программ, и внесения изменений в действующие программы, и принятие отчетов о ходе реализации, на наш взгляд, требуют специальной правовой проработки и отдельного нормативного закрепления. Но лишь несколько российских регионов занимаются решением этой проблемы. Однако именно публичность обеспечивает эффективность института управления государственными программами, поэтому регионам необходимо не только обеспечить нормативное закрепление его публичного характера, но и действительно обеспечить открытость, которая в определенной степени характеризуется и качеством информации на сайтах.

Отдельным блоком анализировались размещение результатов реализации, мониторинг и финансовая отчетность. Учитывая полноту представления информации по всем указанным направлениям, среди российских регионов следует выделить Краснодарский край и Республику Башкортостан. На сайте министерства экономики Краснодарского края размещены все формы отчетности, мониторинга, контроля за расходованием бюджетных ассигнований, а также постановление о создании краевого совета по проектам государственных программ. Но при этом отсутствует какая-либо информация о результатах за прошедший или текущий год реализации государственных программ, их мониторинге. На сайте министерства экономического развития Республики Башкортостан напротив размещены как отчеты о реализации программ, так и информация о мониторингах бюджетной и целевой актуализации, а также о финансировании программ.

В целом, из всех направлений наиболее полно представлена информация о ходе реализации программ, хотя далеко не все субъекты размещают на едином сайте информацию об этом. В некоторых

субъектах отчеты о реализации размещаются не на сайтах структур, за которыми закреплена функция представления общей информации о государственных программах региона и где можно ознакомиться с другой информацией правового и методического характера, а на сайтах министерств и ведомств, выступающих их разработчиками программ (например, Новосибирская область).

С размещением информации о ходе реализации госпрограмм достаточно тесно пересекаются результаты их мониторинга. Большинство субъектов, если и размещают информацию, то она, как правило, подается как отчет о реализации. В целом, в большинстве случаев можно отметить именно «поквартальный» характер отчетности об общем ходе реализации государственных программ. При этом органы-разработчики программ отслеживают этот процесс ежемесячно, что во многих субъектах отражено на сайтах соответствующих министерств и ведомств. Такой подход характерен для субъектов, где количество госпрограмм совпадает с числом ГРБС. Ежемесячный контроль за реализацией программы позволяет своевременно принять решение о перераспределении бюджетных средств и внести изменения в программу, чтобы не вызвать нареканий со стороны счетной палаты о нецелевом использовании денежных средств.

Информация о финансировании государственных программ за определенный текущий период размещена на сайте всего нескольких субъектов: Архангельской и Ярославской областей, а также Республики Башкортостан. На сайте министерства экономики Республики Тыва можно ознакомиться с распределением бюджетных ассигнований на 2014 год на реализацию госпрограмм. В целом, следует отметить достаточно закрытый характер «финансовой» информации, но многие регионы общие сведения о финансировании программ отражают в отчетах о реализации.

В целом, по результатам анализа можно сделать следующие выводы:

– наиболее многочисленна группа регионов, разместивших на сайтах два основных нормативных акта – порядок разработки, реализации и оценки эффективности госпрограмм, а также их утвержденный перечень. Но во многих субъектах размещаются дополнительно и методические рекомендации по разработке и реализации госпрограмм, а также методики оценки их эффективности. При этом достаточно много субъектов размещает только один какой-либо документ из основного списка, либо такие документы совсем отсутствуют на сайте. Следует отметить, что чуть более, чем у десяти субъектов размещены дополнительный нормативно-правовые акты, способствующие реализации таких управленческих функций, как организация, мониторинг, контроль, учет, оценка и обеспечение публичности;

– в среднем в большинстве регионов утверждено порядка 20-30 госпрограмм, что непосредственно связано с числом главных распорядителей бюджетных средств в субъекте. Таким образом, увеличивается показатель объема расходов регионального бюджета, распределенных по программному принципу. При этом только примерно в одной трети регионов все государственные программы доступны по ссылке с сайта, на котором размещена общая информация о них. Довольно много субъектов, где размещен только перечень или реестр госпрограмм без возможности доступа к ним, а в ряде регионов и вовсе отсутствует какая-либо информация на едином сайте;

– в большинстве регионов отдельная программа мониторится непосредственно ее разработчиком ежемесячно, но общая информация о ходе реализации носят кварталный или полугодовой характер. При этом размещают эту информацию также далеко не все регионы, на сайтах многих из них можно ознакомиться только с итоговой годовой информацией за прошедший период. Еще более закрытый характер имеет информация о финансировании расходов, но в общем виде она включается в итоговые отчеты.

В заключении отметим, что государственные программы являются инновационным инструментом государственного менеджмента. Модели управления госпрограммами в российских регионах находятся на начальной стадии своего формирования. Регионы еще только накапливают необходимый опыт управления, именно поэтому, на стадии начального становления, необходимо максимально учитывать недостатки и недочеты развития этого института, чтобы он действительно, стал значимым результатом и основой финансовой модернизации системы государственного управления в современной России.

Список литературы

1. Дорошенко С.В. Оценка результативности природоохранной деятельности в регионах России // Экономика региона. 2012. № 2. С. 116-128.
2. Дорошенко С.В., Ноженко Д.Ю., Соломатин Я.И. Внедрение новых механизмов оптимизации государственного регулирования в российских регионах // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 8 (299). С. 53-56.
3. Дорошенко С.В., Нигметов К.К. Институт оценки политики в контексте теории реформ // Журнал экономической теории. 2014. № 2. С. 142-145.
4. Дорошенко С.В., Третьяк А.Н., Илинбаева Е.А. Концепция стратегии социально-экономического развития субрегионального образования // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2014. № 2. С. 64-79.
5. Макарова И. В. Экономическая природа процесса модернизации // Наука. Человек. Общество. Информационный вестн. Уральского отделения РАН. Темат. Выпуск Экономика. Политика. Право. 2006. С. 26-29.
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 2 августа 2010 года № 588 «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации» // Доступ из информационной системы «Гарант».
7. Татаркин А., Дорошенко С. Институт стратегического планирования в условиях формирования саморазвивающихся регионов // Общество и экономика. 2009. № 11-12. С. 100-120.
8. Шамков Ю.В., Дорошенко С.В. Институт оценки политики в пространстве ШОС // Экономика региона. 2012. № 4 (32). С. 212-217.
9. Шеломенцев А.Г., Дорошенко С.В., Шамков Ю.В. Оценка регулирующего воздействия как механизм защиты экономических интересов России в условиях ВТО // Бизнес, менеджмент и право. 2013. № 1 (27). С. 29-32.
10. Шеломенцев А.Г., Дорошенко С.В., Козлова О.А., Суспицын С.А., Власюк Л.И. Особенности оценки барьеров в контексте парадигмы регионального саморазвития // Приволжский научный вестник. 2014. № 9 (37). С. 60-69.

THE STATE PROGRAM AS A TOOL FOR FINANCIAL MODERNIZATION REGIONAL MANAGEMENT

D. Nozhenko,

E-mail: chel61@mail.ru

The Ministry of economy of the Sverdlovsk region,

Institute of Economics, the Ural Branch of the Russian Science Academy

The author deals with topical issues of the transition to software development principles budgets. State programs are an innovative tool of modern public administration, on the basis of which should be consistent strategic priorities of socio-economic development and financial plans. The purpose of the study is to assess the level of the state programs management Institute development in the regions of Russia, by methods of comparative analysis. The information base was the array of data presented on the official websites of the Russian Federation subjects. The analysis showed that the basis of the regulatory framework are the documents approving the procedure for developing, implementing and evaluating the effectiveness of state programs; guidelines for the development and implementation of state programs; methods of evaluating the effectiveness of state programs; a list of state programs. These documents were developed and published in most regions. But a much smaller number of regions post information about the course of implementation, as well as on the financial support of state programs. In General, models of management programs in Russian regions are at the initial stage of its formation.

Keywords: budgeting for results; state programs; regions of Russia, the financial modernization.

СПЕЦИФИКА ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ

С.Б. Патрушева, канд. экон. наук, научный сотрудник,

Электронный адрес: bronshtein_sveta@mail.ru

ИЭ УрО РАН, 620014, г.Екатеринбург, ул. Московская, 29

В статье рассматриваются понятия «инновационная политика», приведены принципы формирования территорий инновационного развития, разработана последовательность разработки инновационной политики, предложены критерии социально-экономического измерения результативности инновационного развития регионов. Публикация выполнена при поддержке программы УрО РАН №14 «Фундаментальные проблемы региональной экономики».

Ключевые слова: территория, инновационная политика, государственная политика, регион, национальная инновационная система, критерии результативности, потенциал, перспективы развития, приоритетные направления, основные положения разработки инновационной политики.

В современном мире приходит понимание того, что инновационное развитие представляет собой безальтернативный принцип развития. Созданию, внедрению и распространению инноваций уделяется особое внимание [10]. Что же подразумевает под собой инновационная политика государства? В Базовом докладе к Обзору ОЭСР национальной инновационной системы Российской Федерации, подготовленном Министерством образования и науки, государственная инновационная политика определяется как «комбинация мер по созданию благоприятного инновационного климата, стимулированию спроса промышленности на результаты исследований и разработок и высокие технологии, созданию более эффективного режима защиты прав интеллектуальной собственности, использованию стимулов для развития малых инновационных предприятий, поддержке инновационной инфраструктуры и поощрению кооперационных сетей» [5].

Инновационная политика государства представляет собой инструмент регулирования социально-экономического и политического развития страны. Л.П. Гончаренко определяет государственную инновационную политику как «составную часть социально-экономической политики, направленную на развитие и стимулирование инновационной деятельности, под которой понимается создание новой или усовершенствованной продукции, нового или усовершенствованного технологического процесса, реализуемых в экономическом обороте с использованием научных исследований, разработок опытно-конструкторских работ либо иных научно-технических достижений» [1, с. 65].

Принципы формирования регионов инновационного развития рассмотрены в работе [6], в которой указано, что формирование инновационных территорий возможно при соблюдении следующих условий:

- оценка состояния и возможностей использования имеющихся в регионе научно-технического, инновационного, производственного и инфраструктурного потенциалов;
- обязательное сопряжение, взаимоувязка приоритетов и задач государственной региональной инновационной и социально-экономической политики;
- выбор именно тех видов инновационных территорий, которые учитывают специфику конкретного региона;
- создание инновационных территорий в рамках формирования региональной инновационной системы.

Поскольку первое обязательное условие в обозримой перспективе не может быть соблюдено, постановка задачи превращения всей территории в инновационную представляется преждевременной. Производственный и научно-технический потенциал, освоение современных передовых технологий, а также наличие инвестиционных ресурсов, уже сложившиеся контакты с научно-исследовательскими

организациями химической и металлургической промышленности – все это создает благоприятные предпосылки для инновационного развития.

Разработка инновационной политики должна осуществляться в следующей последовательности: диагностика социально-экономического состояния региона → прогнозирование и сравнительная оценка возможных вариантов инновационного развития → выбор оптимального варианта → разработка инновационной политики реализации оптимального варианта → программирование и реализация конкретных программ развития региона → мониторинг достижения поставленных целей → корректировка политики по результатам мониторинга.

Ожидаемые и фактические результаты реализации инновационной политики оцениваются в социальной и экономической сферах региона на следующих стадиях:

Подготовительной - на основе обобщения применяемых методических подходов, факторного и нормативного анализа определяется система репрезентативных социальных и экономических оценочных показателей, определяются методы оценки;

Предварительной - с использованием качественно-количественных параметров производится диагностика социально-экономического состояния территории, оценивается ее социальный и экономический потенциал, определяются перспективы развития и обосновываются инновационные преобразования во всех сферах жизнедеятельности;

Сопровождающей - с помощью системно организованного социально-экономического мониторинга отслеживается ход фактической реализации принятой к исполнению политики;

Обобщающей - в социальной сфере: на основе сравнительного анализа до и после реализации стратегических мероприятий оценивается результативность; в экономической сфере – с использованием обоснованных на предварительной стадии методов определяется фактическая экономическая эффективность реализации инновационной политики.

В отношении критериев социально-экономического измерения результативности инновационного развития можно отметить следующее.

Первое. Приоритетность решения социальных проблем региона, участие представителей различных социальных групп в формировании и экспертизе стратегических мероприятий.

Второе. Наличие четкой, согласованной всеми сторонами, методики разработки политики, базирующейся на инновационном подходе, предусматривающем реализацию опережающей (а не реактивной) модели социально-экономического развития региона, соблюдение принципа социального партнерства, учет основных факторов, определяющих условия формирования и определение последовательности реализации инновационной политики.

Третье. Максимально полное информационное и нормативное обеспечение, позволяющее произвести объективную диагностику социально-экономического состояния территории и обоснованно определить перспективы ее долгосрочного развития.

Четвертое. Предварительная оценка источников инвестирования наиболее капиталоемких мероприятий стратегического характера.

Пятое. Институционализация процессов разработки и реализации инновационной политики, определение функций и ответственности соответствующих институтов и структур, обеспечивающих непрерывность работы в течение всего срока претворения политики в жизнь.

Шестое. Дифференцированный подход к регионам, учет специфики каждого региона, определение индивидуальных целей развития, миссии, возможностей интеграции и т.д.

Седьмое. Постоянный социально-экономический мониторинг реализации политики, наряду с отслеживанием динамики социально-экономических показателей систематическое изучение общественного мнения, анализ состояния информированности общественности и пр. Корректировка политики по результатам мониторинга.

Таким образом, инновационная политика государства - это система целей и методов, выражающихся в воздействии государственных институтов на инновационные процессы, призванные повысить активность инновационной деятельности в интересах экономики и общества. Меры государственной инновационной политики могут быть и содействующими созданию благоприятной для инноваций социально-экономической среды, и непосредственно иницирующими и регулируемыми инновационные процессы. Стратегической целью инновационной политики является создание условий,

обеспечивающих превращение идей и разработок в рыночные продукты международного уровня, а тактической - внедрение этих продуктов в важнейшие отрасли экономики и социальную сферу.

Список литературы

1. Гончаренко, Л. П. Инновационная политика: учебник / Л. П. Гончаренко. - М.: КНОРУС, 2009. - 352 с.
2. Иванова, Н. И. Наука в национальных инновационных системах / Н. И. Иванова // Инновации. - 2005. - № 3 (80). С. 55-59.
3. Инновационная модернизация России: Политологические очерки / под ред. Ю. А. Красина. М. : Ин-т социологии РАН, 2011. 253 с.
4. Инновационная политика : Россия и мир, 2002-2010 / под общ.ред. Н. И. Ивановой и В. В. Иванова ; Рос. академия наук. М. : Наука, 2011. 451 с.
5. Национальная инновационная система и государственная инновационная политика Российской Федерации: Базовый докл. к Обзору ОЭСР национальной инновационной системы Российской Федерации. URL: <http://www.strf.ru/Attachment.aspx?Id=16198>. -Загл. с экрана.
6. Голова И.М. Инновационный климат региона: проблемы формирования и оценки.- Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2007. 178с.
7. Селезнев П. С. Государственная инновационная политика в современной России и ведущих странах Запада : дис. ... канд. полит.наук / Селезнев Павел Сергеевич. М., 2009. 154 с.
8. Anderson J. Public policymaking: an introduction. Boston: N.Y., 2003. P. 6.
9. Шпаковская Л. Л. Политика высшего образования в Европе и России. СПб.: Норма, 2007. 328 с.
10. Кирсанова Е.Г. Инновационная политика в современном обществе: принципы и особенности реализации// Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, Ист. 2013. № 1 (23)
11. Кравченко Н.А., Кузнецова С.А., Юсупова А.Т. Региональная инновационная политика в России// Ползуновский вестник №4/2005 (ч. 3)
12. Семёнова Н.Н. Инновационная политика в контексте глобализации//Мировой опыт и международное сотрудничество в сфере науки
13. Агабекян Э.П. Инновационная политика в зеркале радикальных реформ России, 2009
14. Андреева Е.Л., Ратнер А.В., Глухих П.Л. Изменение ценностных установок модернизируемого общества // Ценности и смыслы. 2014. № 1 (29). С. 89-101.

SPECIFICS OF INNOVATIVE POLICY OF DEVELOPMENT OF REGIONAL SYSTEMS

S. Patrusheva,

E-mail: bronshtein_sveta@mail.ru

Institute of economics of Ural branch of the Russian Academy of Sciences

In the article the term «innovative policy» is considered, the principles of forming of territories of innovative development are given, the sequence of elaboration of innovative policy is proposed, the criteria of socio-economic measurement of effectiveness of innovative development of regions are offered.

keywords: territory, innovative policy, state policy, region, national innovative system, criteria of effectiveness, potential, prospects of development, priority directions, basic regulations of development of innovative policy.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДПОСЫЛОК ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ КЛАСТЕРОВ

В.В. Прокин, канд. экон. наук, доц., кафедры экономики и финансов,

Электронный адрес: ket@pstu.ru

Е.Л. Анисимова, ст. преподаватель кафедры экономики и финансов,

Электронный адрес: nsmvktm@mail.ru

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 614990, г. Пермь, Комсомольский пр-кт, 29

В статье приводятся концептуальные основы формирования инновационных межгосударственных кластеров. Исследование направлено на теоретическую и прикладную разработку проблемы формирования прогрессивной, эффективной инновационной среды межгосударственного кластера, активно стимулирующей инновационную и инвестиционную активность предприятий крупного, среднего и малого бизнеса, а также органов муниципальной, региональной и федеральной власти. Предполагается на основе имеющихся современных теоретических представлений разработать новую концептуальную системно-структурную модель инновационного межгосударственного кластера. Следующим ожидаемым научным результатом является моделирование процесса изменения инновационной среды в результате активной политики администрации и общественных институтов. В целях определения уровня состояния и развития инновационной среды предполагается создать методику измерения. На основе этих теоретико-методических разработок сформулированы основные элементы стратегии развития и управления кластером.

Ключевые слова: инновации, межгосударственный кластер, предприятия, поведение, регион, модель, эмпирический анализ.

Развитие Российской Федерации заключается в общественном прогрессе и инновационном развитии, которые проявляются во всей совокупности объективных и субъективных условий природы, деятельности индивида, производства, общества и государства. Экономическое развитие при межгосударственной кооперации выражается в социально-экономическом развитии, в воспроизводственных процессах, в создании единой информационной системы, а также в воспроизводстве социально-экономических отношений.

Сущность развития определена целью и объективно формирует собой взаимосвязь между субъектами рынка. Кооперационные преобразования затрагивают все уровни: международный, национальный, региональный и корпоративный.

Экономические субъекты на корпоративном уровне всегда были заинтересованы в определении точных количественных и качественных параметров эффективного развития.

Развитие эффективной деятельности предприятия в настоящее время непосредственно связано с сетевой кооперацией, что позволяет выйти на новый уровень конкуренции и сотрудничества.

Создание международных сетей включает в себя: формирование новых моделей бизнеса; формирование национальных инновационных систем; распространение информации и знаний; преобразование нормативно-правовой и законодательной базы.

Причем под новыми моделями бизнеса чаще всего принято понимать кластерные структуры. В Российской Федерации кластеры продолжают развиваться, накапливая свой опыт успешного или не столь успешного развития. Эффект полученный от внедрения кластеров распространяется на макро-, мезо и микро- уровнях. Следовательно, и оценка, и координация развития кластеров должны быть применимы в совокупности к этим уровням.

Учитывая ведущую роль крупных предприятий в экономическом развитии и формировании региональной и национальной инновационной системы, следует уделять больше внимания проблемам кластеризации в России. Необходимо проанализировать и максимально использовать возможности кластеризации, открывающиеся при формировании единого экономического пространства ЕврАзЭС. Решение задач такой сложности требует серьезного теоретического и методологического обоснования, разработки и апробации новых методов и инструментов пространственного взаимодействия в рамках кооперации и интеграции на макро- и микроуровне. Необходимо создание методологии оценки, механизма взаимодействия фирм в процессе создания межгосударственного инновационного кластера. Более того, необходимо оценить предпосылки и перспективы создания кластерных структур такого рода; определить механизм оптимального взаимодействия фирм в процессе создания межгосударственного инновационного кластера.

Вопросы формирования устойчивого развития кластеров нашли свое отражение в работах многих выдающихся ученых экономистов как внутри страны, так и за рубежом. Наиболее существенный вклад в разработку данной проблемы внесли: М. Портер, Е. Лимер, И. Толенадо, Д. Солье, Е. Дахмен, В. Фельдман, П. Фишер, А.И. Татаркина и другие.

Вопросам изучения стратегии развития промышленных кластеров в регионах в отечественной экономической литературе всегда уделялось достаточно большое внимание, однако вопросы использования кластерных методов в анализе эффективности развития предприятия в системе промышленного кластера еще не разработаны в достаточной степени. Исследованию региональной экономики посвящены работы ряда выдающихся ученых, таких как: Ю. Г. Лаврикова, Л.П. Кураков, А.Г. Гранберг, А.А. Мигранян, А.Н. Селиванов, А.Е. Яковлев, Г.Е. Яковлев, В.В. Кистанов, Н.В. Копылов, Е.А. Неретина, А.С. Новоселов, С.Д. Резник, С.И. Саегалиев, Р.И. Шниппер и другие.

Для объяснения процессов кооперации и специализации в пространстве экономическая наука разработала целый ряд концептуальных подходов: классическая экономическая география (А. Lösch, А. Marshall, И. Г. Тюнен, Н.К. Куричев), теории пространственной конкуренции (М.П. Портер, Parkinson M., Begg I. и др.), теории глобализации и региональной интеграции (Puga D., Venables A., М. Шифф, Л. Алан Уинтерс и др.).

Теоретико-методологические аспекты сущности территориальной конкурентоспособности в отечественной научной литературе представлены публикациями А.О. Салливана, И.В. Дегтяревой, Л.А. Иванченко, Е.Л. Аношкиной, А.И. Татаркина, А.Г. Гранберга, С.А. Суспицына, В.Н. Лексина, А.Н. Швецова, Н.Я. Калужновой, В.В. Прокина, А.Н. Пилясова, Ю.К. Перского и других.

Оценка уровня территориальной конкурентоспособности и анализ институциональных, пространственных и социально-экономических систем проводится в работах J. Jacobs, A. Caragliu, C. DelBoro, P. Nijkamp, P. Cooke, J. Colman, S. Zielenbach, R. Giffinger, R. Kalasek, M. Parkinson, I. Begg, Lundvall, R. Capello, M. Nakamura, Keeble D., Wilkinson F., Б.Г. Клейнера, Б.В. Корнейчука, Ф. Котлера, М. Портера, Д.В. Визгалова, О.Л. Лейбовича и других.

Вместе с тем, анализ степени разработки научной проблемы формирования кластерных структур в современной России позволяет сделать вывод о том, что многие существенные аспекты данной проблемы не раскрыты и, соответственно, не нашли отражения в работах отечественных и зарубежных исследователей. К указанным аспектам, в первую очередь, относятся: методология исследования конкурентоспособности предприятий в кластере, оценка пространственной организации межгосударственных кластеров, разработка инструментов управления межгосударственных кластеров.

Исследовательский проект направлен на теоретическую и прикладную разработку проблемы формирования прогрессивной, эффективной инновационной среды межгосударственного кластера, активно стимулирующей инновационную и инвестиционную активность предприятий крупного, среднего и малого бизнеса, а также органов муниципальной, региональной и федеральной власти. Предполагается на основе имеющихся современных теоретических представлений разработать новую концептуальную системно-структурную модель инновационного межгосударственного кластера. В целях определения уровня состояния и развития инновационной среды предполагается создать методику измерения. На основе этих теоретико-методических разработок будут сформулированы основные элементы стратегии развития и управления кластером.

В рамках исследования нами были:

- Проведена комплексная характеристика подходов к определению принципов взаимодействия фирм внутри кластерных объединений;

- Сопоставлены: методики выявления инновационно активных предприятий; методики выявления кластерных образований в экономике и методики оценки силы взаимодействия предприятий внутри кластера;

- Систематизированы направления и методы национальной и региональной политики формирования и развития инновационной системы экономики и интеграционных процессов развития инновационных кластеров;

- Проведен анализ: национальной инновационной системы России, Казахстана, Белоруссии; предпосылок и перспектив создания межгосударственного инновационного кластера на территории стран таможенного союза

Объект исследования – система отношений экономических агентов национальных инновационных систем стран ЕврАзЭС при создании межгосударственных инновационных кластерных структур.

Предмет исследования организационно-экономические отношения, возникающие при взаимодействии органов государственной власти, науки, инфраструктуры и бизнеса в процессе формирования и развития межгосударственных кластерных образований.

В рамках ЕврАзЭС развивается кооперация стран в сфере инноваций. В рамках союза создан Центр высоких технологий ЕврАзЭС. Деятельность центра основана на содействии разработке и реализации инновационной политики стран-участников; координации работ по созданию национальной инновационной системы; созданию механизмов финансирования инновационных программ и проектов и создании условий для привлечения инвестиций в инновационную сферу[1].

В России, Республике Беларусь, Казахстане намечены предпосылки к формированию национальных инновационных систем и интегрированной инновационной системы стран участников ЕврАзЭС: в России – Российская венчурная компания, в Республике Беларусь – Белорусский инновационный фонд, в Казахстане – Национальный инновационный фонд. В рамках центра формируются экспертные советы, комитеты и комиссии[3].

В рамках Таможенного союза приоритетными являются экономические вопросы [2], в рамках Евразийской интеграции рассматривается более широкий спектр вопросов: социально – культурные, экономические, инновационные, информационные, образовательные, научного и политического сотрудничества.

В рамках кластера (рис. 1) реализация управления проводится через координирующую организацию, в которую входят представители всех экономических агентов кластера. При этом будут созданы три совета: программный совет – который является отдельным подразделением координирующей организации и занимается разработкой общей программной стратегии; экспертный совет – куда входят представители субъектов кластера, принявшие решение о внедрении той или иной программы; комитет – входящий в программный совет, занимается анализом предприятий и разработкой индивидуальных программ под отдельно взятые предприятия кластера.

Так как субъектами кластера являются: государственные институты, государственные органы власти, финансовые и кредитные организации, инвесторы, стратегические партнеры и др. финансирование создания кластера/разработки программ в кластере может осуществляться за счет внутренних и внешних ресурсов. Механизм финансирования программы в кластере это циклический непрерывный процесс. Источниками финансирования могут стать: кредиты, займы, субсидии по кредитам и займам, налоговые кредиты, гранты, проекты финансирование, госзаказы, госгарантии, венчурное финансирование, субконтракты, финансирование лизинга, кобрендинг, совместное финансирование участие в капитале и др.

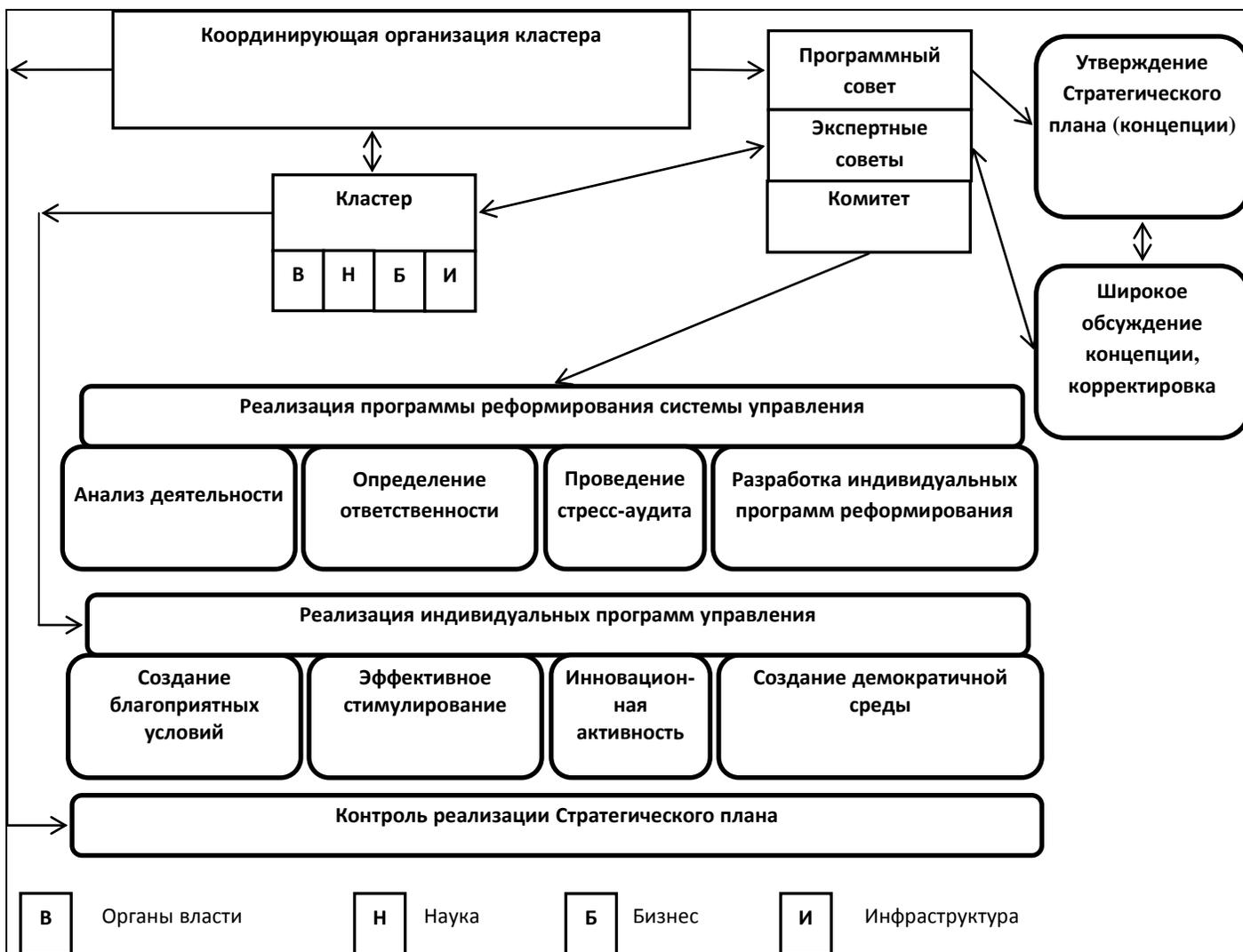

Рис 2. Модель реализации управления в рамках кластера

Таким образом, в современных условиях модернизации производства, которая базируется на инновационной и технологической активности в процессе кластеризации, можно определить мотивы и стимулы хозяйствующих субъектов к объединению для активизации инновационной деятельности и сформулировать рекомендации, позволяющие на основе взаимной заинтересованности построить инновационную кластерную структуру.

Список литературы

1. Центр высоких технологий ЕврАзЭС. URL: http://www.evrazes.com/about/sp_cvt (Дата обращения: 15.01.2015).
2. Евразийская экономическая комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/Pages/default.aspx (Дата обращения 15.01.2015).
3. Специалисты ЕАБР и партнерских институтов оценили эффект интеграции экономик России, Казахстана, Беларуси и Украины. URL: <http://bankir.ru/novosti/s/spetsialisty-eabr-i-partnerskikh-institutov-otsenili-effekt-integratsii-ekonomik-rossii-kazakhstan-belarusi-i-ukrainy-10014427/#ixzz26nGX4L31> (Дата обращения 15.01.2015).

**THEORY AND METHODOLOGY RESEARCH PREREQUISITES FOR THE FORMATION INTERSTATE
CLUSTERS**

V. Prokin,

E-mail: ket@pstu.ru

E. Anisimova,

E-mail: nsmvktrn@mail.ru

National Research Polytechnic University

The article presents the conceptual basis for the formation of innovative clusters interstate. The study aims at the development of theoretical and applied problems of forming a progressive, efficient innovation environment interstate cluster actively promotes innovation and investment activities of large, medium and small businesses, as well as municipal authorities, regional and federal authorities. It is assumed on the basis of the available modern theoretical concepts to develop a new conceptual system-structural model of interstate innovation cluster. It should be expected scientific result is modeling the process of changing innovation environment as a result of the active policy of the administration and public institutions. In order to determine the level of the state and development of innovative environment is expected to create a procedure for measuring. On the basis of these theoretical and methodological developments formulated the basic elements of the strategy development and cluster management.

Keywords: innovation, enterprises, behavior, region, model, empirical analysis.

МАРКЕТИНГ ТЕРРИТОРИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА

В.В. Пьянков, канд. экон. наук, доц. кафедры маркетинга,

Электронная почта: ksenia--27@yandex.ru

Е.И. Кельбах, магистр менеджмента,

Электронная почта: ksenia--27@yandex.ru

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул.Букирева,15

В настоящее время мировые тенденции показывают, что маркетинг территории становится важнейшей составляющей социально-экономической, политической и международной политики органов государственного и территориального управления, особенно для регионов и стран, активно оперирующих на глобальном рынке. Совершенствование инвестиционной политики - это один из ключевых инструментов повышения конкурентоспособности территории, способный реализовать потенциал территории, расширяя доступ к инновациям, технологиям, ноу-хау, специализированным услугам, совместным кооперационным проектам, а следовательно, к улучшению качества жизни населения данной территории. В статье рассмотрена проблема повышения инвестиционной привлекательности малых городов. В качестве основного инструмента выступает повышение конкурентоспособности территории. Предложено применение концепции территориального маркетинга для формирования долгосрочной и устойчивой конкурентоспособности территории.

Ключевые слова: качество жизни населения, малые города, маркетинг территорий, конкурентоспособность территории, инвестиционная привлекательность, имидж территории.

Под маркетингом территорий понимается деятельность, связанная с разработкой комплекса мероприятий по повышению имиджа и конкурентоспособности территории с помощью основных маркетинговых инструментов и технологий.

Создание положительного имиджа территории становится одним из приоритетов деятельности региональных и муниципальных органов власти во многих регионах, так как это довольно сильно влияет на уровень жизни в региона. Для эффективного продвижения территории необходимо наличие материальных и нематериальных активов [6].

Для повышения инвестиционной привлекательности региона требуется проведение большого объема аналитической и подготовительной работы. В частности, необходимо непрерывно проводить мониторинг инвестиционных намерений компаний, отслеживать инвестиционную активность в территориях-конкурентах [7].

При этом необходимо проводить анализ различных сегментов рынка для привлечения инвесторов в свободные ниши. При выборе территории потенциальному инвестору принципиально важно иметь представление о сбыте своей продукции. Здесь альтернативным вариантом рассмотрения свободных ниш рынка служит анализ возможности замещения инорегиональных поставщиков крупных региональных предприятий. Проанализировав информацию о кооперационных связях крупных компаний территории, можно попытаться заменить данную производственную цепочку за счет локализации новых производств.

Помимо аналитической работы, необходимо формировать информационную открытость региона, создавать условия для благоприятного первого впечатления о территории, которое получает потенциальный инвестор.

Для формирования долгосрочной и устойчивой конкурентоспособности территории необходима разработка стратегии развития, обеспечивающей комплексный подход к анализу территории, учитывающей ее специфику, преимущества и недостатки, возможности, выделяющей базовые стратегические ориентиры и «точки роста». Подобный комплексный подход возможен в рамках

концепции территориального маркетинга, который представляет собой актуальное на сегодняшний день направление, позволяющее провести детальный анализ региона и создать грамотную и эффективную программу его развития [9].

Применение данного инструмента способствует преобразованию бизнес-среды города, что, в свою очередь, способствует улучшению инвестиционного климата и, как следствие, повышению уровня социально-экономического состояния территории.

В современных условиях по мере сокращения бюджетного финансирования на федеральном уровне и роста финансовой несостоятельности бюджетов городов и муниципальных образований в качестве основного источника инвестиционного финансирования выступают средства предприятий и организаций, размещенных на территории муниципалитета, а также иностранных и отечественных инвесторов. При формировании территориальной инвестиционной политики и разработке программы маркетинга территории необходимо иметь обоснованную позицию в выборе приоритетов развития отдельных городов, районов и края в целом. В данном случае создание конкурентной бизнес-среды позволит интегрировать производственный потенциал региональных производителей в глобальную экономику. В данном случае одним из потенциально перспективных направлений российской экономики для привлечения инвестиций являются малые города.

В России население малых городов составляет 2/3 от общей численности населения страны, однако большая часть из них характеризуется хронически отсталой экономикой и неразвитой социальной сферой. Радикальное изменение системы управления общественно-экономическим развитием ведет лишь к обострению этой проблемы и требует разработки эффективных подходов к ее решению. Стабильное развитие региона во многом зависит от устойчивости сложившейся системы расселения. В современных условиях имеет место увеличение количества экономических функций региона, автоматически вызывающее рост требований к экономике малых городов и административных районов, жизнедеятельность которых определяет социально-экономическое благополучие [10].

Привлечение инвестиций в малые города способствует активному освоению территории, развитию инфраструктуры, улучшению социально-экономического развития малых городов, субъектов, в которых они находятся, а, следовательно, и развитию страны в целом.

Следует отметить, что повышение конкурентоспособности малых городов возможно за счет совершенствования инвестиционной привлекательности территории. На сегодняшний день существует три ключевых инструмента, способствующих привлечению прямых инвестиций в территорию: создание особой экономической зоны (ОЭЗ), размещение крупного производства в зависимости от специфики территории, развитие социокультурной направленности территории [2].

Многие малые города России являются социокультурными центрами, имеют давние историко-культурные традиции, имеют государственный статус «исторических». Направления развития экономики территории должны стать результатом обоснования направлений развития города с позиции интересов социально-экономической системы данной территории и интересов субъекта РФ, в состав которого он входит.

В целом, малые города должны расширить набор выполняемых функций и иметь не только промышленную направленность, открывая возможность развития территории за счет инноваций. Чем выше инвестиционная привлекательность территориальной единицы, тем больше инвесторы заинтересованы во вложении средств в его экономику.

Таким образом, в настоящее время возникает объективная необходимость выбора наиболее действенных инструментов повышения эффективности деятельности каждого отдельного субъекта и страны в целом. При этом повышение эффективности невозможно без рыночного соперничества, результаты которого напрямую зависят от сложившейся конкурентоспособности предприятия, отрасли, города, региона или страны.

Таким образом, под маркетингом территорий понимается деятельность, связанная с разработкой комплекса мероприятий по повышению имиджа и конкурентоспособности территории с помощью основных маркетинговых инструментов и технологий. Применение данного инструмента способствует преобразованию бизнес-среды города, что, в свою очередь, способствует улучшению инвестиционного климата и, как следствие, повышению уровня социально-экономического состояния территории.

Результатом внедрения рассмотренных инструментов будет являться увеличение инвестиционных потоков в малые города, способствующих активному освоению территории, развитию

инфраструктуры, улучшению социально-экономического развития территории, субъектов, в которых они находятся, а следовательно, и развитию страны в целом.

Список литературы

1. Агаларова Е.Г. Маркетинг как инструмент повышения туристической привлекательности территории // Молодой ученый. 2013. №11. С. 259-262.
2. Беляев В. И. Маркетинг территорий и преодоление депрессивного состояния регионов России // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 3 (4).
3. Веселова А.О., Хацкелевич А.Н., Кельбах Е.И., Лекомцева А.А. Повышение инвестиционной привлекательности муниципальных районов на основе территориального планирования // Экономика и предпринимательство. 2013. № 9(38). Стр. 176-178.
4. Ермолин Е. Ловушка, Мышкин, Мышкин. 2012, 8 стр.
5. Козликина Ю. А. Региональные инновационные кластеры как инструмент повышения конкурентоспособности территорий // Экономическая наука и практика: материалы III междунар. науч. конф. Стр. 159-161.
6. Медведева Э.А. Новикова К.В. Организация и управление конгрессно - выставочной деятельностью региона // Современная экономика: проблемы и решения. №10 (34). 2012. стр. 46 – 51.
7. Новикова К.В. Мырзина М.В. Повышение инвестиционной привлекательности аграрной экономики Пермского края: проблемы и пути решения // Вестник Пермского университета. Серия «Экономика». №4(19). 2013. стр. 26-31.
8. Панкрухин А.П. Маркетинг территорий. СПб.: Питер, 2006.
9. Полякова Т.В. Маркетинг территорий как фактор социально-экономического развития и формирования благоприятного имиджа территории // Автореф. дис. Маркетинг территорий как фактор социально-экономического развития и формирования благоприятного имиджа территории к-та экон. наук. Волгоград, 2011. 28 с.
10. Юмаева О.В. Повышение инвестиционной привлекательности малых городов РФ - эффективный путь улучшения социально-экономического положения регионов РФ и России в целом // Сборник материалов Первой всероссийской научно-практической конференции «Регионы России: проблемы и перспективы экономического развития».

MARKETING TERRITORY AS A TOOL TO IMPROVE THE QUALITY OF LIFE IN THE REGION

E. Kel'bah,
V. P'yankov,
Perm State University

Place marketing with every passing day is becoming the most important component of socio-economic, political and international policy of state and regional governance, what is especially substantial for the regions and countries which are actively operating in the global marketplace. Investment policy improving plays the significant role in increasing the small towns' competitiveness, due to territory potential realisation, access to innovation, technology, know-how, specialized services and joint cooperation projects extension, and, consequently, to improve the quality of life of the population of the area. The article considers the problem of improving the investment attractiveness of small towns. As the main tool supports increasing the competitiveness of the territory. Provides for the use of the concept of territorial marketing for the formation of long-term sustainable competitive territory.

Keywords: quality of life , small towns , marketing territories , territory competitiveness , investment attractiveness, the image of the territory .

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОСТРОЕНИЮ СИСТЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА

М.Н. Руденко, канд. экон. наук, доц., зав. кафедрой предпринимательства и экономической безопасности,

Электронный адрес: rudenko@econ.psu.ru

А.Г. Воронина, ст. преподаватель кафедры предпринимательства и экономической безопасности,

Электронный адрес: voronina-hub@yandex.ru

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, г Пермь, ул. Букирева, 15

Обеспечение экологической безопасности территории является неотъемлемым условием ее устойчивого развития в экономическом, социальном и экологическом аспектах. Тем не менее, в российской действительности проблемам экологической безопасности уделяется катастрофически мало внимания, а цели и задачи экономической политики постоянно увеличивают степень антропогенной нагрузки на окружающую среду. Снижение остроты проблем экологической безопасности требует принятия обоснованных управленческих решений, закрепленных законодательными актами регионального и федерального уровня, что выводит проблему оценки и прогнозирования экологической безопасности региона на первый план. В статье рассмотрена проблема построения системы экологической безопасности региона и предложена методика построения системы экологической безопасности региона. Предложенная методика апробирована на примере Пермского края. Развитый индустриальный профиль региона определяет величину антропогенной нагрузки на окружающую среду, специфику загрязнения атмосферного воздуха, водных объектов, почв, а также оказывает значительное влияние на медико-санитарные показатели здоровья населения. В рамках исследования произведена оценка текущего уровня экологической безопасности Пермского края, выявлены основные экономические факторы, определяющие уровень экологической безопасности региона построены эконометрические модели влияния хозяйственной деятельности на уровень экологической безопасности региона, а также построен прогноз экологической безопасности Пермского края. На основе полученных данных были определены и обоснованы приоритетные направления экологической и социально-экономической политики региона. В работе были использованы общенаучные методы анализа и синтеза, а также методы экономико-математического моделирования. Новизна работы заключается в комплексном подходе к исследованию проблем экологической безопасности региона. Проведенное исследование подтверждает наличие региональных особенностей проблем загрязнения окружающей среды. Результаты данного исследования могут быть использованы при выработке и обосновании управленческих решений в области природоохранной деятельности, разработке программ, направленных на решение экологических проблем и повышение экологической безопасности.

Ключевые слова: экологическая безопасность, интегральный индикатор, экономические факторы, эконометрическое моделирование, экономическая и социально-экономическая политика.

Обеспечение экологической безопасности территории является неотъемлемым условием ее устойчивого развития в экономическом, социальном и экологическом аспектах. В России Концепция перехода к устойчивому развитию закреплена Указом Президента РФ № 440 от 1.04.1996 г. [1]. Тем не менее, проблемам экологической безопасности уделяется катастрофически мало внимания. В 2012 году, Россия заняла последнее место среди 132 стран мира в рейтинге по степени успешности экологической политики в 2000-2010 годах [2].

Снижение остроты проблем загрязнения окружающей среды требует принятия обоснованных управленческих решений, закрепленных законодательными актами регионального и федерального уровня, что выводит проблему построения системы экологической безопасности региона на первый план.

Целью данной работы является разработка методологических подходов к построению системы экологической безопасности региона. Для достижения поставленной цели были использованы общенаучные методы анализа и синтеза, а также методы экономико-математического моделирования. Результаты данного исследования могут быть использованы при выработке и обосновании управленческих решений в области природоохранной деятельности, разработке программ, направленных на решение экологических проблем и повышение экологической безопасности.

Под экологической безопасностью будем понимать состояние защищенности природной среды региона и жизненно важных интересов человека и общества от угроз антропогенного и природного характера, гарантирующее сбалансированное и гармоничное социально-экономическое развитие и обеспеченное наличием системы управления и регулирования экологической безопасности.

К настоящему времени накоплен значительный мировой опыт оценки экологической безопасности, разработан ряд интегральных экологических индикаторов. Одним из таких показателей является индекс «живой планеты» (Living Planet Index). Индекс рассчитывается как среднее из показателей численности животных в лесах, водных и морских экосистемах [3]. Другим интегральным показателем экологической безопасности является показатель «экологический след» (The Ecological Footprint). Показатель рассчитывается как совокупность требуемых природных ресурсов для обеспечения жизнедеятельности человека [4].

Попытки учета экологического фактора в системе экономических показателей были осуществлены в разработках Всемирного банка и Организации объединенных наций (ООН). В 1993 году ООН была предложена система эколого-экономического учета, увязывающая принятую ООН систему национальных счетов с учетом экологических факторов и природных ресурсов.

Большое распространение получил подход использования систем индикаторов устойчивого развития. Одной из самых обширных по охвату систему индикаторов является система индикаторов, разработанная Комиссией по устойчивому развитию ООН.

В исследовании И.С. Белик и Н.Л. Никулиной устойчивость отдельных природных сред оценивается с помощью понятий экологической техноёмкости территории (способности к воспроизводству) и уровня техногенного воздействия на окружающую среду [5].

Другой подход к построению интегрального показателя качества окружающей среды предложен в исследованиях Л.П. Бакуменко и П.А. Короткова [6], И.Н. Рубанова и В.С. Тикунова [7]. Интегральный показатель экологической безопасности рассчитывается как среднее взвешенное частных критериев по отдельным природным средам.

Относительно новый подход к оценке экологической безопасности предложен в работе А.А. Тронина, В.И. Гороного, С.Г. Грицука, И.Ш. Латыпова [9]. Уровень экологической безопасности территории в данном исследовании оценивается как отношение антропогенной энергетической нагрузки, исчисляемой в Вт/м², к продуктивности экосистем, выражающейся в величине фотосинтетически активной радиации, поглощенной растениями.

Исходя из целей исследования настоящей работы более целесообразным подходом к оценке экологической безопасности является построение системы индикаторов.

Интегральные показатели экологической безопасности, по мнению авторов, дают несколько упрощенную оценку и представляют лишь общую картину экологического развития, не предоставляют возможности проводить на их основе целенаправленную экологическую политику. Кроме того, основной проблемой агрегирования различных показателей в единый интегральный индикатор остается определение весов исходных показателей с учетом их значимости и без излишней субъективности.

Система индикаторов оценки экологической безопасности региона должна удовлетворять следующим основным требованиям.

1. Индикаторы должны оценивать состояние в каждой из сфер экологической безопасности региона с учетом его индивидуальных особенностей.

2. Индикаторы должны иметь научно обоснованные пороговые значения, определяющие уровень допустимого негативного воздействия на природную среду, т.е. уровень защищенности природной среды и населения региона.

3. Расчет индикаторов должен быть возможен с учетом существующей системы статистической информации региона.

Подобные индикаторы были разработаны под руководством Министерством природных ресурсов Российской Федерации и утверждены в составе методики «Критерии оценки экологической обстановки территорий для выявления зон чрезвычайной экологической ситуации и зон экологического бедствия» в 1992 году [8].

Система экологической безопасности как любая система, обладающая свойством эмерджентности, должна включать в себя ряд взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, обеспечивающих более высоких результатов функционирования при их взаимодействии в рамках системы. Система экологической безопасности региона, по мнению авторов, должна включать в себя следующие элементы:

- нормативно-правовая база функционирования системы;
- исполнительные органы власти;
- субъекты воздействия на экологическую безопасность региона;
- органы государственного контроля.

В данной работе при определении методологических подходов к построению системы экологической безопасности региона предлагается руководствоваться следующими принципами:

- комплексная оценка экологической безопасности региона в разрезе отдельных экологических проблем;
- создание информационной базы для проведения экологической и социально-экономической политики;
- прогнозирование уровня экологической безопасности региона;
- экономическая эффективность системы экологической безопасности;
- результативность системы экономической безопасности;
- постоянный мониторинг и контроль работы системы экологической безопасности.

С учетом приведенных принципов в данной работе предлагается выделить несколько последовательных этапов в процессе функционирования системы экологической безопасности региона:

1 этап: комплексная оценка текущего уровня экологической безопасности региона в разрезе отдельных экологических проблем.

2 этап: оценка влияния и выделение основных экономических, социальных и природных факторов экологической безопасности региона.

3 этап: моделирование и прогнозирование экологической безопасности региона, определение прогнозных значений индикаторов экологической безопасности региона.

4 этап: определение приоритетных направлений и проведение мер экологической и социально-экономической политики, направленной на повышение уровня экологической безопасности региона.

5 этап: контроль и оценка эффективности и результативности проводимой экологической и социально-экономической политики.

Предложенную методологию построения системы экологической безопасности региона апробируем на примере проблемы загрязнения атмосферного воздуха (в частности летучими органическими веществами) в Пермском крае. Источниками информации для проведения исследования являются сборники статистической информации [13,14,15].

Пермский край является одним из наиболее индустриально развитых регионов Приволжского федерального округа и страны в целом. Основу экономики края составляют такие отрасли как, нефтяная, химическая и нефтехимическая промышленность, черная и цветная металлургия, машиностроение, лесопромышленный комплекс. Развитый индустриальный профиль региона определяет величину антропогенной нагрузки на окружающую среду, специфику загрязнения атмосферного воздуха, водных объектов, почв, а также оказывает значительное влияние на медико-санитарные показатели здоровья населения.

Для оценки уровня экологической безопасности в части загрязнения атмосферного воздуха воспользуемся медико-демографическими критериями состояния здоровья населения, применяемыми

при оценке экологического состояния территорий [8]. Значения медико-демографических критериев состояния здоровья населения Пермского края в табл.

**Медико-демографические критерии состояния здоровья населения Пермского края
(случаи заболеваемости на 1000 человек населения), 2012 г.**

Критерий	Пермский край	Кировская область	Удмуртская Республика	Превышение над значением критерия Кировской области	Превышение над значением критерия Кировской области
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5=2/3</i>	<i>6=2/4</i>
Новообразования, случаев на 1000 населения	12,2	8,8	11,3	1,4	1,1
Врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения, случаев на 1000 населения	5,1	1,1	2,31	4,6	2,2

Источник: Статистический ежегодник Пермского края. 2013, Удмуртия в цифрах.2012 год: (стат. сб.), Кировская область в 2012 году. Статистический ежегодник в трех частях.

Согласно критериям оценки экологической обстановки медико-демографические показатели по оцениваемой территории сравниваются с аналогичными показателями на контрольных (фоновых) территориях в этих же климато-географических зонах [8]. В качестве критериев контрольной территории были выбраны показатели ближайших субъектов: Кировской области и Удмуртской Республики. Превышение значений критериев оцениваемой территории над значениями критериев контрольной территории в 1,5 – 2 раза говорит о чрезвычайной экологической ситуации, превышение в 2 и более раз – о зоне экологического бедствия. Согласно расчетным данным, приведенным в таблице 1, уровень экологической безопасности Пермского края находится на достаточно низком уровне: распространенность врожденных аномалий на территории Пермского края более чем в 2 раза выше, чем на контрольных территориях.

Степень загрязнения атмосферного воздуха в результате хозяйственной деятельности в регионе определяется выбросами загрязняющих веществ, отходящих от стационарных и передвижных источников.

Выбросы загрязняющих веществ от передвижных источников составляют около 37% всех выбросов загрязняющих веществ в атмосферу. При этом доля выбросов от автотранспорта продолжает расти на протяжении ряда последних лет. Значение показателя выбросов от автотранспорта определяется в первую очередь количеством единиц автотранспорта в регионе. За последние 14 лет (с 2000 г. по 2014 г.) количество единиц автотранспорта, зарегистрированного на территории Пермского края, увеличилось в 1,8 раз. Объем выбросов от автотранспорта также вырос в 1,8 раз [14,15].

На долю стационарных источников приходится около 64% всех выбросов загрязняющих веществ в атмосферу. При этом наибольший объем загрязняющих выбросов в атмосферу происходит при добыче полезных ископаемых (20,25%) и деятельности предприятий отрасли транспорта и связи (22,69%). Основной объем данных выбросов связан с работой топливно-энергетического комплекса (далее – ТЭК).

С целью моделирования и прогнозирования уровня экологической безопасности региона, рассмотрим влияние выбросов летучих органических соединений в атмосферу, образующихся в результате хозяйственной деятельности, на такой медико-демографический критерий состояния здоровья населения, как врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения.

Основными поставщиками выбросов летучих органических соединений в атмосферу в Пермском крае являются автотранспорт и предприятия по добыче топливно-энергетических полезных ископаемых.

Проведенный анализ показал наличие высоко коэффициента корреляции между факторами «количество автотранспорта», «объем добычи нефти» и «объем добычи попутного природного газа» поэтому с целью избавления от мультиколлинеарности в модели будет использован только фактор «количество единиц автотранспорта, зарегистрированных в регионе, шт. (x_1)». С целью улучшения качества модели, в модель бы добавлен еще один фактор – «численность населения региона, тыс. чел.

(x_2)». Результирующим показателем y_1 будет являться объем выбросов летучих органических соединений в атмосферу (тыс. тонн).

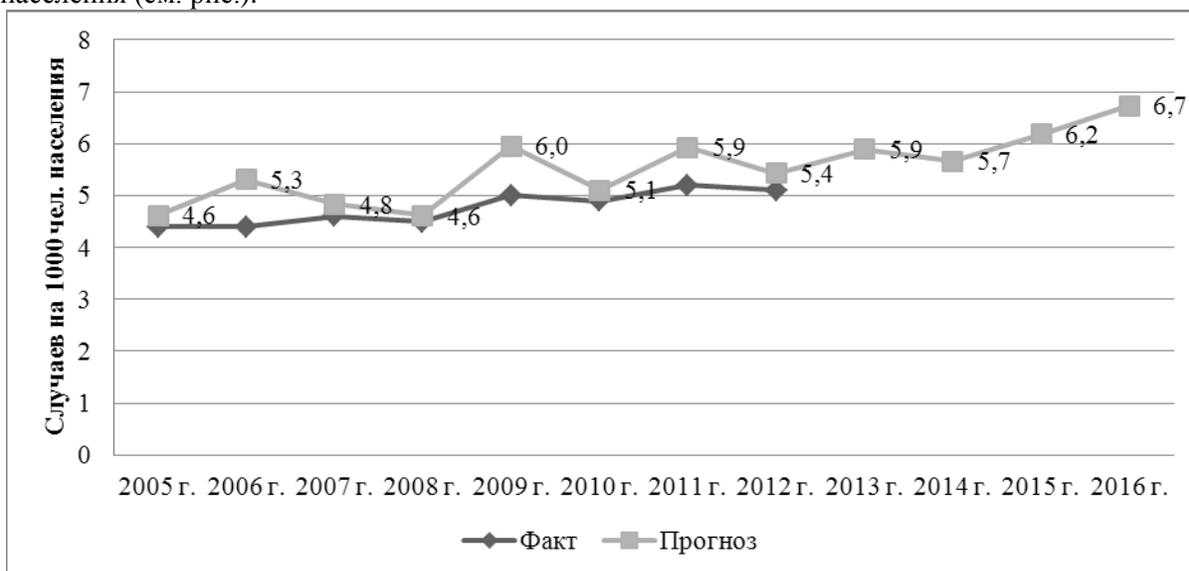
По наблюдениям переменных y_1 , x_1 , x_2 может быть построена статистически значимая регрессионная модель:

$$y_1 = -472.42 + 0.000205 \times x_1 + 0.1589 \times x_2$$

Моделирование показателя y_2 - врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения (случаев на 1000 чел. населения), основывается на показателе y_1 . По наблюдениям переменных построена статистически значимая регрессионная модель:

$$y_2 = 0,000018 \times y_1^{2,8979}$$

Основываясь на сценарных условиях для формирования вариантов развития и основных показателей социально-экономического развития Пермского края, подготавливаемых Правительством Пермского края [18], а также на существующих тенденциях роста числа автомобильного транспорта был построен прогноз роста числа врожденных аномалий (пороки развития), деформаций и хромосомных нарушений Населения Пермского края. С учетом резкого снижения выбросов летучих органических соединений от стационарных источников в 2012 году, обусловленного снижением сжигания попутного нефтяного газа, уровень распространенности врожденных аномалий (пороков развития), деформаций и хромосомных нарушений населения Пермского края к 2016 году может составить 6,7 случаев на 1000 чел. населения (см. рис.).

Прогноз распространенности врожденных аномалий (пороков развития), деформаций и хромосомных нарушений населения Пермского края

С целью уменьшения негативного влияния хозяйственной деятельности на экологическую безопасность региона необходимо определение приоритетных направлений экологической и социально-экономической политики на уровне предприятий, региональных и муниципальных властей.

Для нашего примера можно выделить два основных приоритетных направления экологической и социально-экономической политики:

- снижение степени негативного влияния предприятий ТЭК;
- снижение степени негативного влияния автотранспорта.

При проработке приоритетных направлений политики и определении конкретных мероприятий, направленных на улучшение экологической безопасности региона необходимо основываться на принципах концепции устойчивого развития.

В рамках первого направления экологической и социально-экономической политики можно предложить следующие мероприятия:

- модернизация промышленного оборудования предприятий ТЭК;
- внедрение экологических стандартов на производстве, в том числе сертификация предприятий по стандартам ISO серии 14001;

- стимулирование развития научных исследований в области повышения безопасности технологий добычи топливно-энергетических полезных ископаемых;
- проведение стимулирующей бюджетно-налоговой политики в отношении предприятий, предпринимателей действия по снижению нагрузки на окружающую среду;
- развитие системы кредитования природоохранной деятельности (целевые программы, банковская система кредитования);
- развитие системы экологического аудирования.

В рамках второго направления экологической и социально-экономической политики можно предложить следующие мероприятия:

- разработка рациональных схем движения внутригородского транспорта;
- приоритетное развитие внутригородского общественного транспорта (выделение специальных полос, ограничение движения личного транспорта на центральных улицах населенных пунктов);
- развитие систем экологически чистого транспорта;
- проектирование пешеходных зон и велосипедных дорожек;
- разработка схем движения грузового транспорта в обход населенных пунктов;
- разработка планов по озеленению населенных пунктов; строительство парков и зеленых зон.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 1 апреля 1996 г. № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию».
2. Доклад Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека «Обеспечение прав граждан на благоприятную окружающую среду. Основные проблемы. Возможные решения», Март 2012. URL: http://www.president-sovet.ru/structure/group_4/materials/Doklad_ecolog.pdf (дата обращения 30.07.2014).
3. Living Planet Report 2012. URL: http://d2ouvy59p0dg6k.cloudfront.net/downloads/lpr_2012_online_full_size_single_pages_final_120516.pdf (дата обращения 30.07.2014).
4. Living Planet Report 2012. Summary. URL: http://d2ouvy59p0dg6k.cloudfront.net/downloads/lpr_2012_summary_booklet_final.pdf (дата обращения 30.07.2014).
5. Белик И.С., Никулина Н.Л. Методические подходы к оценке экологической безопасности региона // Вестник УГТУ-УПИ. Серия «Экономика и управление». Екатеринбург. 2006. № 1 (78). С. 100-106.
6. Бакуменко Л.П., Коротков П.А. Интегральная оценка качества и степени экологической устойчивости окружающей среды региона (на примере Республики Марий Эл) // Прикладная эконометрика. 2008. №1(9). С.73-92.
7. Рубанов И.Н., Тикунов В.С. Методика оценки экологического состояния окружающей среды регионов России// Проблемы региональной экологии. 2007 №3. С. 20-28.
8. Критерии оценки экологической обстановки территорий для выявления зон чрезвычайной экологической ситуации и зон экологического бедствия (утв. Минприроды РФ 30 ноября 1992 г.)
9. А.А. Тронин, В.И. Горный, С.Г. Крицук, И.Ш. Латыпов. Ночная светимость земной поверхности как количественный показатель антропогенной нагрузки на экосистемы// Современные проблемы дистанционного зондирования Земли из космоса. 2014. Т. 11. № 1. С. 237-244.
10. Directive 2001/81/EC of the European Parliament and the Council on National Emission Ceilings for certain pollutants. URL: <http://ec.europa.eu/environment/air/pollutants/ceilings.htm> (дата обращения 31.08.2014).
11. Protocol to the 1979 convention on long-range transboundary air pollution to abate acidification, eutrophication and ground-level ozone. URL: <http://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/lrtap/full%20text/1999%20Multi.E.Amended.2005.pdf> (дата обращения 31.08.2014).
12. Emissions of air pollutants in the UK, 1970 to 2012. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/266489/Emissions_of_air_pollutants_statistical_release_2013.pdf (дата обращения 31.08.2014).
13. Статистический ежегодник Пермского края. 2013. Статистический сборник/ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю (Пермьстат) – Пермь, 2013. 457 с.
14. Доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Пермского края в 2013 году»/ Министерство природных ресурсов, лесного хозяйства и экологии Пермского края. URL: <http://www.permecology.ru/ежегодный-экологический-доклад/ежегодный-экологический-доклад-2013/> (дата обращения 15.06.2014).
15. Сборники статистических материалов «Состояние и охрана окружающей среды Пермского края», 2000 – 2011 гг. URL: <http://www.permecology.ru/ежегодный-экологический-доклад/ежегодный-экологический-доклад-2011/> (дата обращения 15.06.2014).

16. Удмуртия в цифрах.2012 год: (стат. сб.): (№003 по кат.) /Федер.служба гос. статистики, Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Удмурт. Респ.; [редкол.: Е.А.Данилов и др.]-Ижевск: Удмуртстат, 2013.-330с.
17. Кировская область в 2012 году. Статистический ежегодник в трёх частях/ Федер.служба гос. статистики, Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Кировской области (Кировстат) – Киров, 2013.
18. Сценарные условия для формирования вариантов развития и основных показателей социально-экономического развития Пермского края на период до 2017 года. URL: <http://www.perm.ru/files/Strateg/%D1%81%D1%83%D0%BF%D0%BA201704082014-9975.pdf> (дата обращения 22.09.2014).

EVALUATION OF ECONOMIC ACTIVITY IMPACT ON REGION ENVIRONMENTAL SAFETY

M. Rudenko,

E-mail: rudenko@econ.psu.ru

A. Voronina,

E-mail: voronina-hub@yandex.ru

Perm State University

Guarantee of region environmental safety is a key condition of its sustainable development in economic, social and environmental aspects. However, there is a greatly lack of attention to the environmental problems in modern Russian practice. At the same time aims of economic policy persistently increase anthropogenic load on the environment. Environmental problems solution needs proved administrative decisions in forms of acts of legislation on federal and regional levels. That brings problem of evaluation and forecasting of region environmental safety on the foreground. The paper is devoted to the problem of evaluation of economic activity impact on region environmental safety. In the given paper methodology of evaluation of economic activity impact on region environmental safety was introduced, as well as notion of environmental safety was given. The introduced methodology was approved on Perm Krai. Developed industry of the region determines the amount of anthropogenic load on the environment, specific features of air, water and soil pollution, as well as has a great influence on population health indicators. In terms of research evaluation of current environmental safety of Perm Krai was accomplished, main economic factors of environmental safety are determined, econometric models of economic activity influence on environmental safety are elaborated, as well as Perm Krai environmental safety was forecasted. On bases of the derived results priority economic and environmental policy directions were developed and proved. Common science methods of analysis and synthesis, as well as methods of econometric modeling are used to carry out the research. The research confirms existence of regional features of environmental pollution problems. Novelty of the research consists in the complex approach to the problems of region environmental safety. Results of the research can be used in the process of developing and reasoning management decisions in the sphere of environmental protection, elaboration programs, aimed to solve environmental pollution and environmental safety problems.

Keywords: environmental safety, integral indicator, economic factors, econometric modeling, environmental and economic policy.

РАЗРАБОТКА СОВОКУПНОСТИ МОДЕЛЕЙ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ РЕГИОНА И СОГЛАСОВАНИЯ ИХ РЕЗУЛЬТАТОВ

А.С. Сергеева, соискатель,

Электронный адрес: ZabrOdina@mail.ru

Уральский институт экономики РАН,

Тюменский государственный университет, филиал в г. Новый Уренгой, 629303, ЯНАО, г. Новый Уренгой мкр. Восточный 2/3 блок «В» кв.612

В статье обозначена проблема эффективности прогнозирования социально-экономического развития региона и выбор оценочных показателей. Представлен сравнительный анализ методов оценки социально-экономической обеспеченности региональной системы, проведен анализ формул расчета оценок эффективности, автором отражены преимущества и недостатки в отношении применимости формул.

Автором предложена формула оценки эффективности социально-экономической системы региона в форме интегральной оценки эффективности, учитывающей материальную, операционную и рыночную компоненты; формула расчета эффективности операционной составляющей региона; формула определения прогнозного значения эффективности развития региона на макроуровне.

Ключевые слова: прогнозирование, планирование, социально-экономическое, регион, метод, динамика, эффективность, показатель.

Разработка совокупности моделей прогнозирования социально-экономической динамики региона и согласования их результатов

Эффективность прогнозирования и планирования социально-экономической динамики показателей регионального развития и характер его влияния на потенциал региона зависит, во-первых, от развития производительных сил составных частей регионального комплекса (состояния материально-технической базы, степени обеспеченности рабочей силой требуемой квалификации, ресурсной базы), во-вторых, от качества управления ресурсной базой регионального комплекса.

В настоящее время известны три основных метода оценки степени развития ресурсов регионального комплекса в РФ. Первый метод основывается на определении, сравнении, анализе динамики стоимостных и натуральных, относительных и абсолютных показателей развития региона [3]. Второй метод заключается в расчете интегральных индексов насыщенности регионов страны инфраструктурными объектами и услугами [4]. Третий метод состоит в экспертной характеристике масштабов прямых и потенциальных потерь народного хозяйства в результате недостаточного инфраструктурного обеспечения [1].

В результате анализа и обобщения научных трудов, посвященных оценке региона, к числу показателей, характеризующих состояние региона по первому направлению анализа, были отнесены:

1. натуральные показатели развития элементов региона;
2. стоимостные показатели: доля инфраструктурных видов деятельности в ВВП, основных фондах, капвложениях;
3. число занятых в инфраструктурных проектах;
4. распределение количества предприятий и организаций инфраструктурных проектов [3].

Показатели, характеризующие состояние региона, могут быть разделены на три вида:

1. абсолютные (стоимостные и натуральные);
2. относительные (доли, проценты);
3. удельные (в расчете на единицу взятого за основу показателя).

На наш взгляд, абсолютные показатели сами по себе не отражают степень развития региона, поскольку не учитывают различие регионов (федеральных округов, районов) в обеспеченности факторами производства, а именно:

- рабочей силой (численность населения, численность экономически активного населения, численность занятых в экономике);
- средствами труда: финансовыми ресурсами (размеры налоговых, неналоговых поступлений, безвозмездных поступлений в бюджеты субъектов Российской Федерации различны), площадью, что обуславливает различную территориальную возможность размещения производств;
- предметами труда (доступность природных ресурсов), что предопределяет затраты производства.

Управление любой экономической деятельностью начинается с планирования, что, в свою очередь, предполагает анализ существующего положения, определение исходных данных. Запланированный рост предполагает установление динамики ключевых индикаторов с последующим проведением сравнения данных индикаторов с фактическими значениями. Данный подход, может использоваться как в прогнозировании, так и в планировании развития социально-экономической системы региона.

Инфраструктурная обеспеченность является показателем уровня снабжения объекта, в качестве которого может выступать социальное предприятие, организация, регион, население, тремя элементами региона (материальными, рыночными и операционными). Измерение обеспеченности осуществляется на основе удельных показателей. При этом выбор системы показателей для определения уровня инфраструктурной обеспеченности региона базируется на многоаспектности, многомерности региона и необходимости проведения комплексной оценки. На основе использования данного метода учитываются различия в уровне обеспечения системы ресурсами, агрегируются показатели по различным видам экономической деятельности.

Оценка региона может производиться в стоимостных, натуральных показателях, а также в показателях, выраженных в трудозатратах.

Существует три основные группы подходов к проведению экономической оценки уровня социально-экономического развития региональной системы, а именно:

1. оценка на основе интегральных показателей, предполагающая сопоставление показателей развития региона с эталонными значениями [6];
2. оценка на основе статистико-математических моделей функционирования отдельных элементов региональной системы [2];
3. оценка на основе корреляционно-регрессионных методов, базирующаяся на определении коэффициента парной линейной регрессии, степени корреляции в связи с необходимостью установления тесноты связи между определенными параметрами регионального развития [1].

В таблице 1 представлены методы и показатели оценки социально-экономической обеспеченности региональной системы.

Таблица 1

Методы оценки социально-экономической обеспеченности региональной системы

Название и формула расчета	Условные обозначения	Преимущества	Недостатки
Интегральные методы оценки			
1. Коэффициент, предложенный А. Чернок: $K_{j\text{ ср.}} = \frac{\sum_{i=1}^n K_{ij}}{n}$ $K_{ij} = \frac{P_{ij}}{P_{i\text{ max}}}$	Kj - коэффициент обеспеченности j-го региона i-ом элементом региона; n - число показателей развития региона, охватываемых расчетом; Pij - показатель i-го элемента региона в j-ой стране (регионе, городе); Pimax - максимальное значение i-го показателя элемента региона в данной стране (городе, регионе).	Простота расчета, универсальность, возможность выбора нужных показателей для оценки.	Наличие эталонного значения показателей, что делает оценку относительной. Отсутствие весового коэффициента при i-ом показателе (разные показатели оказывают различное влияние на инфраструктурную обеспеченность).
2. Метод, предложенный В.П. Орешиним:	Si - интегральный количественный показатель	Универсальность, возможность выбора	Трудоемкость расчета.

Название и формула расчета	Условные обозначения	Преимущества	Недостатки
$S_i = \frac{1}{n_i} \cdot \sum_{j=1}^m b_j \cdot \lg(a_i \cdot A_{ij})$ $a_i = \frac{100}{\max_{i=1}^m A_{ij}}$	развития региона; n - число показателей развития региона, охватываемых расчетом; m - число анализируемых объектов (регион, город, предприятие); A _{ij} - значение j-го показателя i-го объекта; b _j - весовой коэффициент при j-м показателе.	нужных показателей для оценки. Наличие весового коэффициента при i-ом показателе. Исключено влияние эталона при изменении количества анализируемых объектов.	
Статистико-математические методы оценки			
3. Коэффициент Успенского: $K_1 = \frac{\Phi_1}{\sqrt[3]{PSQ}}$ $K_2 = \frac{\Phi_2}{\sqrt[3]{PSQ}}$	Ф1 - основные фонды социально-экономической системы региона, млн. руб.; Ф2 - основные фонды всего региона, млн. руб.; P - численность населения объекта исследования (региона, города), млн. чел.; S - площадь экономически активной территории объекта, тыс. кв. км; Q - валовая продукция товаров предприятий, произведенная территории объекта, млн. руб.	Простота расчета. Показатель имеет обобщающий характер. Формула позволяет делать вывод о развитии региона по его базовым характеристикам.	Необходимость использования корректирующего коэффициента, учитывающего различия в стоимости основных фондов, площади экономически активной территории. Предполагает только количественную оценку.
4. Соотношение коэффициента развития региона (I _p) и коэффициента использования ресурсной базы региона (I _u): $I_p = \frac{c}{d}$ $I_u = \frac{a}{b}$	c - доля занятых в инфраструктуре региона, d - доля занятых в инфраструктуре в стране; a - количество занятых в хозяйстве региона в % к численности занятых в стране; b - число занятых в инфраструктуре региона, в % к количеству занятых в инфраструктуре страны.	Простота расчета; соотношение коэффициентов позволяет сделать вывод о состоянии развития региона и возможностях его дальнейшего использования.	Необходимость дополнительного расчета доли занятых в инфраструктуре города (региона), что затруднительно при многогранности и многоаспектности понятия «инфраструктура» и отсутствия узконаправленных статистических данных для ее корректного вычисления. Предполагает только количественную оценку.
5. Метод торгово-экономического градиента: $Z = \frac{Z_p - Z_z}{d}$	Z _p - уровень грузооборота на 1 кв. м площади на периферии; Z _z - уровень грузооборота на 1 кв. м площади в центре; d - расстояние от центра до периферии, км.	Простота расчета. Позволяет оценить уровень развития региона по показателю нагрузки на 1 кв. м площади.	Может быть применен лишь для оценки обеспеченности определенной территории товарами. Предполагает только количественную оценку.
6. Коэффициент Энгеля: $K_3 = \frac{D_{пр}}{\sqrt{T_m \cdot Ч_m}}$	D _{пр} - приведенная длина всех транспортных коммуникаций объекта (города, региона), км; T _м - общая территория, занимаемая объектом, кв. км; Ч _м - численность населения, проживающего на занимаемой объектом территории, тыс. чел.	Простота расчета. Показатель имеет обобщающий характер. Формула позволяет делать вывод о развитии региона по ее базовым характеристикам объекта исследования.	Предполагает только количественную оценку.
Корреляционно-регрессионные методы оценки			
7.	Y - результирующий	Сравнительная	Результаты однофакторной

Название и формула расчета	Условные обозначения	Преимущества	Недостатки
Парная линейная регрессия: $Y = b_i \cdot X_i + \varepsilon$ Парная корреляция: $r_{XY} = \frac{cov_{XY}}{\sigma_X \sigma_Y} = \frac{\sum(X - \bar{X})(Y - \bar{Y})}{\sqrt{\sum(X - \bar{X})^2 \sum(Y - \bar{Y})^2}}$	показатель; X_i - фактор (показатель развития региона); b_i - коэффициент парной регрессии, интерпретируемый как доля дисперсии Y , объяснённая X_i , при закреплении влияния остальных факторов, то есть индивидуальный вклад X_i в объяснение Y ; ε - случайная ошибка (отклонение).	простота расчета. Универсальность. Возможность выявления характера и силы влияния любых характеристик региона на выбранный результирующий показатель.	регрессионного анализа позволяют говорить о влиянии лишь одного фактора в отдельности, тогда как в действительности влияние факторов на результирующий показатель совокупное. Для определения одновременного влияния факторов необходимо построение многофакторной модели, что существенно усложняет расчет. Необходимо наличие обширной базы исходных данных для вступления с силу закона больших чисел. При корреляционном анализе необходимо, чтобы как значения фактора, так и результирующего показателя подчинялись нормальному распределению.

Составлено автором исследования.

Анализируя данные, представленные в таблице 1, следует отметить, что при использовании статистико-математических методов оценки социально-экономического развития региональной системы применяются исключительно общие характеристики объекта оценки, что приводит к их доступности и упрощению.

Основной недостаток статистико-математических и интегральных методов заключается в том, что оценка социально-экономического развития региона осуществляется только на основе количественных параметров, тогда как качественные параметры не учитываются.

Данный подход может использоваться при проведении поверхностной оценки, определении общих закономерностей развития региональной системы, а также основных диспропорций регионального развития. Использование интегральных методов оценки способствует устранению данного недостатка, так как данные методы, наряду с количественной оценкой региональной системы содержат также и показатели, дающие качественную оценку.

На наш взгляд, для оценки социально-экономической обеспеченности региональной системы наиболее подходят методы экономического градиента, соотношение коэффициента развития региона и коэффициента использования региона, расчет по коэффициенту Ангеля и формула, предложенная В.П. Орешиним. Кроме указанных выше двух групп методов оценки уровня социально-экономической обеспеченности региональной системы предлагается применение корреляционно-регрессионных методов оценки (п. 7 таблицы 1).

Социально-экономическая система региона - явление комплексное, включающая разные составляющие как материальные, так и нематериальные, и поэтому оценивать их надо по отдельности. Социально-экономическая система региона включает в себя как минимум три группы элементов: материальных, операционных, рыночных. Общий эффект одновременного функционирования всех элементов региона может быть оценен только с применением знаний синергетики. Поэтому предлагается применять отдельные коэффициенты и методы оценки для каждой составляющей регионального развития (таблица 2).

Методы расчета социально-экономической обеспеченности региональной системы с учетом комплекса элементов

Составляющие элементы региона как экономической	Методы оценки
Материальные	Метод интегральной оценки, предложенный В.П. Орешиним, коэффициент Энгеля, корреляционно-регрессионные методы оценки, метод временных рядов.
Операционные	Метод интегральной оценки, предложенный В.П. Орешиним, метод торгово-экономического градиента, соотношение коэффициента развития региона и коэффициента использования региона. корреляционно-регрессионные методы оценки, метод временных рядов.
Рыночные	Метод интегральной оценки, предложенный В.П. Орешиним, корреляционно-регрессионные методы Оценки, метод временных рядов.

Составлено автором

Для оценки соответствующих составляющих региона предлагаем использовать следующие показатели, имеющиеся в открытом доступе на сайте Федеральной службы государственной статистики. Степень развития материальной составляющей социальной региона страны (региона, города) целесообразно оценивать по следующим характеристикам: плотность размещения; мощность; производство отдельных услуг, являющиеся утилитарными.

Процесс эффективного функционирования регионального комплекса зависит от взаимосвязи элементов, распространяющих финансовые и товарные потоки, информационные и материальные ресурсы. Цель совместного функционирования объектов социально-экономической системы региона заключается в обеспечении равновесия спроса на услуги и товары, производимые в производственных и непроизводственных сферах. Критерий эффективности достижения цели социально-экономического развития региона характеризуется оптимальным соотношением входных и результативных параметров при сложившихся организационно-технических и социальных условиях на разных уровнях региональной системы.

Учитывая функциональную, организационную и эволюционную специфику региона как социально-экономического комплекса, невозможно однозначно определить ее эффект. Результатом экономической деятельности региона как комплекса являются не только экономические, но и более широкие социально-экономические, экологические, политические и др. последствия. Многие исследователи выделяют следующие эффекты функционирования региона: экономический; социальный; экологический; политический; демографический и пр.[4].

Методологической основой оценки эффективности региона как социально-экономического комплекса с целью последующего прогнозирования его развития является общая теория эффективности.

Расчет эффективности осуществляется в следующих показателях:

- стоимостные показатели, которые определяют уровень физического и морального износа фондов, увеличение объема продукции или снижение затрат;
- натуральные показатели, определяющий вещественный компонент системы воспроизводства.

В связи с вышесказанным, следует обратить внимание на позицию ученых, считающих, что экономическая эффективность региональной системы проявляется в форме сокращения затрат или предотвращения потерь при оказании социально-экономических услуг.

Оценка эффективности социально-экономической системы региона (Эрег) может быть представлена в форме интегральной оценки эффективности, учитывающей материальную, операционную и рыночную компоненты:

$$Э_{рег} = \sqrt[3]{Э_{мат} * Э_{опер} * Э_{рын}} \quad (1)$$

где $Э_{мат}$ - эффективность материальной компоненты региональной системы;

$Э_{опер}$ - эффективность операционной компоненты региональной системы;

$Э_{рын}$ - эффективность рыночной компоненты региональной системы.

Эффективность инвестиций в развитие основных фондов предполагает совершенствование системы расчета стоимости и планирования капитального строительства на уровне региональной социально-экономической системы. При этом определение объемов инвестиций, осуществляемых из федерального и регионального бюджета, осуществляется приближенно, без использования необходимого обоснования.

К направлениям использования основных фондов в плане эффективности относится экстенсивное использование, связанное с увеличением временного параметра эксплуатации, а также интенсивное использование, базирующееся на увеличении производительности труда. Интенсивное использование основных фондов достигается за счет следующих факторов:

- повышение уровня автоматизации;
- повышение мощности основных фондов;
- использование износостойких основных фондов;
- увеличение экономичности фондов;
- соблюдение эксплуатационного режима.

Уровень эффективности операционной компоненты региональной социально-экономической системы связан с соотношением прибыли от трудовых ресурсов к затратам труда.

Рассматривая в качестве общего показателя затрат труда как экономического ресурса суммарные затраты на персонал, к которым относится фонд оплаты труда, расходы на обучение и другие статьи затрат, эффективность операционной составляющей региона может быть определена по следующей формуле:

$$\mathcal{E}_{опер} = P_{тр} = \frac{ДЦ - Z_{перс}}{Z_{перс}} \quad (2)$$

где $P_{тр}$ - рентабельность труда;

ДЦ - величина добавленной ценности (в отечественной литературе используется термин «добавленная стоимость», которая служит базой начисления НДС);

$Z_{перс}$ - затраты на персонал (заработная плата и другие затраты, связанные с персоналом).

Оценка эффективности развития рыночной компоненты региональной системы – довольно сложный процесс, требующий инновационных подходов при сопоставлении результатов и затрат. Элементы социально-экономической системы региона порождаются рыночными отношениями, а не навязываются субъектам извне, обеспечивая цивилизованный характер взаимодействия субъектов региональной социально-экономической системы. Наличие или отсутствие рыночной составляющей в региональной системе является показателем уровня развития региона.

На наш взгляд, наиболее подходящую формулу оценки эффективности рыночной составляющей региона предлагает А.С. Шеншин:

$$\mathcal{E}_{рын} = \frac{C_{т\ факт}}{C_{т\ макс}} * 100\% \quad (3)$$

где $C_{т\ факт}$ - фактическая стоимость реализованных услуг по итогам года (объем оказанных социальных услуг за определенный период) в системе региона;

$C_{т\ макс}$ - расчетная (максимальная возможная при заданных условиях) стоимость услуг в регионе за тот же период.

Так как хозяйственно-экономическая основа региона характеризуется сетевой природой, при этом эффективность сетевой организации находится в прямой зависимости от численности участников сети, на основе использования закона Р. Меткалфа можно рассчитать максимальную величину стоимости услуг:

$$C_{т\ макс} = \frac{Ч_2 - Ч}{2} * Пл_{ср} \quad (4)$$

где Ч - число предприятий и организаций;

Пл_{ср} - средний платеж за период (средняя арифметическая, полученная делением суммы всех платежей в экономике определенный период на количество платежей).

Институциональный компонент рыночной составляющей региональной социально-экономической системы является одним из главных элементов, находящих полное отражение в развитии экономических процессов и отражающих ее сущность. Тем не менее, рыночная инфраструктура не

заключается только в формировании институтов. Проявление институциональных элементов происходит также в форме пассивной функции рыночной системы региона, выступает ее материальным носителем. Наряду с этим необходимо использование инструмента для реализации активной функции рыночной инфраструктуры региона. Данный инструмент – информация, заключающая сигналы обратной связи рыночной инфраструктур региональной системы со всей системой в целом. В связи с этим в качестве второго элемента региональной экономической системы следует рассматривать информационные потоки, к которым относятся средства массовой информации, Internet, рекламный бизнес.

Регламентация деятельности и государственный контроль могут определить пригодность или непригодность института, уровень его соответствия экономическим потребностям. В связи с этим определяется третий элемент развития региональной экономики – законодательство, в рамках которого осуществляется регулирование функционирования рынка и деятельности институтов региональной экономики, а также направления деятельности субъектов хозяйствования.

В качестве четвертого элемента рыночной компоненты регионального рынка следует рассматривать готовность населения региона к реализации правил рынка на региональном уровне.

Рыночная инфраструктура не может быть сформирована отдельно государством либо только частным сектором. Она формируется постепенно, по мере появления потребностей и спроса на определенные виды услуг на определенном этапе развития общества и под влиянием институциональных факторов. Более того на момент ее становления в регионе (стране) уже должна быть сформирована материальная и операционная инфраструктура и налажено их функционирование.

Увеличение экономического потенциала региональной системы базируется на уровне развития рыночной инфраструктуры, формирующей условия для расширения рынков. Формирование рыночной инфраструктуры региональной системы базируется на следующих принципах:

- формирование нормативно-правовых основ рыночных институтов, определяющих правила функционирования рыночной инфраструктуры;
- формирование новых институтов в соответствии с требованиями рынка, уровня развития реального сектора экономики, а также на основе установления взаимосвязи с другими видами институтов.

Учитывая вышеизложенные формулы расчета эффективности элементов региональной системы как экономической категории, составная формула определения прогнозного значения эффективности развития региона на макроуровне будет иметь следующий вид:

$$\mathcal{E}_{инф} = \sqrt{\frac{ВВП(ВРП) * ДЦ - Z_{перс} * \frac{C_t^{факт}}{2} * Пл_{ср}}{ОФ_{ср} * Z_{перс} * \frac{ч2 - ч}{2} * Пл_{ср}}} * 100\% \quad (5)$$

Расчет данного показателя должен осуществляться в динамике, с учетом прогнозных значений на основе использования временных рядов.

Таким образом, повышение эффективности социально-экономической системы региона является результатом совершенствования не только всей хозяйственной системы, включая как государственный, так и частный сектор, как материальную, так и институциональную его составляющую, но и подразумевает перестройку общественного мышления, повышение экономической культуры и развитие правосознания.

Список литературы

- 1.Афанасьева, Т.В. Методология, модели и комплексы программ анализа временных рядов на основе нечетких тенденций: дисс.... докт. техн. наук: 05.13.18: защищена 26.04.12 / Афанасьева Татьяна Васильевна.
- 2.Безручко, Б.П., Математическое моделирование и хаотические временные ряды / Б.П. Безручко, Д.А. Смирнов. - Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 2010 - 320 с.
- 3.Губанов, В.А. Выделение тренда из временных рядов макроэкономических показателей / В.А. Губанов // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. М.: МАКС Пресс, 2004.
4. Ковалев, С.М. Модели анализа слабо формализованных динамических процессов на основе нечетко-темпоральных систем // Известия вузов: Северо-Кавказский регион. Естественные науки. 2002. № 2. С.10-13.
5. Куриленко, И.Е. Современные архитектурные подходы к построению программного обеспечения / И.Е. Куриленко, А.В. Борисов // Сб. тр. XVIII междунар. науч.-техн. конф. Информационные средства и технологии.-

Т.2. М.:Издательский дом МЭИ, 2010. С.176-184.

6.Маевский, В. О методологии прогнозирования межотраслевых пропорций / В.О. Маевский // Вопросы экономики. 1971. №11. С.17-23.

DEVELOPMENT OF A SET OF PREDICTIVE MODELS OF SOCIO-ECONOMIC DYNAMICS OF THE REGION AND THE COORDINATION OF THEIR RESULTS.

A. Sergeeva,

E-mail: ZabrOdina@mail.ru

Ural Institute of Economics, RAS,

Tyumen State University, branch in the New Urengoy

This article highlights the issue of the effectiveness of forecasting socio-economic development of the region and the choice of performance indicators. Presents a comparative analysis of methods for assessing socio-economic security of the regional system, the analysis of the calculation formulas effectiveness evaluations, the author describes the benefits and drawbacks in relation to the applicability of the formulas.

The author offered a formula for assessing the efficiency of socio-economic system of the region in the form of integral evaluation, taking into account financial, operational and market components; the formula for calculating the efficiency of the operating component of the region; the formula for determining the forecasted values of efficiency of development of the region at the macro level.

Keywords: forecasting, planning, socio-economic, region, method, dynamics, efficiency, index.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА АСИММЕТРИЙ ИНФОРМАЦИИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ РЫНКЕ ТРУДА

С.П. Станишевская, канд. экон. наук, доц. кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории,

Электронный адрес: stan@psu.ru

И.Н. Якупова, ст. преп. кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории,

Электронный адрес: yakupova-in@mail.ru

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

В статье рассмотрены теоретические основы асимметрии информации: дано определение асимметрии информации, определены причины ее возникновения и особенности проявления на региональном рынке труда.

Ключевые слова: асимметрия информации, рынок труда, регион.

Одна из важнейших функций рыночной экономики – эффективная аллокация ресурсов. Как известно, она достигается в случае совершенной конкуренции, совершенной информации, конкурентного рынка и при других предпосылках. В течение более чем двухсот лет предположение о точности и полноте информации, находящейся в распоряжении субъектов рынка, являлось одним из постулатов классической экономической теории и принималось в качестве обязательного при анализе всех основных микроэкономических моделей рынка. Данное допущение происходит из предположения А. Смита [5] о том, что конкурентные рынки, ориентируемые «невидимой рукой», ведут к эффективным результатам [6, С. 337].

На этом же предположении основывается и маржиналистская экономическая теория, полагающая, что потребители проинформированы о своих предпочтениях; продавцы и покупатели осведомлены о качественных характеристиках товаров и их ценах; конкурентные рынки ведут к эффективным результатам. Следовательно, существует возможность рационального выбора и максимизации индивидуальной целевой функции экономического агента (функции полезности для потребителей или функции прибыли для фирм), что в условиях совершенной конкуренции ведёт к максимизации общественного благосостояния и Парето-эффективному общему равновесию.

В современной экономической науке признается, что предпосылка о полноте информации, которой располагают субъекты рынка, является несостоятельной. В реальной жизни большинство покупателей и продавцов не владеют всей необходимой информацией при совершении сделок, так как она либо дорого стоит, либо получить ее невозможно. Одна из граней проблемы асимметрии информации – необходимость определения реального качества товара или услуги в момент приобретения, а не в момент использования. Но определить «априори» качественные характеристики бывает очень трудно или невозможно, особенно когда речь идет не о товарах, а об услугах. В итоге изменений условий внешней среды проявляется неопределённость экономических процессов, возникают риски и асимметрия информации, а распределение ресурсов не является оптимальным.

Асимметрия информации является признаком, внутренне присущим рынку. От степени асимметрии информации зависит ее воздействие на функционирование рынка в целом. Она модифицирует поведение потребителей и стратегию фирм, сказывается на конкуренции и на эффективности функционирования рынка. При этом стоит учитывать, что на каждом рынке асимметрия информации имеет свои специфические особенности, которые во многом зависят от характеристик объекта купли-продажи. Существует необходимость более глубокой проработки вопросов, связанных с особенностями асимметрии информации на рынке труда.

Большое количество работ посвящено анализу асимметрии информации и ее влиянию на эффективность разных рынков. Среди них можно назвать труды таких ученых, как Дж. Акерлоф [8], У. Викри, Дж. Миррлис, Ф. Найт, Ф. Нельсон, Дж. Робертс, М. Спенс, Дж. Стиглер [10], Дж. Стиглиц [9], Ж. Тироль и другие. В некоторых из этих работ затрагиваются проблемы функционирования рынка труда.

В российской экономической литературе проблеме асимметричности информации на различных рынках посвящены работы С.Б. Авдашевой, Р.М. Нуреева, Ю.М. Таранухи, А.Е. Шаститко, М.М. Юдкевича, Р.И. Капелюшникова, Н.М. Розановой и других. Большинство отечественных экономистов относительно недавно начали рассматривать проблематику асимметрии информации и уделяют внимание в основном построению математических моделей, которые описывают проявления и последствия асимметрии информации на отдельных рынках.

Работы таких исследователей как: С.Ю. Рощина [4], Н.А. Ведерниковой [1], И.Ю. Ляшенко, Т.Н. Гоголевой. [2], А.Ю. Апокина, Э.Н. Тихоновой Э.Н. [7] и некоторых других посвящены предметному анализу информационной асимметрии на российском рынке труда.

Несмотря на наличие большого количества работ, рассматривающих различные аспекты асимметрии информации на рынке труда, недостаточно исследованными остаются вопросы асимметрии информации о работодателе и других участниках регионального рынка труда, подходы к оценке механизмов преодоления асимметрии информации, а также другие вопросы.

Под асимметрией информации рассматривают ситуацию на рынке, при которой один субъект рынка располагает более важной и/или более полной информацией об условиях осуществления сделки и намерениях экономических агентов, нежели другой заинтересованный субъект рынка [3, С. 394]. В данном понятии содержится ряд характеристик асимметрии информации, признаваемых большинством ученых:

- наличие существенной информации у одного из участников рыночной сделки;
- необъективность – неправильная оценка существующего положения вещей, что может привести к разным объемам информации об этих вещах у разных рыночных субъектов;
- несоразмерность, отсутствие симметрии – показывает нарушение меры, по которой оценивают или сравнивают одно и то же явление;
- искаженное отражение действительности – может косвенно свидетельствовать о неадекватности восприятия реальности.

На наш взгляд, причины появления асимметрии информации можно классифицировать следующим образом:

Во-первых, причины естественного характера. Они связаны с ограниченными способностями индивида к восприятию, обработке и оценке информации;

Во-вторых, причины политического характера. Одним из основных каналов передачи информации являются средства массовой информации (СМИ), в которых, как правило, вторично интерпретируется первоначальная оценка происходящих событий или личности, данная органами государственной власти и местного самоуправления, либо бизнес-элитой. В результате между реальными фактами и интерпретацией в СМИ возникает асимметрия, иногда выражающаяся в предоставлении заведомо ложной, недостоверной или неполной информации;

В-третьих, причины экономического характера - конфликт экономических интересов между рыночными субъектами [3, С. 422]. Они могут выражаться в целенаправленном искажении передаваемой на рынок информации для достижения поставленных целей. Как правило, это приводит к частичному или полному закрытию информации, доступ к которой невозможно получить или которая предоставляется за определенную плату.

Асимметричность информации на рынке труда имеет свои специфические черты, которые сводятся к следующим характеристикам:

- двусторонность: на данном рынке асимметричность информации проявляется в отношении всех его субъектов: работодателей, работников, рыночных посредников. Если на товарном рынке более высокой степенью информированности обладает продавец, на рынке страхования и кредитном рынке – покупатель, то для рынка труда характерна двусторонняя асимметрия. Это проявляется в том, что о некоторых ключевых параметрах и характеристиках сделки большей информацией обладает одна сторона, а об иных – другая. Например, продавец (наемный работник) больше информирован о

характеристиках своей рабочей силы, покупатель (работодатель) – об условиях работы, предлагаемых соискателю на вакантную должность. Следовательно, для обеих сторон сделки могут возникнуть неблагоприятные последствия и увеличиться риски потерь.

- наличие нескольких вариантов возможности определения качества объекта сделки. Все товары можно разделить на товары, качество которых покупатель может определить только до момента покупки; либо только после покупки; либо он не может определить его вообще. На рынке труда возможно возникновение всех трех ситуаций.

- специфика возникновения рисков, связанных с асимметричностью информации. На рынке труда действуют особые, не наблюдающиеся на других рынках факторы, одни из которых повышают риски, связанные с асимметрией информации, другие – снижают. К первой группе относится «приспосабливаемость» отношений работника и работодателя, отсутствие четкой фиксации в договоре всех возможных нюансов их взаимодействия; отсутствие существующей на товарном рынке возможности получения информации о качестве товара опытным путем при повторных покупках. Ко второй – требования раскрытия определенной информации, закрепленные в законодательстве; возможность организации различного рода проверок для кандидата на вакансию: собеседований, тестирования, оценки личностных характеристик; установление испытательного срока и т. д.

Важнейшими экономическими и социальными последствиями информационной асимметрии и неполноты информации на рынке труда являются: неадекватность экономического поведения субъектов рынка труда, усиление дискриминации при найме на работу и в оплате труда по полу и возрасту, рост фрикционной безработицы. Наёмные работники (профсоюзные организации), лишённые необходимой информации о состоянии рынка труда (зарботной плате, занятости, безработице), могут принимать неоптимальные экономические решения. Они оказываются в невыгодном положении при проведении переговоров с работодателями и представителями государства об условиях оплаты труда, нередко предъявляют не вполне обоснованные требования к уровню оплаты труда. Работодатели, в свою очередь, допускают ошибки в кадровой политике, установлении ставок оплаты труда и т.д.

Из-за неполноты информации и несовершенства методов её обработки, анализа и прогнозирования социально-экономических процессов серьёзные просчеты в обосновании политики доходов, заработной платы и занятости допускают и специалисты, работающие в органах государственной власти.

Асимметричная информация может приводить к диспропорциям в структуре спроса и предложения на рынке труда, серьезно осложнять эффективное использование трудовых ресурсов региона, способствовать росту безработицы, неоптимальному распределению и использованию трудовых ресурсов, что в свою очередь препятствует увеличению ВВП и ВРП и росту национального благосостояния. Она способна снизить эффективность кадровой политики, увеличить текучесть кадров, оказать отрицательное влияние на удовлетворенность работников трудом и производительность труда.

Рассмотренные выше особенности необходимо учитывать при поиске способов регулирования регионального рынка труда с целью снижения асимметрии информации. «Стандартные» способы преодоления асимметричности информации предполагают одностороннюю асимметричность, что снижает эффективность их применения для регулирования регионального рынка труда.

Регулирование проблемы асимметрии информации может проводиться на уровне оптимизации экономической системы в целом. При этом рыночная информация играет роль общественного блага, а ее распространение – одна из важнейших функций общества. Поэтому определяющими способами снижения асимметрии информации являются законодательное регулирование экономической деятельности, развитие и поддержка государством деятельности общественных организаций.

В связи с этим возникает необходимость разработки экономического механизма, направленного на снижение последствий асимметрии информации и повышение эффективности функционирования регионального рынка труда. Развитие рынка информационных услуг как фактора снижения асимметрии информации может стать основой для принятия решений, повышающих эффективность такого механизма, а также эффективность бизнес-процессов предприятий и отраслей на рынках с асимметричной информацией.

Список литературы

1. Ведерникова Н.И. Информационная асимметрия на российском рынке труда / Н.Ведерникова, Г.Гендлер // Человек и труд, 2001, №2. С.57-59.
2. Гоголева Т.Н. Рынок труда: проблема асимметрии информации о работодателях / Т.Н. Гоголева, И.Ю. Ляшенко // Национальные интересы, приоритеты и безопасность, 2010, № 7 (64). С. 13-20.
3. Нуреев Р.М. Курс микроэкономики: учеб.для вузов. 2-е изд., изм. М.: Норма, 2005. 576 с.
4. Рошин С.Ю. Спрос на образование как сигнал на рынке труда // Рынок труда и рынок образовательных услуг. Регионы России. URL: http://labourmarket.ru/Pages/conf1/book2_html/23_roschin.htm (дата обращения: 12.01.2015)
5. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов // Классика экономической мысли: Сочинения. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 77-402.
6. Стиглиц Дж. Информация и смена парадигмы в экономической науке. Политикам об экономике. Лекции нобелевских лауреатов по экономике. М., 2005.
7. Тихонова Э.Н. Проблемы асимметричности на рынке труда: институциональный подход // Вестник СПбГУ, 2006, Вып. 4. URL: <http://w3.econ.spb.ru> (дата обращения: 15.01.2015).
8. Akerlof G. Efficiency wage models of the labor market / G. Akerlof, J. Yellen. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 257 p.
9. Stiglitz J.E., Weiss A. Credit Rationing in Markets with Imperfect Information // The American Economic Review. 1981. Vol. 71, № 3 (June). pp. 393–410.
10. Stigler G. Information in the Labor Market / G. Stigler // Journal of Political Economy, 1962, 70(5), Part 2. pp. 94–105.

THEORETICAL ASPECTS OF ANALYSIS OF ASYMMETRIC INFORMATION ON REGIONAL LABOR MARKET

S. Stanishevskaya,

E-mail: stan@psu.ru

I. Yakupova,

E-mail: yakupova-in@mail.ru

Perm State University

The author considers the theoretical foundations of information asymmetry, such as: the definition of information asymmetry, its causes and characteristics in the regional labor market.

Keywords: information asymmetry, the labor market, region.

КЛАСТЕРНЫЙ КОМПОНЕНТ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ

П.А. Суханова, ст. преподаватель кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории,

Электронный адрес: Polina-suh@yandex.ru

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, г.Пермь, ул. Букирева, 15

В статье рассматриваются актуальные вопросы структуры региональной инновационной системы и методики ее оценки. Поднимается вопрос об определении нового структурного компонента РИС - кластерного компонента. В статье рассматривается близость целей региональной инновационной системы и кластеров. Автором предлагается структура интегрального индекса РИС, включающая 4 подсистемы, в том числе кластерный потенциал. В этой связи анализируется необходимость включения кластерного компонента в структуру РИС и приводятся расчетные данные по регионам ПФО, показывающие влияние составных компонентов РИС, в том числе кластерного потенциала. Результаты расчетов подтверждают предположение о значимости кластерного потенциала, его влиянии на уровень развития региональной инновационной системы.

Ключевые слова: региональная инновационная система, структура РИС, кластерный компонент, индикаторы региональной инновационной системы, цели кластерного развития.

Современные процессы глобализации выводят на передний план экономическое развитие регионов, а приоритетом современного экономического развития становится инновационное развитие экономики. Инновационное развитие региональной экономики обычно связывают с понятием региональной инновационной системы (РИС). Именно региональная инновационная система становится основным инструментом инновационной экономической политики.

Региональная инновационная система рассматривается и изучается многими современными экономистами. В различных подходах изучения РИС можно выделить общие черты:

- наличие совокупности структур, способствующих генерации знаний, диффузии знаний, разработке и диффузии инноваций;
- обязательная взаимосвязь между подсистемами, наличие последовательной инновационной цепочки от генерации знаний до реализации инновационной продукции;
- основная цель функционирования РИС – эффективное использование экономического потенциала региона.

В структуре РИС обычно выделяют ряд подсистем. Бунчук М. [1; 35] выделяет 3 подсистемы: подсистема нематериальных ресурсов, подсистема осуществления инновационного процесса, подсистема коммерциализации результатов инновационной деятельности. Ганеева Г.А.[2; 45] в структуре РИС выделяет также 3 подсистемы: подсистема генерации знаний, подсистема поддержки и распространения знаний; подсистема использования знаний.

В исследованиях региональной инновационной системы не рассматривается роль и влияние кластеров на саму систему, хотя в мировой отраслевой структуре национально-региональной экономики ведущую роль играют региональные кластеры, являющиеся интеграторами науки, производства, образования [5].

Объектом научного интереса становится не просто кластер как явление, а кластер как элемент региональной инновационной инфраструктуры. Обобщив факторы, способствующие интеграции компаний и организаций в кластеры, обозначим ключевые:

1. Географическая близость.
2. Общность деятельности.

3. Распространение информации, навыков, технологий. Возможность эффективного обмена идеями.
4. Рост производительности.
5. Минимизация затрат на операционную деятельность (аутсорсинг), на внедрение технологий за счет эффекта масштаба.
6. Повышение глобальной конкурентоспособности компаний кластера, выход на новые рынки сбыта.

Анализируя цели кластерного развития, отметим, что они близки к целям региональной инновационной системы. К основным целям кластеров относятся [3; 48]:

- повышение конкурентоспособности участников кластера за счет внедрения новых технологий;
- увеличение налогооблагаемой базы региона (увеличение дохода компаний кластера);
- создание новых рабочих мест;
- повышение предпринимательской активности;
- привлечение инвестиций;
- повышение качества и снижение затрат на товары и услуги за счет внедрения инновационных технологий и разработок;
- повышение производительности;
- применений инноваций;
- объединенное представление интересов участников кластера в различных органах власти.

Общность кластерной инфраструктуры, благоприятная среда для обмена знаниями, идеями, единый рынок рабочей силы – это далеко не все преимущества для компаний от географической близости. Компании кластера повышают, в первую очередь, собственную конкурентоспособность. К показателям эффективности кластера относят генерацию новых знаний, скорость внедрения инноваций, скорость коммерциализации инноваций. Эти показатели отчасти соотносятся с показателями эффективности региональной инновационной системы, что позволяет нам говорить о необходимости применения элементов кластерного подхода при рассмотрении, оценке и анализе региональной инновационной системы в целом.

Исходя из этого, нами выдвинута гипотеза о том, что кластерный потенциал региона является одним из факторов успешного развития региональной инновационной системы.

При исследовании региональной инновационной системы был введен отдельный кластерный компонент - кластерный потенциал региона. Определим кластерный потенциал региона следующим образом: кластерный потенциал региона описывает возможность формирования конкурентных преимуществ взаимодействующей группы предприятий и инфраструктурных организаций, находящихся на территории региона, для повышения конкурентоспособности региона. Для анализа были выбраны регионы Приволжского федерального округа (ПФО), что обусловлено административно-территориальным делением РФ и развитым межрегиональным взаимодействием внутри федерального округа.

Оценка региональной инновационной системы проводилась через расчет интегрального индекса РИС. Для этого были определены 4 основных группы индикаторов, состоящих из 24 показателей. Индикаторы и компоненты интегрального индекса РИС представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Компоненты интегрального индекса региональной инновационной системы

Индикатор	Характеризуемые сферы	Показатели
Развитие инфраструктуры	Стартовые условия	Основные фонды в экономике по полной учетной стоимости на одного занятого в экономике, млн.руб.
		Степень износа основных фондов по полной учетной стоимости, млн.руб.
		Инвестиции в основной капитал на одного занятого, млн.руб.
	Интеллектуальная активность	Внутренние затраты на исследования и разработки к ВРП, млн.руб.
	Экономическое развитие	Объем инновационных товаров, работ, услуг, в процентах от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг; %.
Удельный вес организаций, осуществляющих инновационную		

Индикатор	Характеризуемые сферы	Показатели
Оценка результата	НИОКР	деятельность, %.
		Число организаций, выполнявших исследования и разработки, ед.
		Численность персонала, занятого исследованиями и разработками к численности занятых в экономике, чел.
	Институциональный потенциал	Затраты на информационные и коммуникационные технологии к ВРП, млн.руб.
		Затраты на технологические инновации к ВРП, млн.руб.
		Число созданных передовых производственных технологий, ед.
	Качество жизни	Число использованных передовых производственных технологий, ед.
		Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата одного работника, руб.
		Подано заявок на изобретения, ед.
Оценка эффективности	Инновационная активность	Выдано патентов на изобретения, ед.
		Отношение выдано/подано по изобретениям, ед.
		Подано заявок на полезные модели, ед.
		Выдано патентов на полезные модели, ед.
		Отношение выдано/подано по полезным моделям, ед.
	Реализация инновационного потенциала	Отношение использованных/созданных передовых производственных технологий, ед.
		Объем инновационных товаров, работ, услуг к ВРП, млн.руб.
		ВРП в разрезе ОКВЭД в ВВП, млн.руб.
Кластерный потенциал	Коэффициент локализации занятости	Доля занятых в регионах в разрезе ОКВЭД
		Доля занятых в РФ в разрезе ОКВЭД

Для расчета индикатора кластерного потенциала помимо показателя отраслевой специализации рассчитывался коэффициент локализации занятости. Коэффициент локализации является часто используемым показателем [4], с помощью которого можно сравнить экономические характеристики отраслей по численности работников, объемам продаж, ВРП и др. на региональном или национальном уровнях. Величина коэффициента локализации показывает доминирующую отраслевую специализацию региона, доминирующий вид деятельности. Чем выше значение коэффициента, тем большая концентрация присуща определенной отрасли.

Интегральный индекс РИС рассчитывался как среднее арифметическое из значений индикаторов по четырем блокам показателей. Индикатор по каждому блоку показателей определялся как среднеарифметическое из входящих в его состав показателей, значения которых были подвергнуты сглаживанию путем возведения в степень $\frac{1}{2}$ и нормированию методом линейного масштабирования. Процедура сглаживания позволяет снизить влияние отдельных показателей на интегральный индекс и повышает устойчивость, достоверность и объективность интегрального индекса.

Особый интерес при осуществлении расчетов вызывает не столько итоговый показатель РИС, сколько степень влияния различных компонентов РИС, в том числе кластерного компонента, на саму региональную инновационную систему. Период анализируемых данных составил 8 лет, с 2005 по 2012гг, что позволяет говорить о наличии или отсутствии связи кластерного компонента, а также прочих индикаторов, и РИС в целом.

Результаты расчета интегрального индекса РИС приведены в Таблице 1. Данные представлены за 2005 и 2012 годы для наглядности определенной динамики индекса. Регионы в каждом случае распределены по степени убывания значения индекса РИС.

Сводная таблица по 14 регионам ПФО по интегральному индексу РИС за 2005 и 2012 гг.

2005 год		2012 год	
1 Самарская область	0,76417	1 Республика Татарстан	0,80222
2 Республика Татарстан	0,71267	2 Нижегородская область	0,76040
3 Нижегородская область	0,65848	3 Самарская область	0,70874
4 Пермский край	0,64035	4 Пермский край	0,64396
5 Саратовская область	0,52085	5 Республика Башкортостан	0,57252
6 Республика Башкортостан	0,47664	6 Саратовская область	0,50100
7 Удмуртская Республика	0,40830	7 Удмуртская Республика	0,42366
8 Республика Мордовия	0,40063	8 Чувашская Республика	0,41501
9 Чувашская Республика	0,36867	9 Ульяновская область	0,41479
10 Кировская область	0,35554	10 Пензенская область	0,41213
11 Ульяновская область	0,34269	11 Оренбургская область	0,36888
12 Оренбургская область	0,31149	12 Республика Мордовия	0,35166
13 Пензенская область	0,30272	13 Кировская область	0,28103
14 Республика Марий Эл	0,17743	14 Республика Марий Эл	0,18696

Из табл. 2 видно, что существуют регионы-лидеры, чье лидерство сохраняется на протяжении 8 лет. В первую семерку как в 2005, так и в 2012 годах вошли следующие регионы: Республика Татарстан, Нижегородская область, Самарская область, Пермский край, Республика Башкортостан, Саратовская область, Удмуртская Республика.

Для проверки нашей гипотезы представим результаты расчетов четырех частных индикаторов РИС в наглядной форме. Результаты распределения средних значений индикаторов инновационной инфраструктуры РИС, результата функционирования РИС, эффективности РИС, кластерного потенциала в разрезе каждого региона представлены наглядно на лепестковых диаграммах (1-7) в разрезе каждого региона ПФО. Регионы расположены по рейтингу развития РИС на 2012 год. Ниже приведены диаграммы семи регионов-лидеров по развитию РИС.

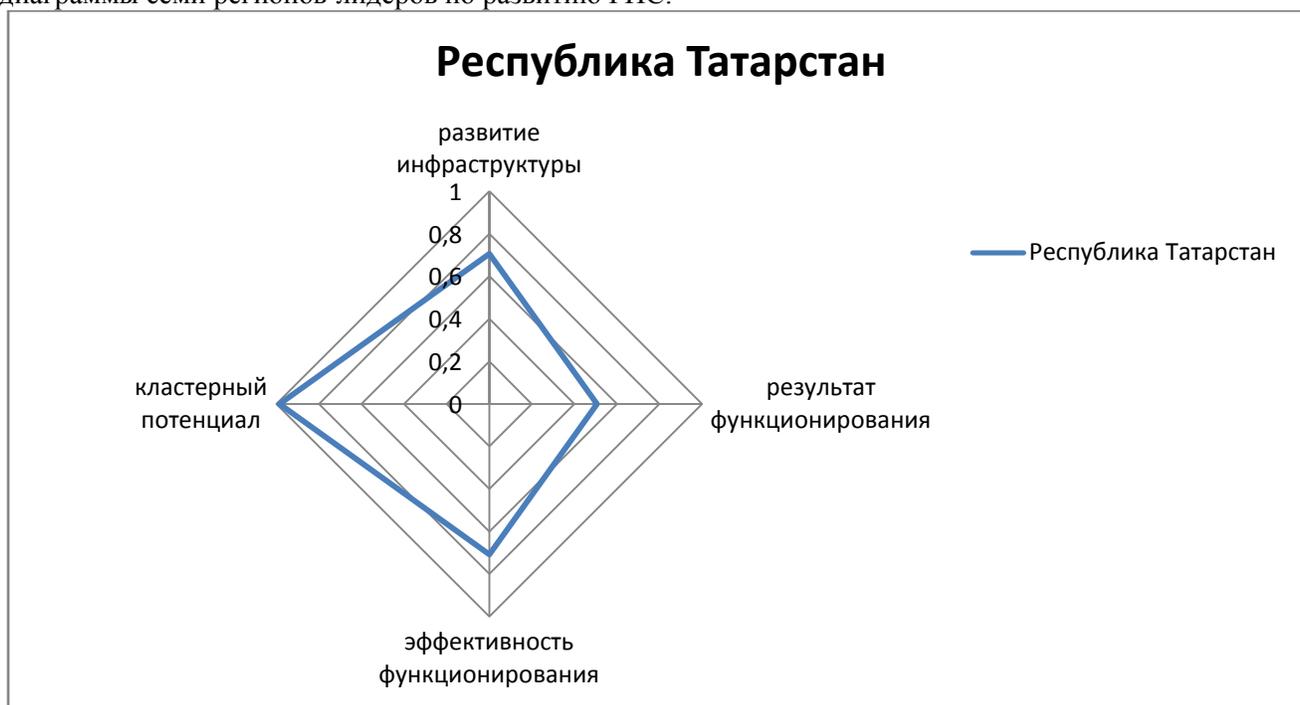

Диаграмма 1. Распределение средних значений индикаторов Республики Татарстан.

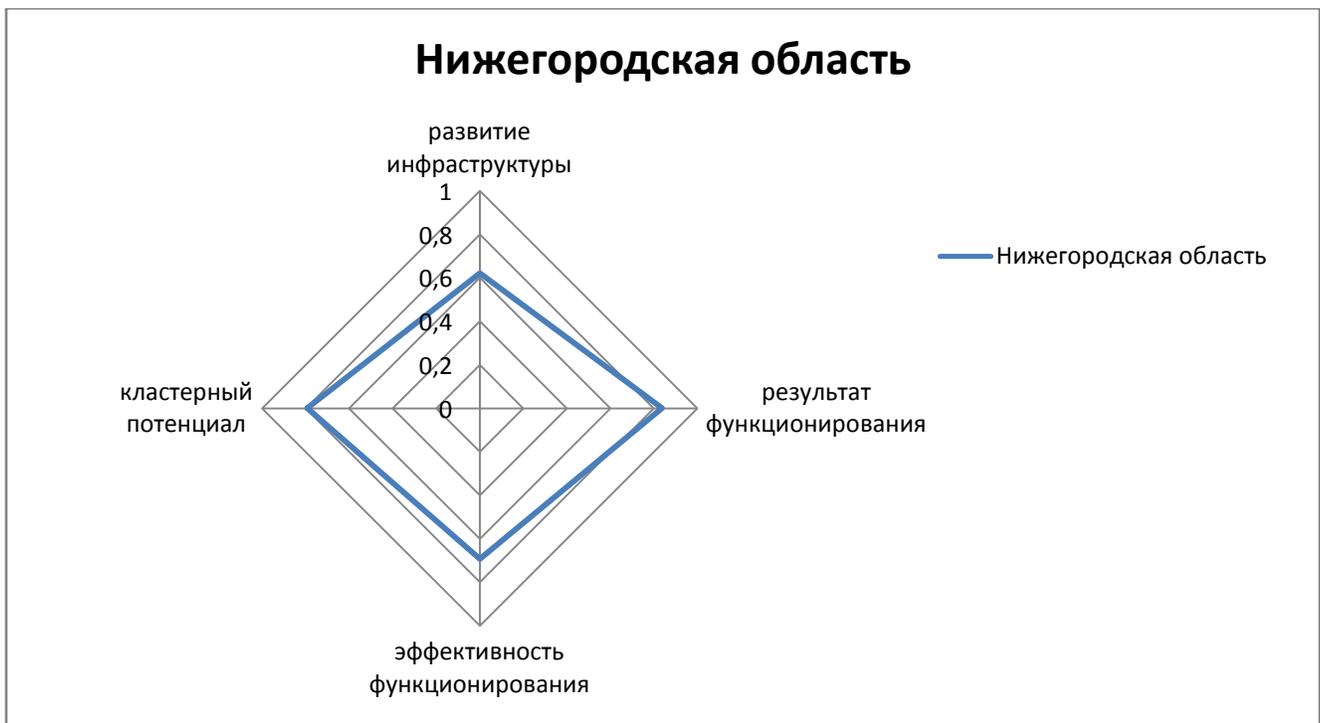

Диаграмма 2. Распределение средних значений индикаторов Нижегородской области.

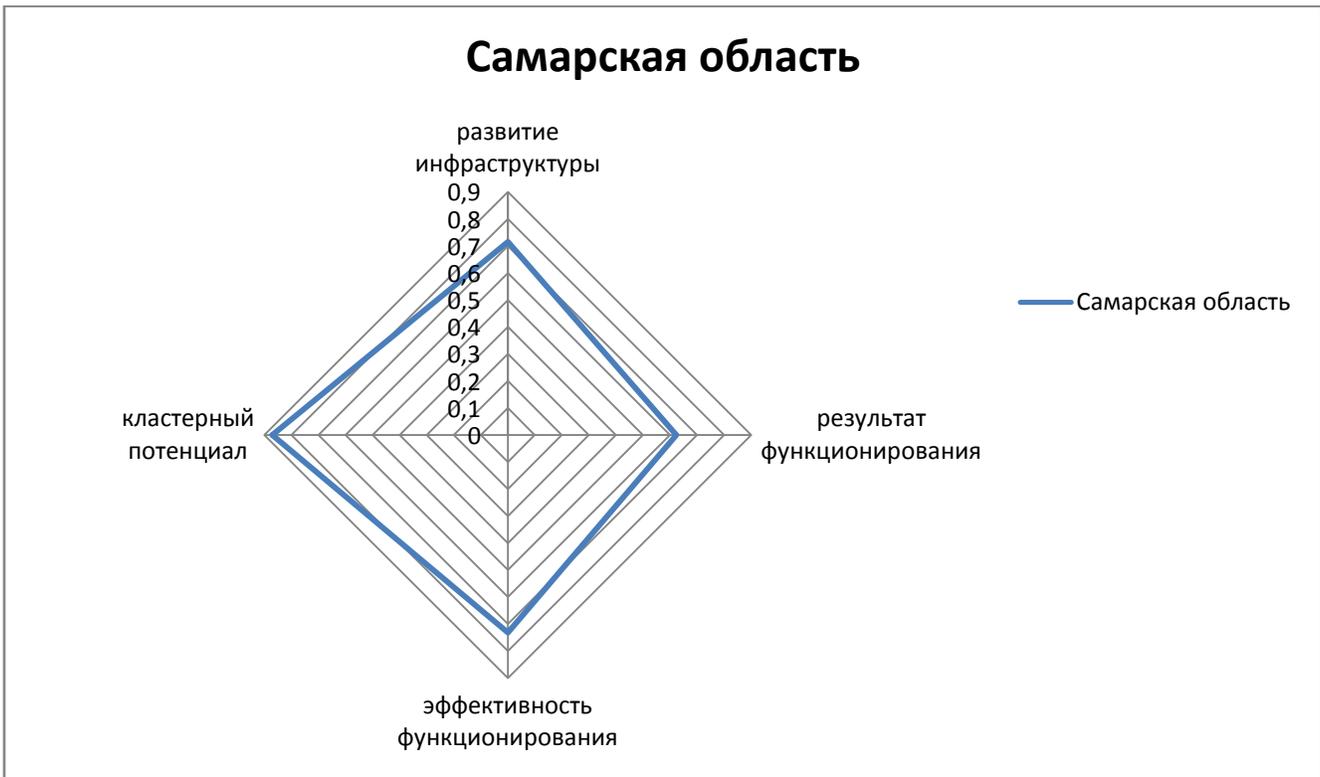

Диаграмма 3. Распределение средних значений индикаторов Самарской области.

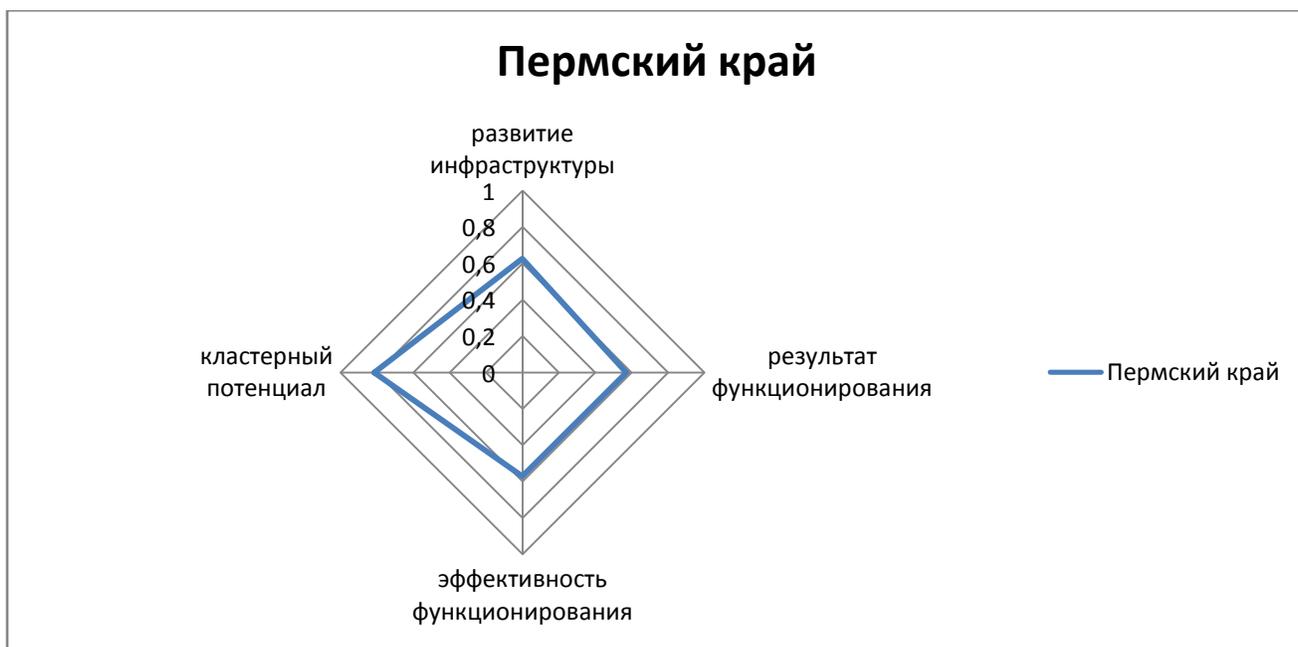

Диаграмма 4. Распределение средних значений индикаторов Пермского края.

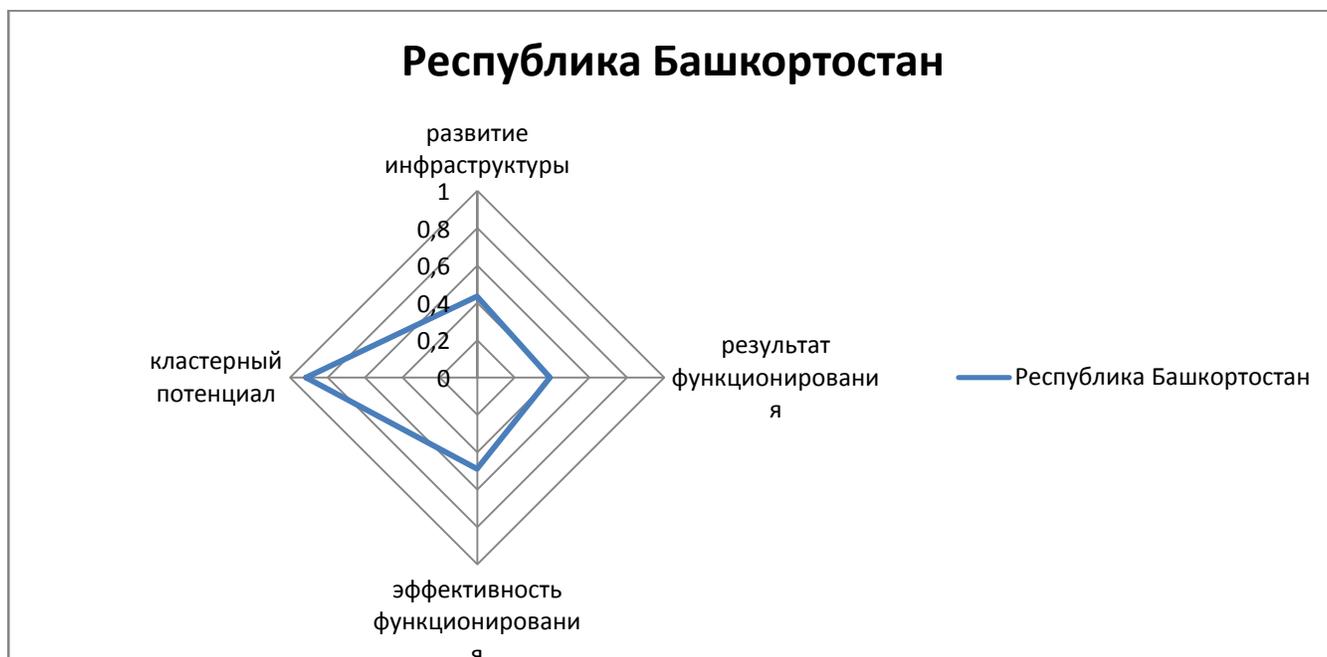

Диаграмма 5. Распределение средних значений индикаторов Республики Башкортостан.

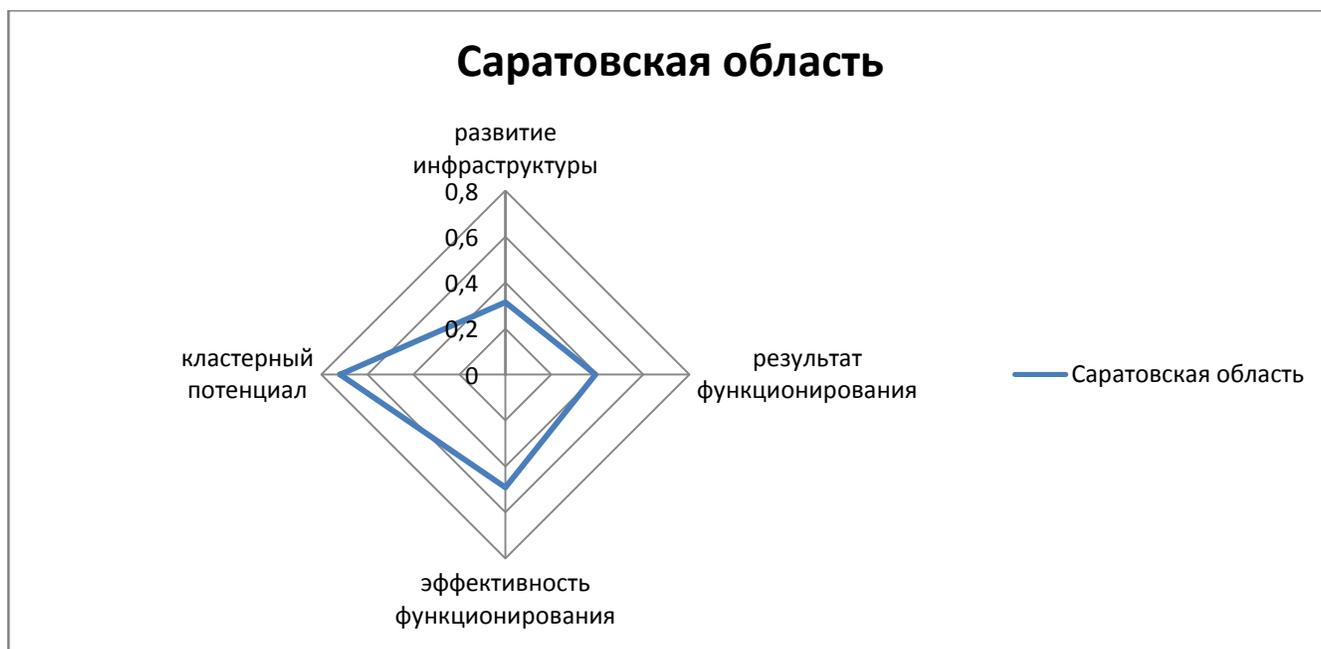

Диаграмма 6. Распределение средних значений индикаторов Саратовской области.

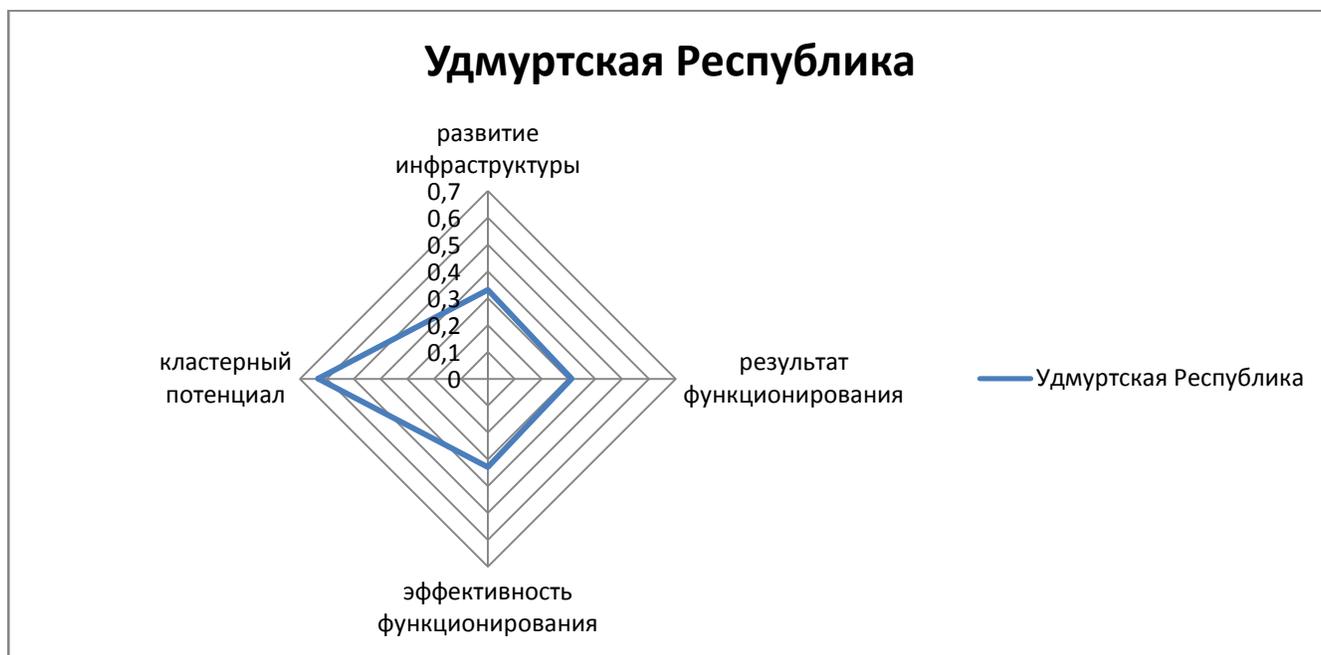

Диаграмма 7. Распределение средних значений индикаторов Удмуртской республики.

На диаграммах наглядно видно, что индикатор кластерного потенциала, за исключением Нижегородской области, оказывает сравнительно большее влияние на региональную инновационную систему, нежели другие индикаторы РИС. Это не означает, что другие индикаторы не важны для развития РИС, но данный факт, безусловно, подтверждает значимость кластерного компонента в региональной инновационной системе и необходимость пристального внимания к развитию кластерного потенциала регионов, а также подтверждает нашу гипотезу о значимости кластерного компонента в РИС.

Исходя из результатов вышеприведенного анализа, считаем важным и значимым включение кластерного компонента в структуру региональной инновационной системы. Кластеры являются неотъемлемым элементом региональной инновационной системы. Формирование целостных

региональных кластеров из отдельных отраслевых компонентов региона, предпринимательских структур и производств разной формы собственности возможно только на основе согласованных действий по системной интеграции региональных ресурсов в рамках региональной инновационной политики.

Список литературы

1. Бунчук М. Национальные инновационные системы: основные понятия и приложения. Киев: Наукова думка, 2003. 180 с.
2. Ганеева Г.А. Формирование региональной инновационной системы. Дисс.... канд-та экон. наук : 08.00.05. Уфа, 2007. 273 с.
3. Коваленко С.А. Методы оценки и управление повышением конкурентоспособности региональной экономики. Дисс. канд-та экон. экономических наук: 08.00.05. С-Пб 2004. 187 с.
4. Миролубова Т.В., Карлина Т.В., Ковалева Т.Ю. Закономерности и факторы формирования и развития региональных кластеров. Монография. Пермь 2013. 283с.
5. The Cluster Initiative Greenbook 2.0. G.Lindqvist, C.Ketels, O.Soelvell. Ivory Tower Publishers, Stockholm. 2013. 55 P.

CLUSTER COMPONENT IN THE REGIONAL INNOVATION SYSTEM

P. Sukhanova,

E-mail: Polina-suh@yandex.ru

Perm State University

The article deals with the current issues of the structure of the regional innovation system (RIS) and methods of its evaluation. The author's issue is about a new structural component of RIS – a cluster component. The proximity of the goals of the regional innovation system and clusters is pointed in the article. The author proposes the structure of the integral index of RIS, that includes 4 sub-indexes, as well as the cluster capability of the region. In this context, the need to include the cluster component in the structure of RIS is proved and the calculated data on Volga Federal District is defined in the article. Results of the analysis show the influence of components to RIS, including the cluster component. The results confirm the assumption about the importance of the cluster component, its impact in the development of the regional innovation system.

Keywords: regional innovation system (RIS), structure of RIS, cluster component, indicators of regional innovation system, objectives of cluster development.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОЦЕНКИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Е.А. Третьякова, докт. экон. наук, проф. кафедры экономики и финансов,

Электронный адрес: e-a-t-pnrgu@ya.ru

М.Ю. Осипова, асп.,

Электронный адрес: osipova.mu@mail.ru

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

Концепция устойчивого развития социально-экономических систем активно разрабатываются мировым сообществом, однако базовые положения данной концепции требуют переноса приоритетов исследования с общемирового на национальный и региональный уровень для обеспечения большей эффективности управления. Одним из важнейших направлений исследования является совершенствование методологии оценки устойчивого развития региона. В статье представлен анализ основных методик оценки устойчивого развития, таких как: методы сопоставления количественных показателей с целевыми ориентирами, методы типологической группировки количественных показателей, коэффициентный метод, методы математического моделирования, ранжирование количественных показателей, методы экспертная оценка, стресс-тестирование.

Однако большинство существующих в настоящее время методов не позволяют оценивать в динамике уровень сбалансированности показателей социальной, экономической и экологической составляющих. Применение метода динамических нормативов к концепции устойчивого развития позволяет рассматривать данные сферы во взаимосвязи и взаимообусловленности в длительном периоде времени. Динамический норматив – это совокупность показателей, упорядоченных по темпам роста так, что поддержание этого порядка на длительном интервале времени обеспечивает наилучший режим функционирования хозяйственной системы. Он отражает эталонный (нормативный, желаемый) режим деятельности исследуемой системы. Любой фактический порядок роста показателей можно сравнить с нормативным, чем меньше отклонение факта от норматива, тем выше эффективность функционирования хозяйственной системы. Преимущество рассматриваемого метода состоит в том, что он позволяет совместно провести оценку, диагностику и анализ эффективности. Сравнение состояний системы осуществляется по набору показателей, свёртка которых производится путём их ранжирования, что позволяет каждому показателю сохранить свою собственную роль, избежать эффекта взаимопогашения «положительных» и «отрицательных» изменений их значений. Сопоставление параметров моделей эталонного (нормативного) и фактического режимов функционирования систем позволяет получить оценку результативности функционирования последнего, выявить имеющиеся у нее резервы развития и «узкие» места функционирования.

Ключевые слова: устойчивое развитие региона, оценка устойчивого развития, методы оценки устойчивого развития региона, динамический норматив.

Базовые положения концепции устойчивого развития требуют переноса приоритетов исследования с общемирового на национальный и региональный уровень для обеспечения большей эффективности управления устойчивым развитием социально-экономических систем. Это требует осуществления концептуального анализа существующих подходов к определению понятия «устойчивое развитие региона» и совершенствование методического инструментария его оценки. Проведенный анализ отечественной и зарубежной научной литературы позволил сформулировать авторское определение: устойчивое развитие региона – это целенаправленный процесс позитивных изменений,

обеспечивающий системную социо-эколого-экономическую сбалансированность и долгосрочную жизнестойкость территории [9, с. 87].

Ведущие международные организации (ООН, Всемирный Банк, Организация стран экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Европейская комиссия, Научный комитет по проблемам окружающей среды (SCOPE) и другие) и отдельные исследовательские коллективы разрабатывают и предлагают различные методологические подходы к оценке устойчивости социально-экономического развития территорий. Однако, несмотря на такое большое количество имеющихся методик, на сегодняшний день еще не выработан общепринятый теоретико-методологический подход к оценке уровня устойчивого социально-экономического развития регионов, кроме того, многие методы разрабатывались в определенных условиях, с конкретными целями, поэтому они имеют ряд ограничений. В связи с этим возникает необходимость создания интегрального показателя, доступного и простого в использовании на основе статистических данных. Использование такого подхода позволит проводить межрегиональные сравнения, выявлять особенности состояния и развития социальной и производственной подсистем региона, конкретизировать проблемы этого развития и использовать для целей региональной политики.

В рамках проведенного исследования были выявлены следующие основные методы оценки устойчивого социально-экономического развития регионов: методы сопоставления количественных показателей с целевыми ориентирами, методы типологической группировки количественных показателей, коэффициентный метод, методы математического моделирования, ранжирование количественных показателей, методы экспертная оценка, стресс-тестирование, вейвлет-анализ. Рассмотрим каждый из них подробнее.

Методы сопоставления количественных показателей с целевыми ориентирами представлены методиками, разработанными Всемирным банком, Министерством регионального развития РФ, Министерством экономического развития РФ [11] и другими. К преимуществам данного метода можно отнести то, что здесь используются наиболее значимые показатели и определяется степень отклонения достигнутого уровня развития региона от потенциального в динамике. У данного метода имеется ряд недостатков: субъективность оценки рисков из-за применения экспертно-балльной системы и проведение недостаточно полного исследования из-за ограниченного числа показателей.

Методы типологической группировки количественных показателей представлены методиками расчета различных типологий регионов по главным проблемам их развития, индексом устойчивости окружающей среды (Environmental sustainability index) Йельского и Колумбийского университетов, методикой программы TACIS «Экономические реформы в России: региональный аспект» [2], методиками построения типологических группировок подсистем на основе интегральных показателей социально-экономического благополучия территорий (например, методика Е.Д. Игнатьева, О.С. Мариев [3]), методикой анализа межрегиональных связей и территориальной структуры экономики и т.д. Основными преимуществами данных методик можно отнести то, что снижение объема данных для исследования приводит к отсеиванию менее значимых показателей, кроме того, методики предусматривают построение корреляционно-регрессионных моделей связи, что позволяет прогнозировать будущее состояние объекта. Однако, большое количество исходных показателей, обуславливает громоздкость группировок и классификаций, что усложняет процедуру расчетов и анализа. Кроме того, отсутствуют четко сформулированные критерии отбора репрезентативной совокупности исходных факторных характеристик регионального развития, иерархия используемых показателей в системе интегральной оценки так же вызывает массу сомнений.

Коэффициентный метод представлен методиками расчета индекса устойчивого экономического благосостояния (Index of sustainable economic welfare), разработанный Дж. Кобб, Г. Дэли, методикой оценки прироста инвестиций через величину капитального коэффициента (коэффициента капиталоемкости) Р. Харрода и другими. Данные методики предполагают ранжирование регионов по стране и проведение их сравнительного анализа без дополнительных расчетов, что ведет к тому, что не учитываются влияние и значимость многих факторов.

Достаточно часто для оценки устойчивого развития региона используются методы математического моделирования. Киселева Н.Н. [4, с.30] предлагает для этих целей использовать инструментарий векторной алгебры с заданной функцией и проводить оценку положения регионов относительно среднего значения по различным группам показателей. Однако, применение методики

сопряжено с возможностью выбора неподходящей функции анализа, так же не учитывается значимость показателей социально-экономического развития региона. Ранговый подход расчета интегрального показателя устойчивого социально-экономического развития, предложенный, например Ю.И. Смоляковым, И.А. Медведевым [12, с. 36], К.В. Коптевой [5, с. 20], Л.И. Ушвицким, Н.К. Васильевой [17], а так же методика построения системы индикаторов, отражающих отдельные аспекты устойчивого развития (экономический, социальный, экологический), предложенная Н.П. Тарасовой, Е.Б. Кручининой Е.Б. [14], предполагают исчислять показатели устойчивого развития по весовой доле их значимости, аддитивным или комплексным способом, таким образом определять рейтинг региона. Однако большое количество показателей требует длительных и трудоёмких расчетов, весовые коэффициенты выставляются экспертным путем, что вносит в методику большую долю субъективизма.

Так же популярным методом среди исследователей является ранжирование количественных показателей. Например, М. Мазунина, Е. Скрыбина [8, с. 25] оценивают динамику величины национального капитала, включающего физический, природный и человеческий капиталы в сравнении с базовым периодом и ранжируют регионы согласно темпам роста данного показателя. К недостаткам методики следует отнести тот факт, что потенциал региона зависит от количества оцениваемых регионов и поэтому итоговая оценка потенциала возможна лишь гипотетически. Методика оценки социально-экономического и финансового положения регионов России, предложенная рейтинговым агентством «Эксперт РА» [10], направлена только на сравнение преимуществ и недостатков инвестиционного климата регионов по двум характеристикам: инвестиционный потенциал и инвестиционный риск, что так же сужает возможности её применения.

Метод экспертной оценки реализованный, например, в работах О.С. Кушнарева и Мигунова Ю.Г. [7, с. 48] предполагает определение пороговых и нормативных значений устойчивости социально-экономических систем на основе использования экспертных оценок для получения весовых коэффициентов и распределение значений по трем сферам. Данный метод легок для понимания и не требует подробного описания, тем не менее, он сопровождается высоким уровнем субъективных оценок, трудно определить уровень тех или иных показателей, поэтому необходимо подробное изучение положения региона.

Метод стресс-тестирования, представленный методикой И.Р. Кормановской и Н.Н. Ренкас [6, с. 24-25] предполагает экспресс-оценку устойчивости региона на основе мониторинга по семи блокам путем расчета целевых ориентиров показателей по основным сферам жизнедеятельности, интегральных показателей и обобщающего показателя устойчивости региона. Метод позволяет стандартизировать и оптимизировать условия и результаты исследования, таким образом, оценить устойчивое развитие региона можно достаточно оперативно с помощью использования программных средств и с минимальными затратами. Однако, применение данного метода повышает вероятность автоматических ошибок, утрачивается индивидуальный подход.

Подход, предложенный Ф.Ф. Хамидуллиным и М.Э. Мифтаховой, основан на использовании методов вейвлет-анализа при оценке устойчивости региональной системы, состояние которой характеризуется набором социально-экономических индикаторов [18, с. 196-198]. Анализ включает исследование структуры колебаний значений данных индикаторов с определением значимости каждого масштаба в общей структуре и выявлении особенностей развития системы на различных масштабах. На основании вейвлет-анализа исследуются типы динамики колебаний, однако данный метод сопровождается достаточно сложной процедурой расчета.

Проведенный анализ позволил выявить ряд методологических проблем, требующих решения:

- отсутствуют однозначные критерии отбора репрезентативной совокупности показателей, т.к. большинство ученых, исходя из целей своего исследования, проводят отбор исходных характеристик социально-экономического развития региона, опираясь на собственное субъективное мнение;

- достаточно часто вызывает сомнение обоснованность иерархии показателей системы оценки, в каждой авторской методике предложен своеобразный подход и индивидуальная система подчинённости признаков;

- расчет интегрального показателя устойчивого развития региона так же имеет сильную индивидуальную окраску, что требует тщательного анализа накопленной практики и отбора наиболее точного метода интегрирования отдельных оценок социально-экономического развития.

Выявленные проблемы позволили сформулировать следующие принципы предлагаемой модели, которым она должна соответствовать: принцип комплексности; принцип действующей и развивающейся социально-экономической системы; система индикаторов должна соответствовать управляющему воздействию; система индикаторов должна быть достаточно (но не избыточно) информативной, реально и полно отражать состояние системы; общность методики оценки устойчивого развития социально-экономических систем одного уровня; принцип методической простоты; принцип сбалансированности индикаторов в динамике. Более подробно данные принципы описаны в работах Е.А. Третьяковой [1, 15,16,19].

Систематизация и анализ существующих в современной науке и практике методик позволили сформулировать авторский подход, основанный на применении метода динамических нормативов. Рассмотренный выше ряд принципов и свойств определяет отличительные характеристики предлагаемой системы показателей, которые заключаются в необходимости придания динамического представления и упорядоченности всей совокупности индикаторов, а также в разработке комплекса динамических нормативов, позволяющих оценить степень соответствия фактических показателей критерию сбалансированности социальной, экономической и экологической компонент. Благодаря реализации принципов динамической сопоставимости и динамической соподчиненности, рассматривая некоторую целостную социально-экономическую систему, можно сопоставлять результаты (показатели) устойчивого развития с аналогичными данными за предыдущие годы для выявления тенденций усиления или ослабления сбалансированности, а также с результатами аналогичных социально-экономических систем в сопоставимые периоды времени для определения ранговой (рейтинговой) позиции исследуемой системы.

Принципы динамической сопоставимости и динамической соподчиненности показателей были предложены И.М. Сыроежиным [13] с целью совершенствования системы показателей эффективности и качества, позднее метод был использован А.С. Тонких, И.В. Жмаевой, Г.И. Ханалиева, Е.А. Третьяковой и другими на различных объектах и уровнях анализа. Однако, данный подход можно развивать и далее, использовать его не только на локальном уровне, опираясь на данные финансовой отчетности компаний, но и на национальном и региональном уровнях, используя данные официальной статистики.

Динамический норматив представляет собой совокупность показателей, упорядоченных по темпам роста так, что поддержание этого порядка на длительном интервале времени обеспечивает наилучший режим функционирования хозяйственной системы. Сопоставление параметров моделей эталонного (нормативного) и фактического режимов функционирования систем позволяет получить оценку результативности функционирования последнего, выявить имеющиеся у нее резервы развития и «узкие» места функционирования. В данном случае имеет место переход от задачи точного (полностью информативного) измерения явления (устойчивого развития социально-экономической системы) по всему спектру параметров к задаче агрегатного измерения при сохранении конкретного определения качественного содержания самого измеряемого явления.

Алгоритм применения метода предусматривает:

- формирование динамической модели эталонного режима деятельности;
- выявление реально существующего режима деятельности и построение его динамической модели;
- сравнение этих двух режимов, оценка их близости, которая фактически рассматривается как уровень результативности;
- анализ и интерпретацию полученных результатов для обоснования управленческих решений на будущий период с целью сближения эталонного и фактического режимов функционирования системы.

Практическое использование предлагаемого метода и разработанной на его основе методики оценки устойчивого развития социально-экономических систем позволяет:

- сопоставлять полученные результаты с аналогичными данными за предыдущие годы для выявления тенденций усиления или ослабления сбалансированности социальной, экономической и экологической составляющих устойчивого развития социально-экономической системы;
- проводить сравнение с результатами аналогичных социально-экономических систем в сопоставимые периоды времени для определения ранговой (рейтинговой) позиции исследуемой системы;

- повысить уровень научного обоснования программ устойчивого развития социально-экономических систем в процессе их разработки;
- проводить оценку качества уже разработанных программ устойчивого развития с точки зрения соответствия предлагаемых мер фактическому состоянию, реальным потребностям системы и существующим стартовым условиям режима её функционирования.

Метод может быть использован на глобальном, национальном, региональном, муниципальном, отраслевом и локальном уровнях. Его использование ориентирует лиц, принимающих решения, на конечный результат, который соответствует наивысшему уровню согласования социальных, экологических и экономических целей и интересов внутри рассматриваемой социально-экономической системы. Таким образом, динамические нормативы представляют собой научное отображение реализуемых в региональной экономике связей. Контролируя динамику экономических показателей, можно не только определить направление устойчивого развития региональной системы, но и управлять этим развитием.

Список литературы

1. Алферова, Т.В. Устойчивое развитие социально-экономических систем: теоретические аспекты/ Т. В. Алферова, Е. А. Третьякова. – Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2013. 168 с.
2. Анализ тенденций развития регионов России в 1992-1995 гг. // Вопросы экономики. 1996. № 6. С. 42-77.
3. Игнатьева Е.Д., Мариев О.С. Методологические основы анализа устойчивости развития региональных социально-экономических систем // Вестник УГТУ-УПИ. 2008. № 5. С. 15-21.
4. Киселева Н.Н. Методический инструментарий диагностики устойчивости развития социально-экономической системы региона // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.Г. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. 2007. № 9(47). С. 29-33.
5. Коптева К.В. Оценка устойчивости социально-экономического развития Курской области // Региональная экономика: теория и практика. 2008. № 4. С. 19-21.
6. Кормановская И.Р., Ренкас Н.Н. Оценка эффективности управления устойчивым развитием региона // Вестник Новгородского государственного университета. 2006. № 37. С. 25-30.
7. Кушнарёва О.С., Мигунов Ю.Г. Экономические проблемы регионов и отраслевых комплексов. // Проблемы современной экономики. 2006. № 3 (23). С. 45-51.
8. Мазунина М., Скрябина Е. Теоретические и методологические основы оценки устойчивого развития // Предпринимательство, 2009. №5. С. 23-26.
9. Осипова М.Ю. Теория и методология исследования устойчивого развития социально-экономических систем. // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2014. № 4 (25). С. 81- 88.
10. Официальный сайт Рейтингового агентства «Эксперт РА». URL: <http://raexpert.ru/ratings/regions/2013/method> (дата обращения 25.12.2014).
11. Приказ Минрегиона РФ от 27.05.2008 № 64 «Об утверждении методики отбора Субъектов РФ, вопросы социально-экономического развития которых предполагается рассматривать на заседаниях Правительства РФ». URL <http://base.consultant.ru/cons/cgi>. (дата обращения : 01.02.2015).
12. Смоляков Ю.И., Медведева И.А. Система индикаторов устойчивого развития социальной инфраструктуры региона // Транспортное дело России. 2008. №6. С. 33-37.
13. Сыроежин И.М. Совершенствование системы показателей эффективности и качества. М.: Экономика, 1980. 192 с.
14. Тарасова, Н.П., Кручинина Е.Б. Индексы и индикаторы устойчивого развития. // Сборник «Материалы международной конференции «Устойчивое развитие: природа – общество - человек». Т. 1. М.: 2006. 420 с.
15. Третьякова Е.А. Россия и Беларусь: динамический взгляд на устойчивое развитие // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика» = Perm University Herald. Economy. 2014. № 3(22). С. 29-41.
16. Третьякова Е.А. Теоретическое обоснование формирования динамической системы показателей для оценки устойчивого развития социально-экономических систем. // Труды VI Всероссийского симпозиума по экономической теории. Т.2. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2014. С. 36-37.
17. Ушвицкий Л.И., Васильева Н.К., Ушвицкий М.Л. Социально-экономическая устойчивость региона: состояние и проблемы развития // Региональная экономика: теория и практика. 2005. № 8. С.29-33.
18. Хамидуллин Ф.Ф., Мифтахова М.Э. Оценка устойчивости региональной социально-экономической системы на основе вейвлет-анализа // Научный Татарстан. 2010. № 1. С. 195-201.
19. Tretyakova E.A. Evolution of Research and Evaluation Methodology of Sustainable Development of Social and Economic Systems // World Applied Sciences Journal, 2013. № 25 (5). P.756-759.

METHODICAL BASES OF THE ASSESSMENT OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF REGIONAL SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS

E. Tretyakova,

E-mail: e-a-t-pnrpu@ya.ru

M. Osipova,

E-mail: osipova.mu@mail.ru

Perm National Research Polytechnic University

The concept of a sustainable development of socio-economic systems are actively developed by the world community, however basic provisions of this concept demand transfer of priorities of research with universal on national and regional level for ensuring bigger management efficiency. One of the most important directions of research is improvement of methodology of an assessment of a sustainable development of the region. The analysis of the main techniques is presented in article estimate a sustainable development, such as: methods of comparison of quantitative indices to target reference points, methods of typological group of quantitative indices, coefficient method, methods of mathematical modeling, ranging of quantitative indices, methods expert assessment, stress-testing.

However the majority of the methods existing now don't allow to estimate the level of balance of indicators of social, economic and ecological components in dynamics. Application of a method of dynamic standards to the concept of a sustainable development allows to consider these spheres in interrelation and interconditionality in the long period of time. The dynamic standard is a set of the indicators ordered on growth rates so that maintenance of this order on a long interval of time provides the best mode of functioning of economic system. It reflects reference (standard, desirable) the mode of activity of the studied system. Any actual order of growth of indicators can be compared with standard, the fact deviation from the standard is less, the efficiency of functioning of economic system is higher. Advantage of the considered method consists that it allows to carry out in common an assessment, diagnostics and the analysis of efficiency. Comparison of conditions of system is carried out on a set of indicators which convolution is made by their ranging that allows each indicator to keep an own role, to avoid effect of mutually repayment of "positive" and "negative" changes of their values. Comparison of parameters of models of the reference (standard) and actual modes of functioning of systems allows to receive an assessment of productivity of functioning of the last, to reveal the reserves of development and "narrow" places of functioning which are available for it.

Keywords: sustainable development of the region, assessment of a sustainable development, methods of an assessment of a sustainable development of the region, dynamic standard.

Научное издание

**НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И УМНАЯ ЭКОНОМИКА:
ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ**

Материалы Пермского конгресса ученых-экономистов

Том 1

Издается в авторской редакции
Компьютерная верстка *А.Д. Шарафеевой*

Подписано в печать 18.02.2015. Формат 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 26,62. Тираж 50 экз. Заказ .

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного национального исследовательского университета
614990. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография
Пермского государственного национального исследовательского университета
614990. Пермь, ул. Букирева, 15